

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ и НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Дебрэнн Мишель

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
ДЕВИАТОЛОГИИ

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук
профессор
О. Н. Алешина

Новосибирск
2006

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ДЕВИАТОЛОГИЯ: КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ.....	16
1.1. Когнитивный аспект межъязыковой девиатологии	20
1.1.1. Межъязычие и билингвальное сознание	20
1.1.2. Металингвистические представления носителей межъязычия	28
1.1.3. Понятия межъязыковой девиации и межъязыкового девиата	35
1.2. Социолингвистический аспект межъязыковой девиатологии	39
1.2.1. Межъязычие как индивидуальное следствие реализации языковых контактов на макроуровне	39
1.2.2. Межъязычие как следствие языкового микроконтактирования	45
1.3. Психолингвистический аспект межъязыковой девиатологии	58
1.3.1. Психолингвистическая интерпретация билингвальной ситуации	58
1.3.2. Понятие о девиации в когнитивной психологии	66
1.3.3. Психолингвистическая интерференция	67
1.4. Лингводидактический аспект межъязыковой девиатологии	77
1.4.1. Лингводидактическая интерпретация девиаций	81
1.4.2. Связь девиантности межъязычия и методики преподавания	91
1.4.3. Критерии описания межъязыкового девиантного материала и построения лингводидактических типологий девиатов	93
1.5. Выводы	99
ГЛАВА 2. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ	102
2.1. Лексико-грамматическая девиация, или смешение частей речи	102
2.1.1. Смешение наречий и прилагательных	102
2.1.2. Смешение существительных и прилагательных	103
2.1.3. Смешение глаголов и существительных	104
2.2. Структурно-семантическая девиация в окказиональном словообразовании и ее результаты	104
2.2.1. Типы девиантных окказионализмов в разных частях речи	106
2.2.2. Типы девиантных окказионализмов по способам словообразования	106
2.2.3. Лексические кальки	109
2.2.4. Девиантные лексические вкрапления	112
2.3. Лексико-семантическая девиация и ее результаты	113
2.3.1. Отношения между лексическими системами двух языков	113
2.3.2. Лексические девиации межъязычия	121
2.4. Лексико-стилистическая девиация и ее результаты	135
2.4.1. Девиантное «завышение» стиля	135
2.4.2. Девиантное «снижение» стиля	135
2.4.3. Проявления тавтологии	136
2.5. Выводы	136
ГЛАВА 3. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	138
3.1. Орфографическая девиация и ее результаты	139
3.1.1. Определение статуса орфографического девиата	142
3.1.2. Результаты систематизации межъязыковых орфографических девиаций	149
3.1.3. Причины орфографических девиаций	176
3.2. Грамматическая орфографическая девиация и ее результаты	179
3.2.1. Девиантное смешение орфографических показателей мужского и женского рода	179
3.2.2. Девиантное употребление показателей множественного числа	180
3.2.3. Девиантное употребление глагольных форм	184
3.2.4. Девиантное употребление артиклей	187
3.3. Формальная девиация в кругу нецельнооформленных единиц	187
3.3.1. Девиации в образовании сложных глагольных времен	188
3.3.2. Девиации в образовании других аналитических форм	191
3.3.3. Девиации в воспроизведении устойчивых выражений	193
3.4. Выводы	196

ГЛАВА 4. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	197
4.1. Основы типологии функциональных девиаций межъязычия	197
4.2. Девиации в выражении грамматических значений.....	199
4.2.1. Девиантное выражение родовых значений	199
4.2.2. Девиантное выражение категории числа.....	209
4.2.3. Девиантное выражение градуированного качественного признака	221
4.2.4. Девиантное выражение определенности, количества и партитивности.....	224
4.2.5. Девиантное выражение залоговых, темпоральных и модальных отношений	261
4.2.6. Девиантное выражение транзитивности и интранзитивности	280
4.3. ДЕВИАНТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	313
4.3.1. Девиантное выражение анафорических отношений	313
4.3.2. Девиантные отрицательные конструкции.....	320
4.3.3. Девиантное выражение вопроса.....	324
4.3.4. Девиации в области порядка слов и пунктуации	325
4.4 Выводы	332
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	336
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	341
ПРИЛОЖЕНИЕ: ТИПОЛОГИЯ ДЕВИАЦИЙ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ РУССКИХ РЕСПОНДЕНТОВ	368

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена выявлению системного характера девиаций межъязычия как «третьей системы», возникающей у субординативных билингов под влиянием первичной языковой системы (в исследуемом случае русской) и изучаемой вторичной языковой системы (французской).

Актуальность темы. Существование так называемого «учебного двуязычия» неоднократно привлекало внимание исследователей, и вопрос о том, влияет ли родной язык на появление системных отклонений в изучаемом иностранном, дискутируется давно. Такое влияние представляется естественным, однако оно нередко реализуется не так, как ожидается, и предсказанные на основе анализа словарей и грамматик девиации не всегда проявляются в речи обучаемых, что побуждает некоторых исследователей, главным образом последователей Р. Ладо [Lado 1957], к отрицанию этого влияния. Огромное количество когнитивных, психолингвистических, социолингвистических, лингводидактических исследований, ориентированных на раскрытие различных аспектов такой предметной области, как системные девиации межъязычия (возникающие вследствие интегрирования, интерферирования первичных и вторичных языковых систем), имеют, как правило, частный характер. Изучение становления вторичной языковой личности, формирования систем когнитивных тактик и новых когнитивных структур, не присущих первичному языковому сознанию индивида, не возможно без исследования объемного эмпирического девиантного материала – ошибочных высказываний и их компонентов (девиатов), возникающих в ходе овладения иностранным языком у большинства респондентов, и без реконструкции на основе девиатов системы девиаций межъязычия, характерной для сознания субординативных билингов. Отсутствие лингвистических исследований подобного рода и явная необходимость их проведения обуславливает общую **актуальность** выбранной темы. Частная актуальность исследования связана с тем, что обобщающих работ, посвященных выявлению всей системы девиаций, формируемой в межъязычии русских респондентов, овладевающих французским языком, нет, и хотя за последние двадцать лет в России было защищено около двадцати диссертаций, посвященных русско-

французским частным категориальным соответствиям (среди них одна докторская)¹, все эти работы касаются отдельных аспектов сопоставления французского и русского языков и не содержат ответа на вопрос о том, какие девиантные «участки» возникают при формировании русско-французского билингвального сознания.

Объектом диссертационного исследования стали девиаты – вербализованные компоненты всех уровней межъязычия с нарушениями парадигматического и синтагматического плана. Девиантные высказывания респондентов фиксировались нами в электронных таблицах и впоследствии обрабатывались и систематизировались. **Предметом** исследования стала реконструкция системы девиаций межъязычия, формируемого при овладении вторичной (французской) языковой системой, и выявление условий их возникновения.

Основная исследовательская **цель** заключается в том, чтобы выявить, имеют ли девиации в целом подвижного и нестабильного межъязычия («третьей системы», образуемой под влиянием первичной русской и вторичной французской языковых систем) системный характер и, если имеют, то каковы дистрибуция и взаимосвязь девиантных фактов внутри этой системы.

Первый комплекс **задач**, решение которых необходимо для достижения намеченной цели, относится к определению теоретических рамок исследования – *межъязыковой девиатологии* как особой междисциплинарной предметной области, возникающей на пересечении предметных интересов когнитивистики, психолингвистики, социолингвистики и лингводидактики при изучении девиантных фактов: 1) появляющихся в сознании индивидов, 2) вербализуемых в их речи, 3) имеющих особый социально значимый коммуникативный статус в различных коммуникативных ситуациях и 4) подвергающихся коррекции и самокоррекции в определенных социальных условиях. К задачам первого комплекса относятся:

1. Разработка категориально-терминологического аппарата межъязыковой девиатологии, позволяющего описать когнитивные и речевые девиантные факты, а

¹ См. работы таких авторов, как: Е. А. Алексеева, В. В. Алимов, Н. В. Берницкая, Э. А. Бурова, Н. А. Долгова, Г. В. Долотова, И. Н. Идзинская, Б. З. Лобачев, С. Г. Макарова, Л.-Р. Малонга-Евума, Г. В. Овчинникова, Р. Р. Рожков, М. Н. Садовникова, В. Ф. Сухопар, Э. Х. Хабибуллина, М. Хадону, Т. И. Шеловских.

также систематизация исследовательских подходов и уже имеющихся научных данных, повлиявших на формирование данной предметной области.

2. Определение, к какому конкретному типу *языковых контактов* относится ситуация формирования межъязычия при овладении вторичной языковой системой в условиях относительной изоляции от природных носителей изучаемого языка, а также уточнение возможности отнесения данного типа языкового контакта к билингвальным (при возможном существовании *полилингвальных, плюрилингвальных и колингвальных*) в условиях экзо- и *эндолингвального* общения.

3. Рассмотрение соотношения понятий «норма – система», возникающего при овладении вторичной языковой системой.

4. Уточнение статуса межъязычия как совокупности микросистем знаний и навыков представлений о вторичной языковой системе, интерферируемых с языковыми механизмами первичной системы, а также выяснение, к какому типу интерферирования относятся межъязыковые девиантные факты.

Второй комплекс задач относится к систематизации исследовательского эмпирического материала.

5. Сбор девиантного материала и, на основе систематизации конкретных речевых девиатов русскоговорящих респондентов, построение типологии парадигматических и синтагматических девиаций их межъязычия.

6. Интерпретация полученных результатов с учетом имеющихся сведений о процессе формирования русско-французского межъязычия, а также с учетом данных, полученных в ходе психолингвистических экспериментов и их комментирования самими носителями языка.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые:

1. На широком исследовательском материале, прошедшем компьютерную обработку¹, представлено полное системное и детальное описание всех девиаций

¹ Весь исследовательский материал был обработан и введен в систему электронных таблиц Microsoft Office Excel 2003. Каждое высказывание, содержащее девиаты, получило следующие характеристики, отраженные в столбцах таблицы: 1) «условное обозначение задания», что необходимо для проверки наличия того или иного слова в исходном тексте; 2) «номер кандидата», позволяющий в совокупности с (1) определить эволюцию межъязычия конкретного респондента, а также уточнить количество респондентов, допустивших данный тип девиации; 3) «тип задания» – вид речевого жанра высказывания; 4) «номер ошибки», определявшийся следующим образом: для начала из небольшого массива примеров (около 600), собранных из письменных текстов рес-

межъязычия, возникающих при овладении русскоговорящими вторичной французской языковой системой, с учетом всего репертуара примененных когнитивных тактик. На основе частотности девиатов выявлена актуальность парадигматических и синтагматических девиаций в межъязычии.

2. Обобщены и введены в российский научный оборот частные результаты когнитивных, психолингвистических, социолингвистических и лингводидактических исследований билингвизма, межъязычия и девиантных фактов многими зарубежными учеными, в том числе немецкими, швейцарскими и французскими (Г. Никкелем, А. Коианизом, Ж.-К. Беакко, А. Лами, Ф. Дебизером, А. Фреем, Б. Пи, Р. Поркье и многими др.).

3. В понятийный аппарат российской теории языковых контактов введены и / или уточнены следующие термины – *девиация, девиантность, девиантный вариант межъязычия, слабое и сильное межъязычие, макро- и микроконтакт, эндо- и экзолингвальное общение, субординативный билингвизм, межъязычие, интерференция, недодифференциация, сверхдифференциация, переразложение, плеосегментация, миосегментация, интеркатенация, репласасия, фацилитация, фоссилизация, прецизионные ошибки, барбаризмы, пенидентемы, парадигматические и синтагматические девиаты, формальные и функциональные девиаты*. Установлено авторство терминов *смешанный / чистый билингвизм*.

4. Девиация рассмотрена в диссертации как особый когнитивный механизм, возникающий вследствие несовпадения структурно-системных участков первичной и вторичной языковых систем, а также вследствие индивидуальных функциональных особенностей компонентов этих систем.

5. Исследование девиантных фактов проведено не дедуктивно, а строится на конкретном объемном эмпирическом материале, впервые привлеченном для научного

пондентов, был выявлен и составлен подробный репертуар всех встреченных девиатов. Таких типов было обнаружено 140, и они были классифицированы по категориальным и функциональным основаниям. Каждый тип девиатов получил свой номер. Этими номерами и были помечены все примеры из корпуса DALF. В ряде случаев девиат может получать разные интерпретации. Для анализа подобных примеров была предусмотрена дополнительная графа в таблице, куда заносился код альтернативной интерпретации; 5) комментариев. Электронные таблицы могут быть использованы в дальнейших исследованиях, и с ними можно ознакомиться на кафедре общего и русского языкознания Новосибирского госуниверситета.

исследования, – на экзаменационных работах по DALF ¹, результаты анализа которых сопоставлены с результатами анализа девиантных фактов во французской речи носителя русско-французского аристократического билингвизма.

6. Разработаны психолингвистические целевые тесты для выявления и уточнения причин возникновения тех или иных девиаций, а также с целью экспликации наивной метаязыковой информации об изучаемой вторичной языковой системе, имплицитно присутствующей в сознании респондентов.

Основная **исследовательская база** данной работы включает более 7000 девиантных примеров, собранных методом сплошной выборки из экзаменационных работ DALF (1999-2004 гг.) 362 респондентов. Этот базовый исследовательский материал характеризуется рядом преимуществ и недостатков. Главная его положительная сторона – большой объем и гомогенность. Отобранные по результатам входного тестирования (Test d'Accès) респонденты представляли примерно одинаковый уровень владения французским языком (около 1000 аудиторных и внеаудиторных часов изучения языка). Преимуществом являлось и то, что, зная исходный текст задания, исследователь может довольно легко восстановить замысел респондента, даже в тех случаях, когда в экзаменационных ответах содержатся девиаты, препятствующие пониманию ². К недостаткам можно отнести то, что у экзаменуемых перед глазами имелась «опора» в виде исходных французских текстов. Однако последний недостаток компенсировался условием выполнения сокращенного пересказа – написания текста своими словами с использованием нескольких ключевых слов и понятий. «Слабым местом» собранного корпуса стало отсутствие повествовательных, новеллистических текстов в экзаменационных образцах, а потому в ответах респондентов не могли проявиться, например, все глагольные девиации. Именно поэтому определенную исследовательскую ценность представлял второй собранный корпус ошибок (около 3000) из девятнадцати новелл на тему «Приключения француза в Сибири», присланных на конкурс Альянс Франсез в марте 2003 г.: в них респонденты использовали разнообразные глагольные формы, хотя к

¹ Diplôme Approfondi de Langue Française 'диплом об углубленном знании французского языка'. Экзамен предназначен для студентов продвинутого уровня обучения.

² Тем не менее, в нашем корпусе имеются высказывания, смысл которых восстановлению не подлежит, например: **constitue en rôle du premier dans l'instruction*; **le livre ne nous subit pas*; **passant à travers le l'invention de la radio*; и др.

недостаткам второго корпуса можно отнести отсутствие гомогенности: по условиям конкурса, время на написание текстов не было ограничено, при их создании можно было пользоваться словарями и грамматическими справочниками (в том числе и автоматической компьютерной проверкой, хотя, судя по полученным текстам, к ней не прибегали), и уровень владения языком конкурсантов не специфицировался. Часть новелл была представлена в электронном виде, что, с одной стороны, облегчало количественные подсчеты, а с другой – усложнило интерпретацию девиантного материала, осложненного явными и неявными опечатками.

Также были составлены психолингвистические целевые тесты для выявления причин возникновения девиантного выбора рода существительного, артикля или предлога. Помимо самих ответов (заполненных анкет), были обработаны и устные (записанные на диктофоне) метаязыковые комментарии около 30 респондентов о причинах, побудивших их выбрать ту или иную девиантную форму.

Методы исследования. Билингвистические исследования обладают специфическим набором методов [Методы билингвистических исследований 1976], к ним относятся социолингвистические методы, состоящие из комплексного исследования билингвистического материала по языковым уровням и категориям, анализ интерферентного материала и билингвистического тождества (соответствия), учет социолингвистических характеристик информантов [Дешериев 1976: 20–33]. Для выявления буквализмов (синтаксического калькирования) как особого вида интерференции используются переводческий метод с последующей реконструкцией интенций респондента [Швейцер 1976 : 33–42]. Среди социолингвистических методик, применяемых исследователями, можно также упомянуть выборочное индивидуальное анкетирование и беседы с информантами [Баскаков 1976: 46–56]. Используются также количественный и сравнительно-сопоставительный методы.

Все они применены в данном диссертационном исследовании.

В исследованиях реализуются главным образом два подхода к изучению речевых девиатов: дедуктивный и индуктивный. Считается, что дедуктивный метод, основанный на сравнении контактирующих языковых систем, присущ, скорее, внутренней лингвистике, чем психолингвистике. Для привлекаемых в этой диссертации языков (русского и французского) типичным примером реализации дедук-

тивного подхода к изучению интерференции и речевых девиатов является исследование И. Н. Кузнецовой «Теория лексической интерференции» [1998], в котором паронимия и диапаронимия изучены на основе словарных данных. В отличие от дедуктивного, индуктивный метод применяется в направлении «от конкретного речевого материала», собранного либо с помощью выборки (сплошной или частичной), либо в результате психолингвистических экспериментов (в нашем исследовании – по модели вопросников, предложенных П. Сиром, Й. Мори, Е. Пакье). В данной диссертации отражено применение преимущественно такого индуктивного подхода. В некоторых случаях, однако, при первичном классифицировании полученного девиантного материала мы опирались на теоретическое вычисление всех случаев потенциальных девиатов, а затем проверяли на практике, имеются ли все прогнозируемые типы нарушений.

На этапе анализа девиатов и девиантных механизмов, приведших к ним, мы прибегали к методу реконструкции того, что респондент хотел выразить, и, с другой стороны, к реконструкции возможного русского исходного высказывания, поскольку автоперевод – характерная тактика межъязычия.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Дальнейшие исследования межъязыковой девиатологии могут опираться на следующие теоретические и фактические положения, рассматриваемые в данной диссертации.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что:

1) разработанная в диссертации теория межъязыковой девиатологии и представленная в работе типология девиаций могут быть использованы в описаниях девиантного материала межъязычия, формируемого при овладении другими вторичными языковыми системами. Исследование, таким образом, вносит вклад в развитие когнитивистских и психолингвистических представлений о межъязычии как «третьей системе», уточняя его онтологический статус и способствуя определению границ и характера формирующих его объектов. Используемая в диссертации терминология (*речевой девиат* и его *варианты*, *когнитивная девиация*, *девиантность* как свойство единицы любого уровня и др.) позволяет разграничить речевые и когнитивные факты и процессы их возникновения, традиционно широко описы-

ваемые нетерминологически как *ошибка*. Выявленные типы девиаций могут быть исследованы в дальнейшем более детально, поскольку свидетельствуют о разнообразии когнитивных тактик в формировании межъязычия.

2) Исследование девиантных фактов межъязычия невозможно без привлечения широких междисциплинарных данных – когнитивной, психолингвистической, социолингвистической и лингводидактической парадигм исследования. Только на их стыке возможна достоверная научная интерпретация девиантного материала. Устройство механизмов межъязычия таково, что в одних конкретных случаях, под влиянием индивидуально-когнитивных, социально-коммуникативных и дидактических факторов, доминирует актуализация законов первичной языковой системы с последующим ее интерферированием, а в других – актуализация приобретенных законов второй системы. Дистрибуция этих приоритетов в условиях формирования межъязычия освещена в диссертации. При описании формирования межъязычия также необходимо учитывать асимметричность реализации в нем частных категориальных значений в пределах одной категории (например, в исследуемом материале – в пределах категории рода, числа и др.).

Анализ межъязыковых девиатов позволяет выявить отрицательное влияние первичной языковой системы, наряду с другими факторами, влияющими на процесс становления межъязычия. Этот анализ, проведенный на индивидуальном речевом материале, способствует созданию динамичного даже не портрета, а «фильма» межъязычия конкретного индивида. Уровень индивидуального владения вторичной языковой системой может быть различным – от очень низкого (слабое межъязычие) до чрезвычайно высокого (сильное межъязычие). Анализ же большого массива девиатов межъязычия различных людей позволяет реконструировать «фильм» межъязычия типичного носителя конкретного языка, обладающий «типичным» сценарием девиаций парадигматического и синтагматического плана. Девиантный участок любого межъязычия имеет границы, он не бесконечен, и если каждый носитель русского языка не допускает все нарушения, типология которых была выявлена в ходе диссертационного исследования, можно, однако, утверждать, что его девиантный выбор не выйдет за установленные здесь пределы.

Недевиантный материал межъязычия свидетельствует чаще всего о положительном влиянии первичной языковой системы на овладение вторичной, причем там, где структурные особенности вторичной ставят в затруднительное положение всех иностранцев (выбор правильной формы рода для зависимого прилагательного, выбор предлога и т.д.), влияние русского языка проявляется в том, как это затруднение разрешается: выбранная форма соответствует русскому эквиваленту.

Результаты исследования имеют **прикладное значение** и могут быть применены в вузовских базовых курсах по общему языкознанию, в практических курсах по французскому языку как иностранному, а также в специальных курсах по когнитивной лингвистике, психолингвистике, теории перевода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Межъязычие как когнитивная «третья система», формируемая при овладении вторичной языковой системой, может носить девиантный и недевиантный характер и в целом обладать только относительной индивидуальностью по отношению к конкретному индивиду.

2. Девиантные и недевиантные «участки» межъязычия взаимосвязаны, поскольку для межъязычия характерно неоправданно широкое применение нормативного правила вторичной языковой системы и – одновременно – учитывание системных и функциональных характеристик изучаемого языка.

3. В когнитивном сознании индивида девиантные и недевиантные участки системы межъязычия регулярно получают конкретные наивные метаязыковые обоснования, возможные для экспликации в виде комментариев респондентов, и в таком случае становятся очень устойчивыми. Респондент часто может объяснить, почему он допускает тот или иной девиат, хотя в репертуар таких объяснений включены как наивные грамматические комментарии, так и эмоционально-оценочные высказывания.

4. Системы речевых девиатов представляют собой экспликации когнитивных девиаций межъязычия, которые могут быть отнесены как к парадигматическим, так и к синтагматическим. Системность девиаций разных уровней межъязычия проявляется в их взаимосвязанности и возможной последовательности: девиации

одного уровня и одного таксономического типа провоцируют появление девиаций других уровней и типов.

5. Для межъязычия характерен приоритет девиаций определенного типа. Для девиаций русско-французского межъязычия характерен в целом приоритет синтагматических нарушений (синтагматические формальные девиаты составляют – 31 % всех исследованных девиантных фактов, а синтагматические функциональные – 53 %), тогда как результаты парадигматических девиаций дают меньшее количество единиц (15 %). Но синтагматический характер девиантного участка этого межъязычия относителен, поскольку около 40 % всех девиатов так или иначе связано с овладением лексического фонда вторичной языковой системы.

Апробация работы.

Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкознания Новосибирского госуниверситета (2003-2006 гг.), на совместном заседании кафедры общего и русского языкознания гуманитарного факультета, кафедры французского языка и кафедры истории и типологии языков и культур факультета иностранных языков Новосибирского госуниверситета (апрель 2006 г.); на международных научных конференциях «Diversités culturelles et apprentissage du FLE» (Франция, г. Париж, Эколь Политекник, 10–11 сентября 2004 г.), «Этногерменевтика и антропология : языки и культуры в когнитивном аспекте» в рамках российско-германского проекта «Этногерменевтика и Этнориторика» (г. Кемерово, 4–6 октября 2004 г.), «AFLS 2005» (Франция, г. Шамбери, Университет Савои, 2–4 сентября 2005 г.), «Когнитивное моделирование в лингвистике» (Болгария, г. Варна, 4–11 сентября 2005 г.), «Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России» (г. Новосибирск, 1–3 декабря 2005 г.), «Перевод: язык и культура» (г. Воронеж, 30–31 января 2006 г.), DIALOG-2006 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (г. Москва, июнь 2006 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав основной части, Заключения, раздела “Библиография” и одного Приложения.

В первой, общетеоретической, главе «Межъязыковая девиатология: категориально-терминологический аппарат и исследовательские подходы» разрабатывается

терминосистема межъязыковой девиатологии, представлен подробный обзор специальной литературы, охватывающей широкую проблематику от теорий языковых контактов к теории ошибок. Введены в российский научный оборот результаты исследований зарубежных ученых по названным направлениям и в этой перспективе проанализированы и систематизированы более 300 работ, большинство из которых не переведено пока на русский язык и остается недоступным российским лингвистам. В этой главе приводится анализ различных теорий билингвизма на индивидуальном уровне, взглядов на интерференцию и на «промежуточный язык». Особое внимание уделяется теории наивной лингвистики и связанным с ней понятиям. В данной главе обоснована целесообразность создания отдельного направления в когнитивной науке, названного *межъязыковой девиатологией*.

В последующих главах диссертационной работы представлены результаты анализа исследуемого девиантного материала. На первом этапе классификации девиации поделены на парадигматические и синтагматические. Анализ лексико-грамматических, структурно-семантических и лексико-семантических девиаций приведен в главе 2 «Парадигматические девиации межъязычия и их результаты». Синтагматические девиации и их анализ представлены в следующих главах «Синтагматические формальные девиации межъязычия и их результаты», «Синтагматические функциональные девиации межъязычия и их результаты». Диссертация сопровождается библиографическим списком, насчитывающим более 500 наименований трудов российских и зарубежных исследователей, и Приложением «Типология девиаций межъязычия русскоговорящих респондентов». В текст включены 17 таблиц, 10 рисунков и схем.

В тексте диссертации предложен следующий способ представления речевых иллюстраций:

propriètes (propriétés) [качества], где *propriètes* – девиат. Подчеркивается то «место» в девиантной словоформе, которое комментируется в конкретном случае, и если слово или высказывание содержит другие девиантные случаи, но эти случаи в данный момент не обсуждаются (например, отсутствие диакритического знака), то они не подчеркиваются;

(propriétés) – правильная форма. В случае словосочетаний и полных высказываний это реконструкция того, что, на наш взгляд, хотел сказать / написать респондент. Если девиат состоит в том, что пропущен какой-либо обязательный элемент, он подчеркивается в исправленном варианте. Если возможны несколько правильных реконструкций данного высказывания, они могут быть предложены через косую черту (/);

(~~proprietes~~ propriétés) – исправление-перечеркивание означает, что оно внесено в работу самим респондентом;

[качества] – дословный перевод на русский. Это не «литературный перевод», а тот реконструированный текстовый фрагмент, который послужил русским оригиналом для производства того или иного межъязыкового высказывания.

В иллюстрациях лексических девиатов в скобках курсивом по-русски приведено то, что было выражено в реальности, например:

supporter les intentions du gouvernement (soutenir) [поддержать (*мерить*) намерения правительства].

Запись А # В означает, что элемент А употреблен вместо элемента В.

Вопрос о границах девиантной иллюстрации решается следующим образом: для примеров орфографических девиатов дается только словоформа, для всех остальных учитывается контекст в виде высказывания.

ГЛАВА 1. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ДЕВИАТОЛОГИЯ: КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

В первой главе рассматриваются системы категорий и соответствующих терминов межъязыковой девиатологии (*межъязычие сильное и слабое, межъязыковая девиация, межъязыковой девиат, девиантный вариант межъязычия, сильная и слабая форма межъязычия* и др.), а также исследовательские подходы, повлиявшие на ее формирование.

Необходимость выделения теории речевых ошибок в специальную область исследования неоднократно отмечалась лингвистами (см., например, работы Г. Никкеля, Г. В. Ейгера [1990: 5], М. В. Никитина [1962], Ф. Бацевича [2001:7]). Так, М. В. Никитин предлагал создать в рамках семиотики семиотическую дефектологию которая изучала бы все виды ошибок на всех фазах коммуникативного акта. В рамках конкретных лингвистических наук уже существуют особые исследовательские направления, поддерживающие эту идею: в психолингвистике *ортологией* называют направление, изучающее психолингвистические факторы, обеспечивающие правильность высказывания, а в аппарат онтолингвистики **Ошибка! Закладка не определена.** введен термин (детская) *речевая инновация*, которым определяется «языковой факт, зафиксированный в речи ребенка и отсутствующий в общем употреблении» [Цейтлин 2001: 329]. «Наука об ошибках» (*Fehlerkunde*) Г. Никкеля получила в некоторых языках обозначение «*ляпсологии*» (*lapsologie*)¹. К сожалению, этот перевод не совсем точный: ведь слово *ляпсус* **Ошибка! Закладка не определена.**, происходящее от лат. *lapso* ‘поскользнуться’ и давшее русское слово *ляп*, означает ‘оговорка’, и «ошибкология» Г. Никкеля стала в переводах «оговоркологией», что, как мы увидим далее, не одно и то же. К тому же данный термин вызывает у носителя русского языка нежелательные ассоциации и поэтому в нашей диссертации использоваться не будет. Для обозначения теории ошибок предлагался также термин *эратология* (от лат. *errata* – ошибки). Он употребляется в теории перевода для обозначения теории ошибок и переводческих несоответ-

¹ Именно этот термин используют в французские лингвисты Г. Дока, С. Жаме, М. Маркийо-Ларуи, а также польский исследователь Б. Дерен [Deren 1994: 145–153].

ствий [Перевод... 2005]. «Анализ ошибок создает необходимую теоретическую базу для введения в парадигму общелингвистических и психолингвистических исследований научно-исследовательского направления под названием “эрратология”, поскольку эрратологический материал может служить перспективной и надежной базой для возможного переосмысления многих теоретических положений, коррекции методологии и методики преподавания и изучения иностранных языков. Эрратология может получить статус самостоятельной научной дисциплины со своим объектом, предметом и методами исследования широкого спектра проблем речевой деятельности» [Шевнин 2004: 44]. Однако мы не хотели бы останавливать свой выбор и на этом термине. Во-первых, он уже приобрел несколько значений, которые нам кажутся нежелательными: *эрратологией* называют «науку» о том, как не повторять чужих ошибок в написании кандидатских и докторских диссертаций [Марьянович 2004; Марьянович, Князькин 2005], во-вторых, этим термином пользуется писатель-фантаст П. Амнуэль для обозначения «теории о научных ошибках» [Амнуэль 1998], и, наконец, он не свободен от нежелательных в научном труде ассоциаций.

Для теории ошибок необходим термин, обозначающий центральное понятие, включающее в свой объем все виды оговорок и ошибок. Таким термином, видимо, может стать не *ошибка*, а *семантически* более нейтральное существительное *отклонение*, или *девиация*. «В западно-европейских и американских лингвистических исследованиях термины *deviant*, *déviation*, *deviance* традиционно применяются для обозначений всех видов языковых и речевых "неправильностей", аномалий, отклонений и т. д.» [Алешина 2003: 50–55]. Представляется целесообразным обозначить отрасль, занимающуюся «отклонениями от нормы» в языке и речи их природных носителей *языковой девиатологией*.

Коммуникативный статус девиаций может быть разным. Ряд отклонений реализуется в тропах, стилистических фигурах, каламбурах, авторских неологизмах и т. д. [Marquillo Larruy 2003: 15; Санников 2002], и полученные результаты можно охарактеризовать как «положительные девиаты», другие отклонения (нарушения лексической сочетаемости, аграмматизмы, оговорки, описки, опечатки и т. д.) затрудняют коммуникацию и относятся к «отрицательным девиатам». К ним можно

отнести и коммуникативные неудачи [Бацевич 2001] и, таким образом, «объединить под термином “девиатологический подход” все исследования, выполненные в аспектах “стилистическое средство – категориальная ошибка” и “речевое высказывание – парадигматическая ошибка”» [Алешина 2003: 50]. Определяя девиатологию как отрасль, занимающуюся *отклонениями*, мы тем самым отличаем ее от *дефектологии*, или *коррекционной педагогики*, изучающей нарушения в развитии, в том числе в области речи [Сложеникина 2000: 13].

Итак, в исследовательский объект языковой девиатологии можно включить 1) запланированные отклонения от нормы (авторские неологизмы, каламбуры, результаты игры слов и т. д.) и 2) незапланированные отклонения от нормы (ляпусы, оговорки, описки¹ (в случаях, когда нормы говорящему известны) и собственно речевые ошибки (ошибки планирования – случаи, когда нормы говорящему неизвестны).

Отметим, что такая классификация нарушений подходит для систематизации отклонений как в первичной языковой системе (**Я₁**), так и в изучаемой вторичной (**Я₂**) – в исследуемом нами случае – в русской и французской, соответственно. Речевые ошибки первичной системы, которых теоретически не должно быть, а также рекомендации к их «снятию» носителями языка – предмет учебников по стилистике и «культуре речи». Условия же возникновения девиантных фактов и сами эти факты в речи тех, кто изучает Я₂, формируют исследовательский объект *межъязыковой девиатологии*. В Я₂ случаев осознанного отклонения от норм мало, они встречаются лишь на очень высоком уровне владения языком.

Интерес к девиантным фактам возник давно. В вышедшей в 1991 г. уникальной библиографии по *анализу ошибок* Б. Спиллнер [Spillner 1991] отмечает, что первая из 5 398 просмотренных им работ такого рода была опубликована в 1578 г. Исследователь собрал (и лично просмотрел) работы по 30 языкам, посвященные выявлению ошибок (их определениям, их сравнению с языковой нормой, восстановлению авторской интенции и т. п.), их описанию с точки зрения лингвистических или других критериев, гипотезам их происхождения, влиянию ошибок на процесс ком-

¹ То, что по-немецки называется *ver*-ошибками, потому что для их описания используется глагол с приставкой *ver*- (аналог русской *о-*) и что также называют на «кухонной латыни» *lapsus calami* [ляп пера] или *lapsus lingvae* [ляп языка].

муникации и их изучению в лингводидактических целях. Во введении автор замечает, что работы имеют, главным образом, описательный характер, обобщающих исследований мало, а трудов по общей теории ошибок нет. 874 работы касаются французского языка, 180 – русского и лишь 4 – французского и русского одновременно. В приложении к библиографии ссылки распределены в алфавитном порядке по 250 рубрикам, от трудов по «допустимым ошибкам» (acceptability) до работ о письменных ошибках (writing). Заметим, что ссылок на труды по интерференции всего 55, что нам представляется крайне малым. Одним из первых трудов по анализу ошибок во французском языке можно считать вышедшую в 1894 г. в Вене работу Г. Дюбрэ «Ошибки во французском языке – таблица наиболее распространенных ошибок, допускаемых немцами, когда они говорят и пишут по-французски» [Dubray 1894], посвященную в основном «ложным друзьям» переводчика.

Любой человек, изучающий Я₂, осознает, как далек тот язык, на котором он говорит, от «идеала» – языка, представляющего цель его усилий. Можно использовать такой иностранный «почти-язык» в общении, и, при условии сильной внутренней или внешней мотивации, его система будет постепенно приближаться к системе языка исконных носителей. Для лингвистики такая система «почти-языка» – межъязычия, – функционирующая в сознании говорящих, сама по себе представляет огромный интерес. Эта система и все аспекты ее проявления оказывается в фокусе предметных интересов когнитивистики, психолингвистики, социолингвистики и лингводидактики. Межъязычие 1) возникает в сознании индивидов, 2) вербализуется, и 3) последствия его вербализации имеют особый социально значимый коммуникативный статус в различных коммуникативных ситуациях, 4) подвергается коррекции и самокоррекции в определенных социальных условиях. Соответственно межъязычие и его девиантный материал изучаются в когнитивном, психолингвистическом, социолингвистическом и лингводидактическом аспектах.

1.1. Когнитивный аспект межъязыковой девиатологии

1.1.1. Межъязычие и билингвальное сознание

Понятие «межъязычие» (наш условный русский перевод наименования понятия *interlanguage*) получило свое обоснование в когнитивных исследованиях, хотя, если рассматривать межъязычие как проявление билингвального сознания, то вопросами межъязыковых отклонений занимались задолго до возникновения когнитивистики. В зависимости от того, какая из наук исследовала билингвальные явления (структурная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, социолингвистика, лингводидактика, литературоведение), по разным критериям структурировались и билингвистические типологии, впоследствии востребованные когнитивистикой: например, по характеру связи с мышлением, по определению уровня (степени) владения иностранным языком, по числу усвоенных речевых действий, по способам соотнесенности речевых механизмов друг с другом и по их устойчивости, по типам метаязыковой связи (длительности-устойчивости языкового контакта), по степени различий между контактирующими языками (по количеству расхождений и соответствий между элементами и структурами родного и изучаемого языков), по степени родства языков, по условиям формирования билингвизма, по характеру ситуаций общения и т. д. Еще в 1978 г. З. Г. Муратова предположила, что билингвистическую ситуацию можно охарактеризовать в трех планах: 1) с точки зрения функционирования двуязычия, 2) с учетом особенностей возникновения и развития билингвизма как социального явления, 3) с точки зрения степени владения двуязычием билингвами. Предложенная исследовательницей система характеристик для описания ситуаций двуязычия включала 19 параметров [Цит. по: Вишневская 1992: 8].

Английским словом *interlanguage* (по-французски *interlangue*, термин введен в научный оборот Л. Селинкером) [Selinker 1972: 209–231] обозначают особую систему – «почти язык», которым пользуется каждый изучающий иностранный язык. Л. М. Уман терминосочетанием *третья система* предлагала обозначить языковую систему как результат попытки самих обучаемых целостно представить изучаемый язык. Если идею *третьей языковой системы* можно найти у Л. В. Щербы, У. Вайнрайха и М. Сводеша, то такие исследователи, как Е. М. Верещагин,

И. Н. Горелов, Ю. А. Жлуктенко, М. М. Михайлов [Цит. по: Карлинский 1990: 50] и Ю. Д. Дешериев [Дешериев 1976], относятся к ней скептически. К тому же не все исследователи едины в том, что под этим понимается. Ю. Д. Дешериев видит в *третьей структуре* лишь структуру второго языка со вкраплениями первого, что не соответствует принятому определению «третьей системы». Против факта существования «третьей системы», на первый взгляд, свидетельствуют несистематичность ошибок билингвов и то, что при столкновении двух языковых навыков у говорящих не формируется особый «третий» навык, а просто выбирается один из уже имеющихся. В связи с этим А. Е. Карлинский добавляет, что «третью систему» языком называть нельзя, поскольку она не обладает устойчивостью ни хронологически (на протяжении нескольких поколений), ни социально. Ее формирование вообще не обязательно, так как существуют «совершенные билингвы», речь которых не подвержена интерференциям [Карлинский 1980: 14]. А. Коианиз [Coianiz 1979 : 80] также соглашался с тем, что «третью систему» считать языком нельзя, и предпочитал говорить о ней как о *временной структуре*¹.

Иначе рассматривает *интерязык* В. Б. Кашкин. Разделяя мнение американских исследователей [Adjemian 1976: 297; Schumann 1976: 406; Tavakolian 1981: 167], он его видит как теоретический язык-посредник, естественным образом создаваемый для лингводидактических целей в процессе обучения, то есть как тот язык, на котором пытаются общаться преподаватель и его студенты, и он считает этот процесс, или «метапроцедуру», аналогом пиджинизации, возникающей при столкновении двух языковых систем [Кашкин 2001: 231].

По мнению российских исследователей, западные специалисты считают, что промежуточный язык – «чрезвычайно подвижная языковая система, имеющая в любой момент времени свой, характерный только для данного языка набор “правил” разного типа» [Цит по: Поймёнова 1999: 4]. Выявляются:

- правила, воспринятые из родного и иностранного языков;
- правила, выработанные самим обучаемым.

¹ Известны и другие термины: П. Кордер предлагал терминосочетание *идиосинкретический диалект* [Corder 1973: 36–47], Х. Россипаль использовал термин *псевдоязык* [Rossipal 1973: 62]. Редакторы XXV выпуска «Нового в зарубежной лингвистике» приняли вариант *интерязык* для перевода английского слова *interlanguage* с вариантами *межъязыковая система, сближающая (аппроксимативная) система* [Немзер 1989: 135], *промежуточные языки* [Хельбиг 1989: 322].

Если в отечественной литературе межъязычие пока не обрело устойчивой позиции, все западные исследования опираются именно на это понятие. Классическим определением может считаться следующее: *l'interlangue est l'ensemble des connaissances intermédiaires qu'un sujet a d'une langue seconde qu'il est en train d'apprendre*¹ [Lüdi, Py 1986]. А. М. Граттон использует для описания этой ситуации термин *язык обучаемого* [Gratton 1982: 41]. Э. Раттунде рассматривает межъязычие как совокупность микросистем, сочетающихся, накладывающихся друг на друга, иногда противоречащих друг другу. Эти микросистемы неполные, плохо изолированные, неустойчивые. Они могут исчезать, если структура не получает закрепления [Rattunde 1980: 47].

Представляется, что межъязычие, если оно и противоречит «лингвистической» модели языка, в целом лучше согласуется с восприятием Я₂. Мы считаем, что формируемая языковая компетенция человека, обучающегося Я₂, действительно представляет собой некое подобие системы с правилами, которые он уже освоил, и с правилами, которые он себе составил на основе обобщения освоенных (но на проверку часто оказывающихся ложными) данных, системы с существенными проблемами, которые обучаемый иногда восполняет перифразами или заимствованиями из родного языка, возникающими вследствие переключения кодов (см. ниже п. 1.2.2.1). Эта система эволюционирует на протяжении всей жизни, и, конечно же, это не «язык» в том же смысле, что и, например, французский, русский или английский языки. Назвать эту систему языком нельзя, но результаты большинства исследований показывают, что все же межъязычие носит системный характер.

Сначала исследования межъязычия проводились по аналогии с исследованиями речи детей, осваивающих свой родной язык, то есть главным образом по структурно-функциональным параметрам (наличие / отсутствие тех или иных морфем или языковых категорий), но в настоящее время, в сочетании с изучением коммуникативных стратегий и экзолингвального общения, ученые пытаются восстановить, как строится эта новая система понятий и представлений. Использование для этого анализа универсальных семантических категорий позволяет сравнить между собой

¹ Межъязычие – это совокупность промежуточных знаний, которые субъект имеет о втором языке, изучаемом им в данный момент

межъязычие отдельных людей [Porquier 1986: 107]. На основе полевых наблюдений над тем, как совершенствуется речь мигрантов, можно, например, проследить появление в языке того или иного человека определенных категорий, выявить роль в этом процессе взаимодействия с носителями языка, определить специфику общения между носителем и иностранцем. Исследователи показывают на конкретных примерах, как внутренний конфликт в одной из подсистем межъязычия (например, постоянное ошибочное использование *mon mari* [мой муж], *masoeur* [моя сестра] вместо слов *mari*, *sœur*, приводящее к внешним конфликтам в виде переспросов или исправлений со стороны собеседников), влияет на когнитивные процессы говорящего и в конце концов приводит к изменениям в его межъязычии в целом. Как часть межъязычия подробно рассматриваются *коммуникативные стратегии*, представляющие собой «потенциально сознательные программы, к которым прибегает индивид для решения того, что ему представляется проблемным с точки зрения достижения определенной коммуникативной цели» [Faerch, Kasper 1980: 17–24; 1980: 80], а также показатели неуверенности (вздохи, смех, паузы).

Характерными для межъязычия как «третьей системы» являются такие процессы, как *регресс* (например, на этапе среднего уровня владения языком, когда респондент переходит от тактики повтора выученных формул к изобретению собственных высказываний и тем самым допускает гораздо больше ошибок, чем на более раннем этапе обучения), *фоссилизация* [Selinker 1972] (при которой определенный тип ошибочных представлений укореняется у данного человека и сохраняется даже при высоком уровне владения языком [Coïaniz 1996: 50; Vicher 1980: 85–86]) и *проницаемость* (при необходимости выразить то, для чего у говорящего нет средств, он позволяет правилам Я₁ проникнуть в свое межъязычие или допускает *неоправданное расширение имеющегося в его арсенале правила* [Coïaniz 1996]). Наконец, Б. Пи замечает, что развитие межъязычия у мигранта часто приводит к потере компетенции в родном языке [Py 1982: 76–86].

Подробно рассматривают становление межъязычия и исследователи, анализирующие *стратегии овладения языком*: большинство из выделенных ими стратегий как раз и показывает, как сознательно и бессознательно выстраивается межъязычие [Stern 1975: 304–318; Rubin 1975: 41–51; The good language learner 1978; Cyr 1998].

Система межъязычия, полностью скоррелированная с системой языка-цели, может привести к возникновению *узкой* билингвальной ситуации.

Критерий определения степени владения языком позволяет рассмотреть два понимания билингвального языкового сознания – узкое и широкое. Так, Г. М. Вишневская и др. относятся к сторонникам узкого понимания, считая, что билингвизм – это владение вторым языком «примерно на таком же уровне, как и своим родным» [Блумфилд 1960; Хауген 1971: 61–80; Ханазаров 1972; Аврорин 1972; Рабинович 1970; Вишневская 1992]. К сторонникам такого подхода можно отнести и Ю. Д. Дешериева [Дешериев 1976: 6–20]. Узкое направление получило название *эквилингвизма*, причем полное отсутствие при эквилингвизме интерферентных ошибок было предложено считать критерием полного овладения вторым языком [Рейцак 1976: 74–81]. Для описания такого билингвизма Э. М. Ахунзянов предлагал также ввести термин *адекватный билингвизм* [Ахунзянов 1978].

Подобное узкое представление о билингвизме и, соответственно, о его носителях можно встретить у зарубежных лингвистов, в частности у К. Ажежа [Hagège 1996: 217–224], опиравшегося в своем исследовании на определение билингвизма, предложенное известным специалистом по многоязычию Т. Скутнабб-Кангас [Skutnabb-Kangas 1981: 91, 96]: «Билингвом является тот, кто способен использовать два и более языков в одноязычных или многоязычных сообществах, соблюдая те социокультурные требования коммуникативной и индивидуальной когнитивной компетенции, которые предъявляются к нему этим сообществом на таком же уровне, как и к носителям языка. Билингв также способен положительно отождествляться с обоими сообществами и их культурами в целом или с какими-либо их частями» [Цит. по: Fernandez-Vest 1989: 80]¹. Определение билингва дополняется следующими важными характеристиками: он должен в одинаковой мере владеть идиоматикой и стилистическими регистрами двух языков. К. Ажеж допускает, однако, что билингв, так же как и амбидекстр, одинаково владеющий обеими руками, но отдающий предпочтение той или иной руке для определенного вида деятельности, может отдавать предпочтение тому или иному языку в различные периоды своей жизни, в различных обстоятельствах и сферах деятельности. В этом К. Ажеж

¹ Здесь и далее перевод цитат из трудов иностранных авторов наш. – М. Д.

перекликается с Дж. Кэтфордом, предпочитающим называть людей с равными языковыми навыками (которые очень трудно измерить) *амбилингвами* [Кэтфорд 1989: 366] и отмечающим, что такие люди встречаются сравнительно редко.

Сторонники *широкого* понимания билингвизма (П. Хорнби, А. А. Метлюк [Цит. по: Вишневецкая 1992:5], И. Ю. Розенцвейг [Розенцвейг 1972], Ф. П. Филин [Филин 1972]) считают, что в билингвальной ситуации допустимы значительные различия в знании языков (то есть один из языков так и остается на уровне межъязычия, в нашей терминологии), и предполагают возможность существования различных степеней использования второго (неродного) языка, с большим или меньшим успехом, в ситуации общения с природным носителем языка. Такой подход можно резюмировать словами Ф. П. Филина: «Двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения (научной, производственной, бытовой и т. п.). Последний тип двуязычия можно назвать неполным, частичным... Неполное, частичное двуязычие бывает самых различных градаций и распространено широко. Абсолютно одинаковое владение двумя языками, то есть абсолютно полное двуязычие, по-видимому, встречается не часто. Следовательно, при определении понятия двуязычия не следует придерживаться слишком жестких формулировок» [Там же: 24–25]. Наконец, в коллективном труде «Проблемы двуязычия и многоязычия» [1972], целиком посвященном двуязычию в СССР, О. С. Ахманова предлагает двуязычие в узком смысле называть билингвизмом, а двуязычие в широком смысле – диглоссией [Ахманова 1972: 100].

Критерий «уровень владения языком» не позволяет дать четкого определения тому, что представляют собой билингвизм в широком понимании и межъязычие, что естественно, поскольку степень владения языком «измерить» сложно даже среди носителей-монолингвов, поэтому для определения билингва и носителя межъязычия нельзя предъявлять требования, не выполнимые для монолингва. Видимо, как и многое в лингвистике, билингвизм в широком понимании и межъязычие нельзя определять жестко, и в их описании следует применять то, что математики называют «методом расплывчатых множеств» («fuzzy set») [Zadeh 1965: 338–

353; 1973], или «методом недоопределенных множеств» [Нариньяни 1980]. Межъязычие и билингвизм в широком понимании (до становления адекватного билингвизма) следует рассматривать как континуум, начинающийся с того момента, когда индивид пытается изъясняться на двух языках, и заканчивающийся моментом формирования «чистого» («настоящего») билингвизма, при котором двуязычного человека принимают за «своего» представители одинаковых социокультурных страт во всех языковых группах, к каким он имеет отношение [Thiéry 1976: 52–63].

Заметим, что в свое время К. Ажеж сформулировал критику двух- или трехчленного деления на типы билингвизма по способу представления языковой информации в сознании билингва. С одной стороны, французский лингвист оспаривает существование жесткой связи между подобным разграничением и отношением к переводу [Nagège 1996: 227–230]. Еще Л. В. Щерба отмечал, что при чистом билингвизме человек испытывает затруднения при переходе с одного языка на другой и при переводе, потому что, когда он говорит на одном языке, слова из другого языка к нему «не приходят», чего не бывает при смешанном билингвизме [Щерба 1974: 60]. Такая трактовка ситуации вызывала возражение у других исследователей – С. Эрвина-Триппа и С. Осгуда, считавших, что «насколько человеческие культуры, ситуации и предметы похожи, настолько координативный¹ тип билингвизма призван устанавливать в одном языке процесс представлений, подобный процессу представлений, свойственных другому языку» [Цит. по: Nagège 1996: 228].

К. Ажеж подчеркивает, что подобные рассуждения о переводе сильно упрощены: при таком подходе, например, не учитывается опасность интерференций между языками при смешанном билингвизме, и весь процесс перевода при такой интерпретации приравнивается к построению простого дословного подстрочника [Ibid.]. Можно упомянуть «парадокс переводчика», вызванный тем, что вследствие фундаментальных различий между мировоззрениями разных народов, воплощаемых в языках, перевод с одного языка на другой в принципе не возможен, что ежедневно опровергается тысячами переводчиков, с большим или меньшим успехом практикующих перевод как художественный, так и научно-технический [Моу-

¹ «Чистый», по Л. В. Щербе.

nin 1963; Meschonnic 1999]. Однако справедливости ради надо отметить, что писатели - «чистые» билингвы (например, В. Набоков, Г. Грин и др.) обычно предпочитали переписывать свои произведения заново, а не переводить их на другой язык, или, по крайней мере, испытывали большие трудности при автопереводе.

Отметим сразу, что для межъязычия, не адекватного Я₂, автоперевод, наоборот, характерен.

С другой стороны, помимо отношения к переводу, К. Ажеж оспаривает и саму когнитивную основу данного деления, считая, что один и тот же двуязычный человек реализует попеременно координативный и смешанный типы билингвизма не только в разные периоды своей жизни, но и в зависимости от типа коммуникативной ситуации. К. Ажеж считает, что данная модель входит в противоречие с гипотезами В. Гумбольдта, Э. Сэпира и Б. Уорфа, развитыми в дальнейшем М. Парадайзом [Цит. по: Hagège 1996 : 230].

Если бы все эти гипотезы были верны, то «чистый» билингв мог бы оказаться в одной из трех перечисленных ниже ситуаций:

- его сознание (когнитивная система) всегда функционировало бы в полном соответствии с Я₁, независимо от того, говорит он на Я₁ или на Я₂ (такая ситуация складывается при субординативном билингвизме); однако это должно было бы приводить к тому, что его с трудом понимали бы на Я₂ и он с трудом понимал бы носителей этого языка;

- когнитивная система билингва функционировала бы особым способом, не соотношенным ни с Я₁, ни с Я₂ (как при смешанном билингвизме), что приводило бы к тому, что его никто не понимал бы и он никого не понимал бы;

- когнитивная система билингва функционировала бы по-разному в зависимости от того, на каком языке он говорит (как при координативном билингвизме). В таком случае он мог бы общаться с носителями двух языков, но, согласно Дж. Макнамара [Ibid.], ему было бы трудно понять себя самого и объяснять на иностранном языке то, что он слышал на родном языке.

Поскольку ежедневная деятельность миллионов билингвов по всему миру доказывает, что ничего подобного не происходит, К. Ажеж закономерно приходит к выводу, что билингв приспособливает свое речевое поведение к обстоятельствам и

в различных ситуациях реализует себя то как субординативный, то как любой иной тип билингва.

Однако до наступления «чистой» билингвальной ситуации сознание носителя межъязычия оказывается под влиянием системных особенностей как Я₁, так и Я₂. Межъязычие чаще всего мы наблюдаем со стороны. О человеке можно сказать: *ego английский очень хорош*, тем самым подразумевая, что это – «его» английский, а не «английский язык вообще». Но редкий обучаемый осознает «свое» межъязычие как отдельную систему, хотя и знает, что его речь отличается от «эталона», к которому он стремится, и большинство тех правил, которыми он пользуется, отмечены сомнением.

Межъязычие отличают не только особая «интерпретация» и воплощение фактов Я₂, но и система внутренних правил – наивных металингвистических сведений о Я₂.

1.1.2. Металингвистические представления носителей межъязычия

Исследования по межъязычию привели лингвистов к необходимости анализировать представления самих говорящих об их собственном языке. Данные, позволяющие судить об этом, носят различный характер. С одной стороны, это объективные данные – высказывания, свидетельствующие о том, как тот или иной человек осваивает изучаемый язык. С другой стороны, это «имплицитные данные» – свидетельства оценки говорящим своего языка. Аналогичным образом возможен сбор и метаязыковой информации - об изучаемом языке.

Зарубежные металингвистические исследования основываются на фундаментальном труде Ж. Рей-Дебов «Метаязык», в котором условно различаются:

- общеупотребительные слова (*mots mondains* – букв. ‘мирские’ слова, называющие предметы окружающего мира),
- металингвистические слова (обозначающие языковые явления),
- нейтральные слова (служебные слова, некоторые глаголы, прилагательные, наречия) [Rey-Debove 1978: 26].

С их помощью можно построить металингвистические высказывания, содержащие:

- только металингвистические и нейтральные слова (например, *Наречие* – неизменяемая лексема);

- автонимные (или автореферентные), металингвистические и нейтральные слова (*|Никогда|* – наречие);

- автонимные высказывания, встроенные в металингвистические суждения (*|Завтра я уезжаю| представляет собой простое предложение*) [Ibid. 163].

А. Бесс считает, что металингвистическими являются предложения, состоящие из «мирских», нейтральных и металингвистических слов, если они обозначают контекст для другого предложения.

По результатам пятнадцатилетних (1981–1996 гг.) наблюдений когнитивисты поняли, что поиск «интуитивных данных» об иностранном языке – сложная задача [Vasseur 1996: 60]. Простые опросники приносят только разочаровывающие результаты: респонденты вербализуют не то, что реально делают, а то, что думают, что делают [Berthoud 1982]. К тому же они вербализуют только те правила, которые выучили, а не те, что действительно мотивируют их языковой выбор. Поэтому предлагаются альтернативные методы выявления метаязыка: работать с малограмотными обучаемыми, записывать их речь и спустя некоторое время (не сразу, но и не слишком поздно, чтобы они помнили, почему именно так выразились) предъявлять им запись с вопросами или опираться на вопросы на занятиях, чтобы выявить, как учащиеся пытаются найти место новому знанию в системе своего межъязычия [Raabe 1980: 288]. Постепенно исследования метаязыка приблизились к исследованиям по изучению «наивных», «народных» представлений о языке.

Исследования «наивных», «народных», «ординарных» представлений восходят к предложенной в 1966 г. модели «народной лингвистики» Х. Хёнигсвальда [Hoenigswald 1966: 16–26], но первая работа в этом направлении, «Что думает народ о языке», была написана С. Полле еще в 1889 г. [Polle 1889]. В таких трудах под «народом» понимается любой не-специалист (хотя и признается, что лингвисты – тоже «народ» и что у них есть свои «наивные» представления о языке). В монографии Н. Нидельски и Д. Престона подробно рассматривается то, что, по свидетельству знавших его людей, Л. Блумфилд называл *станко* – существующие в

кругах не-лингвистов представления о языке, которые вербализуются следующим образом:

- язык – вполне реальная вещь, он «живет» в словарях и в справочниках;
- люди, использующие систему без правил (говорящие неправильно), скорее всего, прилагают минимум усилий, чтобы обрести систему с правилами. Эти люди просто ленивы. Они ведут себя неподобающе;
- врожденное знание литературных и нелитературных конструкций (исключая оговорки) существует;
- у слов есть «реальное» значение;
- есть единая «верная» система с правилами, и все остальные «хорошие» языки исходят из нее [Niedzielski, Preston 2000 : 314].

Такие исследователи *стратегий овладения языком*, как Дж. Рубин и И. Томсон, также обратили внимание на «верования» о языке [Цит. по: Сур 1998: 124], способные помогать или препятствовать успешному формированию межъязычия, адекватного языку цели. Итогом исследований в данной области на сегодняшний день стал специальный выпуск журнала «Langages» (июнь 2004) «Бытовые металингвистические представления и дискурс»¹, в котором дано следующее определение «народной лингвистики»: это исследование «бытовых» металингвистических представлений не-специалистов относительно речевой деятельности (*langage*), языков (*langues*), их вариантов <...> и способов их освоения такими, какими они высказываются <...> в виде определений, наблюдений, экспериментов, суждений, мнений и верований [Représentations... 2004: 47]. Главный редактор выпуска Ж. К. Беакко утверждает, что такие представления играют существенную роль в овладении иностранным языком и что «желание студентов получать основанное на грамматике преподавание² базируется на их “бытовом” представлении об эффективности преподавания иностранных языков» [Beacco 2001: 100].

¹ Термин *ordinaire* (ординарный, бытовой) используется французскими исследователями вместо термина *populaire* (народный) для избегания двусмысленности, поскольку во французском это слово означает также ‘популярный’.

² Вопреки «модным» тенденциям и так называемому коммуникативному подходу к преподаванию иностранных языков. – М. Д.

В России данное направление представлено работами В. Б. Кашкина, развивающего концепцию *бытовой философии языка*. Он определяет *естественную металингвистическую деятельность* наивного пользователя как деятельность мифологическую, а мифологемы – как символы рекуррентных схем этой деятельности. Согласно его теории, помимо встроенного металингвистического механизма, свойственного любому языку, «каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, своеобразную “личную теорию” языка», которая не всегда выражается явно. «Как и любой другой вид человеческой деятельности, метаязыковая деятельность управляется стереотипами, которые и формируют мифологическую картину жизни языка и жизни в языке». Выявлению этих стереотипов способствует преподавание Я₂, когда обучаемому приходится задумываться над своим и чужим языком, при этом «как ученик, так и преподаватель (даже профессиональный лингвист не перестает быть наивным пользователем языка), в значительной степени не отдают себе отчета в том, что они занимаются метаязыковой деятельностью».

Согласно В. Б. Кашкину, метаязыковые знания делятся на эксплицитные и имплицитные и включают автореферентный механизм (каждая языковая единица описывает себя и свой класс), эксплицитный регулятивный механизм метаречевых маркеров, скрытый слой мифов, мнений и предрассудков, эксплицитные личные теории наивных пользователей, а также знания в традиционном смысле, то есть полученные из внешнего (культурно значимого) источника.

Как важный источник сведений о метаязыковом поведении человека рассматриваются девиации, особенно те, что допускаются на первых этапах формирования межъязычия. Первые слова и фразы, выученные на иностранном языке, становятся метаязыковыми моделями для обучающихся и часто являются источником девиаций, принимая статус *сильных форм* межъязычия.

Можно выявить у некоторых студентов метаязыковое чувство, отличающееся от «объектных» знаний ('знаю, как' или 'умею' в противоположность 'знаю, что'). Можно знать то или иное правило (объектное знание), но это знание не сразу и даже не всегда становится языковым поведением, оно не превращается в «чувство языка». С помощью наблюдений, анализа действий респондентов, анкетирования и интервьюирования В. Б. Кашкин даже выявляет *мифологемы* в ситуации языковых

контрастов [Кашкин 2002: 3–34]. Заметим, что иной подход присутствует в работах А. Н. Ростовской, исследовавшей металингвистические представления диалектоносителей. Такие представления часто характеризуются однородностью, формируются на основе опыта личного повседневного общения и выражаются простыми словами, в отсутствие метасредств для описания языковой деятельности [Ростова 1998: 79–80]. Для исследовательницы показанием метаязыкового сознания – явленный акт, результат духовной деятельности человека, позволяющий прикоснуться к «тайне сознания» [Ростова 2000: 167].

Наивное представление о девиатах и девиациях (не только речевых) отражено и в общеупотребительных толкованиях соответствующих слов (*faute, erreur, ошибка* и др.), отличных от энциклопедических научных дефиниций.

Структуры значений этих единиц не тождественны.

Слово *erreur* происходит от глагола *errer*, латинского *errare* ‘блуждать’. Таким образом, основа значения этого слова – идея ‘заблуждения’. Согласно словарю Petit Robert [1990], словом *erreur* обозначают:

- acte de l'esprit qui tient pour vrai ce qui est faux et inversement; jugements, faits psychiques qui en résultent [умственное действие, при котором истинное воспринимается как ложное, или наоборот, а также суждения и психическое состояние, являющиеся следствием такого действия]: *Vous croyez cela: grave erreur, profonde erreur* [Вы так думаете – это глубокое, страшное заблуждение];

- état d'un esprit qui prend pour vrai ce qui est faux, et inversement [состояние ума, при котором истинное воспринимается как ложное, или наоборот]: *Être, tomber dans l'erreur* [находиться, впасть в заблуждение];

- ce qui, dans ce qui est perçu ou transmis comme étant vrai est jugé comme faux par celui qui parle [то, что говорящий воспринимает как ложное из того, что ему передается как истинное]. *Toute cette théorie n'est qu'erreur* [вся эта теория – сплошное заблуждение];

- assertion, opinion fausse [ложное утверждение или мнение];

- action regrettable, maladroite, déraisonnable et jugée comme telle par celui qui l'a commise [неловкое, неразумное, достойное сожаления действие, которое совершивший его именно так и воспринимает]: *Erreurs de jeunesse* [ошибки молодости];

- chose fausse, erronée, action non prévue par rapport à une norme, différence par rapport à un modèle ou au réel [неправильная, ошибочная вещь¹, действие, не соответствующее норме, отличное от образца или реальности: *Exposé, article plein d'erreurs; Erreur de calcul; Faire une erreur en composant un numéro de téléphone* [статья, полная ошибок; ошибка вычисления; ошибиться – совершить ошибку – при наборе телефонного номера];

- écart entre la valeur exacte d'une grandeur et sa valeur calculée ou mesurée [разница между точным значением измеряемой величины и ее вычисленным или измеренным значением]. *Erreur absolue, erreur relative, erreur systématique* [абсолютная, относительная, систематическая ошибка; *erreur judiciaire* (судебная ошибка)].

Этимология слова *faute* менее очевидна для французов, поскольку она связана с глаголом *faillir* (от латинского глагола *fallere*, означающего ‘обманывать, избегать’), имеющим в современном французском языке неполную парадигму: он употребляется только в инфинитиве или в прошедшем времени (*passé simple* или *passé composé*) и означает ‘манкировать, не выполнять обещанное’. Таким образом, существительное *faute*, образованное от причастия данного глагола, исходно означает ‘невыполнение, отсутствие, нехватка’. Это значение встречается в ставшем предложным словосочетанием *faute de: Elle a accepté ce travail faute de mieux* [она согласилась на эту работу за неимением лучшего]. Согласно словарю Petit Robert, в современном французском языке, кроме устаревшего или фразеологически связанного значения ‘отсутствия чего-л.’, существительное *faute* имеет следующие значения:

- le fait de manquer à ce qu'on doit. Mauvaise action; manquement à la règle morale; aux prescriptions d'une religion [Невыполнение человеком того, что он должен. Плохой поступок. Несоблюдение морального закона, религиозного предписания]: *Commettre, faire une faute. Faute grave. Confesser sa faute* [совершать ошибку, серьезный проступок. Покаяться в проступке (на исповеди)];

- manquement à une règle, à un principe (dans une discipline intellectuelle, un art) [Несоблюдение правила или принципа (в умственных занятиях, в искусстве)].

¹ Классический пример «толкования по кругу» – определения через определяемое: ошибка – это ошибочная вещь...

Faute d'orthographe, de prononciation, de grammaire, de syntaxe [орфографическая, орфоэпическая, грамматическая, синтаксическая ошибка];

- *manière d'agir maladroite ou fâcheuse; défaut d'habileté, de prudence* [Неудачная, неуклюжая манера действия, отсутствие ловкости, осторожности];

- *responsabilité d'une action* [ответственность за действие]. *C'est sa faute* [он виноват].

Таким образом, существительное *faute* означает, скорее, сознательное отступление от законов или моральных правил и по семантике ближе к русским словам (*грехо*)падение, *грех*, *проступок*, *прегрешение*. Словом *erreur* обозначают случайные и не настолько серьезные проступки, называемые по-русски дериватами слова *грех*: *погрешность*, *огрех*. Интересно заметить, что, согласно данным электронного словаря TLFi (Trésor de la Langue Française Informatisé), во французских художественных произведениях частота существительного *faute* в полтора раза выше частоты слова *erreur*.

Для сравнения рассмотрим словарные и энциклопедические толкования русских лексем с семантикой 'ошибка'. БАС определяет *ошибку* следующим образом:

- неправильность, погрешность в действиях, суждениях, мыслях. [Аянов] имел репутацию приятного игрока, потому что был снисходителен к ошибкам других, глядел на ошибки с таким же приличием, как на отличный ход (Гончаров); делать, допускать, дать (разг.) ошибку. И. сделал большую ошибку: он не воспользовался моим искренним раскаянием (С. Акс.); ошибкой, по ошибке, ошибившись. Может быть, я как-нибудь ошибкой выпил вместо воды водку (Гоголь);

- неверное написание слова: *сделал в экзаменационном диктанте три ошибки* (Чехов).

К этим довольно скудным сведениям можно добавить указание на существование в математике *теории ошибок* (раздел математической статистики, посвященный численному определению значений величин по данным измерений). На основе теории ошибок разработана методика выявления и оценки погрешностей (ошибок) измерений (См. также для физики: [Тейлор 1985]).

Для сравнения приведем также дефиниции слов *оговорка* (во втором значении), *заблуждение* и *ляпсус*:

оговорка – произвольная ошибка в речи, слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных;

зablуждение – ошибочное, ложное убеждение, понятие, мнение. *Мне можно и нужно знать, где истина, где заблуждение* (Гонч.); состояние превратно мыслящего, ошибающегося; ошибочный поступок, промах;

ляпсуc – обмолвка, произвольное упущение, промах [Словарь современного русского литературного языка 1950–1965].

Энциклопедические издания определяют данные явления иначе. В философии *ошибку (erreur)* рассматривают как ‘неоправданную веру в объективность конкретного (обман чувств, например зрительный обман) или абстрактного представления (ошибка в рассуждении)’, отличают ее от моральных ошибок (*faute*), являющихся отступлением от морального долга, от правила, когда человек поступает не так, как от него ожидают. Считается, что ошибка-*erreur* – естественное состояние человека, и только занятия философией позволяют ему познать истину: «Философия только и состоит в постепенном устранении ошибок. Возможно, завершив этот критический труд, мы сможем постичь истину» [Цит. по: Julia 1964 : 90]. Ошибка-*erreur* случайна, происходит от недостатка внимания, торопливости, забывчивости. Ошибка-*faute* считается более тяжелой, потому что в данном случае речь идет об ответственности человека за свои поступки. Ее человек не должен был совершать, потому что был предупрежден, он знал о своих обязанностях и долге и тем не менее им не следовал: если при обращении с оружием полицейский нечаянно нажимает на курок – это *erreur*, а если убивает наповал без предупредительных выстрелов – это *faute*.

Заметим, что подобные интерпретации ошибок как ментальных, речевых, поведенческих процессов и их результатов, а также их оценка приводят носителей межъязычия к специфическому отношению к девиантным фактам собственной речи (детально – в гл. 2-4 исследовательской части диссертации).

1.1.3. Понятия межъязыковой девиации и межъязыкового девиата

Межъязыковая девиация в нашем исследовании рассматривается как когнитивный процесс, реализуемый в системе межъязычия – одной из когнитивных систем сознания, существующей наряду с первичной языковой системой – в результате

игнорирования (непреднамеренного, часто интерферентного по своей природе) системных и коммуникативных свойств единиц Я₂ всех его уровней. Результат этого когнитивного процесса – девиат – может «закрепиться» в сознании носителя межъязычия и вербализоваться. Вербализованные девиаты поддаются внешнему наблюдению и анализу, и именно на их основе возможна исследовательская реконструкция и систематизация девиаций. Девиации – процессы и девиаты – результаты не следует отождествлять, и поэтому в дальнейшем изложении исследовательских концепций мы постараемся сохранить их разведение. Один и тот же факт Я₂ может воплотиться в нескольких девиантных вариантах в межъязычии.

Девиантность – свойство, охватывающее единицы всех уровней межъязычия. Даже наличие хотя бы одного девиантного компонента в структуре звучащего или написанного межъязыкового текста делает его девиантным, не полностью адекватным аналогичным текстам Я₂, несмотря на то, что некоторые девиаты отмечаются и в речи природных носителей этого языка, но в таком случае они будут относиться уже не к системе межъязычия (поскольку этот язык для них родной), а к незапланированным языковым девиатам.

Исследование же межъязыковых девиатов, как уже отмечалось, имеет давнюю традицию, восходящую к анализу ошибок в речи природных носителей языка.

Основы выявления когнитивных тактик, приводящих к возникновению языковых девиатов, заложены в трудах А. Фрея, но разработанные им принципы «потребности» могут быть применены и в изучении межъязыковых девиатов. Исследователя можно считать основоположником трудов по теории ошибок на французском языковом материале. Швейцарский лингвист, ученик Ш. Балли, Анри Фрей, написавший в 1929 г. «Граматику ошибок» [Frei 1971], придерживался функционального принципа описания языковых явлений: «Я разработал лингвистический метод, в котором языковые факты отбираются не в соответствии с формой знака (как это делает традиционная грамматика) и не в соответствии с его значением (как это делают Балли и Брюно), но согласно тем основным потребностям, которые призван удовлетворять любой язык» [Ibid. 12].

В труде А. Фрея девиация впервые стала рассматриваться не как «патологическое» явление, а как то, что «предупреждает или восполняет лакуны в идеально

правильном языке» [Ibid. 19], особенно в тех случаях, когда правильная речь – дву-
смысленна. Автор поставил перед собой цель выявить, какие функции выполняют
девиаты. Будучи убежденным в том, что так называемые ошибки должны исследо-
ваться в динамике – то есть, что было корректно, может стать ошибкой, и наобо-
рот, то, что ошибочно, имеет шанс стать нормой, А. Фрей определил четыре по-
требности, определяющие условия возникновения девиаций в различных языках
(не только во французском).

А. Потребность в ассимиляции, имеющая две разновидности (А. Фрей их про-
слеживает на всех уровнях языка):

1) *потребность в аналогии* (семантической или формальной). В первом случае
одно явление смешивается с другим, сходным явлением. Например, на лексиче-
ском уровне сочетание *un jour ouvrable* [рабочий день] ошибочно понимается как
'день, когда открыты магазины' (по аналогии со словом *ouvrir* [открыть], хотя
происхождение *ouvrable* исторически связано с исчезнувшим глаголом *ouvrer* [ра-
ботать] и однокоренными словами *ouvrier* [рабочий], *œuvre* [творчество]). Пример-
ном формальной аналогии могут стать факты написания и произношения одного
слова под влиянием другого: *frustre* вместо *fruste* [примитивный] из-за *rustre* [гру-
бый];

2) *потребность в уподоблении* проявляется в основном в согласовании в тех
случаях, когда вместо дистантного – правильного – согласования имеют место
ошибочное согласование с ближайшим словом или согласование по смыслу. См.
пример из нашей картотеки: *l'autonomie des handicapés ne peuvent pas exister (peut)*
[самостоятельность инвалидов не может (написано: могут) существовать].

Б. Потребность в дифференцировании применяется языком, когда необходи-
мо устранить двусмысленность.

В. Потребность в краткости выражается в двух проявлениях: в экономии язы-
ковых средств и в неизменности, которая рассматривается как экономия усилий
памяти.

Д. Потребность в экспрессивности приводит к появлению новых языковых
средств.

Впоследствии классификация, предложенная А. Фреем, была подвергнута критике в связи с тем, что некоторые девиаты могут быть вызваны одновременно двумя факторами. Но его работа имела большое значение: она позволила изменить взгляд на ошибку и дала толчок новым исследованиям. Примечательно, что его видение девиатов в диахронии в основном подтвердилось: многие из тех форм, которые считались недопустимыми в 1920-е гг., сейчас – нормативны [Marquillo Languy 2003]. Согласно Г. Дока, девиации как «двигатель прогресса» в языке также рассматривали румынские исследователи И. Иордан, В. Густу Ромало [Цит. по: Доса 1981: 24].

Таким образом, именно в когнитивных исследованиях сформировались понятия межъязычия, а также основы противопоставления ошибки-девиации и ошибки-девиата. Межъязычие далее мы будем рассматривать как 1) состояние респондента, обладающего «третьей системой»; 2) саму «третью систему», существующую в его сознании как результат индивидуального освоения и систематизации последствий интерферирования $Я_1$ и $Я_2$. Межъязычие как подсистема в сознании нестабильно, относительно индивидуально, но анализ речевого девиантного материала позволяет судить, что есть инвариантные черты у межъязычия разных респондентов – природных носителей одного языка, овладевающих другим языком. Межъязычие вербализуется, воплощается в устных и письменных текстах, но такие тексты и их элементы в нашем случае – не русские и не французские, а межъязыковые по своей сути. Если межъязычие в ходе формирования совпадет с $Я_2$ и возникнет «чистая» билингвальная ситуация, у него есть шанс исчезнуть.

Межъязычие – не просто «третья система»: речевое поведение обладающего межъязычием человека подвергается воздействию сложных социолингвистических факторов. Именно поэтому девиаты межъязычия как результаты нарушений, чаще всего конвенционального плана, в билингвальной ситуации исследуются в социолингвистике.

1.2. Социолингвистический аспект межъязыковой девиатологии

1.2.1. Межъязычие как индивидуальное следствие реализации языковых контактов на макроуровне

1.2.1.1. Ситуации *полилингвизма, плюрилингвизма, колингвизма*

Межъязычие как «третья система» может сформироваться благодаря тому, что индивид или группа индивидов являются представителями общества, в котором вследствие тех или иных социально-исторических обстоятельств сосуществуют два и более языков. Подобное сосуществование ведет к возникновению ситуации коллективного *билингвизма (двуязычия)* или *полилингвизма (многоязычия)* среди членов этого общества, хотя это не означает, что абсолютно все члены такого общества должны относиться к билингвам или полилингвам¹.

В ситуации би- и полилингвизма языки так или иначе влияют друг на друга, что приводит к формированию явлений различной природы, вызванных частными особенностями языкового контактирования: к фонетическим акцентам, лексическим и фразеологическим заимствованиям, грамматическим «подвижкам» и, более того, к изменениям до неузнаваемости морфологических и синтаксических систем, приводящим в итоге к появлению новых языков и к исчезновению старых.

В обзоре литературы по проблемам американской социолингвистики в период с 1963 по 1976 г. С. Эрвин-Трипп, вслед за Д. Фишманом, ввел термины *микросоциолингвистика* для обозначения исследований «“личной” (лицом к лицу) коммуникации говорящих» и *макросоциолингвистика*, объектами которой предложил считать «сообщества людей и крупные социальные проблемы» [Эрвин-Трипп 1976: 181–199]. По аналогии с этим мы предлагаем считать явления исчезновения языков следствием *языковых макроконтактов*.

Под *макроконтактом* мы понимаем как контакты между языками на макросоциальном уровне, так и их последствия – коллективный билингвизм, приводящий к исчезновению старых языков и к формированию новых.

Отметим, что в последние годы интересный подход к языковым макроконтактам получил распространение в недрах Совета Европы, а именно в рамках разработки общеевропейской языковой политики, найдя отражение в коллективной моногра-

¹ Помимо этих терминов, образованных из латинских или славянских корней, существуют также и греческие термины *полиглот* и даже *биглот* [Барсук 1976: 104].

фии «Общеввропейская координатная сеть для языков» [Cadre Européen...2001]¹. В нем разграничиваются понятия *plurilinguisme* (плюрилингвизм) и *multilinguisme* (мульти-, или полилингвизм). Второе, известное также как *многоязычие*, достигается «разнообразием выбора предложенных к изучению языков в рамках социальных институтов или образовательной системы, поощрением учеников к изучению нескольких иностранных языков или ограничением функционирования английского языка в международном общении» [Ibid. 11]. Термином *плюрилингвизм* описывается ситуация, в которой граждане объединенной Европы *в той или иной мере* знают несколько языков или диалектов, то есть изначально – ситуация коллективного межъязычия.

Плюрилингвизм развивается «по мере расширения языкового опыта человека: от языка, употребляемого в его семье, до языков других народов, изучаемых в школах, колледжах или в непосредственном языковом окружении». Человек «не хранит» эти языки обособленно друг от друга, а формирует коммуникативную компетенцию на основе всех своих знаний и всего языкового опыта, в котором известные ему языки взаимосвязаны и взаимодействуют. В соответствии с ситуацией он свободно пользуется любой «частью» этой компетенции для обеспечения успешной коммуникации в каждом конкретном случае. Например, некоторые коммуниканты могут свободно переходить с одного языка или диалекта на другой, демонстрируя отличные способности выражать мысль на одном языке и понимать на другом. Человек также может привлекать все свои языковые знания, чтобы понять письменный или устный текст, созданный на языке, который ему не знаком, узнавая слова, имеющие сходные звучание и написание в уже известных ему языках. В каждой ситуации говорящий обращается к различным «участкам» своей компетенции, чтобы успешно взаимодействовать с определенным собеседником. На наш взгляд, такая картина несколько утопична, однако общение подобного рода иногда возникает в сообществах на пограничных территориях в определенных исторических условиях.

¹ Документ «Cadre Européen commun de référence pour les langues» получил в переводе сотрудников Московского государственного лингвистического университета название «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка»

Длительные многоязычие и / или диглоссия чаще характерны для государств без тоталитарного национального самосознания, поэтому можно предположить, что в истории человечества многоязычие было главенствующим до появления империй и республик с жесткой языковой политикой. Так, в 1793 г., сразу после победы Великой Французской революции, аббат Грегуар провел исследование языковой ситуации во Франции, и по результатам этого исследования был утвержден закон от 2-го термидора II г., в соответствии с которым государственные чиновники теряли свою должность и карались шестью месяцами тюремного заключения только за то, что использовали в официальном делопроизводстве иной, кроме французского, язык [Nagège 1987: 196]. Напористое насаждение французами литературного варианта языка и негативное отношение к французским же диалектам и другим языкам известны. При Третьей республике (XIX в.) французское языковое законодательство сфокусировалось на сфере школьного образования, и «черные гусары республики» (а именно так во многих провинциях местное население называло строгих и говорящих на непонятном французском языке учителей) придумывали различные издевательства над теми, кто говорил на местном наречии. Индивидуальные девиаты межъязычия диалектоносителей, овладевавших литературной нормой французского языка, оказывались социально значимыми и «карались» государственной системой образования.

Однако, несмотря на постоянную агрессивность французской государственной языковой политики по отношению к диалектам и другим языкам, а также на многие социально-политические и военные события, перемешавшие выходцев из различных регионов и заставившие людей общаться только на одном, «общем» для всех французском языке, и, наконец, несмотря на победное шествие масс-медиа в наше время, во Франции по-прежнему сохраняется сложная межъязыковая дистрибуция. В 1999 г., комментируя европейскую Хартию о местных (региональных) языках, директор Национального института французского языка Б. Серкилини объявил о существовании 75 языков, практикуемых на территории государства. Правда, только 25 из них распространены на территории континентальной Франции, остальные 50 – в бывших колониях, ныне «заморских территориях и департаментах», таких как, например, Новая Каледония [Récheur 1999 :10]. И хотя Консти-

туционный совет Франции до сегодняшнего дня отказывается ратифицировать подписанную Францией 7 мая 1999 г. европейскую Хартию как противоречащую основному закону страны, все эти языки продолжают свое существование и даже развиваются, в том числе благодаря Интернет-коммуникациям.

Хотя Россия – государство, в котором многоязычие официально признано, в этой стране, так же как и во Франции, «принято, в том числе и в лингвистической среде, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие как нечто исключительное» [Вайнрайх 1999: 8].

Долгое время, языковая ситуация в России была несколько иной, поскольку для дворянского социолекта XVIII–XIX вв., на основе которого в основном и сформировался современный русский литературный язык, было характерно многоязычие, и «чужое» часто ставилось выше «своего», провоцируя общественную языковую полемику. Для определенных кругов русского образованного дворянства был характерен «трилингвизм» – знание 1) церковнославянского языка русского извода в объеме, необходимом для воцерковленного мирянина, и активное использование церковнославянского морфемного, лексического и фразеологического репертуаров, 2) одного из русских диалектов и использование его в бытовом общении (в семье, с прислугой, с крестьянами и т. д.), 3) западно-европейского языка / языков и их активное употребление в светском и служебном общении, причем именно незнание или плохое владение последним могло стать поводом общественного порицания: девиантное межъязычие приобретало социально значимую окраску.

От полилингвизма и плюрилингвизма *колингвизм* отличается тем, что представляет собой, по мнению предложившей этот термин Р. Балибар, не спонтанную речевую практику рядовых коммуникантов, а результат продуманной государственной языковой политики, направленной на создание условий равенства языков (обычно двух) в одной стране. Колингвизм предполагает систематический перевод текстов с одного языка на другой, преподавание и научное обсуждение языковой ситуации [Balibar 1993: 7; Branca-Rosoff, Balibar 2001: 1; Vilkou-Poustovaïa 2001: 63–64]. Пример колингвизма во Франции – ввод французского языка наряду с латинским в преподавание и в юриспруденцию в XVI в.

Поскольку нас интересует межъязычие, формируемое при овладении французского языка носителями русского, охарактеризуем кратко исторические условия макроконтрактирования между русским и французским языками.

1.2.1.2. Макроконтракты между русским и французским языками

Макроконтракты между этими языками существовали издавна, несмотря на то, что Франция и Россия никогда не граничили друг с другом. Единственные непосредственные контакты, причем военного характера, имели место во времена Наполеона Бонапарта, и они привели к появлению небольшого количества заимствований, часть которых можно рассматривать, скорее, как анекдотичную: в русском – *шваль* от *cheval* ‘лошадь’, *шаромыга* от *cher ami* ‘любезный друг’ (так, согласно легенде, обращались за помощью к местному населению французские солдаты), редкие топонимы (наименования некоторых деревень в Челябинской области), во французском – *bistro* от *быстро* (так, опять же по принятым лексикографами, но никем не проверенным данным, говорили дошедшие до Парижа русские солдаты александровской армии в питейных заведениях этого города, желая, чтобы их побыстрее обслужили). Мирные же, культурные опосредованные контакты между Францией и Россией поддерживались всегда. И если русских заимствований в современном французском языке относительно мало – в специальном исследовании Е. А. Ивановой рассматривается 712 единиц (*boyarynia, obrok, opritchnik, raskol, podorojnaja* и др.), причем основной ряд таких слов появился вследствие послеоктябрьского великого русского исхода и был связан с формированием русской иммигрантской диаспоры во Франции, то «влияние французского языка на русский было очень сильным и отразилось практически на всех уровнях русской языковой системы: в фонетике, синтаксисе, в лексике и фразеологии» [Иванова 2003: 8].

Главным, но не единственным источником такого влияния стал так называемый аристократический русско-французский билингвизм. Оценить уровень владения французским языком представителей русской аристократии можно, например, по «Антидоту», памфлету Екатерины II, написанному в ответ на критические замечания о России в путевых заметках астронома и священника Шаппа д’Отероша и адресованному не столько французскому, сколько русскому читателю [Каррер д’Анкосс 2005], или по романам Л. Н. Толстого и других классиков русской лите-

ратуры [Саина 2000: 74]. Наилучшее представление об этом билингвизме можно получить при знакомстве с личными дневниками русских аристократов [Дебрэнн 2005б: 459–475; Дебрэнн 2006: 366–380]. На примерах дневниковых записей можно также судить о том, как происходили микроконтакты между русским и французским языками в тот период и соответствовали ли они современным системным макроконтактным закономерностям. Так, в специальном исследовании нами были рассмотрены с позиции «правильно-неправильно» особенности межъязычия реального лица – Ольги Ивановны Давыдовой (урожд. Барятинской) – на основе ее дневников, писавшихся по-французски с 1830 по 1848 г. Помимо явных описок, возникавших при переписывании черновиков, встречаются 25 различных типов девиатов (для сравнения, по нашим данным, современные студенты допускают девиаты 500 различных типов). В дневниковых записях О. И. Давыдовой нет тех девиатов, которыми изобилуют работы современных российских студентов.

Помимо прямых контактов и «трилингвизма» дворянской среды, усиленному влиянию французского языка на русский способствовала интенсивная переводческая практика, в процессе которой были заимствованы не только конкретно-предметные лексемы (*жилет, канделябр, медальон, шампильон* и др.), но и наименования многих отвлеченных понятий (*жанр, классификация, сюжет, эклектизм, эмансипация* и др.). Калькировались вторичные метафорические номинации *изящный (élégant), тонкий (fin), живой (vif), плоский (plat), утонченный (raffiné)* [Ковалевская 1992: 163], лексемы *влияние (influence), развитие (développement)*, идиомы *считаться с чем (tenir compte de qqch), человек такого закала (un homme de cette trempe), принять решение (prendre résolution), от всего сердца (de tout mon coeur)*, глагольно-именные сочетания *делать (сделать), производить, иметь (делать вид, делать успехи, сделать / производить впечатление, делать карьеру* и т. п.) [Филиппова 1968: 3–160]. Значительным оказалось влияние французского на русский и в области синтаксиса [Хютль-Фольтер 1997: 103–114]. Эти факторы в некоторой степени, но, как будет показано в следующих главах диссертации, не всегда облегчают формирование межъязычия у носителей русского языка, адекватного французскому языку.

Макроконтактирование возможно только в тех ситуациях, когда наличествуют условия для коллективного языкового микроконтактирования, поскольку изначально межъязычие представляет собой следствие контакта языков на индивидуальном уровне.

1.2.2. Межъязычие как следствие языкового микроконтактирования

На индивидуальном уровне сосуществование двух или более языков / диалектов приводит к появлению различных степеней межъязычия – широкого билингвизма, диглоссии или широкого полилингвизма с присущими этим явлениям интерференцией, речевыми ошибками, особенностями так называемой «двухязычной речи», что можно было бы условно обозначить как последствия языкового *микроконтактирования*.

Под *микроконтактом* мы будем подразумевать сосуществование нескольких языковых систем «в одном индивидуе», а также социокультурные последствия такого сосуществования, способные приводить к возникновению межъязычия и выражающиеся на когнитивном, речевом, поведенческом уровнях. Микроконтакт всегда индивидуален и на первых порах не влияет на судьбу языков в целом. Ситуация языкового контакта порождает и языковой контраст, типология которого разработана в трудах В. Б. Кашкина [Кашкин 2001:224–228].

В определенных социальных условиях наличие межъязычия обуславливает использование говорящим целого ряда коммуникативных тактик, приводящих к социально значимым последствиям.

1.2.2.1. Межъязычие и переключение кодов

Одновременное владение несколькими языками одним человеком возможно (в ситуации «чистого» билингвизма), но широко распространена и ситуация владения межъязычием. Согласно ставшему классическим определению, принятому как в зарубежной, так и в российской лингвистике, билингвизм представляет собой практику попеременного пользования двумя языками, и лица, осуществляющие эту практику, собственно, называются *двухязычными*, или *билингвами*. «Двухязычие имеет место всякий раз, когда человек переключается с одного языкового кода на другой в конкретных условиях речевого общения, независимо от того, идет ли речь о переходе от одного национального языка к другому, от национального языка к

диалекту или же к языку межплеменного (межнационального, международного) общения и т. п.» [Ханазаров 1972: 10]. Среди лингвистов распространена и другая точка зрения, фокусируемая не на понятии «двуязычие», а на понятии «диглоссия», под которой понимают «употребление в одном и том же языковом коллективе как литературной нормы, так и ее вариантов, диалектов, а также взаимодействие диалектов одного и того же языка между собой в речи индивида» [Ferguson 1959 : 339]. Возможно, такое употребление термина *диглоссия* в ряде случаев оправдано, но нельзя забывать, что границу между диалектом и языком провести трудно¹. Для решения интересующей нас проблемы отношений между французским и русским языками термин *диглоссия* не актуален, поскольку существует принципиальное сходство между владением разными языками и разными подсистемами одного языка [Крысин 1976 ; 2000]. Никаких особых различий между терминами *двуязычие* и *индивидуальный билингвизм* в нашей диссертации не проводится, они синонимичны, но второй термин исследователи иногда предпочитают первому из-за его более широких словообразовательных возможностей [Дешериев 1976].

В обзорной статье Г. М. Вишневской «Билингвизм и его аспекты» [1992: 3–14] предлагается учитывать степень индивидуального владения двумя языками как один из способов констатации факта билингвальной ситуации. В других исследованиях представлены несколько иные позиции, в том числе и нейтральная, например: «Сравнительная степень владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия... для исследования которых лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и социальными науками» [Вайнрайх 1972: 9].

Любой коммуникативный акт существует в континууме экзолингвального и эндолингвального общения (*communication exolingue et endolingue*). Терминосочетанием *экзолингвальное общение* обозначают вербальное устное непосредственное общение, характеризующееся различием уровней языковой компетенции его участников [Porquier 1984: 18]. *Эндолингвальное общение*, наоборот, предполагает

¹ Например, до сих пор не решен вопрос о том, считать языком или диалектом франко-провансальский, на котором в современной Франции говорят в Савое, Дофине, Брессе, в окрестностях г. Лиона, а также в западной части кантона Вале в Швейцарии.

коммуникацию, участники которой не имеют различий в уровнях компетенции [Alber, Py 1985] ¹. Начиная с 1980-х гг. за рубежом появляются новые исследования билингвизма, коренным образом отличающиеся от предшествовавших тем, что их авторы опираются не на умозрительные рассуждения о том, что значит «быть билингвом», а на изучение речи конкретных билингвов, в том числе иммигрантов [De Pietro 1988a: 251–267; De Pietro 1988b: 65–89; Devenir bilingue 1987; Alber, Py 1985; Matthey 1996].

Ключевыми в этих трудах стали понятия *переключение кодов* (*alternance de code, code switching*), *маркеры перекодирования* (*marques transcodiques*) и *двуязычная компетенция*. Быть двуязычно компетентным означает быть способным создавать в своем межъязычии естественные соединения между различными языковыми системами, для которых характерны переключение кодов, кальки, заимствования, переносы – все то, что можно назвать маркерами перекодирования [Alber, Py 1985 :2].

Так, в исследованиях швейцарских лингвистов учитывались различные социальные ситуации, в которые попадали билингвы, языки, которыми они при этом пользовались, и то, как они их выбирали в зависимости от статуса своих собеседников. Например, в общении с монолингвом билингв, естественно, использует тот язык, на котором говорит его собеседник, но в беседе с билингвом, у него есть выбор: он может использовать любой из языков «в чистом виде» или «вперемежку», что и обозначено терминосочетанием *переключение кодов*. В русскую лингвистику данный термин был введен в переводе статьи Дж. Гамперца [Гамперц 1972]. Возможен и перевод *смена кодов* [Баранов 2001: 59].

Отметим, что результаты переключения кодов, часто сопровождаемого дополнительными девиациями, традиционно оценивались не только исследователями, но и самими носителями языка как отрицательное явление (вспомним выражение из комедии А. С. Грибоедова «*смешенье языков французского с нижегородским*»). В стилистике ввод иноязычных слов в родную речь рассматривается как *макаронизм*,

¹ Следует уточнить, что в лингводидактике эти термины употребляются в иных значениях: *эндолингвальная среда обучения* – это среда обучения языку в стране распространения данного языка, а *экзолингвальная среда* – в стране, где этот язык не имеет хождения. Например, обучение французскому языку как иностранному во Франции происходит в эндолингвальной среде, а в России – в экзолингвальной среде [Jamet 2000].

используемый писателями в сатирических целях. Так, макаронистически изобразил галломанию высшего общества Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, А. Н. Толстой, А. И. Куприн и др. вводили иноязычные слова в речь своих персонажей, пародируя девиантное употребление французских слов и искажение русских на иностранный манер [Голуб 2001: 7]. Л. П. Крысин отмечает также двойственное отношение говорящих к иноязычным словам – в чужой речи они нередко особенно раздражают [Крысин 2004: 185]. Макаронизмы используются и в языковых играх, требующих не только от автора, но и от читателей владения иностранными языками. Отмечается, что «после октябрьского переворота, с общим падением культуры, этот прием создания комического используется все реже и реже и, в основном, в эмигрантской литературе» [Санников 2002 :472].

Для того чтобы избежать негативных последствий постоянного переключения кодов – формирования широкого девиантного межъязычия вместо «чистого» билингвизма, родителям в смешанных семьях рекомендовалось прибегать к «принципу Ронжа» [Hagège 1996: 41-45]. На основе наблюдений немецкого лингвиста, исследовавшего ранний билингвизм, был сформулирован следующий принцип, позволявший устранить переключение кодов: «один родитель – один язык». По мнению К. Ажежа, переключение кодов может способствовать освоению иностранного языка только в том случае, если оно осознанное и приводит к появлению металингвистического сознания [Ibid. 255]. В противном случае оно – признак *двойной не-компетенции*, или *полуязычия*, согласно терминологии скандинавских исследователей Н. Е. Хансегард [Цит по Hagège 1996: 262] и Т. Скютнабб-Кангас [Skutnabb-Kangas 1981: 252]. На практике бывает трудно различить полуязычие (когда человек владеет двумя или более «вторыми» языками и ни один из них не является для него родным) и простой широкий билингвизм, тем более что на их определения могут повлиять политические или социальные симпатии. Например, речь русских эмигрантов первой волны, как правило, пользовавшихся уважением со стороны французов, принято считать двуязычной, даже в тех случаях, когда их французский, несмотря на десятилетия жизни во Франции, оставался межъязычием – практически буквальным переводом с русского, а в их русском языке на всех

уровнях ощущалось очень сильное влияние французского [Голубева-Монаткина 2000: 120, 129]. Полулингвами же, видимо, следует признать тех (по большей части безграмотных и в своем языке) иммигрантов, которые, забыв родной язык и так и не освоив новый, не способны успешно решать элементарные коммуникативные задачи: найти жилье или работу, обратиться за медицинской или социальной помощью.

Однако ученым пришлось признать, что переключение кодов – нечто большее, чем вынужденная стратегия преодоления коммуникативного препятствия или признак умственной лени. Это чрезвычайно распространенный способ общения, спонтанно возникающий везде, где позволяют соответствующие условия. В современном мире, в котором количество межнациональных (а значит, и межъязыковых) контактов постоянно растет, этот способ общения все чаще закрепляется в художественных формах: в музыкально-песенных [Иванова 2003: 19–20], театральных, литературных произведениях и в кино.

Отличие нового подхода к изучению переключения кодов состоит в том, что в его рамках этому явлению не дается отрицательной оценки, оно просто принимается как данность и изучается с опорой на результаты социолингвистики языкового общения (*sociolinguistique interactionnelle*) и этносоциологии бытового поведения (*ethnosociologie du quotidien*). Опираясь на исследование поведения участника коммуникации, этносоциологи выявляют его поведенческие стратегии, определяют способы преодоления возникших при коммуникации трудностей (библиографию можно найти в работе Alber J.-L., Py B. [1985: 3]). Главные вопросы, на которые исследователи переключения кодов хотят найти ответы, следующие: когда имеет место переключение, каковы условия его появления в речи одного говорящего и в ситуации общения между двумя участниками коммуникации, какова его функция, имеет ли оно внутреннюю логику или появляется стихийно, «анархично»? [Matthey, De Pietro 1997: 133–190].

Характерно, что исследования в таком направлении вполне можно было бы проводить и в среде носителей интересующих нас французского и русского языков. В последнее время возродился интерес к изучению речи русских эмигрантов первой волны (к сожалению, лишь теперь, когда эта речь умирает вместе с ее носителями)

[Голубева-Монаткина 2000: 121]. Эту речь можно исследовать по записям бесед 1990-х гг. об употреблявшихся в 1930–1940 гг. фразах типа *не могли бы вы мне претировать стило?* (*prêter* ‘одалживать’, *stylo* ‘ручка’) и т. п. [Там же] или по художественным произведениям, адресованным в то время не столько русской аудитории в России, сколько эмигрантской. Например, в романах А. Ремизова «Учитель музыки» и «Мышкина дудочка» отражены факты такой речи: *Старший «копэн» донес «патрону», что есть такой «рюс»: все сорта скажет* [Ремизов 2002б]; *сгнули и беспокойные «венгерцы», в Будапеште ли, здесь ли, только уж в другом «картье», безобразничать. И по ночам было очень тихо и только со двора от переполненного ордюрами «пубеля» вдруг развизжатся крысы, и опять затихнет, как вымерло* [Ремизов 2002а]. Можно также привлекать к анализу речь современных русских студентов, обучающихся во Франции: общаясь между собой по-русски, они нередко практикуют переключение кодов¹. Некоторые результаты исследования подобных явлений можно найти у Л. М. Грановской и Е. А. Земской [Грановская 1993; Грановская 1995; Земская 2000].

Речь тех, кто использует переключение кодов, получила название *билингвальной речи* (*bilingual speech*). Термин, введенный Дж. Гамперцем в 1972 г., был переведен на французский язык как *parler bilingue*, что по-русски может быть выражено буквально как «билингвальный говор» [Lüdi, Py 1986, 2004; Grosjean 1984]. Подобная речь является не простым чередованием двух отдельных языков, а часто – самостоятельным, гибридным межъязычием, для нее характерен одновременный доступ к двум или более кодам языкового репертуара. Поэтому, согласно определению Дж. Гамперца, билингвальная речь – это «языковой репертуар, состоящий из серии функционально связанных кодов» [Gumperz 1972: 149].

В исследовании Де Пьетро [Matthey, De Pietro 1997: 9] предложена следующая схема ситуаций общения в лингвистически неоднородной среде (рис. 1.1).

¹ Приведем лишь несколько примеров из нашей картотеки: *Это виктимы маренуара (victimes de la marée noire)* [жертвы разливов нефти], *У сантра коммерсаль стояли шершёр со своей копной и думали, куда поехать на ваканс (centre commercial, chercheur, copine, vacances)* [у торгового центра стояли научный сотрудник со своей подружкой и думали, куда поехать в отпуск], *Что вы хотите как подарки?* [какие подарки вы хотите?].

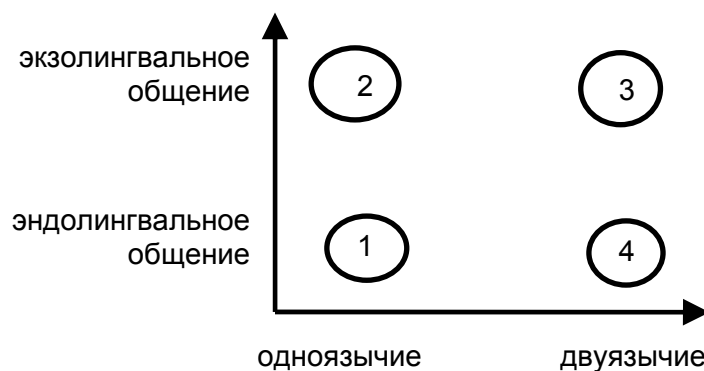

Рис. 1.1. Типология ситуации общения в лингвистически неоднородной среде

На горизонтальной оси отмечено количество языков, которым располагают участники коммуникации в своем языковом репертуаре. На вертикальной оси указано, в какой мере участники общения разделяют те или иные языковые коды. Первая ситуация означает, что собеседники примерно одинаково владеют одним языком. Во второй ситуации собеседники, хотя и говорят на одном языке, не равны в использовании его, и им приходится разрабатывать различные стратегии, чтобы преодолеть трудности в общении (например, применять *упрощение*). Третья ситуация от второй отличается тем, что участники коммуникации располагают двумя языками, которыми они владеют в различной степени, и в разработку стратегии преодоления трудностей при общении вовлечены оба языка. Наконец, четвертая ситуация – ситуация описанной нами выше «билингвальной речи». В предложенной Л. П. Крысиным классификации типов неоднородности языкового кода, разделяемого участниками коммуникации, ситуация билингвальной речи представлена п. 3: говорящие владеют 1) разными языками, 2) каждый своим, но понимают язык другого, 3) двумя или более общими языками и переходят с одного на другой, 4) каждый своим, но к тому же владеют языком-посредником, 5) один коммуникант владеет несколькими языками, другой – только одним из них, 6) все участники коммуникации владеют одним и тем же языком. При этом могут быть различия внутри этого языка по вариантам (диалектам), по использованию устойчивых языковых стереотипов, коммуникативных тактик [Крысин 2000: 3–5].

В настоящее время контакты между русским и французским языками на индивидуальном уровне наблюдаются в следующих ситуациях:

1) в среде так называемых «врожденных» билингвов (как правило, детей, рожденных в смешанных франко-русских семьях во Франции, реже – в других франкоязычных странах и в очень небольшом количестве – в России);

2) в среде всех тех, кто изучает русский язык во Франции и французский язык в России. К сожалению, в обеих странах количество изучающих русский или французский языки как иностранные зависит от многих внешнеполитических и внутриполитических факторов (и даже от моды) и в настоящее время имеет тенденцию сокращаться. Но уровень индивидуального владения языком при этом может быть различным – от очень низкого (*слабое* межъязычие) до чрезвычайно высокого (*сильное* межъязычие и «чистый» билингвизм), достигая и даже превосходя уровень владения языком его исконных носителей. Примерами тому могут служить успехи таких французских писателей – «чистых» билингвов русского происхождения, как Анри Труайя (Лев Тарасов), Натали Саррот (Черняк), Ромен Гари (Роман Касев) или Андрей Макин, причем все их заслуги перед французской словесностью не гарантируют полной свободы от последствий интерференции.

Отметим также, что методика *конверсационного анализа* (analyse conversationnelle) в экзотическом окружении между носителем языка и иностранцем позволяет выяснить, когда и как носитель языка приводит в действие специфические стратегии общения, как, например, *гетероупрощение* (английский термин *foreigner talk*) – упрощение речи человека, говорящего на своем Я₁ с иностранцем, замедление темпа или повышение громкости и использование переформулировок, или сведение речи иностранца, говорящего на Я₂, к минимуму (намек, расчленение) [Alber, Py 1986: 78–90; De Pietro 1988б; Matthey 2000: 127–135].

1.2.2.2. Представления о межъязыковом девиате как об отклонении от нормы

Дискуссия вокруг социальной значимости девиантных речевых фактов ведется давно. Еще в 1929 г. А. Фрейд противопоставил два теоретических взгляда. Французская (Э. Дюркгейм) и Женевская школы (Ф. Соссюр) придерживались нормативной точки зрения на ошибку, согласно которой «правильной речью называется такая речь, которая соответствует требованиям общества, а речевыми ошибками – отклонения от этих требований», тогда как скандинавская школа (О. Есперсен, А.

Нореен, Э. Тегнер) придерживалась функциональной точки зрения. Согласно этому направлению, к которому принадлежал и А. Фрей, «корректность или некорректность языковых явлений зависит от того, насколько они соответствуют определенной функции, которую им нужно выполнить». А. Фрей цитировал А. Нореена: «корректное – это то, что может быть легче и быстрее всего понято слушателем и легче всего выражено говорящим» [Frei 1971: 18], предлагая называть ошибками (*faute*) то, что определяется «нормативно», и «неправильностями» (*incorrections*) – результаты формальных нарушений. Тем не менее далее по тексту сам А. Фрей использовал только термин *faute*.

Как указано выше, общим, родовым понятием для всех терминов, стало понятие девиации. Однако немецкие исследователи возражают против того, чтобы употреблять его имя как центральный термин в «науке об ошибках», по крайней мере в лингводидактике, поскольку считают его слишком широким: под «отклонение» подходят и неправильное языковое поведение, нарушения прагматических или лингвокультурных правил [Fehlerlinguistik...1980: VIII; Raabe 1980: 67–68].

Если принять тезис, что «девиация – отклонение от нормы», необходимо уточнить, как определить норму. Например, в лингводидактике самым простым способом определить норму могло стать сравнение высказываний обучаемого с тем, что носитель языка сказал бы в этой же ситуации. Ср. с определением: «Выражение признается не-отклоняющимся от нормы (то есть приемлемым и подходящим), если бы оно могло быть высказанным образованным носителем языка в том же контексте и воспринятым другими носителями языка как принадлежащее данному языку». Однако в связи с тем, что владение языком даже его носителями может быть очень различным, признается нелогичным «требовать от человека, говорящего на иностранном языке, того, чего и носитель не знает» [Michiels 1999: 39]. Так, в связи с понижающимся уровнем грамотности молодых французов, в чем можно убедиться, посещая различные сайты в интернете и читая виртуальные дневники, нередки случаи, когда иностранцы пишут грамотнее, чем носители языка.

Отклонение, как уже отмечалось, может при этом оцениваться знаком «плюс»: каламбуры, являясь отклонениями от языковой нормы, вызывают смех и как таковые оцениваются положительно, например *mes dommages*, *Madame* вместо *mes*

homages [мое сожаление / мое почтение, мадам!][Trepс 1999], а ученические перлы имеют двойственный статус – с одной стороны, они оцениваются как ошибки (и ученик получает низкую оценку), с другой – они становятся предметом коллекционирования со стороны преподавателей. Для того чтобы определить отклонение, нужно уточнить, от чего отклоняется говорящий. С точки зрения самого межъязычия никакого отклонения (ошибки) как такого нет – высказывание может быть логичным и правильным внутри «третьей системы» [Porquier, Frauenfelder 1980 : 33; Ру 2000 : 77–97]. Как справедливо отмечает А. А. Поймёнова, «при акцентировании внимания на сущности промежуточного языка как *индивидуальной системы*, ошибка не может рассматриваться как «отклонение от нормы», поскольку содержащее ее высказывание так же, как и высказывание, ее не содержащее, ориентировано на *индивидуальную выработанную* норму промежуточного языка» [Поймёнова 1999: 5]. Поэтому в работе «Лексическая ошибка в свете стратегии преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком» исследовательница предлагает называть того, кто обучается иностранному языку и допускает ошибки, не «обучаемым», а «пользователем промежуточного языка» [Там же: 6].

Тем не менее сами носители межъязычия, как правило, стремятся сформировать в своем сознании «чистое» двуязычие, системы норм Я₂ оказываются в фокусе их устремлений.

Любая социальная группа (от нескольких человек до целого государства) имеет систему ценностей. Некоторые из этих ценностей становятся обязательными, нарушение задаваемых ими правил приводит к санкциям. Наличие санкции позволяет говорить о том, что образовалась некая норма. Нормы, как и санкции, могут быть формальными или неформальными. Большинство норм освоено нами в детстве, и они кажутся нам естественными. Они – продукты социальной жизни. Но норма – более специфическое понятие, нежели ценность: такое понятие, как честность, относится к ценностям, но правила, определяющие, что является честным поведением в конкретных ситуациях, – норма. Нормы отражают общую систему ценностей, достигнутых благодаря социализации – освоению индивидом культуры своей группы. Конфликтная школа утверждает, что нормы являются механизмом

решения социальных проблем, и / или орудием давления одной социальной группы на другую.

В обиходе норма также означает статистически определяемый стандарт, усредненное поведение, мнение социальной группы. В таком значении это слово отражает, скорее, действительное, нежели ожидаемое поведение.

Нормы дискурса включают в себя:

- основные культурные нормы данного коллектива;
- нормы, образующие дискурс:
 - ситуационные;
 - коммуникативные;
 - лексико-грамматические;
 - собственно дискурсивные.

Для того чтобы овладеть языком, нужно выучить не только лексико-грамматические нормы, но и весь комплекс дискурсивных норм [Brouat 1979: 49–61].

Языковая норма часто есть результат усилий грамматистов-кодификаторов, установивших, какой вариант языка должен стать государственным, и зафиксировавших этот вариант. Кодификаторская деятельность тесно связана с сильной государственной языковой политикой, приводящей к конкурированию в рамках одного национального языка с богатой книжно-письменной традицией множества подсистем, за одной из которых исторически и конвенционально закреплён статус приоритетной (литературной, стандартной и т.д.). Вначале не было четкого различия между видением собственно языковой системы и ее нормативной подсистемы (ведь для любой подсистемы национального языка имеется свой комплекс норм): считалось, что текст строится на основе языковой системы (языковые единицы + правила их функционирования), имеющей регулирующий характер. Как утверждает А. Е. Карлинский, такой точки зрения придерживался Б. Гавранек [Карлинский 1990: 36]. Впоследствии понятия «норма» и «система» были четко разграничены в работах Е. Косериу. Согласно его взглядам, норма – сознательная или бессознательная регламентация потенции языковой системы, закреплённая общественной практикой [Там же: 39]. Поэтому норма может нарушаться, но необходимо каж-

дый раз понимать, что нарушается: «система нарушена в том случае, когда *так* сказать нельзя, норма оказывается нарушенной тогда, когда так сказать можно, но *никогда* не говорится» [Верещагин 1969: 51]. Помимо норм, существуют и устойчивые языковые реализации (штампы), характерные для определенной культурной или языковой общности. Они составляют *узус*, который также может быть нарушен.

Возникает вопрос, какая из подсистем национального языка становится «языком-целью». Книжно-письменный тип по своему лексическому, синтаксическому и т.д. устройству может сильно отличаться от устно-разговорного типа, особенно имеющего региональный характер. Что же касается французского языка, на котором, помимо Франции, говорят во многих странах, разделенных исторически и географически, то эта проблема особенно актуальна и вызывает споры: бельгийцы или квебекцы, например, не понимают, почему «законом» для них должно стать то, что решила Французская академия на берегах Сены. Отражением этой проблемы стало принятие, помимо термина *стандартный французский язык* (терминологический аналог *русского литературного языка*), терминов *точка отсчета* (*français de référence*), к которой принадлежат «все употребления, внесенные в словари и отмеченные как престижные парижскими лексикографами» и *нулевой французский* – набор слов и структур французского языка, общих для всех его вариантов [См. работы К. Пуарье и Р. Шоденсона. Цит. по: Marquillo Larruy M. 2003: 31–32].

До 1970-х гг. имплицитно признавалось, что норма французского языка одна для всех. Однако в 1969 г. был опубликован специальный номер журналов «Le Français dans le Monde» и «Le français d'aujourd'hui» под названием «Единство и разнообразие современного французского языка». Единой французской нормой противопоставлялось нормативное разнообразие, связанное с разнообразием коммуникативных ситуаций и существованием оппозиций устная / письменная речь, прямое / опосредованное общение, частная беседа / публичное выступление, с одним / с несколькими собеседниками, а также с социокультурными характеристиками коммуникантов (возраст, пол, профессия) и содержанием речи.

В настоящее время различают следующие вариации норм:

- социальные (variation diastratique);
- исторические (variation diachronique);
- локальные (variation diatopique);
- ситуационные (variation diaphasique),

а также устный и письменный варианты нормы [Ibid.46].

Норма имеет три аспекта:

- употребительный. Одно из самых известных французских пособий по грамматике так и называется – «Le bon usage» ‘правильное употребление’ [Grevisse 1969];
- объективирующий, связанный с реальным отражением языковой системы так, как ее описывают лингвисты;
- предписывающий.

Хорошим примером разноаспектности нормы может служить так называемая «феминизация» названий профессий во французском языке: Французская академия (среди членов которой преобладает предписывающая норма) очень резко выступает против феминизации, в том числе против издания соответствующих специальных справочников [Femme... 1999]. Объективная же норма французского языка находится в процессе становления, а употребление не совпадает в разных печатных изданиях и в различных франкоязычных странах. Можно констатировать, что по сравнению с 2001 г. [Иутина 2001] ситуация изменилась и в прессе выражение *la ministre* стало общепринятым, появились новые слова – *la professeure, l'auteure* [женщина-министр, преподаватель, писательница] [Зоткина 2005]. Для нового канцлера Германии А. Меркель французские средства массовой информации почти без исключения используют титул женского рода – *la chancelière*. Заметим, что в межъязычии русских респондентов, исследуемом нами, такие формы используются, хотя они не преподавались.

Кроме названных выше трех аспектов, языковую норму можно описать в эстетических категориях (так красиво / так некрасиво) и даже, согласно М. Моро, как нечто мифическое, недостижимое, перед чем все робеют [Sociolinguistique 1997].

Итак, межъязыковые девиантные факты могут вызывать различную социальную реакцию: от общественного порицания, способного быть выраженным в репрессивных действиях, до игнорирования обществом этих фактов. На уровне микрокон-

тактирования, например, в ситуации освоения вторичной языковой системы, у носителя межъязычия есть две возможности: либо выучить модели, представляющие норму, либо самостоятельно выработать в своем межъязычии норму методом индукции. Б. Пи разделяет процесс строительства межъязычия как автономной идиосинкрастической системы, отличной от Я₁ и от Я₂, и процесс регулировки расстояния между межъязычием, Я₁ и Я₂, то есть установлением нормы [Ру 1993: 10].

1.3. Психолингвистический аспект межъязыковой девиатологии

1.3.1. Психолингвистическая интерпретация билингвальной ситуации

В истории российской науки понятие *промежуточного языка* было введено в аппарат психолингвистики А. А. Залевской в 1996 г. [Поймёнова 1999: 4]¹, но еще до того, как анализ ошибок стал исследовательским подходом в лингвистике и лингводидактике, речевые девиаты, оговорки, все виды девиантного коммуникативного поведения привлекали внимание психологов (и даже психотерапевтов). Построенные ими разнообразные классификации обнаруженных фактов обычно базировались на структурно-системным критериях (типичный пример такой классификации приведен в работе Р. В. Лопухиной [1990: 18–29]), в связи с чем представляется очень интересной гипотеза М. Т. Мотли: она подтверждается в исследовании М. А. Королевой [1989: 14] и гласит, что ошибка на одном речевом уровне есть результат ошибочного когнитивного оперирования единицами более высокого уровня, но уже языковой иерархии. Например, многие оговорки (а исследование М. А. Королевой посвящено именно им), кажущиеся на первый взгляд фонетическими, являются, скорее, результатом «конфликтов» между единицами морфологического или даже лексического уровней, то есть возникают на уровне выбора словоформ, ср.: в высказывании *на каждом автобусе был флажок повесен* (вместо *повешен*) замена звука произошла в результате контаминации форм *был повешен* /

¹ А. А. Поймёнова утверждает, что есть различие между тем, как определяют этот термин западные исследователи и российские (тверские) психолингвисты (А. А. Залевская и ее ученики). Она считает, что отечественные психолингвисты уделяют больше внимания овладению лексической системой и видят в промежуточном языке «самостоятельную динамическую языковую систему, состоящую из индивидуальных представлений обучаемого о значениях лексических единиц иностранного языка и о правилах (в том числе грамматических) их использования. В рамках этой теории такие традиционно рассматриваемые грамматические элементы, как приставки, предлоги, союзы, артикли, вспомогательные глаголы и т. д., рассматриваются как часть лексического запаса человека» [Там же].

*повесили*¹. Первое лингвистическое исследование «ошибочного» материала представлено в монографии «Не говори шершавым языком» [Горбаневский и др.], в которой обобщен опыт проводимого студентами РУДН с 1997 г. исследования языка СМИ. В их работе предложен термин *прецизионные ошибки* по аналогии с термином теории перевода. Как известно, в теории перевода *прецизионными словами* являются языковые единицы, которые требуют особо высокой точности при переводе – имена собственные, числовые величины и т. п. Авторы данного труда предлагают назвать прецизионными ошибками «слова и конструкции, которые служат камнем преткновения в овладении нормами литературной речи. В речевой практике в них постоянно совершаются отклонения от правил, столь же постоянно и настойчиво отмечаемые и специалистами по культуре речи, искоренить их в узусе не удастся в течение длительного времени. Ошибки этого типа служат своего рода лакмусовой бумажкой, культурно-речевым тестом для говорящих, определяющим степень владения ими культурой русской речи». Таким образом, речь идет о так называемых распространенных и устойчивых ошибках.

Нам представляется, что термин не слишком удачно выбран по двум причинам. Во-первых, слово *прецизионный* означает ‘уточняющий’ (фр. *préciser* – ‘уточнить’), что оправдано в контексте теории перевода: имена собственные, цифры уточняют, конкретизируют передаваемую информацию, и в этом отношении они, конечно же, представляют собой важные элементы сообщения. В процессе последовательного перевода лучше передать *Путин в Конго 3 дня* (передача прецизионных слов), нежели *кто-то поехал куда-то на несколько дней* (передача грамматического ядра предложения). Но внутренняя форма термина *прецизионные ошибки* не означает, что они важные или частотные. Вторая причина, по которой нам представляется неудачным данный термин, состоит в утверждении, что «в них постоянно совершаются в речевой практике отклонения от правил» [Там же]. Для того чтобы ут-

¹ Отметим, что в каждый преподаватель иностранного языка «стихийно» в той или иной мере занимается анализом, систематизацией межъязыковых девиатов своих учеников. Это необходимо ему прежде всего для того, чтобы оптимизировать процесс преподавания. Коллекции ошибок можно найти на любом профессиональном сайте (например, на русском сайте www.gramma.ru или на французском www.portail.lettres.net). Ошибка чрезвычайно привлекательна, аттрактивна, и такие коллекции читаются рядовыми носителями языка с таким же удовольствием, как и подборки анекдотов.

верждать, постоянно ли допускается то или иное отклонение, нужно собирать не только случаи неправильного употребления (как, например, *ложить* вместо *класть* или *одеть* вместо *надеть*), но и все случаи правильных употреблений, требуется широкая исследовательская база. Кроме того, поскольку девиантные факты собирались постепенно, в классификационные параметры попали в один ряд и причины возникновения девиаций (например, небрежность, невнимание к собственной речи) и результаты этих процессов (например, последствия выбора неправильного падежа).

Психолингвистика так же, как когнитивистика и социолингвистика, исследует билингвизм, соотносясь с ними в этой объектной области. Строго говоря, несмотря на столь широкое разнообразие типологических критериев, большинство билингвистических типологий в этих науках базируется или на бинарной оппозиции *чистого* и *смешанного* двуязычия, предложенной еще Л. В. Щербой [Щерба 1974: 60], или на трехчленной оппозиции *координативного*, *смешанного* и *субординативного* двуязычия, предложенной У. Вайнрайхом [Weinreich 1953, 1979]¹. Несмотря на утверждение Е. М. Верещагина, полагающего, что «вторичное открытие» У. Вайнрайхом базовой оппозиции билингвистической типологии Л. В. Щербы было самостоятельным [Верещагин 1969: 27], можно с полной уверенностью утверждать, что У. Вайнрайх опирался на работы русского ученого. Родившийся в Вильно в 1926 г., У. Вайнрайх, скорее всего, знал русский язык, о чем свидетельствует большое количество (более 20) русских научных трудов в составе библиографии его книги «Languages in Contact», в том числе и исследований Л. В. Щербы. В гл. «Теоретические предпосылки», п. 2.13 «Природа знака в языковых контактах», где даны определения видам билингвизма, У. Вайнрайх опирается на взгляды Л. В. Щербы, цитирует его, более того, приводит примеры русско-английского билингвизма (*book – книга*). Третий (субординативный) тип билингвизма У. Вайнрайх вводит, опираясь на работу М. Робертса 1939 г. [Цит. по:

¹ Так, в исследованиях по лингводидактике противопоставление типов билингвизма осталось в виде координативный / субординативный [Lambert 1958: 239–244; Ervin 1961: 446–451; Ervin, Os-good 1954: 139–146; 1973: 15–23; Розенцвейг 1972], а в лингвистических работах – в виде координативный / смешанный.

Weinreich 1953:11], и нигде не приписывает себе открытие ставших впоследствии широко известными типов билингвизма «по Вайнрайху» [Дебрэнн 2005а: 87–88].

Л. В. Щерба и У. Вайнрайх в своих классификациях опирались на характер соотношения различных речевых систем в сознании одного и того же человека. Подчеркнем, что не доказано, имеет ли такое представление что-либо общее с данными нейролингвистики, однако выявление любой связи между этими концепциями было бы интересным, ср.: «латерализация первого языка, усвоенного прямым методом, связана с обоими полушариями (так как начальный этап обеспечивается структурами правого, а конечный – структурами левого), тогда как латерализация второго языка, выученного школьным методом, связана в основном с левым» [Черниговская // <http://www.csa.ru/minerva>]. Билингв чистого (координативного, по Вайнрайху) типа обладает двумя независимыми друг от друга понятийными системами (означающими и означаемыми), тогда как при смешанном типе при одном означаемом имеется два означающих. В связи с этим очень интересны результаты исследования Е. М. Верещагина, изучавшего механизм выбора языковой единицы в речи билингва [Верещагин 1969: 79]. Ученый предположил, что связь между понятием и лексемой, выражающей это понятие, может быть только относительно устойчивой. Первым актуализируется понятие, затем, спустя некоторое время, лексема. Одно понятие может актуализировать несколько лексем, и при этом они могут принадлежать к словарям разных языков. В дальнейшем Е. М. Верещагин разработал ряд экспериментальных методик для определения типа билингвизма конкретного человека.

В целом, исследования по межъязыковой девиатологии в этой области ориентированы на поиск универсальных психолингвистических механизмов, вызывающих девиаты, например *соположение* (juxtaposition), когда студент не видит связи между двумя языковыми явлениями, *трансдукция* (transduction), когда он «скачет» от одного частного случая к другому, и *синкретизм*, когда он устанавливает связь всего со всем и связывает явления, ничего общего между собой не имеющие [Cain 1987: 1–10]. Другие авторы предлагают свои системы, более или менее дробные (См., например, классификации, предложенные в работах [Lamy 1976: 118–127; Coïaniz 1996]).

Такие направления, как *контрастивный анализ* и *анализ ошибок*, широко известны не только в психолингвистике, но и в общей лингвистике. На психолингвистические исследования межъязыковых девиатов эти направления оказали решающее воздействие (подробный обзор литературы можно найти у А. А. Залевской [1999]). Кратко историю вопроса можно представить следующим образом: в работе Р. Ладо [Lado 1957] была высказана гипотеза, что чем больше различий между родным и изучаемым языками, тем труднее изучать новый язык и сложнее избежать ошибок. Преподавание иностранных языков долгое время опиралось на бихевиоризм и было построено так, что студент должен был отработать механизмы иностранного языка до автоматизма, при этом ему предлагались упражнения с таким расчетом, чтобы исключить девиации (так называемая методика Скиннера). Параллельно, для выявления потенциальных девиатов, проводились исследования по контрастивному анализу языков. Спустя некоторое время было замечено, что гипотеза Р. Ладо себя не оправдывает и что нет прямой связи между различием языков, сложностью обучения и количеством ошибок. В зависимости от исследований – и, видимо, от методики их проведения – приводятся следующие цифры: до 50 % ошибок вызваны родным языком в изучении испанского англоговорящими канадцами, 21 % – английского шведами, 5 % – английского испаноговорящими [Roulet 1976: 44]. Среди контраргументов гипотезе можно найти следующие:

- неправильно опираться на психологическую теорию переноса;
- обучаемый знакомится с языком постепенно, а не сопоставляет всю систему разом, как это делают ученые;
- наука пока еще не решила, что считать подобным или различным в языках [Немзер 1989:129].

В исследованиях российских психолингвистов речевые ошибки описываются в традициях теории речевой деятельности [Леонтьев 1969а; 1969b; 1974а; 1976; 1997], и в частности, в исследованиях механизма производства речи. Различают механизм осуществления деятельности и механизм контроля над его осуществлением, механизмы взаимозамены и поиска слов на основе их ассоциативных характеристик, звукового облика и субъективного отношения говорящих. Механизм ус-

тановки (в трактовке психологов школы Узнадзе) как досознательное состояние готовности организма к некоторому поведению играет огромную роль в механизме речепроизводства. Он вырабатывается в результате повторяющихся в идентичных условиях действий. Когда возникают новые ситуации, как, например, при изучении иностранного языка, процесс останавливается, и то, что помешало развитию речевой деятельности, становится объектом мыслительной деятельности. После устранения препятствия, механизм возвращается в установочный план [См. работы таких авторов, как А. А. Алхазишвили, Т. Д. Кузнецова, И. В. Привалова]. В рамках теории речевой деятельности «речевая ошибка в общем виде характеризуется неадекватностью речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это действие» [Леонтьев 1970: 79]¹. Различают: 1) ошибочное речевое действие (сказать *pardon Madame*, столкнувшись с телеграфным столбом); 2) ошибочное программирование речевого действия (не совсем правильный ответ с психологической точки зрения, а с точки зрения лингвистики – правильное действие); 3) ошибочную операцию (в звене реализации программы высказывания); 4) ошибку моторного программирования (оговорку).

Считается, что ошибка от оговорки отличается тем, что говорящий может без подсказки исправить оговорку (он знает, что его высказывание неправильно, отклонение от нормы может быть вызвано усталостью, невнимательностью...), тогда как ошибку ему сложнее исправить. Когда речь идет об иностранном языке, это противопоставление не всегда четко прослеживается: в случае Я₂ обучаемый может знать правило «в принципе», но недостаточно твердо, не до автоматизма, что и приводит к ошибкам (не оговоркам). Он может знать, например, что по-французски существительное, заканчивающееся на *-tion* женского рода, но забыть об этом и сказать «*un relation*», «*un question*» вместо *une relation*, *une question* [отношение, вопрос]. Если обратить его внимание, он тут же исправит ошибку (так же, как если бы речь шла об опiske или оговорке). Поэтому в нашем материале мы не проводим границы между ошибками и оговорками, тем более, что источники

¹ В работах о теории ошибок часто цитируется образное выражение А. А. Леонтьева: «речевые ошибки – следы разошедшегося шва в речевом механизме».

нашего исследования – письменные работы, которые респонденты, в принципе, перечитывали перед тем, как сдать.

С другой стороны, неверно полагать, что оговорки или опечатки появляются случайно, бессистемно. Согласно исследовавшей их М. А. Королевой, «оговорки обнажают внутривербальные процессы, доказывая реальность и сложность строения этапа грамматического развертывания высказывания» [Королева 1989: 16]. Систематику этого вида языкового отклонения исследовали также Ю. В. Красиков и Г. В. Ейгер [Красиков 1980; Ейгер 1990]. Опираясь на введенное П. Я. Гальпериным в психолингвистику понятие «языкового сознания» [Гальперин 1977: 97–99], Г. В. Ейгер определяет *механизм контроля языковой правильности высказывания* как «механизм сличения и оценки соответствия значения и / или формы данной единицы структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом» [Ейгер 1990: 10] и прослеживает особенности его работы на этапе внутреннего программирования речевого высказывания и на этапе реализации программы. На первом этапе причинами ошибок могут быть неразличение 1) субъекта и объекта действия, 2) субъекта или объекта действия и самого действия, 3) субъекта или объекта действия и его результата, 4) предмета и его признака, 5) нескольких действий, тогда как на втором этапе ошибки могут возникать из-за нарушения синтаксического согласования вследствие синтаксической или семантической ассимиляции и паронимии, а также из-за контаминаций или индукций [Там же: 64]. Наконец, ляпсусы традиционно являются объектом исследования психоаналитиков, ср. с русским выражением «оговорки по Фрейду» [См., например: Fromkin 1973; Fenoglio 2000: 131–148; 2003: 307–316].

Психолингвистические наработки возможно применять и в лингводидактике, как это делается в рамках румынской школы психолингвистики под руководством Т. Слама-Казаку. На основе трудов представителей этой школы Г. Дока разработал методику составления корпуса примеров для анализа ошибок [Дока 1981]. Основная мысль работ этих исследователей состоит в том, что предупреждение и избавление от психолингвистической интерференции – важнейшее условие улучшения преподавания иностранного языка. Румынские исследователи предлагают различить:

Casq (corpusuri de achiziție) – корпус освоенного материала, то есть совокупность всех высказываний студентов за время обучения. Он может состоять из упражнений, целевых тестов, диктантов, самостоятельных продуктов в виде сочинений, а также из систематических записей преподавателей;

CABER (corpusuri aberante) – корпус девиатов, выбранный из Casq на основе четких критериев;

SHE (sisteme ierarhice de erori) – иерархическая система девиатов, результат исследования Caber. На основе этого анализа можно определить слабые места в преподавании. Вычисляется частотность девиатов. Анализ Caber проводится по следующим параметрам [Ibid. 58–59]:

- уровень владения языком (начальный, средний, продвинутый);
- вид задания;
- общее количество единиц корпуса, количество единиц каждого типа девиации;
- «тяжесть» (серьезность) девиата;
- языковой уровень, где встречается данная девиация (от фонетического до текстового уровня);
- суть данной девиации: опущение, добавление, замена элемента, перестановка слов. Для устных девиатов – сдвиг ударения, неправильная интонация, пауза внутри слова.

Анализ девиаций позволил выявить следующие тактики освоения языка:

- регуляризацию¹, то есть обнаружение сходств между языковыми фактами и самостоятельную выработку правила, позволяющего производить подобные факты. Механизм регуляризации разный на разных этапах обучения;
- контаминацию, сопоставление слов, синтагм и грамматических структур родного языка со словами, синтагмами и грамматическими структурами изучаемого языка и других ранее изученных языков. В некоторых случаях одна форма парадигмы (так называемая «сильная» форма) влияет на гипотезы студента о других формах;
- противопоставление (для фонем).

¹ Есть опасение, что двойной перевод терминов (с румынского на французский, а затем на русский) искажает их смысл: *регуляризация* здесь должна пониматься как «выработка правила».

К сожалению, практическая часть работы сводится в основном к подсчетам, в которых статистика проводится не по отношению к объявленному Casq (то есть ко всем изученным формам), а внутри Caber, что снижает их статистическую ценность.

1.3.2. Понятие о девиации в когнитивной психологии

В психологии, особенно в психологии когнитивной, девиациям уделяется большое внимание (В. Вундт, З. Фрейд, О. Мессмер, Г. Ваймер, И. Равшбург) [Королева 1989: 6]. Для того чтобы выработать общие принципы описания порождения девиатов, нужно учитывать суть задачи, условия ее реализации, механизмы деятельности человека, его намерения, включая его представления о цели и о средствах их реализации.

В фундаментальном исследовании Д. Ризона «Человеческая ошибка» [Цит. по французскому переводу: Reason 1993] девиация отделена от неудачного планирования и неудачной реализации. Под девиацией понимается в общем виде «любая ситуация, при которой некая цепочка ментальных или физических действий не достигает желанной цели и эта неудача не может быть приписана случаю» [Ibid. 31]. В своей «модели ошибочной деятельности» (GEMS – Generic Error Modelling System) автор различает три типа ошибок:

- *неудачи, или ляпсусы;*
- ошибки, связанные с правилами;
- ошибки, связанные с декларативными знаниями [Ibid. 113].

Факты первого типа возникают из-за невнимательности, то есть из-за отсутствия контроля на высоком уровне (например, по этой причине в январе мы можем датировать письмо предшествующим годом вместо наступившего), оттого, что возник отвлекающий момент, прервавший наше действие, или оттого, что наши органы чувств получают нечеткую информацию. Примером неудачного действия можно считать ситуацию, когда хозяйка во время приготовления чая отвлекается на мяукающую кошку и в результате кладет в чайник кошачий корм вместо заварки¹. На появление ляпсусов может также влиять чрезмерный контроль над действиями, который препятствует автоматическому исполнению действий.

¹ Дж. Ризон подчеркивает, что все приведенные в его исследовании примеры взяты из жизни.

Факты второго типа возникают в ходе решения житейских задач в различных случаях:

- при применении корректно построенного (в принципе) правила, не подходящего, однако, для данного случая,
- при применении ошибочного правила, не приводящего к ожидаемому результату.

Факты третьего типа также возникают в ходе решения житейских задач, но происходят оттого, что информация об условиях решения задач, которой мы располагаем, либо неполная, либо ошибочная: например, можно выделить не самые главные признаки ситуации, пропуская самые главные, использовать неправильные аналогии и т. п.

В заключение Д. Ризон замечает, что вид девиаций зависит от универсальных когнитивных законов: когнитивные операции недоопределены из-за неправильных, двусмысленных или слишком фрагментарных данных, не позволяющих осуществить поиск в памяти, неправильных или неполных знаний, забывчивости, ограниченности внимания, естественных или патологических нарушений внимания и т. д. [Ibid. 160].

Отметим важный факт: обнаружение девиата может происходить благодаря механизму самоконтроля и в связи с реакцией окружающей среды (отсутствует ожидаемый эффект) или с вмешательством постороннего человека. Внешняя реакция заинтересованных собеседников часто моментально активизирует сознание носителя межъязычия и, если его межъязычие располагает репертуаром средств, в том числе и правильных, приводит его к необходимости коррекции высказанного.

1.3.3. Психолингвистическая интерференция

С психолингвистической интерпретацией билингвальной ситуации непосредственно связано понятие *интерференции*, которую так же, как и девиацию / девиат, можно в самом общем виде представить в виде процесса, или *интерферирования*, то есть «взаимодействия в сознании билингва двух психолингвистических процессов, обычно функционирующих независимо друг от друга» [Sociolinguistique 1997: 178], и в виде результата этого процесса, *собственно интерференции* – от-

клонения от норм данного языка, появляющегося в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [Хауген 1971: 62].

Заметим, что термин *интерференция* возник в языке британской науки в конце XVIII в, и существительное *interference* было создано на основе латинских корней, а изначально термин использовался в текстах по физике, обозначая сложение в пространстве двух или нескольких волн одинакового периода. Впоследствии его метафорически стали употреблять и в других науках, в том числе в биологии и психологии.

Как полагает А. Е. Карлинский, опирающийся на мнение Й. Йюхаса, именно из ассоциативной психологии термин *интерференция* перекочевал в лингвистику, а точнее, в теорию языковых контактов [Карлинский 1990: 92]. Впервые он был применен в 1915 г. в связи с описанием проблем многоязычия И. Эпштейном и затем получил широкое распространение через труды У. Вайнрайха [Там же: 93]. Другую точку зрения на происхождение этого термина в лингвистике можно встретить в работе В. Ю. Розенцвейга, считающего, что У. Вайнрайх заимствовал этот термин у таких ученых Пражского лингвистического кружка, как Э. Хауген и Б. Гавранек [Розенцвейг 1972: 8].

Один из главных вопросов в определении понятия интерференции следующий: считать ли это явлением языковым или речевым? (табл. 1.1)¹. Так, Л. И. Баранникова полагает, что следует различать *языковую интерференцию* (в области лексики к ней будут относиться заимствования, языковая интерференция может быть словообразовательной, морфологической, синтаксической) как сильную (затрагивающую языковой субстрат), так и слабую (затрагивающую только речевые нормы), и *речевую интерференцию* [Баранникова 1972: 88–98]. Для определения этих же явлений В. Ю. Розенцвейг использует термины *конвергенция* и *интерференция* [Розенцвейг 1972: 4], а А. Е. Карлинский вводит их аналоги – тер-

¹ Заметим, что дополнительная сложность в поисках ответа на этот вопрос российскими лингвистами иногда возникает из-за неадекватного использования ими терминов зарубежных научных школ. Во-первых, не во всех работах западных исследователей разграничение языка и речи вообще проводится последовательно, во-вторых, в русских переводах, например, французских лингвистических работ слово *linguistique* используется и в значении ‘языковой’, и в значении ‘лингвистический’. Кстати, именно по этой причине в труде «Cours de morphologie générale» на французском языке И. А. Мельчук вводит индексы: *linguistique*₁ (относящийся к языку) и *linguistique*₂ (относящийся к лингвистике) [Mel'çuk 1993 : 10].

мины *языковая диффузия* и *речевая мутация* [Карлинский 1980: 6]. Дихотомия, предложенная А. Е. Карлинским, базируется на противопоставлении синхронного и диахронного аспектов в изучении интерференции. Речь идет о том, что индивидуальная (или речевая) интерференция может стать языковой, а впоследствии ее результаты вообще могут приобрести статус нормативных для данного языка. Метафорический термин *языковая мутация* в этом контексте нам представляется очень удачным: ведь, согласно теории биоэволюции, именно вслед за индивидуальными мутациями появляются новые виды живых организмов, и в этом отношении интерферентные и другие виды речевых ошибок вполне могут рассматриваться в качестве «двигателя» языковой эволюции.

Таблица 1.1

Типы интерференции по признаку язык / речь

В языке	В речи
языковая интерференция Б ²⁶ конвергенция Р языковая диффузия К	речевая интерференция Б интерференция Р речевая мутация К

Отметим, что по сей день не утихают споры о том, следует ли считать интерференцию положительным или отрицательным явлением. С одной стороны, языковая интерференция свидетельствует об обогащении одного языка другим, с другой – ее можно рассматривать как тревожный симптом надвигающейся смерти языка, и именно последней так боятся современные французские «пуристы», воюющие с «нашествием» англицизмов [См. об этом, например: Hagège 1987]. Языковая интерференция тесно связана и с таким социолингвистическим фактором, как престижность использования того или иного языка в определенной среде.

Вторая «оппозиция» в исследованиях интерференции связана с обозначениями ее типов и отражает направления в ее развитии. Некоторые исследователи считают, что интерференцией можно в равной мере обозначить и влияние родного языка на иностранный, и влияние иностранного языка на родной. Но не все с этим согласны, и для обозначения разнонаправленных процессов предлагаются разные термины.

²⁶ Литерами обозначены фамилии исследователей, использовавших термины: Б = Л. И. Баранникова, 1972; Р = В. Ю. Розенцвейг, 1972; К = А. Е. Карлинский, 1990.

Представляется, что отождествлять процессы влияния родного языка на иностранный и иностранного на родной вряд ли целесообразно, и мы согласны с мнением советского исследователя Э. М. Ахунзянова [1978], полагавшего, что не всегда говорящий лучше всего владеет именно тем языком, который он выучил первым, «от матери»²⁷. Напомним, что мы обозначаем «родной» язык (тот язык, который сам говорящий таковым считает, даже если это – не «материнский» язык) как Я₁, а иностранный – как Я₂ (или как Я_n,- любой, кроме Я₁ и Я₂, язык, если задействованы несколько иностранных языков). Э. М. Ахунзянов предлагал назвать *интерференцией* обогащение первого языка под влиянием второго (что у него сводилось к русским заимствованиям в татарском языке), считая это явлением положительным, а назвать *трансференцией*²⁸ перенос навыков родного языка на изучаемый язык и считать его отрицательным, как в следующих примерах: 1) использование словосочетаний типа *белое масло* в русской речи татар вместо *сливочное масло*, вызванных многозначностью татарских слов; 2) смешение в речи татар русских глаголов *приносить*, *привозить*, *приводить*, поскольку они имеют один эквивалент в татарском; 3) употребление в речи татар словосочетания *буран вышел* вместо *поднялся*, вызванное многозначностью русского слова.

Кроме разнонаправленности, главное отличие этих явлений состоит еще и в том, что трансференция не оказывает влияния на структуры и нормы изучаемого языка.

В фундаментальном исследовании, посвященном теории языкового взаимодействия и проблемам интерференции, А. Е. Карлинский предлагает следующую терминосистему: 1) при речевой мутации возникают явления *интерференции* (в направлении от родного языка к иностранному) и *интеркаляции* (в направлении от иностранного языка к родному), 2) при языковой диффузии в соответствующих направлениях различают *трансференцию* и *транскаляцию* [Карлинский 1980: 15] (табл. 1.2).

²⁷ В большинстве европейских языков понятие «родной язык» выражено словосочетанием «материнский язык».

²⁸ Термин *Transferenz* взят из немецкой научной литературы, но в исследовании Э. М. Ахунзянова не уточняется, кто именно – Clyne или Lewandowski – автор данного термина [Ахунзянов 1978: 88].

Таблица 1.2

Типы языковых контактов (по А. Е. Карлинскому)

	Язык	Речь
$Я_1 \rightarrow Я_2$	Трансференция	Интерференция
$Я_2 \rightarrow Я_1$	Транскаляция	Интеркаляция

Интерференция, по А. Е. Карлинскому, характеризуется следующими параметрами:

- ненормативностью (отклонением от *нормы* в речи на $Я_2$, возникающее под влиянием $Я_1$);
- зависимостью качества и количества интерференций от отношений между *системами* контактирующих языков;
- связью отклонения с *особенностями* речевой деятельности билингва на $Я_2$;
- возникновением в *процессе* коммуникации в условиях билингвизма.

В соответствии с этими параметрами А. Е. Карлинский предлагает следующую типологию интерференций (табл. 1.3) ²⁹.

Таблица 1.3

Типы интерференции (по А.Е. Карлинскому)

нарушение плана выражения (сигнативная)								нарушение плана содержания (контенсивная)							
Фонетическая				лексическая	грамматическая	звуко-буквенная	фонетическая				лексическая	грамматическая	звуко-буквенная		
звуковая	просодическая	парадигматическая	синтагматическая				звуковая	просодическая	парадигматическая	синтагматическая					
				парадигматическая	синтагматическая	парадигматическая					синтагматическая	парадигматическая	синтагматическая	парадигматическая	синтагматическая

²⁹ Напомним, что в теории А. Е. Карлинского интерференция – только речевая и только в сторону $Я_1 \rightarrow Я_2$.

По первому признаку – отношению к норме – следует учитывать план выражения и план содержания, парадигматику, синтагматику и затронутый языковой уровень.

Второй признак – характер отношений между элементами контактирующих языков – А. Е. Карлинский считает лингвистическим: различие или сходство двух языковых систем порождает девиаты того или иного типа. Исследователь использует термины, предложенные У. Вайнрайхом [Weinreich 1953: 18–19], расширяя их значения по отношению ко всем типам интерференции (у У. Вайнрайха они описывали лишь фонетическую интерференцию). При этом, считая данные факторы лингвистическими, А. Е. Карлинский рассматривает их с точки зрения психолингвистики. Его типология интерференций по второму признаку представлена на рис. 1.2, который мы сопроводим следующими комментариями и девиантными иллюстрациями из нашей картотеки:

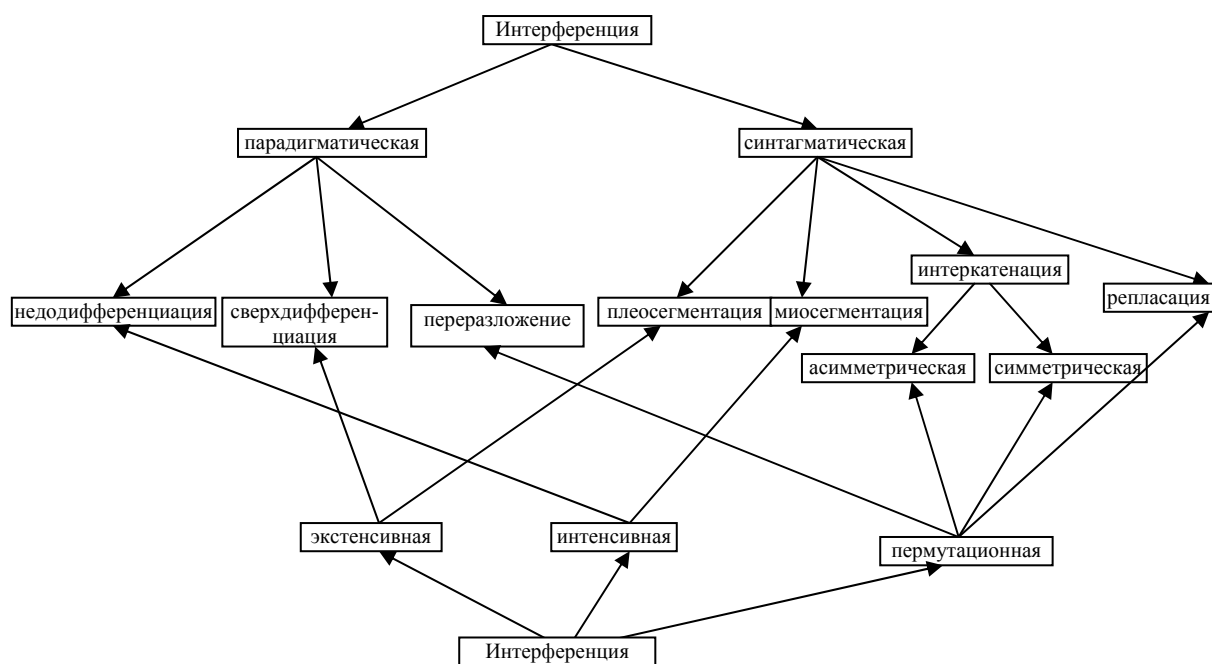

Рис. 1.2. Типология интерференции по характеру отношений между элементами контактирующих языков (по А. Е. Карлинскому)

- *недодифференциация* – интерференция, возникающая при неразличении двух элементов Я₂, например, при смешении французских существительных *piéd* [нога (ступня)] и *jambe* [нога];

- *сверхдифференциация* – интерференция, возникающая в ситуации, когда один элемент Я₂ «расщепляется» на два или более; А. Е. Карлинский приводит пример различения кратких и долгих гласных в русском языке (где этот признак нерелевантен) под влиянием немецкого языка [Карлинский 1990: 101–109].

- *переразложение* (реинтерпретация) – интерференция, выражающаяся в сочетании нескольких элементов вместо одного, и наоборот. Например, в области фонетики переразложением можно считать русское произношение французских носовых гласных как сочетание *гласного* + [n];

- *плеосегментация* – интерференция, выражающаяся в наращении элемента, например фонетического в *espécial* (*spécial*) [специальный] (ошибка, характерная для носителей испанского языка) или смыслового в *cet article traite du problème de la faim dans le monde* (*aborde la faim dans le monde*) [в статье говорится о проблеме голода в мире], под влиянием расхожего в русском языке штампа;

- *миосегментация* – интерференция, выражающаяся в уменьшении элемента, например в пропуске того или иного слога *troisièment* (*troisièmement*) [в-третьих];

- *интеркатенация*³⁰ – интерференция, выражающаяся в объединении двух элементов Я₂ по законам Я₁, например, слитное написание двух слов: *biensûr* (*bien sûr*) [конечно];

- *репласация* – интерферентная перестановка, выражающаяся, например, в следовании правилам порядка слов родного языка в Я₂: *au congrès a été présenté un projet de loi* (*un projet de loi a été présenté au congrès*) [на конгрессе был представлен проект закона];

Все эти типы могут объединиться в три класса:

- *экстенсивная* интерференция – элементам Я₂ приписывают характеристики Я₁;

- *интенсивная* – признаки Я₂ игнорируются под влиянием Я₁;

- *пермутативная* – признаки или элементы Я₂ перераспределены под влиянием Я₁.

Термины, использованные А. Е. Карлинским для выделения типов интерференции, могут быть применены и в классификации типов межъязыковых девиаций не-

³⁰ В отличие от других терминов этот заимствован А. Е. Карлинским у Р. Люльвица [Lüllwitz 1970: 641–695].

зависимо от того, порождены последние влиянием родного или изучаемого языка. Используя третий и четвертый признаки – порождение / восприятие речи и коммуникативный успех / неуспех, можно построить следующую типологию (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Типы интерференции по коммуникативным признакам

Экспрессивная (кодирование речи)		Импрессивная (декодирование речи)
Релевантная		нерелевантная
коммуникативный срыв	коммуникативный конфликт	релевантная

Среди трудов по интерференции особое место занимает монография В. Ю. Розенцвейга [Розенцвейг 1972]. Интерференция в ней анализируется с точки зрения модели Смысл \Leftrightarrow Текст. Согласно терминосистеме В. Ю. Розенцвейга, глубинную структуру, полученную преобразованием исходных текстов в каждом из сопоставляемых языков и представленную в виде «таблицы» или «дерева зависимостей», можно назвать *третьим языком*. Именно глубинная структура моделирует переход от одного языка к другому. Речевое поведение координативного билингва описывается почти так же, как и речевое поведение монолингва: предполагается, что при восприятии билингв вычленяет смысл (глубинную семантико-синтаксическую структуру) сообщения, а при порождении речи он оформляет свою мысль в подобную же структуру и уже от нее переходит к тексту на требуемом ситуацией языке [Там же: 15]. При *субординативном* билингвизме в игру вступают «правила выравнивания» сопоставляемых языков: это, с одной стороны, моделирование того, как субординативный билингв строит сообщение на неродном языке по правилам своего и навязывает слушающему свои правила, а с другой стороны, это правила, описывающие поведение носителя контактируемого языка, строящего свое сообщение так, чтобы оно стало понятным собеседнику, для которого этот язык неродной. Соответственно два описанных выше основных вида интерференции обозначены как *прямая интерференция* – перенос в промежуточную систему правил одного из контактирующих языков – преимущественно родного языка, и *косвенная интерференция* – исключение из этой системы правил родного и неродного языков, не поддающихся обобщению. Прямая интерференция приво-

дит к возникновению ошибок, косвенная – к отклонениям от стилистических норм [Там же: 25–26].

В рамках теории *билингвальной речи* интерференция рассматривается как один из типов *маркеров перекодирования*, определяемых следующим образом: «в моноязычном модусе выбор языков строг и неиспользуемые языки деактивированы настолько, насколько это возможно. В билингвальном модусе выбор языков менее ограничен и высказывания пестрят многочисленными следами одновременной активации двух языковых систем – это и есть *маркеры перекодирования*» [Lüdi 1995: 139–156]. Возможны следующие типы таких маркеров:

1) интерференции как элементы *межъязычия* – систематические следы родного языка в иностранном, например: систематические ошибки в выборе предлога с глаголами *aider*: ***les fonds différents aident aux travailleurs (aident les travailleurs)*** [различные фонды помогают рабочим] или *lier*: ***les problèmes liés avec l'arrivée des étudiants (à l'arrivée des étudiants)*** [проблемы, связанные с приездом студентов];

2) заимствования из иностранного языка; речь идет здесь не столько о языковых заимствованиях, уже вошедших в словарь родного языка, сколько о речевых заимствованиях в ходе конкретного разговора: если два собеседника разговаривают на одном языке, который для одного родной, а для другого иностранный, использование первым собеседником слов из родного языка второго воспринимается как знак сотрудничества и доброжелательности;

3) перекодирование (*formulation transcodique*) – высказывание на иностранном языке, воспринимаемое носителями этого языка как чуждое, принадлежащее, скорее всего, родному языку говорящего. Такие высказывания – результат стратегии преодоления препятствий в общении, см.: ***le positivisme est relationnel (l'aspect positif est relatif)*** [положительная сторона – относительная];

4) переключение кодов – использование говорящим единиц другого языка различного объема – от единичной лексемы до целых высказываний или наборов высказываний.

Психолингвисты учитывают такие факторы, как уровень владения иностранным языком билингвом, его навыки в родном языке и в иностранном, время, потраченное на практику на иностранном языке, рассуждая в терминах «переноса навыка» с

одного языка на другой, при этом перенос может быть положительным (*фацилитация* – «положительный перенос навыка, способствующий успешному овладению новой деятельностью») [Карлинский 1990: 94] или отрицательным (*интерференция* – «тормозящее взаимодействие навыков, когда уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых либо снижают их эффективность»), определение С. Л. Рубинштейна [1946] цит по: Карлинский [1990: 94].

Анализируя причины, влияющие на появление интерференции, исследователи обращают внимание в основном на психолингвистические факторы: интерференция считается результатом *межъязыковой идентификации*, то есть отождествления сходных явлений в разных языках, и объясняется переносом навыка, закрепленного в родном языке, на иностранный. Причина возникновения интерференции подробно описана К. Ажежем: «Они (проявления интерференции. – М. Д.) появляются в результате усилий, прилагаемых одноязычным ребенком для того, чтобы примирить фонетические, грамматические и семантические структуры другого языка, который он изучал впоследствии, со структурами своего первого, приобретенного в самом начале жизни» [Nagège 1996: 40]; «В тисках между родным языком и тем, что ему открывает новый язык, ребенок бессознательно конструирует эвристические гипотезы, выстроенные на том, что ему ближе. Эти гипотезы неизбежно влекут за собой интерференции» [Ibid. 85]. Отмечая, что говорящий может специально прибегать к интерференции, чтобы избежать непонимания, Дж. Хамерс предлагает для описания этой ситуации использовать термин *замещающая интерференция* (*replacing interference*) [Цит по: Залевская 1999: 296]. Фацилитация играет большую роль при знакомстве с новым языком: в области понимания и, в особенности, восприятия письменного текста лексическая интерференция между различными романскими языками позволяет французу, знакомому с испанским языком, понять до 88 % слов текстов, написанных на итальянском, и 92 % на португальском языке [Rolland 2005]. Это же доказал эксперимент *EuRom4* по одновременному преподаванию трех романских языков [Blanche-Benveniste 1997].

Очевидно, что интерференция как одна из причин появления девиаций должна представлять огромный интерес для всех, кто стремится довести свое межъязычие до языка-цели. Согласно мнению большинства исследователей, интерференция

может проявиться на всех уровнях языковой системы. На фонетическом уровне интерференция проявляется в акценте – как в произношении отдельных звуков, так и в интонационном рисунке, и этому явлению посвящено большое количество работ [Просодическая интерференция 1989; Перевертаева 1992: 78–83; Бубнова 1994: 95–107; Скворцова 1999: 76–78; Уварова 2000: 102–103]. В тех случаях, когда это отдельно не оговаривается, работы, посвященные интерференции, касаются только единиц лексического уровня, и ключевыми терминами в ее описании становятся *лакуна*, *«ложные друзья» переводчика*, *межъязыковая паронимия* и т. д. Наконец, чуть реже изучается интерференция на уровне грамматики [Уман 1987, 1963; Петрова 2000: 101–105] и еще более редко – на уровнях графики и орфографии (работы о русско-французской орфографической интерференции нам не известны).

В рамках «дидактического» подхода интерференция часто воспринимается как явление отрицательное, поскольку она является причиной речевых девиатов, хотя исследователи давно перестали рассматривать сами ошибки как отрицательное явление: центральным в исследованиях освоения иностранного языка становится понятие межъязычия как системы или, скорее, совокупности микросистем знаний и представлений об изучаемом языке, умений и навыков на этом языке конкретного человека.

Согласно принятому определению любой девиат можно рассматривать как отклонение от нормы, но, как мы уже упоминали, исходя из понятия межъязычия, девиатов нет, и студент строит высказывание в соответствии со «своей» нормой.

1.4. Лингводидактический аспект межъязыковой девиатологии

А. Коианиз проводит следующую грань между лингвистом и грамматистом: «... видно, что ошибка рассматривается более тонко лингвистом, чем грамматистом, для которого то или иное высказывание либо правильно, либо неправильно. Лингвист, и тем более лингводидактик, всегда захочет добавить: “все зависит...”» [Coianiz 1996 : 48].

Межъязычие разных людей, даже носителей одного языка, овладевающих одним и тем же иностранным языком, гетерогенно: Я₂ можно овладевать разными способами – от одновременного изучения двух родных языков в смешанной семье с по-

следовательным формированием «чистого» билингвизма до изучения языка в школе, в вузе, на специальных курсах вместе с преподавателем и по учебникам. Нельзя забывать и о случаях полного погружения мигранта в естественную иноязычную среду.

В учебных условиях исследования межъязычия напоминают сравнительный анализ языков, только здесь сравнивают не два известных языка, а то, что обучаемый знает, и то, что ему преподавали. Для этого исследователь привлекает текстовые данные (высказывания обучаемых, их письменные тексты) и интуитивные данные (предположения преподавателя о том, что обучаемый хотел сказать, и о его познаниях в языке). К сожалению, текстовые данные чаще всего связаны с упражнениями, материалами учебников, экзаменационными заданиями, цель которых – не выявить, «что знает обучаемый», а оценить, «знает ли он данный пункт программы». Поэтому П. Кордер сравнивает, например, студента с черным ящиком, поскольку при анализе его речи нужно сравнить не только входные и выходные данные (*input* и *output*), но и то, что подано на вход, и то, что реально вошло (*input* и *intake*) [Corder 1973: 40].

После фундаментальной статьи этого исследователя «О чем говорят ошибки учеников?» [Corder 1967: 161–170] исследователи перешли к анализу (всех) ошибок (при этом во французских работах термин *faute* стал постепенно заменяться термином *erreur*, см. об этом ниже). В преподавательских методиках девиации стали рассматриваться как показатели личной стратегии обучения студента и как «трамплин к правильному высказыванию» (частая в этих трудах метафора). После того, как был определен статус межъязычия, система девиатов стала рассматриваться и как показатель его состояния.

Многие лингводидактические исследования межъязыкового девиантного материала базируются на контрастивном анализе.

Контрастивный анализ следует отличать от *сопоставительного*, как его понимали советские лингвисты и методисты в 1960–1970 гг. [См., например: Преподавание... 1972; Методы... 1966; Гак, Ройзенблит 1965; Гак 1966; 1975; 1977а; 1977б; 1996; Кузнецова 1998 и др.]. Работы советских исследователей были в основном *сравнительно-типологическими*, и их авторы не ставили перед собой цель прогно-

зирать появление тех или иных типов девиатов, хотя, конечно, подобные выводы делались, но рассматривались они, скорее, как «побочный» исследовательский результат. Контрастивные же исследования в самом начале нацелены на преподавание иностранных языков, и в них языки сопоставлялись в синхронии. Появившийся в СССР лишь в 1989 г. сборник переводов зарубежных работ [Новое... 1989] уже существенно не мог повлиять на эту ситуацию. Соотношение между сопоставительным и контрастивным анализом можно описать следующим образом: «контрастивный анализ подразумевает сравнение двух или нескольких языков, “сталкивающихся” (сопоставляемых) в процессе обучения. Исследование такого сравнения входит в предметную сферу сопоставительной лингвистики, характеризующейся тем, что она учитывает как языковые универсалии, так и уникалии. Но применение такого анализа в области преподавания делает сравнение контрастивным, поскольку учащиеся обращают внимание главным образом на различия (контрасты) между языками, даже если последние в чем-то близки между собой (такое “ложное” сходство родного и изучаемого языков ставит не менее сложные задачи перед обучаемыми)» [Jamet 2000: 70]. Г. Хельбиг предложил назвать такое сравнительное исследование языков *конфронтативной* лингвистикой, в которой изучалось бы не только то, что отличает языки друг от друга, но и их общие черты [Хельбиг 1989: 308]. В работах французского лингвиста С. Жамэ можно увидеть «реабилитацию» контрастивного анализа как лингвопедагогического метода, используемого при преподавании фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса. Наконец, контрастивный анализ может быть применен в преподавании лингвокультурологии [Jamet 2000: 110–143]. В исследовании представлено аргументированное разграничение контрастивного анализа и анализа ошибок: «действительно, ошибки и неадекватность высказываний могут быть обнаружены только с помощью реконструкции и сравнения. Это сравнение и есть то общее, где пересекаются контрастивный анализ и анализ ошибок, которые часто смешивают, в частности из-за интерферентных ошибок..., но если анализ ошибок и контрастивный анализ имеют общее (анализ интерферентных ошибок), то они также имеют и различия: контрастивный анализ – это систематический анализ двух языков в целях выявления участков потенциальных ошибок, тогда как анализ ошибок включает в свое

рассмотрение и те ошибки, появление которых не обязано влиянию родного языка – это то, что называют внутренними ошибками» [Ibid. 79]. Термин *контраст* в словосочетании *языковой контраст* появился на новом витке знаний в работах В. Б. Кашкина [Кашкин 2002]. Ситуация контраста (перевод, обучение, коммуникация и др.) в наибольшей степени эксплицитно выявляет различия и сходства между языками и предполагает наличие общего основания – универсального общечеловеческого языка. Отметим в связи с этим еще раз любопытный факт, что в межъязычии носителей разных языков, овладевающих одним иностранным, возможны тождественные девиантные «участки».

В пп. 1.2.2. данной главы уже шла речь о роли металингвистических интерпретаций для формирования межъязычия, адекватного Я₂. Обычно на занятиях по иностранному языку представлено большое количество металингвистических высказываний [Besse 1980: 107], но, к сожалению, они редко становятся предметом преподавания и выпадают из поля зрения как составителей учебников [Cuq 2001: 720], так и специалистов-лингвистов различных направлений. Помимо метаязыка преподавателя, на занятиях почти всегда присутствует и метаязык (возможно, неосознанный) обучаемого, и они не обязательно совпадают [Berthoud 1980: 109]. Этот имплицитный язык, в котором наличествуют фрагменты школьного метаязыка (в частности термины, в которых изучалась грамматика родного языка), должен стать эксплицитным, чтобы действительно помочь при изучении Я₂. В последующих трудах А. К. Берту предпринята попытка учесть межъязычие студента, его метаязык, систему изучаемого языка, метаязык преподавателя и описать не столько первые две – преходящие – системы или их переход из одного состояния в другое, сколько то, что делает первые две системы преходящими и переходными, в чем проявляются их нестабильность и эволюция [Berthoud 1982: 139–142].

Авторы тематического выпуска журнала AILE (Acquisition, Interaction en Langue Etrangère) [1996] определяют место метаязыковых знаний в процессе обучения, особенно в тех условиях, когда согласно «модным» коммуникативным методам иностранный язык преподают только как средство общения, изгоняя из класса всякое метаязыковое высказывание. Грамотный в своем родном языке студент, имеющий метаязыковые познания, не может делать вид, что он не знает никакой

грамматики [Gombert 1996: 54]. «Невозможно воспрепятствовать тому, чтобы у обучаемых была внутренняя метаязыковая деятельность, пусть даже не вербализованная» [Trévisse 1996 :32].

1.4.1. Лингводидактическая интерпретация девиаций

Дискуссию вокруг статуса того, с чем сталкиваются преподаватели на уроках иностранного языка, довольно подробно рассмотрел И. Бертран в исследовании с непереводаемым на русский язык названием «*Faute ou erreur? Erreur et faute*» [Bertrand 1987]. Необходимость в таком труде была вызвана разнобоям в толкованиях, возникшим в стане преподавателей. Начиная с 1975 г., после статей П. Кордера, в которых ошибка была «реабилитирована», в публикациях на эту тему стали преобладать выражения с термином *erreur* вместо традиционного *faute*. Отмечается, что сдвиг в «моральную» сторону слова *faute* произошел во французском языке из-за того, что исчезло из употребления слово *coulpe* [вина], оставив только производные *culpabilité* [виновность], *coupable* [виноват].

В учебном контексте *faute* входит в одно семантическое поле со словами *devoirs* [домашние задания, букв. «обязанности, долг»], *règles* [правила], *bon / mauvais élève* [хороший / плохой ученик], в которых силен морализаторский дух. Ошибка-*faute* апеллирует к оптимистическому видению человеческой природы, потому что ее можно избежать. Она появляется тогда, когда цель изучения иностранных языков – не столько коммуникация, сколько формирование личности³¹, но имеет много отрицательных последствий: ученик не отваживается говорить на иностранном языке, молчит или прибегает к обману, боится «плохой отметки» и постоянно контролирует себя. Положительными ее аспектами считаются гордость, которая возникает, когда человек преодолел ошибку, и стимулирование к дальнейшим усилиям. Но она же ущемляет самолюбие при плохой оценке. Преподаватель может снижать отрицательные аспекты ошибки-*faute* с помощью шкалы оценок (некоторые ошибки «стоят» больше других), давая возможность «исправить» ошибку и стараясь преподавать так, чтобы ошибок вообще не возникало (система «ноль ошибок» с механическими упражнениями) [Ibid. 71–73].

³¹ Поколения учеников изучали латынь потому, что она учит думать и контролировать себя.

Ошибка-*erreur* неизбежна в школьных условиях, где сильно влияние родного языка, мало времени уделяется отдельным ученикам, и в рамках современных методик, поощряющих самостоятельность говорящих в ущерб грамматическим упражнениям. Она полезна: ученик сначала применяет экстенсивно-редуцирующий подход, упрощая правило и применяя его ко всем случаям, затем уточняющий-расширительный подход, распространяя сферу применения правила на весь изучаемый иностранный язык. Ошибка положительна – лучше ошибиться, чем совсем ничего не отвечать или не писать. В учебных условиях она менее страшна, чем в реальной жизни. Несмотря на эти положительные аспекты ошибки-*erreur*, атмосфера страха потерять лицо, страха перед преподавателем, а затем и перед носителем языка сохраняется и сохранится, пока ошибка влияет на оценку. С другой стороны, «либеральный» подход к ошибкам-*erreur* приводит к тому, что студенты порой не стараются их исправлять, поскольку в рамках коммуникативного подхода к обучению самое главное – быть понятым.

В лингводидактике вечный спор о разнице между *faute* и *erreur* может быть разрешен с учетом различий между компетенцией и речепорождением (*competence vs performance*), где *erreur* и *faute* были бы частными случаями общего понятия *déviations (отклонения)*, подобно тому, что предлагается в английском языке: *error* – систематическая ошибка в компетенции (французский *faute*), *mistake* – ошибка в исполнении (*performance*) [Corder 1967] – то есть французский *erreur*. Однако не все французские лингвисты согласны с таким употреблением, поскольку оно плохо сочетается с традиционным значением слова *faute*: при такой интерпретации из ‘тяжкого греха’ *faute* становится ‘ляпсусом’. Наблюдается разнобой в трактовках терминов, порой на страницах одного и того же сборника: А. Коианиз употребляет эту пару терминов согласно их этимологическому значению (*faute* по отношению к системе, *erreur* по отношению к исполнению) [Coianiz 1979: 70; 1996 : 48–49]. А. К. Берту считает, что ошибки исполнения можно называть *faute* на основании устойчивых словосочетаний *faute bête, faute stupide* (глупая ошибка) при невозможности **erreur stupide, *erreur bête* [Berthoud 1987: 13]. И. Бертран предлагает троичную систему, основанную на причинах возникновения ошибок:

- систематические ошибки, возникающие в ходе разработки стратегии овладения языком (при строительстве межъязычия) – ошибки-*erreur*, они заслуживают терпимого отношения со стороны преподавателя;

- случайные оговорки (*lapsus*), вызванные усталостью, стрессом и прочими психологическими факторами и также заслуживающие терпимости;

- ошибки, вызванные тем, что студент не проявляет усердия, не учит уроки, не слушает преподавателя, списывает у соседа, иной раз специально вносит ошибки для того, чтобы не выглядело так, как будто он списал у соседа – словом, не делает всего, на что он способен, – ошибки-*fautes*, и они заслуживают строгости со стороны преподавателя [Bertrand 1987 : 78–80].

Во французском тексте инструкции, рекомендованной Советом Европы, термин пара *erreur / faute* используется как эквивалент терминов *error / mistake* (табл.1.5).

Таблица 1.5

Соотношение употреблений слов *faute* и *erreur*

	Corder, 1967 (angl.)	Coianiz, 1979, 1996	Berthoud, 1987	Bertrand, 1987	Cadre Européen, 2001
compétence	error	faute	erreur	erreur	erreur
performance	mistake	erreur	faute	lapsus faute	faute

Говоря об орфографических или речевых ошибках, французы традиционно используют семантически сильные словосочетания *faute d'orthographe* (букв. ‘орфографический грех’), *faute de français* (букв. ‘грех во французском языке’), *faute de frappe* [опечатка, букв. ‘грех набора’], потому что это отступление от правил, которые следует знать, хотя при этом по отношению к математическим вычислениям устойчиво выражение со словом *erreur*: *erreur de calcul*.

В Германии анализ ошибок опирается в основном на идеи работ Г. Никкеля [Nickel 1971: 1–33; Fehlerkunde 1972; Nickel 1973: 24–28], развитые некоторыми немецкими исследователями. По Г. Никкелю, «ошибкология» (Fehlerkunde) – это отрасль лингвистики, занимающаяся исключительно проблемой анализа ошибок [Legenhausen 1975; Hellinger 1976: 88–97; Cherubim 1980: 1–22; Hufeisen 1996; Michiels 1999]. «Ошибкология» может быть описательной, эволюционной, индуктив-

ной или дедуктивной. Помимо обнаружения ошибок, в ее предметные задачи входит и оценка ошибок, их «лечение» и предупреждение. Отметим, что отраслью лингвистики видит «ошибкологию» и Г. Дока, хотя, по нашему мнению, это, скорее всего, отрасль лингводидактики. Согласно Г. Никкелю, этап обнаружения ошибки лучше поручить носителю языка, однако необходимо, чтобы он также был знаком с проблемами преподавания своего языка как иностранного. Нелишне также обратиться к самому обучаемому, чтобы тот объяснил свои высказывания. Это иногда позволяет обнаружить скрытые ошибки – высказывания, случайно совпадающие с правильными высказываниями изучаемого языка [Michiels 1999 : 39–40]. Затем приходит этап описания, классифицирования и объяснения ошибки. Для этого предлагается специальная «сетка» (табл. 1.6, цифрами обозначен тип ошибки).

Таблица 1.6

Типы ошибок (по Б. Хуфейзену, 1996 г.)

	Грамматичность формы знака	Семантическая при- емлемость	Прагматическая уместность
Графема	1	2	3
Морфема	4	5	6
Лексема	7	8	9
Простое предложение	10	11	12
Сложное предложение	13	14	15
Текст	16	17	18

Исходя из того, что классификация ошибок по «обычным» (лингвистическим) признакам не позволяет ни объяснять их, ни устранять, в том числе и потому, что она основывается не на речи, а на языковом акте как цепи высказываний (в рамках теории высказывания А. Кюлиоли [Culioli 1990]), исследователи предлагают собственные классификации речевых ошибок. Нам представляется интересным введение понятия *поля ошибки* [Coudurier 1987: 83], включающего:

- ошибки по отношению к говорящему (неправильный выбор социокультурного или интеллектуального регистра, выражающегося, например, в коротких и категорических предложениях, в обращении на «ты», в отождествлении обучаемого с остальным человеком);

- ошибки по отношению к экстралингвистической действительности (перевод на немецкий язык названия французской газеты *le Monde* [Монд, букв. ‘мир’ в значении ‘міръ’] словом *die Welt*, то есть названием немецкой газеты);
- ошибки по отношению к сообщению (незнание правил выражения мысли);
- ошибки по отношению к логике (нарушение тема-рематических и логических отношений);
- ошибки по отношению к когезии языка (собственно морфосинтаксические и семантические ошибки).

В лингводидактике оперируют с понятием нормы, в принципе, принимая упрощенный вариант ее определения: норма – это набор правил, информация, содержащаяся в учебниках, грамматических справочниках и словарях. Так считают М. Вандруска [Цит. по: Michiels 1999: 10] и Ю. В. Фоменко. Для Ю. В. Фоменко правильная речь – речь, в которой соблюдены правила языка, а неправильная речь – речь, в которой есть ошибки. Ошибка – это нарушение правила (нормы). Таким образом, типы речевых ошибок выделяются в соответствии с правилами языка [Фоменко 1994: 50]. Но следует учесть, что в наше время преподавание иностранных языков все меньше и меньше происходит в замкнутом пространстве, без контактов с носителями языка, просмотров художественных фильмов, чтения книг и поездок в страну изучаемого языка. Поэтому обучаемые очень рано сталкиваются с тем, что реальная языковая норма бывает очень подвижной и не соответствующей требованиям кодификаторов. В нашей ситуации, при всей правильности вышеприведенных рассуждений, необходимо отметить и то, что в случае преподавания иностранного языка вдали от территории проживания его природных носителей нормативными ориентирами могут становиться языковое содержание учебников и компетенция преподавателей. Является ли такой уровень владения языком «правильным» с точки зрения языка в целом, не устарели ли учебники – другой вопрос. Но нельзя требовать от студента, лишенного возможности общаться с носителями языка, чтобы он знал больше того, что есть в учебнике, или говорил лучше своего преподавателя.

На практике норма выявляется в ходе экзопольного взаимодействия, будь то учебная или «естественная» ситуация. В учебной ситуации представителем нормы

является преподаватель, в живом общении – носитель языка. В зависимости от случая, носитель языка может выступать как поборник чистоты своего родного языка, или проявлять готовность к компромиссам [Vasseur, Arditty 1996: 69]. Исследования экзолингвального общения позволили выявить ряд коммуникативных форм, цель которых не в том, чтобы достичь взаимопонимания, а в том, чтобы определить расстояние между межъязычием иностранца и языком-целью. Место каждой из них устанавливается согласно различным нормам, в том числе:

- минимальной норме, необходимой для взаимопонимания;
- норме, соответствующей данной коммуникативной ситуации (об этой норме партнеры по общению договариваются);
- социальной норме, соответствующей статусу партнеров и их опыту [Ibid.].

Как мы уже отмечали, кодификация литературных норм поддерживается государственной языковой политикой. В лингводидактике критерием правильности высказывания становится его соответствие содержанию учебников, грамматик и словарей, а так же и речи носителей. Таким образом, нужно определить степень *приемлемости* того или иного высказывания. *Приемлемы* в широком смысле высказывания, которые компетентный носитель языка считает таковыми. В теории порождающей грамматики, где понятие приемлемости занимает центральное место, *приемлемость* моделей высказывания проверялись именно таким образом. Предложенный Н. Хомским идеальный говорящий-слушающий носитель языка (ideal native speaker-hearer) часто упоминается в этих работах с некоторой долей иронии: идеального не существует [La notion... 1978; Coianiz 1996: 47]. В работах этого направления возникли большие затруднения в определении *правильности* (*грамматичности* – grammaticality, grammaticalness у Н. Хомского) высказываний. Н. Хомский предлагал рассматривать грамматичность как континуум [Chomsky 1957: 35; 1964: 384–389; 1965], а на практике это понятие использовалось «когда это удобно» [Schütze, Carson 1996: 77–81] с признанием, что нет строгих критериев определения уровня грамматичности [Keller 1999]. Были выработаны различного рода формальные математические аппараты, позволяющие определить оптимальность, субоптимальность и грамматичность высказываний [Acceptability in language 1997; Grimshaw 1995: 373–422; Prince, Smolensky 1993].

В узком смысле приемлемость имеет отношение не к языку, а к речи. Таким образом, нужно различать:

- *грамматичность* и *семантическая* как имеющие отношение к языку (к компетенции, согласно данной терминосистеме);
- *приемлемость* как относящуюся к речи (*performance*), что проявляется на уровне высказываний следующим образом. Высказывания могут быть:
 - аграмматическими и не интерпретируемыми;
 - аграмматическими, но интерпретируемыми;
 - содержащими синтаксические ошибки (в формах наклонений, передаче косвенной речи, в структурах сложного предложения);
 - содержащими лексические и лексико-синтаксические ошибки (в формах управления, залога и др.);
 - грамматическими и не интерпретируемыми из-за семантических ошибок (нарушений семантической сочетаемости) и из-за нелогичных метафор;
 - стилистически неправильными (с совокупностью иностилевых элементов);
 - девиантными, в которых утверждается новая норма или в которых проявляется творчество автора [Debievre 1978: 140].

Перспективным для языковой девиатологии представляется следующее разграничение: некоторые отклонения остаются в рамках языковой системы, встраиваются в имеющиеся парадигмы, лишь расширяя рамки узуса, играя на исключениях из правил. Таковы обычно шуточные и творческие произведения носителей языка. Для того чтобы сознательно нарушать систему, ее нужно знать. Наоборот, высказывания не-носителя языка могут нарушать нормы настолько, что это выходит за рамки системы, ср. со словотворчеством наших студентов: помимо чистого заимствования или калькирования русских слов, они изобретают слова, которые вполне могли бы существовать во французском языке, но не существуют, например: *l'âge pubertain* (*la puberté*) [пубертатный период], *une situation débarrassante* (*qui débarrasse*) [ситуация, которая избавляет от неприятностей], *la surdiplômation* (*l'état de ceux qui sont surdiplômés*) [состояние тех, у кого слишком много дипломов].

Для определения грубости ошибки Л. Легенхаузен [Legenhausen 1975: 110] предлагает следующие критерии: грамматическая приемлемость, препятствование коммуникации, значение в учебном процессе и сложность в усвоении. Если использовать нашу терминологию, то все это позволяет описывать сильное и слабое межъязычие. Нужно подчеркнуть, что работы немецких лингвистов остаются в рамках школьной лингводидактики и не лишены некоторой жесткости. Эти авторы позволяют себе говорить о «плохих» и «хороших» учениках, чего избегают другие исследователи ошибок.

Но термин *грубая ошибка*, как и *типичная ошибка*, требует уточнения. Вопрос о грубости ошибок решается по-разному в зависимости от контекста. Теоретики анализа ошибок, как правило, грубость ошибок не рассматривают. Учитываются различные аспекты, например контекст. Даже в границах одной и той же нормы, «грубость» («весомость», «тяжесть») одинаковых ошибок, например, неправильное употребление рода существительного, различается в зависимости от того, кто допустил ошибку – начинающий студент на первом уроке или преподаватель со стажем. Напомним, что по отношению к «промежуточной системе» обучаемого как таковой ошибки нет.

Второй критерий, определяющий «грубость» ошибки, – коммуникативный («допустимо ли это высказывание в данной ситуации?»). Если отвлечься от учебной ситуации и вспомнить, что язык нужен в первую очередь для общения, этот критерий – самый важный. Любое высказывание – элемент речевого акта, характеризующегося, как известно, по шкале «успех / неуспех», а не «верно / неверно».

Третий критерий – семантический аспект высказывания (понятно ли это высказывание). Могут встретиться абсолютно неправильно построенные высказывания, смысл которых можно тем не менее восстановить, и наоборот, абсолютно правильно построенные высказывания, которые нельзя расшифровать. Вот пример первого типа (из нашего корпуса): *Chaque parmi eux a ces raison pour faire ca* (*chacun d'entre eux a ses raisons pour le faire* [у каждого есть свои мотивы так поступать]). Примерами второго типа являются двусмысленные высказывания, например: *la productivité du travail augmentera de plus avec l'application massive des technologies*. [Производительность труда возрастет еще больше с масштабным

применением технологии] или [К тому же производительность труда возрастет с масштабным применением технологии].

Совершенно иначе, чем лингвисты, оценивают «грубость» ошибки преподаватели-практики, которым приходится ставить оценки и принимать экзамены. В каждой стране для этого случая строятся «шкалы грубости ошибок», как, например, шкала, действовавшая в стокгольмских школах в 1960-е гг. на экзаменах по немецкому языку: 1) ошибки в применении общих правил оценивались строже, чем ошибки в «частных» правилах; 2) ошибки в употреблении частотных слов оценивались еще более строго. Иногда учитывается также понятность высказывания, отклонение от того, что преподавалось, допустимость данного высказывания в устной речи и т. п. [Johansson 1973: 102–113]. Выявление таких шкал ошибок – сложная и неблагодарная задача. В целом, оценка ошибок – субъективное явление, в котором к ощущениям преподавателей добавляется и необходимость учитывать психологические факторы, влияющие на успеваемость «студентов» (усталость, стресс, сезон и т. п.). Традиционно считается, что ошибка в письменной речи грубее, нежели в устной [Coianiz 1979: 71], большинство преподавателей считают грубыми ошибки, возникшие из-за интерференции [Nickel 1973: 27]. Сами же студенты не испытывают сложностей в определении того, что следует считать «грубой» ошибкой. Проведенные опросы показывают, что они считают таковыми нарушение очень простых правил, выученных в самом начале обучения: например, для французского языка они называют нарушение правил образования прошедшего времени *passé composé*.

Разработчики нового варианта экзаменов DELF и DALF, вступившего в силу с сентября 2005 г., обратили особое внимание на проблему выставления оценок и устраивают по всему миру семинары для членов жюри. Главный принцип оценивания в рамках этого проекта – критерий эффективности выполнения задания: нужно в первую очередь оценить успешность данного «речевого акта» кандидата. Вторым критерием является соответствие произведения кандидата и дескрипторов заданному уровню языковой компетентности. Если, например, в графе «орфографическая компетентность» дескриптора указано, что на данном уровне человек умеет правильно писать узуальные формы и слова, но допускает орфографические

ошибки в сложных, менее употребительных словах, любая орфографическая ошибка, допущенная в словах последней категории, на оценку не влияет (о принципах оценивания по критериям см., например: Tagliante [1991]). И, наконец, требуется соблюдать принцип «положительного оценивания» – преподаватель (член комиссии) должен найти в ответе экзаменуемого положительные моменты и ставить за них оценку, а не снимать баллы за допущенные ошибки и неточности.

Из проведенного краткого обзора следует, что термин *грубая* ошибка не соответствует критериям научной терминологии, и в этой диссертации он употребляться не будет, хотя приемлемость как критерий может использоваться для характеристики слабого и сильного межъязычия. Так же сложно определить термин *типичная* ошибка. Б. Ф. Воронин утверждает, что «если исходить из того, что при данном способе введения изучаемого языка характер взаимодействия двух языковых структур (изучаемого и родного языков) типичен, как будет типичен и любой другой обусловленный внешними обстоятельствами вариант языкового контакта, то справедливо сделать заключение, что ошибка как нежелательный результат этого взаимодействия также в своей основе типична, то есть будет обусловлена типичностью взаимодействия» [Воронин 1976: 15]. Таким образом, типичность одних ошибок обоснована у автора не на фоне всех остальных, а тем, как они определяются системным взаимодействием языков. Следуя этому критерию, типичными для французского и русского языков можно считать девиации в выборе правильной временной формы глагола, поскольку именно здесь наблюдается большое различие между их системами.

Однако, чтобы определить типичность (не-случайность) тех или иных ошибок, большинство исследователей опирается на статистические данные [Бурденюк, Григоревский 1978: 8]. Статистика позволяет определить относительную частотность той или иной ошибки. Выявить, какие ошибки чаще других допускают обучаемые, легко – для этого достаточно простого подсчета. Однако вычисления будут неверны, если не учитывать частотность самого элемента в данном языке. Русские респонденты, к примеру, часто ошибаются в выборе французских артиклей (1/8 примеров в нашем корпусе). Но это вызвано не столько сложностью употреблений артиклей, сколько их частотностью во французском языке. Необходимо

также сравнить количество неправильных и правильных употреблений артиклей в совокупности высказываний респондентов. Без учета этих данных вывод о «типичности» будет голословным. К сожалению, именно такого рода неполные подсчеты и встречаются в работах, посвященных анализу ошибок [Bouyon-Penin, Coianiz 1979: 97–111; Doca 1981; Fervers 1983].

1.4.2. Связь девиантности межъязычия и методики преподавания

В российской научной литературе связь между типами билингвизма и методами преподавания иностранных языков была определена Л. В. Щербой, утверждавшим, что чистый билингвизм – это результат обучения языку так называемым «прямым методом», исключавшим обращение к родному языку и получившим у него название «метода гувернантки», тогда как смешанный билингвизм возникает или в двуязычных семьях, члены которых охотно «пересыпают» свою речь словами из другого языка, или при плохих методах обучения языку. Среди зарубежных лингвистов на этот вопрос обратили внимание С. Эрвин-Трипп и С. Осгуд [Hagège 1996 : 230].

Осознавая, что «можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем обеднить этот процесс, не давая иностранному языку никакого оружия для самозащиты от влияния родного), но изгнать родной язык из голов учащихся – невозможно», Л. В. Щерба предлагал «путь отталкивания от родного языка» [Щерба 1974: 62]. В этом состоит знаменитый советский лингводидактический принцип: «через сознательное владение языком к бессознательному» [Леонтьев 1970: 34].

Выявленный У. Вайнрайхом субординативный тип, важный для описания лингводидактической ситуации, характеризует билингвизм в его становлении: один язык – скорее всего, родной – освоен, а другой находится в процессе освоения. Иноязычной лексеме соответствует понятие, в свою очередь, соответствующее лексеме родного языка. Полного тождества в таких «соответствиях» может и не быть: например, французское слово *bois* соотносится с тем понятием, которое выражается русским словом *лес*, хотя в другой ситуации ему соответствуют понятия, выражаемые словами *дерево* и *древесина*. В западно-европейской лингвистической литературе термином *билингвизм* чаще всего обозначают то, что мы условились называть билингвизмом в «узком» смысле. Такое широко использовавшееся в ап-

парате советских ученых понятие, как «искусственный (аудиторный) билингвизм», зарубежными лингвистами остается не востребуемым. Они предпочитают оперировать понятием межъязычия. Субординативный тип билингвизма определяется условиями его возникновения: если естественный билингвизм возникает в результате «продолжительного контактирования и взаимодействия носителей двух языков в процессе их совместной практической деятельности, без целенаправленного воздействия на становление данного умения в многоязычной сфере», то искусственный билингвизм формируется «в результате активного и сознательного воздействия на становление данного умения вдали от основной массы носителей данного иностранного языка» [Муратова 1987: 172]. Легко заметить, что этот тип билингвизма как раз и описывает традиционную ситуацию обучения иностранным языкам в средних и высших учебных заведениях, при этом не учитывается расширение международных контактов в наше время, например возможность стажировок в странах изучаемых языков и т. п. Г. М. Вишневская характеризует такой тип билингвизма следующим образом: в нем «доминирующую роль играет родной язык говорящего, второй язык возникает как продукт изучения через посредство родного. Искусственный билингвизм можно определить как смешанный, опосредованный, субординативный. Сильное воздействие родного языка на изучаемый иностранный вызывает явления интерференции контактирующих языковых систем в сознании и, как следствие, в речи билингва. Интерферирование затрагивает все уровни языка – фонетический, морфологический, синтаксический а также семантику, особенно ярко проявляясь на фонетическом уровне в виде произносительного акцента в речи билингва» [Вишневская 1992: 10]. Понятием *искусственный билингвизм* оперируют многочисленные учебно-методические пособия по преподаванию иностранных языков в школе и вузе (см. об этом, например: Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней [1986]; Национальная ориентация в преподавании русского языка как иностранного [1990] и др.). Только с учетом этой ситуации можно понять выражение *начинающий билингв* в труде Ж. Жамэ, описывающего роль контрастивного анализа языков в преподавании французского как иностранного [Jamet 2000:75]. Когда зарубежные лингвисты, в том числе и французские, говорят о двуязычном образовании (*enseignement bilin-*

gue), они чаще всего имеют в виду именно преподавание иностранных языков «прямым методом» в начальной школе на ранних этапах, включая и преподавание языков в дошкольных учреждениях. В этом, в частности, заключен весь пафос уже цитированной нами книги К. Ажежа, название которой можно перевести как «Ребенок с двумя языками» или даже «Ребенок о двух языках» [Hagège 1996].

Мы не склонны оценивать обстановку в российских языковых классах как билингвистическую. Представленный в обычных российских школах или вузах субординативный билингвизм находится только на самом первом этапе своего становления и соответствует в лучшем случае уровню А2 по европейской шкале. В целом же формирование «чистой» билингвистической ситуации среди учащихся в образовательных учреждениях остается главной, но труднодостижимой целью российской лингводидактики.

1.4.3. Критерии описания межъязыкового девиантного материала и построения лингводидактических типологий девиатов

Самой важной после уже упоминавшейся «Грамматики Ошибок» А. Фрея работой, посвященной девиантному материалу, стали исследования с помощью «сетки» (*grille*) для ошибок, разработанной в 1967 г. коллективом преподавателей французского языка как иностранного в BELC (Bureau pour l'Etude des Langues et des Cultures – Агентство по изучению языков и культур) [Debyser 1967]. Агентство BELC занималось разработкой специальных методических пособий для обучения студентов отдельных стран (Камбоджи, Лаоса, Западного Камеруна). В основу методики преподавания был заложен принцип сравнения родного языка учащихся с французским. В ходе реализации проекта лингвисты столкнулись с рядом трудно-разрешимых проблем, в частности с отсутствием полных лексико-грамматических описаний французского языка и родных языков студентов. Дело осложнялось и тем, что для большинства перечисленных стран характерна языковая неоднородность, и потребовалось затратить огромное количество времени для проведения сопоставительных исследований. Одним из методов, позволявших решить проблемы, стал анализ ошибок. На основе лингвистических критериев была разработана «типологическая сетка для анализа ошибок». Заполнение сетки с последующим сопоставительным анализом должно было позволить разработать коррекционный

учебник с целью восполнения пробелов в знаниях учеников и исправления некоторых из их «вредных привычек». Поскольку «сетка» должна была заполняться на местах школьными учителями, из формулировок гипотетических ошибок была полностью устранена научная лингвистическая терминология (например такие слова, как *парадигма*, *лексема*, *синтагма*) и оставлены только термины школьной грамматики. «Сетка» имела 2 уровня детализации: самая грубая классификация включала 16 категорий, которые, подразделяясь, охватывали 40 более мелких классов. Критериями выделения классов ошибок были следующие: устная / письменная речь, абсолютная / относительная ошибка, языковой уровень (лексика, морфология, синтаксис, пунктуация, графическое оформление). Под абсолютной ошибкой авторы понимали «ошибку, результат которой – несуществующая устная или письменная форма [Ibid. 11], относительной ошибкой считалась форма, существующая в языке, но не допустимая в данном контексте. Фактически, в основе такого деления ошибок лежало восходящее к античным грамматикам и риторикам противопоставление варваризмов и солецизмов (см. ниже гл. 3 «Синтагматические формальные девиации и их результаты»).

В целом же классификация ошибок группы BELC (в своем наиболее простом виде) выглядела следующим образом [Ibid. 17]:

- 00 не поддающаяся классификации ошибка
- 01 лексическая ошибка / абсолютная / графическая
- 12 лексическая ошибка / абсолютная / устная
- 13 лексическая ошибка / относительная / форма
- 14 лексическая ошибка / относительная / значение
- 21 грамматическая ошибка / морфология / абсолютная / графическая
- 22 грамматическая ошибка / морфология / абсолютная / устная
- 23 грамматическая ошибка / морфология / относительная / графическая
- 24 грамматическая ошибка / морфология / относительная / устная
- 25 грамматическая ошибка / синтаксис / внутри предложения / абсолютная
- 26 грамматическая ошибка / синтаксис / внутри предложения / относительная
- 27 грамматическая ошибка / синтаксис / между предложениями / согласование
- 28 грамматическая ошибка / синтаксис / между предложениями / сочинение

29 грамматическая ошибка / синтаксис/ между предложениями / подчинение

30 пунктуационная ошибка

31 графическая ошибка

Под графической ошибкой подразумеваются ошибки «типографического» характера – применение прописной буквы вместо строчной, неправильное оформление сокращений типа *1er* [1-й], *2-ième* (*2ième*) [2-й] и т. п.

Полученная таким образом «сетка» была успешно использована в полевых работах по исследованию типичных ошибок в речи носителей различных африканских языков [Vonrosbach 1968; Ruckman de Retz 1967; Hérault 1968]. Главным недостатком «сетки» BELC стало то, что иногда преподавателю было не так просто понять, что же хотел сказать обучаемый, и тем самым решить, в чем же состояла допущенная им ошибка. Кроме того, критерий «абсолютности / относительности ошибки» плохо работал на уровне синтаксиса сложного предложения. И, наконец, применение критерия «устная / письменная ошибка» подразумевает, что мы знаем, как обучаемый произносит то или иное слово, о чем сложно судить по письменным работам (а «сетка» была основана на анализе именно письменных работ учеников – сочинений и диктантов).

Все это вызвало критику метода ошибок BELC. В работах Р. Поркье [Porquier 1976: 37–64; 1977; Porquier, Frauenfelder 1980: 29–36; Porquier 1984] содержится анализ результатов методического применения «сетки» BELC, представление французскому читателю работ П. Кордера и других американских специалистов, критика контрастивного анализа и анализа ошибок, введение понятий промежуточной системы и экзолингвальной коммуникации. Р. Поркье подчеркивает, что ошибка не всегда ведет к упрощению: сужение области применения правила (*sous-généralisation d'une règle*) или неоправданное расширение области применения правила (*sur-généralisation*) могут приводить к усложнению высказывания [Porquier 1987 : 25]. Так, в нашем девиантном материале отмечено многократное неоправданное присутствие акута над гласной *e* перед буквой *x* или двумя согласными: *un examen, effacer* (*examen, effacer*) [экзамен, стереть]. Р. Поркье советует учитывать в устных высказываниях самоисправления, паузы-хезитации, метаязыковые заметки

типа *понятно?*, *можно так сказать?* [Ibid. 27], то, что Ж. Отье-Ревюз обозначила как «рефлексивные петли» [Authier-Revuz 1996].

Иной подход был разработан в 2000 г. в рамках Совета Европы в целях унификации описания владения иностранным языком. Так называемый «Cadre Commun Européen de Référence», или CECR является пространным документом, в котором с помощью *дескрипторов* охарактеризованы различные уровни языковой компетенции. Документ отражает итог многолетней (с 1971 г.) работы специалистов из разных стран, в том числе из России, по систематизации подходов к преподаванию иностранного языка и стандартизации оценок уровней владения языком. Уровни составлены на основе банка «иллюстративных дескрипторов», разработанных и проверенных на практике и впоследствии проградированных в ходе исследовательского проекта. Шкалы дескрипторов основываются на подробно разработанной системе категорий в целях описания того, что означает владение / использование языка и кого можно назвать владеющим языком / пользователем. В основе описания лежит деятельностный подход. При таком подходе устанавливается взаимосвязь между использованием и изучением языка. Пользователи и изучающие язык рассматриваются как *субъекты социальной деятельности*, то есть как члены социума, решающие *задачи* (не обязательно связанные с языком) в определенных *условиях*, в определенных *ситуациях*, в определенной *сфере деятельности*. Речевая деятельность реализуется в широком социальном контексте, который и определяет истинный смысл высказывания. Деятельностный подход позволяет учитывать весь диапазон личностных характеристик человека как субъекта социальной деятельности, в первую очередь его когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы.

Участники проекта CECR попытались стандартизировать терминологию, систему единиц, общедоступный язык для описания того, что составляет предмет изучения, а также уровней владения языком, вне зависимости от таких важных факторов, как типологическая принадлежность языка и образовательный контекст (страна, учебное заведение, курсы, частное обучение, методика и т. п.). Была разработана система уровней от «уровня выживания» до «совершенного владения языком»,

затем каждый уровень в дальнейшем конкретизировался, в том числе по отдельным видам компетенции.

В своем подходе к проблеме изучения языков Совет Европы опирается на изложенную выше концепцию плюрилингвизма. С такой точки зрения, цель обучения языку преобразуется: совершенное овладение одним или двумя, или даже тремя языками, взятыми отдельно друг от друга, не является целью обучения. Целью становится развитие такого языкового репертуара, в котором есть место всем лингвистическим умениям. Для проверки собственного языкового репертуара самим говорящим в Совете Европы был разработан так называемый «языковой портфель», представляющий собой документ, в котором индивидуальный опыт изучения различных языков и межкультурного общения может быть оценен самими носителями языка. В целом подробная система CECR рассчитана на квалифицирование уровней владения языком, на ее основе были утверждены новые стандарты экзаменов и способы выставления оценок.

В последующих работах можно выявить следующие тенденции:

- поиск причин ошибок; среди них нельзя сбрасывать со счета и плохое составление учебников [Audry-Iljic 1987: 107–122; Poitou 1989: 59–68], и просто лень учеников [Bertrand 1987: 70–80];

- поиск универсальных позиций, в которых чаще всего встречаются ошибки [Fervers 1983], например аспектуально-временные отношения, выражение количества, локативности, модальности, отрицания, таксиса, определения, управления (в простом предложении), связи между частями сложного предложения, анафорические, дейктические отношения, тема-рематические отношения и др. [Bailly 1989: 99–128];

- поиск того, как преподавателю поступать при обнаружении ошибки. Г. Никкеля и его учеников заботит больше всего проблема выставления оценки [Fehlerkunde 1972: 12; Nickel 1973: 26; Enkvist 1973: 16]. Этому вопросу посвящен специальный номер журнала «Ошибки учеников, что с ними делать?» [Les langues modernes. 1987], где делается вывод, что следует использовать ошибки для того, чтобы улучшить учебный процесс. А. С. Берту рассматривает ошибки как перекресток, где встречаются преподаватель и ученик, и считает, что ошибки показывают,

какие гипотезы ученик изобретает в ходе построения своего межъязычия [Berthoud 1987: 12].

Настоящую «педагогику ошибки» можно найти у А. Лами [Lamy 1976; 1981; 1984]. Он указывает на то, что к ошибкам нужно относиться по-разному на разных этапах обучения: вначале студент выдает правильные формы, потому что просто повторяет за преподавателем, затем неправильные формы при попытке самостоятельного применения новых знаний, далее пытается исправить эти ошибки и, наконец, производить правильные высказывания. На начальных этапах преподаватель не должен мешать студенту выражаться, иначе произойдет блокировка и студент больше не захочет говорить (явление, известное под названием *латофобии*) [Hagège 1996: 40]. Обращаясь к обучаемым на продвинутом уровне, способным обсуждать с преподавателями правильность или приемлемость того или иного высказывания, А. Лами предлагает показывать ученикам ошибочные продукты не взирая на универсальный строгий педагогический принцип, требующий от преподавателя демонстрировать только правильные высказывания. При этом он рекомендует графически выделять ошибочные высказывания (например, с помощью принятого в лингвистических работах астериска*), писать, но не произносить ошибки, показывать в основном «типичные» ошибки; знакомить с ошибками, свидетельствующими об иррегулярности языковой системы; с самого начала учебного года или курса добиваться того, чтобы ученики исправляли ошибки друг друга, предлагать простые операции по исправлению ошибок: добавить, переставить, убрать, заменить.

А. Коианиз напоминает, что преподаватель должен занимать двойственную позицию: воспринимать любую ошибку с точки зрения породившего ее межъязычия (или, по его терминосистеме, «временной структуры») и пытаться приблизить данное межъязычие к языку-цели. Он должен также учитывать, что бывают студенты двух типов: те, кто стремится производить только правильные высказывания и «остаться в асептическом пузыре педагогического варианта французского языка», и те, кто ставит во главу угла коммуникативный аспект и стремится прежде всего общаться, неважно как [Coianiz 1982: 70]. Многие исследователи отмечают, что переход к «педагогике ошибки» изменил атмосферу на занятиях по иностранному

языку, сделал их более приятными, менее напряженными и пугающими [Bertrand 1987: 74 ; Kiyitsioglou-Vlachou 2001: 30; Gratton 1982: 50]. Наша собственная педагогическая практика и проведенные психолингвистические эксперименты это тоже подтверждают.

1.5. Выводы

Итак, межъязычие и свойственные ему девиантные факты получают разноаспектную интерпретацию в современной лингвистике в рамках теорий языковых контактов, билингвизма, анализа ошибок и др., обзор и систематизация которых была представлена в этой главе. Многие стороны межъязыковой девиатологии были изучены в русле когнитивных, психолингвистических, социолингвистических и лингводидактических исследований. Обобщив рассмотренные в гл. 1 вопросы, мы можем сделать следующие выводы.

Центральной категорией в межъязыковой девиатологии как междисциплинарной предметной области, или центральным понятием, содержание которого сопрягается со всеми остальными понятиями исследовательского аппарата, является межъязычие. Межъязычие, или «третья система», рассматривается нами как совокупность подвижных, относительно нестабильных микросистем знаний и наивных представлений респондентов о вторичной языковой системе, интерферируемых с языковыми механизмами их первичной системы. Поскольку межъязычие проявляется только через вербализованные факты, анализ этих фактов, их систематизация позволяют реконструировать как особенности индивидуального межъязычия, так и основные черты коллективного межъязычия.

Вторым по важности понятием межъязыковой девиатологии можно считать понятие межъязыковой девиации.

Под девиацией в широком смысле понимается сбой когнитивных операций из-за неправильных, двусмысленных или неполных данных, неточных знаний, забывчивости, ограниченности внимания и т. д. Если речь идет о незапланированных нарушениях, характерных для любой естественной коммуникации, осуществляемой с помощью Я₁, то они могут являться 1) следствием конфликта консервативной, традиционной нормы с новыми языковыми (коммуникативными) тенденциями и 2) следствием взаимовлияния отдельных компонентов коммуникативной системы.

Системы языковых и – шире – коммуникативных девиатов, как мы видели, разноаспектно исследуются в различных лингвистических областях: психолингвистике, социолингвистике, стилистике и т. д. Результаты когнитивных девиаций находят свое вербальное воплощение в письменных и устных девиатах.

Межъязычие постоянно порождает девиантный речевой материал. Межъязыковые девиации в сознании индивида сосуществуют наряду с собственно языковыми ($Я_1$) и возникают вследствие непреднамеренных интерферентных процессов. Системы девиатов как результатов таких процессов могут надолго «закрепляться» в сознании индивидов и эксплицироваться в речи или на письме. С точки зрения носителя межъязычия, девиантный материал таковым не является, пока этот статус ему не придадут внешняя коррекция или – при формировании сильного межъязычия – самокоррекция. Один и тот же факт $Я_2$ в межъязычии может получить различные «искажения», условно обозначенные нами как девиантные варианты межъязычия. Наличие таких вариантов свидетельствует о неустойчивости межъязычия как системы. Кроме того, в межъязычии могут быть сильные и слабые формы: сильная форма предполагает унификацию всех остальных фактов по ее образцу, слабая форма, напротив, характеризуется неустойчивостью и стремлением унифицироваться самой.

В системе межъязычия выявляются следующие оппозиции:

- 1) по наличию / отсутствию когнитивных девиантных процессов и их результатов межъязычие как «третья система» может быть девиантным и недевиантным;
- 2) по приемлемости / неприемлемости вербализованных межъязыковых фактов в коммуникативной среде природных носителей языка межъязычие может быть сильным и слабым.

Выбор той или иной девиантной тактики межъязычия обусловлен общими причинами возникновения девиаций, выявленными еще А. Фреем: потребностями в аналогии, в уподоблении, в дифференцировании, в краткости, в экспрессивности. Конкретная реализация этих тактик будет рассмотрена нами в гл. 2-4.

Таким образом, объектом межъязыковой девиатологии можно считать условия возникновения девиатов и сами девиаты в речи тех, кто изучает $Я_2$, а предметом – реконструирование системы девиаций и описание девиантных тактик. В целом,

анализ данных, полученных в предшествующих исследованиях, показал, что ситуация формирования межъязычия при овладении вторичной языковой системой в условиях относительной изоляции от природных носителей изучаемого языка относится к субординативным билингвальным ситуациям.

Системный характер межъязыковых девиаций рассмотрим на примере конкретного эмпирического материала – межъязычия русскоговорящих респондентов, овладевающих французским языком. Этому посвящены последующие главы диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Для межъязычия русских респондентов характерны девиации в употреблении единиц Я₂ всех уровней и во всех аспектах функционирования.

Парадигматические отношения между такими единицами межъязычия, в отличие от отношений между единицами внутри систем Я₁ и Я₂, регулярно искажаются: возникают лексико-грамматические нарушения, вызванные тем, что выбранная респондентом лексема не обладает нужной частеречной характеристикой, структурно-семантические, приводящие к созданию и употреблению не существующих во французском языке лексем, и лексико-семантические, появляющиеся в тех случаях, когда употребленная респондентом языковая единица Я₂ не обладает системой значений, приписанной ей респондентом.

2.1. Лексико-грамматическая девиация, или смешение частей речи

Распределение словарного материала по частям речи – задача сложная, и современные грамматики предлагают различные подходы к описанию морфологического материала конкретных языков. Предполагается, что смешение в межъязычии частей речи Я₂ вызвано недодифференциацией их категориальных признаков. Респонденты, изучающие иностранные языки, регулярно смешивают слова различных частей речи. Ниже приведены перечень и иллюстрации тех лексико-грамматических классов слов Я₂, которые оказываются наиболее «уязвимыми» в межъязычии русскоговорящих респондентов.

2.1.1. Смешение наречий и прилагательных

Эта довольно распространенная девиация чаще всего затрагивает наречие *vite* и прилагательное *rapide*: *le progrès est assez grand et vite* (*grand et rapide*) [прогресс достаточно большой и быстрый]. Создается впечатление, что в межъязычии *vite* вообще не рассматривается как наречие. Встречаются и другие случаи смешения:

je pense que c'est trop longtemps (c'est trop long) [я думаю, что это слишком долго], *sortir la nuit, c'est dangereusement (c'est dangereux)* [выходить ночью опасно].

Как видно из иллюстраций, девиат возникает в позиции *c'est + Adj*. Это объясняется тем, что в русской конструкции *это + cop + Adj* фигурируют краткие прилагательные среднего рода – омоформы отадъективных наречий, слов категории состояния (предикативов), мотивирующие их образование: *дело ясно – это ясно – ясно, что – на небе ясно*. Поэтому в межъязычии разных респондентов в аналогичной синтаксической позиции выбор падает на наречие, а не на прилагательное, что и приводит к ошибкам. Тот факт, что *bien* допустимо в такой позиции, только усиливает стремление русских респондентов предпочесть другие слова этого класса.

Девиация распространяется и на использование компаратива: *la température de l'eau dans l'océan est bien moins qu'en mer (moins élevée qu'en mer)* [температура воды в океане существенно меньше, чем в море], *le quantité des employés est plus que celui des ouvriers (la quantité... plus grande que celle des ouvriers)* [количество служащих больше, чем количество рабочих]. Возникновение девиатов связано с тем, что для русского компаратива всех частей речи (прилагательных, наречий, предикативов) характерна последовательная омоформия.

Однако употребление прилагательных вместо наречия встречается существенно реже: *ils apprennent de travailler autonome (à travailler de manière autonome)* [они учатся работать самостоятельно], *3 000 les enfants qui sont grave malades (3 000 enfants qui sont gravement malades)* [3 000 тяжело больных детей].

2.1.2. Смешение существительных и прилагательных

Во французском языке, как и в русском, могут субстантивироваться прилагательные, и чаще всего это происходит с этнонимами и подобными обозначениями лиц, однако межъязычие такую субстантивацию не поддерживает, хотя этноним *русский* по происхождению – прилагательное, ср.: *les gens russes (les Russes)* [русские], *les gens étrangers (les étrangers)* [иностранцы]. Нельзя сказать, что данные словосочетания полностью девиантны: они построены согласно правилам французского языка. Но во французском подобные значения традиционно выражаются субстантивированными прилагательными, хотя в других случаях такая субстантивация неоправданна: *les âgés (les personnes âgées)* [пожилые].

Когда в лексиконе межъязычия отсутствует нужное прилагательное (или когда межъязыковая лакуна совпадает с лакуной во французском языке), респондент нередко с помощью конверсии вводит существительное вместо искомого прилагательного: *les prix de produit tabac* (*les prix du tabac*) [цена на табачные изделия].

В некоторых случаях трудно объяснить, почему было отдано предпочтение существительному: *dans le domaine sociologue* (*dans le domaine sociologique*) [в области социологии], *l'autre se sent l'inquiétude* (*se sent inquiet*) [он чувствует себя взволнованным], *être solitude* (*être seul*) [быть одним], *quelque chose d'Allemagne* (*d'allemand*) [что-нибудь немецкое]. Возможно, девиация вызвана тем, что первыми по времени включения в формируемое межъязычие лексическими компонентами – а значит, сильными – чаще всего становятся субстантивы, а только позднее – их производные.

2.1.3. Смещение глаголов и существительных

Встречается девиантное употребление инфинитива вместо существительного: *le succès sera complet en cas d'obtenir le balance entre la solidarité du Nord-Sud* (*en cas d'obtention de l'équilibre*) [успех будет полным в случае получения равновесия между севером и югом], *les méthodes de battre* (*les méthodes de lutte*) [методы борьбы], существительного вместо инфинитива: *est en train de transformation aujourd'hui* (*en train de se transformer aujourd'hui*) [на данный момент трансформируется], *à condition de travail sans cesse* (*travailler*) [если работать без остановки].

Сложно объяснить единичные девиаты подобного рода, хотя последний пример подсказывает, что их возникновение возможно под влиянием английского языка, в котором для глаголов и существительных характерны регулярные омоформия и конверсия. Возможно, свою роль играет и семантическая близость русских инфинитивов и девербативов.

2.2. Структурно-семантическая девиация в окказиональном словообразовании и ее результаты

Словарный состав французского языка – почти полностью закрытая система, и даже франкофонам не дано свободы в словопроизводстве: например, существуют строгие комиссии по контролю за терминообразованием [Derecker 2001], и в наивном языковом сознании французов утвердилось правило: «если слова в словаре

нет, значит, его нет и в языке». Так, при существующем глаголе *préconiser* [предлагать] образование существительного *préconisation* [предположение] казалось бы совершенно логичным, однако этого существительного во французских словарях нет. Более того, поиск по электронному словарю Petit Robert дал 541 глагол на *-iser* и всего 418 коррелируемых с этими глаголами девербативов на *-isation*. Запрет на образование новых лексем особо заметен в области наречий. Если в русском языке отадъективные наречия образуются регулярно (это основной способ словообразования, пополняющий разряд качественных наречий), то во французском подобный процесс существенно менее активен.

В межъязычии русских респондентов часто создаются новые лексемы, и в этом нам видится его сильный креативный потенциал. Респонденты считают, что изобретаемые ими единицы действительно существует в Я₂. Не исключено, что процесс словообразования происходит чаще, чем мы об этом можем судить по конечным результатам, поскольку они могут действительно оказаться подходящими. Однако не всегда созданное таким образом слово, даже если оно и совпадает с существующим в языке, подходит к коммуникативной ситуации, см. три следующих примера:

- *l'obstacle le plus grand c'est le manquement des services supplémentaires de marketing (manque)* [самая большая трудность – отсутствие дополнительных маркетинговых служб]. Существительное *manquement* так же, как и искомое *manque*, мотивировано глаголом *manquer* [недоставать]. Но выбранное (или вновь созданное) существительное *manquement* означает не 'нехватка' а 'несоблюдение взятого на себя обязательства' (ср. с русским *манкировать*);

- *l'embauchage des immigrants illégaux (l'embauche... illégaux)* [прием на работу иммигрантов-нелегалов]. Существительное *embauchage* имеет то же значение, что и требуемое *embauche*, и произведено от того же глагола *embaucher*, но оно стилистически не нейтрально, относится к редким и устаревшим;

- *les écrivaines françaises (les femmes-écrivains)* [французские писательницы]. Если принять критерий современной нормы, это существительное нельзя считать ошибкой: неологизм *écrivaine* начинает пробивать себе дорогу во французский язык наряду с другим, *auteure*, для наименования писательницы. Но ни первое, ни

второе существительное на данное время не признаны и вызывают горячие споры в среде кодификаторов и писателей [Beigbeder 2005:10]. Мы сомневаемся, что написавшие их респонденты знали об этом, и относим *écrivaine* и подобные ему лексемы к словообразовательным окказионализмам, совпадающим с неассимилированными неологизмами.

2.2.1. Типы девиантных окказионализмов в разных частях речи

В нашей картотеке встречаются девиантные окказионализмы среди полных слов всех лексико-грамматических разрядов:

а) субстантивные (60 %): чаще всего окказиональное словообразование касается абстрактных субстантивов: *légitimité (legitimité)* [законность] и наименований лиц: *un retraitaire (retraité)* [пенсионер];

б) адъективные (30 %): *mal-suffisante (insuffisante)* [недостаточна], *l'aspect financier (financier)* [финансовый аспект];

в) глагольные (10 %): *chasser c'est séduiser (séduire)* [охотиться –это очаровывать];

г) адвербиальные (единичные случаи): *désirablement (d'une manière désirable)* [желательно].

Новые слова могут быть использованы как на месте существующих, например: *économisation (économie)* [экономия], *les écoliens (écoliers)* [школьники], так и для восполнения лексической лакуны: *la valabilité du diplôme (le fait que le diplôme est valable)* [действительность диплома], *un tabagiste (un fumeur invétéré)* [злостный курильщик].

2.2.2. Типы девиантных окказионализмов по способам словообразования

Неправильное словообразование связано с девиациями в выборе словообразовательных формантов³² и может касаться всех компонентов морфемной структуры мотивированного слова, а также направлений мотивации. Выявлено несколько типов девиантных окказионализмов.

³² «Словообразовательный формант – это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих» [Русская грамматика 1982: 134].

Суффиксальные окказионализмы, вызванные неправильным выбором суффиксов: *dracognantes* (*draconien*) [драконовский], *l'âge pubertain* (*pubertaire*) [пубертатный возраст], *un point discutif* (*discutable*) [спорный пункт], *diffères associations* (*différentes*) [различные ассоциации], *le test minister* (*ministériel*) [министерский тест], *la politique démocratisé* (*démocratique*) [демократическая политика], *représentateurs* (*représentants*) [представители] – последний девиат возник при сочетании компонентов двух слов: *présentateur* [диктор] / *représentant* [представитель]: корень взят от одного существительного, а суффикс - от другого. Суффиксация используется и в девиантном словообразовательном оформлении русскими респондентами существительного, относящегося к другому грамматическому роду (см. ниже гл. 3, п. 2 «Грамматическая орфографическая девиация и ее результаты»): *la soutienne* (*le soutien*) [поддержка], *la seconde «remédie»* (*le second remède*) [второе лекарство]. Тот факт, что респондент ввел кавычки доказывает, что он осознает, что предложенная им лексема - плод его воображения. Встречается также избыточные суффиксальные образования: *maîtrisation* (*maîtrise*) [мастерство], *l'embauchement* (*l'embauche*) [наем на работу], и наоборот: *l'accrue* (*l'accroissement*) [рост]. Следует однако отметить, такие опущения обязательного во французском слове суффикса редки. В случае замены глагольных суффиксов инфинитива (-er на -ir) девиантная аффиксация может приводить к тому, что полученный глагол относится к другой парадигме: *je voudrais m'intégrir* (*m'intégrer*) [я хочу интегрироваться].

Перечислим наиболее частотные суффиксы-девиаты.

Субстантивные суффиксы:

-tion, -ation, -isation – употребляются для образования абстрактных отглагольных существительных и ошибочно используются вместо других суффиксов или там, где нужно бессуффиксальное образование, а также вместо существующего слова и как восполнение лакуны: *automisation* (*autonomie*) [автономность], *rebellion* (*rebellion*) [бунт], *recrutation* (*recrutement*) [набор]. Возможны и конфликты между суффиксальными алломорфами: *l'évolution* (*l'évolution*) [эволюция];

-ité – *longévitité* (*longévitité*) [долговечность], *la succévitité* (*le succès*) [удача];

-ment – *l'échangement* (*l'échange*) [обмен], *défasement* (*le fait de se défaire*) [республика], *le repousement des différences sociales* (*le fait de repousser*) [отказ от социальных различий];

-eur – *les batteurs peuvent être punis pour mauvais traitements* (*ceux qui battent leurs femmes*) [драчуны (речь шла о мужьях, которые бьют своих жен) могут быть привлечены за плохое обращение], *les souhaiteurs* (*ceux qui le souhaitent*) [желающие].

Адъективные суффиксы:

-el, -eux, -al, -able – *le modele civilisationnel* (*de civilisation*) [модель цивилизации], *il y a des problèmes matérieux* (*matériels*) [есть материальные проблемы], *les filières varieux* (*variées*) [разные специализации], *les problèmes matérieux* (*matériels*) [материальные проблемы], *son principeu but* (*principal*) [ее главная цель], *dans la toile universale* (*universelle*) [во всемирной паутине]; *doutable* (*douteux*) [сомнительный], *nos cultures sont homologables* (*homologues + comparables*) [наши культуры сравнимы].

Наречный суффикс -ment: *indispensablement* (*d'une manière indispensable*) [необходимо].

Приставочные окказионализмы, вызванные неправильным выбором приставок: *infavorable* (*défavorable*) [неблагополучно]. Обычно девиации возникают в употреблении аффиксов с отрицательным значением у существительных и прилагательных: *la contreposition* (*la position contraire*) [обратное положение], *malaccueillant* (*pas accueillant*) [негостеприимный], «*inlisibles*» (*illisibles*) [нечитаемые], *non-civilisés* (*incivils*) [нецивилизованные]. Иногда обязательная приставка опускается: *on fait «jeunir» la population française* (*rajeunir*) [омолаживают французское население] – существующий отадъективный глагол французского языка имеет дополнительный префикс, выражающий каузальность (см. *rapetisser, rabaiser* [уменьшать, снизить]).

Корневые окказионализмы, вызванные неправильным выбором корневого алломорфа: *judiquaire* (*judiciaire*) [юридический], *spéciament* (*spécialement*) [специально], *indecryptable* (*indéchiffrable*) [нерасшифруемый]. Последнее характерно в основном для глаголов: *atteigner la terre* (*atteindre*) [достичь землю], *recognir*

(*reconnaître*) [узнавать], *concurrer* (*concurrer*) [конкурировать], *peuvent enrichir moi* (*m'enrichir*) [могут меня обогатить], *se métamorphose* (*métamorphose*) [превращается], *suppressionné* (*supprimé*) [упразднен], *structuraliser* (*structurer*) [структурировать]; *quelle peau est plus endangérée* (*menacée*) [какая кожа подвергается большему риску] – образовано от глагольного выражения *être en danger* [быть в опасности]. Отметим, что глагольно-именное словосочетание регулярно заменяется в межъязычии на отыменной глагол, реализуя очень популярное для русского словообразования направление мотивации «существительное → глагол» (*tous peurent* (*craignent / ont peur*) [все боятся] – образовано от глагольного выражения *avoir peur* [букв. 'иметь страх', 'бояться', 'страшиться']), поскольку для русского языка регулярны глагольно-именные и собственно глагольные соответствия (*дать обещание – обещать*), бóльшая часть которых возникла в русском языке под влиянием западноевропейских языков.

2.2.3. Лексические кальки

Особый класс девиантных окказионализмов – кальки. Их гораздо больше, чем чистых заимствований. Помимо калек с русского, в межъязычии встречаются и кальки с английского – для большинства наших респондентов французский – второй иностранный язык, не только по длительности изучения, но и по интенсивности. Для образования калек часто привлекаются интернациональные морфемы латинского и греческого происхождения, причем независимо от того, из какого языка (русского или английского) заимствованы словообразовательные модели лексем. Во многих случаях трудно решить, лексема какого языка (русского или английского) стала мотивантом нового слова во французском: например, прилагательное *stable* (*stable*) [стабильный] при существующем *mobile* [мобильный] можно считать калькой с русского, тогда как прилагательные *optimistique* (*optimiste*) [оптимистичный] или *conservatives* (*conservatrices*) [консервативные] могли быть образованы под влиянием как русского (поскольку суффикс *-qu-* часто соответствует суффиксу *-чн-*, см. *практичный / pratique*), так и английского (*optimistic, conservative*).

2.2.3.1. Кальки с русских слов и выражений

Прилагательные. Особо популярен в таких кальках словообразовательный суффикс *-ique*: *cosmopolitique* (*cosmopolite*) [космополитичный], встречающийся в

структуре других лексем (прилагательные и существительные): *apolitique* [аполитичен], *diacritique* [диакритический]. Во французском словообразовании этот формант малоактивен, словарь Petit Robert дает всего 53 единицы, многие из которых – однокоренные (*politique, apolitique, sociopolitique*), тогда как в русском его аналог -н- / -ичн- регулярно соединяется с корнями, оканчивающимися на парный мягкий согласный, а также на заднеязычные мягкие [кʰ], [гʰ], [хʰ]: *типичный, циклический, энергичный, идеалистичный* и др. [Русская грамматика 1982: 274].

Существительные: *chez les travailleurs des entreprises (travailleurs)* [у работающих на предприятии], *au cours de son envisagement à l'Assemblée nationale (son étude)* [во время его рассмотрения в национальной Ассамблее]. Среди таких калек имеются существительные, образованные с помощью аффиксов с отрицательным значением: *l'involonté (le manque de volonté)* [нежелание], *l'inconfiance (le manque de confiance)* [недоверие].

Наречия: *adéquatement (d'une manière adéquate)* [адекватно], *théoriquement (théoriquement)* [теоретически].

Отметим также, что лексическое калькирование в межъязычии распространяется и на устойчивые словосочетания: *acte terroriste (attentat)* [террористический акт], *la sous-conscience (le subconscient)* [подсознание], *la santé d'âme des gens (la santé psychique)* [душевное здоровье людей]. В последнем примере отражена очень интересная стратегия преодоления коммуникативного препятствия. Известно, что относительных прилагательных во французском языке меньше, чем в русском, и что нельзя свободно образовывать такие прилагательные. Видимо, пишущий это правило освоил и не позволил себе произвести прилагательное от существительного *âme* [душа], что в данном случае было оправданно, поскольку прилагательного, соответствующего русскому *душевный* во французском языке не существует. Но выбранная его межъязычием тактика – образование синтагмы с предлогом *de* – разрешила его коммуникативную проблему: он выступил «против узуса» («так не говорят»), в том числе и потому, что французское слово *âme* малоупотребительно и не может соперничать с популярностью своего аналога – и соответствующего концепта – в русском языке и в культуре в целом [Wierzbicka 1990: 13–36; 1992].

Девиантное калькирование словосочетаний – дословный перевод с русского – особенно регулярно в случаях, когда респондент пытается переводить русские идиомы, устойчивые и образные выражения, например: *partis de la vie volontairement (suicidés)* [добровольно ушли из жизни], *il faut faire quelque chose avec les bandes terroristes (il faut s'occuper des associations de terroristes)* [нужно что-нибудь делать с бандами террористов], *la situation avec l'islam (la situation de l'islam)* [ситуация с исламом], *l'aide financière est au niveau. Il manque... (est à un niveau convenable)* [финансовая помощь находится на уровне. Не хватает....].

2.2.3.2. Кальки с английских слов и выражений

Согласно заверениям респондентов, интерферирование английских единиц обусловлено омографией французских и английских слов. Так, французское существительное *surprise* скорее ассоциируется у них с межъязыковым омонимом *surprise* (англ.), чем с русским *сюприз*, несмотря на то что фонетически русская и французская лексемы различаются меньше, чем французская и английская. Примеры девиантного калькирования с английских образцов встречаются среди существительных, прилагательных и особенно глаголов: *terroristiques (terroristes)* [террористический], *les useurs d'internet (utilisateurs)* [пользователи интернета], *les gens se retraitent tôt (partent tôt en retraite)* [люди рано уходят на пенсию].

Возможны также синтаксические кальки с английского: *la formation qui est à se développer (qui se développe actuellement/qui est en train de se développer)* [образование, которое сейчас развивается], *j'ai été dit que (on m'a dit que)* [мне говорили, что...], *elle était le secrétaire de département d'Etat des Etats Unis (secrétaire d'Etat)* [она была секретарем госдепартамента США].

Среди единиц, калькированных с английских идиом, наиболее употребительна конструкция *payer attention*: *il faut payer l'attention surtout aux écoles (il faut accorder de l'attention aux écoles)* [нужно обращать внимание на школы].

2.2.3.3. Русско-английские кальки

Поскольку русские источники девиантного калькирования являются в свою очередь историческими кальками с английских слов, в некоторых случаях трудно однозначно определить источник калькирования: *en business classe (en classe affaires)* [в бизнес-классе], *correcter (corriger)* [исправить], *protector (protéger)* [охранять].

2.2.4. Девиантные лексические вкрапления

Речь пойдет не о тех лексемах, которые перешли из русского во французский и стали частью его словаря – около 700 единиц, из которых только 200 зафиксированы в словарях, и не о многочисленных заимствованиях из английского, ставших поводом для бесконечного возмущения «академиков» и споров ученых [Hagège 1987: 17–130], а о тех, которые можно с полным правом назвать *варваризмами*: о вкраплениях иноязычных слов в результате «переключения кодов» или интерференции. Лексикологи, специалисты по стилистике и ортологии подчеркивают, что варваризмы характеризуются следующими чертами: 1) это перенесенные на чужую почву иностранные слова; 2) их употребление носит индивидуальный характер, они окказиональны; 3) они не входят в лексический состав данного языка; 4) они не закреплены в словарях, в отличие от всех других видов лексических заимствований (иноязычных вкраплений, экзотизмов и усвоенных языком заимствованных слов) [Голуб 2001: 105–106]. Причин появления таких лексем в межъязычии может быть две: в одном случае их можно рассматривать как попытку преодолеть коммуникативное затруднение (лучше использовать «офрануженное» русское слово, чем молчать или ничего не писать), в другом – как результат неосознанности того, что такой лексемы во французском языке нет.

Специфика исследуемого девиантного материала (экзаменационные и конкурсные задания, беседы с преподавателями), по-видимому, препятствует тому, чтобы респондент сознательно использовал русскую лексему, тем более написанную кириллицей. Даже в ситуации лексических затруднений, когда невозможно подобрать нужную единицу, пишущие стараются избегать заимствований. Поскольку «переключение кодов» от интерференции как раз тем и отличается, что оно – явление преднамеренное и осознанное [Hagège 1996: 239], мы можем с уверенностью о нем говорить лишь в тех случаях, когда респондент употребляет кавычки, подчеркивая тем самым, что он осознает чужеродность данной лексемы для Я₂: *la démocratisation scolaire a des «plus» et des «minus» (des avantages et des inconvénients)* [в демократизации школы есть плюсы и минусы], *j'ai un ami qui est «un vert» (écologiste)* [у меня друг – «зеленый»]. Таких случаев найдено всего два, к тому же оба представляют собой результат семантического, а не лексического

заимствования, что и подтверждает нашу гипотезу: русские вкрапления возникают неосознанно, в ситуациях, когда говорящие плохо ощущают различия между Я₁ и Я₂ и искренне полагают, что данное слово принадлежит французскому словарю. Случаи же семантического заимствования, не отличимые от других ситуаций диалектопаронимов, здесь не рассматриваются.

Все встреченные вкрапления либо интернациональны, либо состоят из заимствованных французских морфем и теоретически могут существовать во французском: *protestes (protestation)* [протест], *opponent (opposant)* [оппонент], *import (importation)* [импорт]. Среди них нет ни одной исконно русской или английской единицы. Все слова-вкрапления из русского – существительные: *les terractes (les attentats)* [теракты], *un fantaste (un auteur de science-fiction)* [писатель-фантаст], *Ford a conduit l'expériment avec la division du travail (mené une expérience de)* [Форд проводил эксперимент с разделением труда]. Последний пример интересен и тем, что, судя по проводимому опросу, русскоговорящие респонденты искренне уверены, что фонематически близкое русскому *эксперименту* существительное **expériment* существует и во французском языке, что было бы логично при имеющихся в нем *expérimenter, expérimentation, expérimental*.

Среди заимствованных из английского языка лексем межъязычия особо выделим существительное *example (exemple)* [пример]. Данный, очень распространенный, девиат может также рассматриваться не как парадигматический, а как орфографический (синтагматический), порожденный влиянием английской орфографии, см. также: *les drugs (les drogues)* [наркотики]. К варваризмам относятся и *les citizans (citoyens)* [граждане] – с орфографической ошибкой с точки зрения английской нормы, *la transportation aérienne (le transport)* [воздушный транспорт], *ne solve pas (ne résout pas)* [не решает].

2.3. Лексико-семантическая девиация и ее результаты

2.3.1. Отношения между лексическими системами двух языков

Как уже отмечалось, чаще всего интерференция исследуется в области лексики. Наиболее известным для наименования результатов лексического интерферирования стал термин *ложные друзья переводчика*, обозначающий слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, но

в плане содержания или по употреблению не полностью соответствующие или даже полностью не соответствующие друг другу. Используется также введенный Е. Райнером термин *pénidentème* - *пенидентемы*, обозначающий весь класс таких единиц [Reiner 1983, 1989]. Термин охватывает «все случаи одинакового или различного содержания при одинаковой или близкой форме выражения» [Mertens 2001:61] и в дальнейшем будет использоваться и нами.

2.3.1.1. Определение понятийно-терминологического статуса пенидентем

За последние годы интерес к пенидентемам возрос. Возможно, это связано с тем, что развитие интернета и межъязыковых обменов увеличило потребность в переводах³³. Термин *faux amis du traducteur* (*ложные друзья переводчика*) был введен в лексикографию М. Кёсслером и Ж. Дероккини в 1928 г. [Kæssler, Derocquigny 1928], выявившими два типа «ложных друзей»: 1) «полностью ложные» со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) «частично ложные» со сходной орфографией и в основном с общей семантикой. Из этого труда термин «перекочевал» в терминосистемы других исследователей, хотя не все одобряют его использование, поскольку «определение “ложные друзья переводчика”, приемлемое в теории перевода, совершенно не отображает лингвистического аспекта проблемы: видимо, поэтому в монографических исследованиях, посвященных проблеме межъязыковой омонимии, для подобных слов (сходных по звучанию, но различающихся по значению) разных языков, используются другие термины» [Федорчук 2001].

Немецкий лингвист Р. Липчук [Lipczuk 1985: 61–72] предложил использовать термин *тавтонимы* (*Tautonyme*), несмотря на то, что за ним уже закреплено другое значение (а именно: слова или названия, состоящие из двух повторяющихся частей, например в зоологии *canis canis* ‘собака’). В болгарской и польской лингвис-

³³ На русскоязычном сайте www.falsefriends.ru можно найти подборку ссылок на другие сайты с информацией о «ложных друзьях» переводчика. Сайт стал продолжением и иллюстрацией нового англо-русского словаря К. В. Краснова [Краснов 2004]. Также в интернете можно встретить дополненный вариант словаря В. Л. Муравьева [Муравьев 1969] и коллекцию русско-французских и франко-русских «ложных друзей», собранную француженкой русского происхождения Н. Ивановой³³. Наиболее масштабным проектом, посвященным пенидентемам, можно считать публикацию 2000 г. Д. Бунчича [Бунчич 2000: 14–18]. Это библиографическая подборка трудов, состоящая из 691 наименования. Из них 94 работы касаются отношений французских слов со словами из других европейских языков: например, 22 работы посвящены английским пенидентемам во французском языке, столько же – немецким, 5 – испанским, 5 – итальянским и т. д.

тике получил распространение термин *аппроксиматы* (и его орфографический вариант *апроксиматы*) [Чонгарова 1989; Karpaczewa 2002: 405–406], а в англоязычной филологии, помимо кальки с французского *false friends*, термин *deceptive cognates* ‘обманывающие когнаты’ [Lado 1957], при этом под *когнатами* подразумеваются слова общего происхождения в родственных языках. С этим согласны все англоязычные авторы – Р. Ладло считал, что *cognates* и *deceptive cognates* нужно рассматривать независимо от их происхождения [Ладло 1989: 60–61].

Помимо дискуссии вокруг выбора подходящего термина, оспаривается и содержание этой категории: при наиболее широком трактовании в круг пенидентом включают не только слова в разных языках, означающие которых похожи, а означаемые – различны, но и кальки (например, **мыть зубы* из-за исп. *lavar* ‘мыть, чистить’), а также варваризмы (исп. **banana* вместо *platano* ‘банан’), иногда даже внутриязыковые паронимы [Colignon, Berthier 1985]. Напротив, при узкой трактовке из категории пенидентом исключаются слова, этимологически не связанные друг с другом. Например, Т. Д. Димитрова видит в заимствованиях из французского причину возникновения ряда пенидентом в русском и в болгарском языках [Димитрова 1983: 10–15].

По мнению Е. В. Федорчук [2001], Р. А. Будагов, Й. Влчек и А. В. Шидловский отождествляют «ложных друзей» с «*межъязыковыми*³⁴ омонимами». Для описания таких слов Г. С. Чинчлей [1986: 9] предлагает использовать термин *диаомонимы*, а для обозначения единиц различных языков, имеющих сходный звуковой или графический образ, разное значение, но одну общую сему – термин *дианаронимы*, считая при этом, что такое сходство основано на общности внутренней формы и / или этимологии.

Сторонник широкого взгляда на группу пенидентом В. В. Акуленко определяет единицы, входящие в круг его рассмотрения, следующим образом: «*межъязыко-*

³⁴ Термин *межъязыковой* в нашей терминосистеме квалифицирует факты, относящиеся к исследуемому межъязычию. Поэтому в тех случаях, когда *межъязыковой* используется для атрибуции отношений, возникающих между подсистемами двух различных языков, этот термин мы берем в кавычки. Заметим, что, опираясь на теории внутриязыковых омонимов, исследователи [Ходова 1960: 45; Русановский 1980; Манакин 1994] определяют «межъязыковые омонимы» как «слова генетически родственные или заимствованные (интернационализмы), близкие или совпадающие по форме, но не связанные друг с другом по значению», то есть исключают из рассмотрения слова, имеющие инвариантные семы.

вые синонимы» – слова двух языков, полностью или частично совпадающие по значению и употреблению (и соответственно являющиеся эквивалентами при переводе). Их можно разделить на внешне *сходные* (до степени отождествления в процессах соприкосновения и сопоставления языков) и внешне *различные*; «*межъязыковые омонимы*» – слова двух языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения; «*межъязыковые паронимы*» – слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но способные вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений [Акуленко 2004: 361–372]. Отметим, что «межъязыковые синонимы» иногда называют «верными друзьями» [Boillot 1931, Causse 1978, Mikó 1983, Nordback Linder 1983, Reiner 1983, 1989, Thorin 1984, Wolf 1985]. С подобной терминосистемой соглашается Д. Шипка [Sipka 1999: 12], но против нее возражает К. Хенгст [Hengst 1977: 250–259], предлагающий назвать *аналогонимами* слова в двух языках, сходные и по форме, и по содержанию, а *псевдо-аналогонимами* слова, сходные по форме, но отличающиеся по содержанию. Такую же точку зрения разделяет и Д. Бунчич [Бунчич 2000], предлагающий следующий уточненный вариант определения: «*псевдо-аналогонимами* являются лексемы из двух (или более) идиом, которые относятся к одной части речи и характерные формы которых конгруэнтны на основе фонетического, орфографического или морфологического подобия или соответствия, для чьих лексических значений, однако, в языке перевода существует более точный эквивалент»³⁵. Этот же исследователь выделяет внутри класса псевдо-аналогонимов «*межъязыковые энантиосемы*»³⁶ – аналогичные или сходные по форме слова, выражающие противоположенные значения [Бунчич 2004: 207–212]. Автор подчеркивает, что в отличие от легко устранимой внутриязыковой энантиосемии «межъязыковая энантиосемия» приводит к коммуникативным затруднениям. К тому же она более распространена. Добавим, что именно такие «межъязыковые энантиосеманты» – источники так называемого *лингвистического шока* [Белянин 1995].

³⁵ Или в другом варианте: «которые друг для друга не являются лучшим эквивалентом» [Bunčić 2000].

³⁶ Мы считаем более предпочтительным термин *энантиосеманты*.

В. В. Акуленко обращает внимание на то, что нужно различать устные и письменные формы пенидентем. О тождестве написания между французскими и русскими словами говорить не приходится хотя бы потому, что эти два языка используют разные алфавиты. Поэтому русско-французские пенидентемы никогда полностью не совпадут по форме, а будут лишь напоминать друг друга по звучанию и семантике. В устной же речи редки случаи, когда французские и русские слова не отличаются друг от друга по своим акцентным характеристикам ³⁷.

Таблица 2.1

Результаты внутриязыковых отношений в лексике

Форма (Ф) \ Содержание (Зн)	идентичная $\Phi_{л1} = \Phi_{л2}$	похожая $\Phi_{л1} \approx \Phi_{л2}$	разная $\Phi_{л1} \neq \Phi_{л2}$
идентичное $Зн_{л1} = Зн_{л2}$	одно слово		синонимы
похожее $Зн_{л1} \approx Зн_{л2}$		паронимы	
разное $Зн_{л1} \neq Зн_{л2}$	-омонимы (омофоны, омографы); - полисеманты;	паронимы	
противоположное $Зн_{л1} \neg Зн_{л2}$	энантиосеманты		разные слова

Приведем примеры к табл. 2.1 из французского языка:

омофоны: *une cour* [двор], *un cours* [лекция], *un court* [корт], (*la chasse à courre* [гончая охота], *court* [короткий] и четыре формы настоящего времени глагола *courir* [бегать / бежать] – всего двенадцать словоформ, среди которых омографами являются, например: *un cours* [лекция], *des cours* [дворы], *je cours*, *tu cours* [я бегаю, ты бегаешь];

паронимы: *une cure* [курс лечения], *une course* [бега];

полисеманты: *un cours* [течение реки, курс валюты, лекция].

³⁷ Существует ряд вопросов, способных увести в сторону от оценки девиаций и не рассматриваемых в данной диссертации: 1) что означают слова «одинаковое», «похожее» и «разное» в области форм и значений; 2) где проходит грань между омонимией и полисемией, а также то, что омонимию можно рассматривать не только в рамках одной части речи, а в глазах иностранца частеречная принадлежность омонимов сыграет минимальную роль, и тот факт, что межчастеречная омонимия может оцениваться положительно, поскольку является богатейшим источником игры слов.

**Результаты отношений между лексическими системами
двух языков (пенидентемы)**

Форма (Ф) \ Содержание (Зн)	идентичная $\Phi_{\text{ля1}} = \Phi_{\text{ля2}}$	похожая $\Phi_{\text{ля1}} \approx \Phi_{\text{ля2}}$
идентичное $Z_{\text{ля1}} = Z_{\text{ля2}}$	«межъязыковые синонимы» эквиваленты «верные друзья» аналогонимы cognates	
похожее $Z_{\text{ля1}} \approx Z_{\text{ля2}}$	диапаронимы	
разное $Z_{\text{ля1}} \neq Z_{\text{ля2}}$	«межъязыковые омонимы», «паронимы» диаомонимы псевдо-аналогонимы deceptive cognates	
противоположное $Z_{\text{ля1}} \neg Z_{\text{ля2}}$	«межъязыковые энантиосеманты»	

Приведем примеры пенидентем для русского и французского языков к табл. 2.2:

аналогонимы: *un pari – pari* (держу ~);

диапаронимы: *une soupe – cun* [Дебренн 2003: 139];

псевдо-аналогонимы: *parie!* [держи пари!] – *pari!* (форма глагола парить);

«межъязыковые энантиосеманты»: *utile* [полезный] – *утиль*.

Явления внутри- и «межъязыковой омонимии» и «паронимии» накладываются друг на друга, поэтому в отношениях «межъязыковой омонимии» оказываются русская словоформа *кур* (род. п. мн. ч. существительного *кур(иц)а*) и все двенадцать вышеперечисленных французских омонимов. К тому же за одним «ложным другом» может прятаться второй, третий, например: *boussole* – не *буссоль*, а *компас*, но *compas* – не *компас*, а *циркуль*, а *circule* – не *циркуль*, а *передвигается* (циркулирует)...

На наш взгляд, «коварство» пенидентем выражается в том, что они порой бывают малозаметны, особенно диапаронимы, и могут прокрасться даже в родной язык из иностранного.

Исследование пенидентем ведется в нескольких направлениях. В первую очередь, в лексикографическом: составляются словари «ложных друзей» для той или иной пары языков. Затем идут исследования в переводоведческом направлении, в

частности по теории перевода терминологии (есть области, где пенидентемы могут оказаться не просто «ложными друзьями», но и опасными, например в языке дипломатии или медицины, и вызванных «друзьями» переводческих ошибок не счесть). Учет пенидентем играет роль и в лингводидактике, где рассматривается их влияние на появление ошибок [Baciocha 1995; Breitreuz 1978: 9–35; Czmyr 1997; Gspann 1941; Koch 1981: 72–80; Krzyżanowski 1985: 82–95; Lietz 1996: 73–120; Sitarek 2004: 209–223]. Наконец, они становятся предметом исследования идиостилистики.

2.3.1.2. Французско-русские пенидентемы

Русско-французскую лексическую интерференцию исследовали В. Л. Муравьев и И. Н. Кузнецова [Муравьев 1975; 1969; 1985; Кузнецова 1998].

И. Н. Кузнецова рассматривает интерференцию в широком смысле как наложение признаков одного элемента на другой, в результате чего происходит их взаимовлияние или взаимопроникновение. Лексическая интерференция определяется ею как двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим сходством, которое вызывает последующее семантическое уподобление, приводящее к произвольному (ошибочному) или произвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы. Таким образом, в поле зрения исследовательницы оказываются как внутриязыковая, так и межъязыковая лексическая интерференция. Для описания этих видов интерференции используются термины *паронимия* (ошибочное лексическое смешение сходных слов внутри языка) и *дианаронимия* (ошибочное смешение сходных слов в условиях языковых контактов). После анализа внутриязыковой паронимии, ошибок, вызванных паронимией во французском языке в ходе его изучения иностранцами, И. Н. Кузнецова сосредотачивает свое внимание на *паронимической аттракции* (лексическом сближении как стилистическом приеме) и *паронимической неологии* (создании новых лексических единиц на основе паронимической аттракции) в рамках произвольной языковой игры в связи с эмотивной или экспрессивной функцией языка [Кузнецова 1998: 1].

Русско-французские и французско-русские словари «ложных друзей» выглядят просто как списки из двух (Н. Иванова) или трех (В. Л. Муравьев) столбцов, в ко-

торых перечислены не соответствующие друг другу лексемы. Так, в первой части словаря В. Л. Муравьев дает:

- русское слово (или фразеологизм), внешне сходное с французским;
- его истинный французский эквивалент;
- «ложный друг» – французский (похожий на русское слово) неправильный эквивалент;
- обратный перевод значения «ложного друга»³⁸, например:

<i>агитация</i>		<i>propagande</i>		<i>agitation</i>		волнение, брожение, ажиотаж
-----------------	--	-------------------	--	------------------	--	-----------------------------

Во второй части словаря [Там же: 41–45] дан список русских лексем и фразеологизмов, в которых один элемент (форма слова в случае словоформы, слово в случае фразеологизма) не имеет прямого эквивалента во французском языке, несмотря на то, что соответствующие морфемы или слова существуют: *беллетрист* – *homme de lettres*, а не **belletriste*, *Варфоломеева ночь* – *massacre de la St. Barthélémy*, а не **nuit de la St. Barthélémy*. Назвав эти единицы словаря «лакунами», В. Л. Муравьев переводит этот термин на французский как ‘*mots et expressions fantômes*’ [слова и выражения-привидения]. Позволим себе не согласиться с таким определением: о лакуне (и тем более о «привидении») можно говорить тогда, когда в одном языке нет эквивалента для слова другого языка. Приведенные В. Л. Муравьевым примеры как раз доказывают обратное (футболист – *footballeur*, хореограф – *chorégraphe*): эквивалент есть, чаще всего это – «межъязыковой пароним» русского оригинала. Несмотря на то, что словарь устарел и содержит неточности, он пока остается единственным доступным изданием такого типа для интересующих нас языков. Очевидно, что работа над большим русско-французским и французско-русским словарем пенидентем, в котором были бы учтены и оттенки значений, еще впереди.

³⁸ К сожалению, в этом небольшом словаре не различаются случаи полной «межъязыковой паронимии», когда лексема со всеми своими значениями противопоставляется русскому аналогу, и ситуации, когда слова различаются лишь в одном значении. Также вызывает удивление тот факт, что в словник вошли лишь 5 прилагательных и 8 глаголов.

2.3.1.3. О полисемантах и лакунах

Помимо существования пенидентем – на наш взгляд, даже в бóльшей степени – есть другие причины возникновения лексических девиатов в межъязычии. Это, во-первых, полисемантизм слов в родном языке, который выражается разными словами в Я₂, и, во-вторых, наличие лакун.

Полисемантизм в Я₁ приводит к тому, что на одну его лексему приходится несколько лексем Я₂. Хотя для интересующих нас двух языков это не очень типично, тем не менее такая ситуация имеет место, становясь причиной возникновения большого количества девиатов. Например, одной из самых устойчивых стала девиация в передаче на французском языке разных значений существительного *решение*: в отличие от русского, во французском различаются *décision* [процесс принятия решения], *résolution* [результат этого процесса, см. рус. ‘резолюция’] и *solution* [само решение (математической или др.) задачи].

Что касается лакун, они чаще всего становятся предметом исследования лексикографов. Однако для межъязычия респондента ситуация лакуны ничем не отличается от той, когда он просто не знает или забывает нужное ему слово. Во избежание коммуникативного затруднения он прибегает к различным тактикам: заимствованию из родного языка, калькированию, перифразированию.

Наконец, к лексическим девиатам относятся и стилистические ошибки.

2.3.2. Лексические девиации межъязычия

2.3.2.1. Принципы классифицирования лексических девиатов

На наш взгляд, межъязыковые лексические девиаты встраиваются в континуум: от правильно выбранного и написанного слова до несуществующего и ни на что не похожего варваризма. Это обширное «поле» можно картировать по следующим параметрам, не забывая о том, что между названными категориями существует бесконечное количество переходных случаев.

На первом этапе классифицирования учитывается только текстовая поверхность – тот речевой материал, который представлен в виде результатов лексического выбора межъязычия. Для этого необходимо сопоставить искомую лексему (Л_{иск}), то есть лексему, которая нужна в данном контексте для реализации коммуникативного намерения говорящего, и реально выбранную респондентом лексическую еди-

ницу ($L_{\text{реал}}$). Даже если респондент думает на иностранном языке (что происходит только на продвинутом уровне владения), когда он сталкивается с затруднением в области лексики, он возвращается к своему родному языку и ищет перевод нужной ему лексемы на иностранный. Поэтому очень часто выбранная лексема является эквивалентом лексемы родного словаря.

Предлагаются два критерия классифицирования: формальный – определяющий, в какой мере данная лексема по форме соответствует искомой, и содержательный – указывающий, в какой мере значение выбранной лексемы соответствует значению искомой лексемы. В табл. 2.3 сведены все выявленные типы девиантного выбора формы лексемы при соответствующем правильном значении.

Таблица 2.3

Типы формальных лексических девиаций при подходящем значении
($ZL_{\text{реал}}=ZL_{\text{иск}}$)

Форма \ Значение	$\Phi L_{\text{реал}} = \Phi L_{\text{иск}}$	$\Phi L_{\text{реал}} \approx \Phi L_{\text{иск}}$ + орфографическая ошибка		$\Phi L_{\text{реал}} \neq \Phi L_{\text{иск}}$
$ZL_{\text{реал}} = ZL_{\text{иск}}$	самое подходящее слово <i>le bord de la mer</i> (нобережье)	не искажающая звуковой облик слова <i>le bort de la mer</i>	искажающая звуковой облик слова <i>le borte de la mer</i>	<i>le bereg de la mer</i>

Условные обозначения: $\Phi L_{\text{иск}}$ – форма искомой лексемы; $\Phi L_{\text{реал}}$ – форма реализованной лексемы; $ZL_{\text{иск}}$ – значение искомой лексемы; $ZL_{\text{реал}}$ – значение реализованной лексемы

К формальным девиатам можно отнести также результаты неправильного выбора рода существительного, управления глагола и другие. Они рассматриваются в гл. 3 «Синтагматические формальные девиации и их результаты» и гл. 4 «Синтагматические функциональные девиации и их результаты» данной диссертации.

В табл. 2.4 обобщено распределение девиаций по содержательному критерию – в случаях, когда выбранное респондентом слово не подходит по значению. Выбранная лексема может одновременно быть ошибочной и по критерию формы, что в этой таблице не отмечается.

Типы семантических лексических девиаций

Ф	ЗН	ЗЛ _{реал} = ЗЛ _{иск}	ЗЛ _{реал} ≈ ЗЛ _{иск} выбран синоним, который не со- всем подходит потому, что:			ЗЛ _{реал} ⊂ ЗЛ _{иск}	ЗЛ _{реал} ≠ ЗЛ _{иск}
			ЗЛ _{реал} имеет другой оттенок значения (2)	нарушена сочетаемость			
ФЛ _{реал} = ФЛ _{иск}		(1)	лексическая (3)	фразеологиче- ская (4)	стилистическая (5)		

(1) Девиации не было – выбрано самое подходящее слово в данном контексте.

(2) ЗЛ_{реал} имеет другой оттенок значения: ***instaurer ce type de surveillance à tous les pays du monde*** (*mettre en place ce type de surveillance dans tous les pays du monde*) [установить (*обустроить*) контроль такого типа во всех странах мира], ***supporter les intentions du gouvernement*** (*soutenir*) [поддержать (*терпеть*) намерения правительства].

(3) Нарушение лексической сочетаемости с другими словами: ***élargir les bords culturels et éducatifs de son classe social*** (*les frontières... sa classe sociale*) [расширить культурные и образовательные границы (*края*) его социального класса].

(4) Использование этого слова разрушает устойчивое выражение или фразеологизм: ***passer au retraite*** (*partir à la retraite / prendre sa retraite*) [уходить (*переходить*) на пенсию] – при устойчивом «уходить на пенсию»;

(5) Использованное слово стилистически не подходит в данном контексте (снижено или, наоборот, «возвышено»): ***un mec veut acheter une bouteille de bon vin*** (*une personne, un homme*) [человек хочет купить бутылку вина] – слово *mec* – разговорное, сниженное, как русское *тун*, ***ils ne sont guère préoccupés des problèmes sociaux*** (*ils ne s'occupent pas beaucoup*) [они мало заботятся о социальных проблемах], наоборот, наречие *guère* принадлежит к книжному варианту французского языка, его использование в данном контексте производит комический эффект, ср. с русским *отнюдь*.

(6) Выбранная лексема – антоним искомой лексемы: *il faut avoir 100 points pour échapper à l'Université sans examens (pour entrer)* [нужно 100 баллов, чтобы поступить (избегать) в университет без экзаменов], *je n'ai pas plu sa réaction (je n'ai pas aimé)* [мне не понравилась его реакция], а сказано «я не понравился». Можно возразить, что здесь налицо грамматическая ошибка *je n'ai pas plus sa réaction* [*я не *понравила его реакция] вместо *sa réaction ne m'a pas plu* [мне не понравилась], но из контекста ясно, что пишущий хотел сказать именно «мне не понравилась...».

(7) Между значением искомого слова и значением реально выбранной лексемы – ничего общего: *la vie après le travail s'explode* [жизнь после работы *взрывается] – в данном контексте невозможно восстановить, что именно хотел выразить респондент, *les aider à s'adopter c'est une autre chose (s'adapter)* [помочь им адаптироваться (усыновляться) – это другое дело].

Причины возникновения лексических девиатов

Для построения второй классификации нужно интерпретировать причины возникновения данных девиатов. Межъязычие предпочитает лексему $L_{\text{реал}}$ потому, что именно она выражает то, что нужно выразить, и / или является подходящим переводом соответствующей русской лексемы. Но только с позиции самого межъязычия. Судя по нашему материалу, девиация (несоответствие между коммуникативным ожиданием и реальностью) может быть вызвана тем, что респондент смешивает $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ по следующим причинам.

1. $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ – паронимы во французском языке: *évaluer / évoluer* [оценивать / эволюционировать], $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ могут быть однокоренными словами, например: *maintenir / soutenir* [утверждать / поддержать].

2. $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ – паронимы или однокоренные слова в русском языке: *voler / cambrioler* [украсть/обокрасть], *laisser / rester* [оставлять/оставаться].

3. $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ – простой и каузативный глаголы: *grandir / agrandir* [увеличить / расти].

4. Одной лексеме русского языка соответствуют две (или более) французские: *résolution / décision / solution* [решение]. Респондент либо не знает об этом, либо не знает, как различать эти значения, либо «сильная» форма Я₁ влияет на его выбор. Смешиваться могут как прямые, так и переносные значения многозначного рус-

ского слова: *les échelles du terrorisme qui se répand partout dans le monde (l'importance)* [учитывая масштабы терроризма, распространяющегося в мире] – французское существительное *échelle* означает ‘приставная лестница’ и ‘масштаб’ (на карте или в выражении «в масштабе страны»), но не означает ‘размер, размах’.

5. $L_{\text{реал}}$ – пароним лексемы родного языка (межъязыковой пароним), но значения и / или сфера употребления обеих лексем – разные (они – «ложные друзья»): *баланс, демонстрация, бандероль, транспарант*.

6. $L_{\text{реал}}$ соответствует не задуманной русской лексеме, а другой, внутренняя форма которой близка русской. Таким образом, под влиянием русской лексемы, французской лексеме приписывается значение, которое ей не свойственно (семантическое калькирование): *ce concours n'est pas si successif (n'a pas tant de succès)* [Это конкурс не так и успешен] – прилагательное *successif*, в котором фигурирует существительное *succès* [успех], означает тем не менее не ‘успешный’, а ‘последовательный’.

Описанный феномен довольно часто встречается в наречных словосочетаниях. Можно предположить, что некоторые из них были в свое время заимствованы путем калькирования русским языком из французского, но с течением времени их значения разошлись, и теперь они эквивалентными не являются: *pas tout à l'heure, bien sûr (pas bientôt, pas tout de suite)* [конечно, не сейчас].

7. $L_{\text{иск}}$ и $L_{\text{реал}}$ принадлежат одной и той же семантической группе. В примере *c'est seulement une échelle (étape)* [это всего лишь ступень] респондент выбрал слово *échelle* [лестница], принадлежащее тому же семантическому полю, что и существительное *ступень, ступенька*. Возможно, он надеялся, что данное существительное подойдет, или, по крайней мере, будет понятным. Лингводидактический прием заучивания слов по семантическим объединениям приводит к тому, что в межъязычии формируется «общее значение» этого объединения, но респонденты не запоминают различительные признаки и в момент воспроизведения смешивают слова. Характерно в этом отношении регулярное смешение слов *locataire, logement, loyer, loueur* [квартиросъемщик, жилье, квартплата, арендодатель].

8. В русском языке лексема есть, во французском ее нет (лакуна): *табачный, душевный* (см. также: Дебренин 2004 : 4–9; Nougavrière 2005).

9. Некоторые «необъяснимые» девиации могут происходить оттого, что респондент искренне заблуждается, принимая $L_{\text{реал}}$ за $L_{\text{иск}}$, или забывает / плохо помнит нужную лексему.

Приведем наиболее часто встречающиеся лексические девиации.

Неправильный выбор глагола в межъязычии встречается в полтора раза чаще, чем неправильный выбор существительных, что подтверждается высказываниями опрошенных респондентов: они считают, что если возможно выучить существительные «списком», «выучить» глаголы нельзя, и трудно разобраться в оттенках смысла и употребления. На третьем месте – наречия и наречные выражения, которые представляют сложность ввиду того, что многие русские единицы этой части речи – кальки с французского, но с течением времени значения «оригинала» и «копии» сильно отделились друг от друга. Наконец, встречаются единичные девиаты в употреблении прилагательных.

2.3.2.2. Лексические девиации в употреблении единиц различных частей речи и их результаты

Соответствие двух французских лексем одной русской

Около половины лексических девиатов исследуемого нами межъязычия относится к этой категории, которую можно было бы обозначить термином «недодифференциация», по А. Е. Карлинскому [Карлинский 1990: 106]. При этом мы не утверждаем, что русская и французская лексические системы находятся в асимметричном отношении, выражающемся в том, что в русском языке много полисемантов, а во французском – больше моносемантов. В межъязычии одной русской лексеме соответствует чаще всего одна французская, самая распространенная. Респондент может даже не осознавать многозначность лексемы родного языка, метафоричность или метонимичность некоторых ее употреблений³⁹, например, можно использовать существительное *côté* в вводных выражениях *d'un côté, de l'autre côté* [с одной, с другой стороны], но система его значений не столь широка, как у *сторона*: *examine des côtés de la surveillance (aspects)* [он рассматривает различные стороны контроля]. К тому же респондент может просто не знать всех эквивален-

³⁹ Согласно данным проведенного нами эксперимента, половина респондентов разделяет следующее утверждение: «Когда я ищу перевод слова в словаре, я смотрю в основном на первое значение».

тов русского многозначного слова, и поэтому он использует те варианты перевода, которые ему известны.

А. Лексические девиации в кругу существительных

La découverte prochaine d'une représentation des USA au Pakistan (l'ouverture) [скорое открытие представительства США в Пакистане], ***ce poste de radio travaille grâce aux piles (marche / fonctionne sur piles)*** [этот радиоприемник работает на батарейках].

Кроме уже отмеченных выше эквивалентов слова *решение*, чаще всего в межъязычии подбираются неправильные эквиваленты русским существительным, обозначающим различные временные отрезки (*время, эпоха, век, год*), словам, обозначающим увеличение или уменьшение чего-либо (*diminution, augmentation*), а также существительным *фирма, компания, сторона, образование, люди, знание*. Можно предположить, что во многих случаях респондент просто не подозревает о том, что лексема, которую он знает в одном контексте и с одним значением, может иметь другой эквивалент на французском в другом контексте – он не воспринимает эти два варианта лексемы как разные. См. следующий пример: ***à cause des liaisons de ses créateurs avec l'extrême droite (relations)*** [из-за связей его создателей с крайне-правыми]. Существительное *liaison* известно респонденту давно, но в его межъязычии не учитывается тот факт, что *liaison* имеет другую, нежели его русский аналог, сочетаемость: *liaison* означает связывание (в фонетике, в грамматике, в строительстве и т. п.), а в области человеческих отношений – только любовную связь. Для выражения других оттенков значения русской лексемы *связь* нужно употреблять другое существительное, например *relation*.

Б. Лексические девиации в кругу глаголов

Наиболее известный пример – пара *savoir / connaître* [знать], которую не различают не только носители русского языка: ***il savait l'enfance de son ami (il connaissait l'enfance de son ami)*** [он знал детство своего друга], ***on connaît depuis plusieurs années que les demandes d'emploi... (on sait)*** [уже несколько лет известно, что спрос на рабочие места...].

На втором месте – девиации глаголов *dire / parler* [говорить]: ***on peut dire de tabagisme passif (parler du)*** [можно говорить о пассивном курении], ***une société***

totalitaire qui ne garde pas les droits essentiels de l'homme (protège) [тоталитарный режим, который не защищает основные права человека], *une nouvelle loi a été accepté (adoptée)* [новый закон был принят].

Наиболее часто смешиваются следующие глаголы: *défendre / protéger* [защищать], *garder / protéger* [охранять], *penser / réfléchir* [думать], *soigner / s'occuper de* [заботиться о], *travailler / fonctionner* [работать], *visiter / rendre visite* [посещать], *estimer / respecter* [уважать], *empêcher / gêner* [мешать]. Заметим, что в некоторых случаях приведенные глаголы отличаются друг от друга тем, что один – каузатив, а другой нет: *affaiblir / faiblir* [ослабить/слабеть], что будет рассмотрено ниже среди залоговых девиатов в п. 4.2.5.1.

В. Лексические девиации в кругу прилагательных

Наиболее частые девиации в выборе прилагательных касаются следующих лексем: *haut / élevé* [высокий], *lourd / difficile* [тяжелый (в переносном смысле)] *un haut niveau de la criminalité (un niveau élevé de criminalité)* [высокий уровень преступности], *le travail lourd des policiers (difficile)* [тяжелая работа полицейских]. Также встречается частое смешение прилагательных и адъективированных причастий, например: *considérable / considéré* [значительный], *acceptable / accepté* [приемлемый], *adoptable / adaptés* [подходящий].

Г. Лексические девиации в кругу наречий

Наиболее часто встречаются результаты следующих девиаций в употреблении наречий: *pour que les malentendants puissent communiquer légèrement (facilement)* [чтобы слабослышащие могли общаться легко], *ce phénomène concerne surtout la Russie (en particulier)* [данное явление касается в основном России], *il a été envoyé sur une île pour travailler là (pour travailler là-bas)* [его прислали на остров, чтобы он проработал там], *mais le frère a disparu là (a disparu là-bas)* [но брат там исчез].

Л_{иск} и Л_{реал} – омонимы или паронимы во французском

Данный тип – второй по частотности среди лексических девиаций, в результате могут возникать:

А. Субстантивные девиаты

L'adaptation de la loi (l'adoption) [принятие закона], ***la prévision de la délinquance (la prévention)*** [предупреждение правонарушений]. Иногда близость обоих слов может быть невыраженной: ***Le problème élaboré dans le texte (abordé)*** [рассмотренная в тексте проблема]. Л_{реал} означает *разработанная*, тем не менее опрошенные респонденты говорят, что эти слова «похожи».

В некоторых случаях смешение происходит под влиянием пенидентемы: ***le procès de production (processus)*** [процесс производства]. Кроме отмеченных выше, чаще всего в межъязычии смешиваются следующие существительные: *compagnie / campagne* [компания людей / военная кампания], *estimation / estime* [оценка / уважение], *moyen / moyenne* [средство / среднее арифметическое], *morale / moral* [мораль / моральный дух, настрой], *magasin / magazine* [магазин / журнал].

Следует остановиться на смешении слов *an / année* [год]: ***dès le 3ème an d'étude (la 3ème année)*** [с третьего года обучения], ***il y a quelques ans (il y a quelques années)*** [несколько лет назад]. Аналогично не различаются слова *jour / journée* [день], *matin / matinée* [утро] и т. д. Тот факт, что подобные девиации допускаются в сознании носителей многих языков, казалось бы, доказывает, что этот тип – внутриязыковой. Однако мы согласимся с Дж. К. Кэтфордом [Кэтфорд 1989: 384], что тем не менее девиация вызвана влиянием родного языка говорящего – просто данная категория или особенность может отсутствовать во многих языках.

Б. Глагольные девиаты

Одной из наиболее «популярных» пар французских паронимов, регулярно являющаяся источником девиатов, является *adopter / adapter* [усыновить / приспособить].

В. Адвербиальные девиаты

Чаще всего смешиваются наречия *ainsi / aussi*, особенно в роли вводных слов: ***Aussi cette politique attire les jeunes gens (ainsi)*** [Таким образом, эта политика привлекает молодых людей], ***ainsi que chaque adulte (ainsi, chaque adulte)*** [таким образом, каждый взрослый] – смешение *aussi* и *ainsi que* [а также]. Интересным представляется следующий пример: ***les agents déjà bien entraînés ne peuvent pas***

protéger (*même... protéger*) [даже хорошо подготовленные агенты не могут защитить]. Смещение здесь происходит из-за близости (несмотря на метатезу гласных звуков) звукового облика *déjà* и *даже*.

Л_{иск} и Л_{реал} – однокоренные лексемы

Этот тип девиаций встречается главным образом среди глагольных употреблений: *les Français ne sont pas tellement rattachés à l'Etat (attachés)* [французы не очень привязаны к государству]. В большинстве случаев русские глагольные эквиваленты также отличаются приставками, как в следующем примере (утверждать / подтверждать): *la plupart d'entre eux affirme la difficulté orthographique (confirme)* [большинство из них подтверждает их орфографическую сложность]. Чаще всего в межъязычии смешиваются следующие пары глаголов: *affirmer / confirmer* [утверждать / подтверждать], *approuver / prouver* [одобрять / доказать], *vaincre / convaincre* [побеждать / убеждать], *battre / combattre* [бить / драться], *prendre / reprendre* [брать / отвоевать], *maintenir / soutenir* [поддерживать], *évoquer / provoquer* [напоминать / вызывать]. Иногда неразличение в межъязычии значений однокоренных глаголов может приводить к тому, что респондент говорит противоположное тому, что хотел выразить: *ce fait enlève le prestige du pays (relève)* [этот факт возвышает (*отнимает*) престиж страны].

Семантические кальки

Семантическое калькирование занимают третье место среди лексических девиаций. Л_{реал} существует, но имеет другое значение: *car le chemin est très cher (le voyage)* [потому что дорога стоит дорого], *le status solide d'Etat (respectable)* [солидный статус государства].

Феномен семантических калек наблюдается главным образом среди наречий, в том числе среди наречных выражений: *pas tout à l'heure, bien sûr (pas bientôt, pas tout de suite)* [конечно, не сейчас], *le plus bénéfique économiquement (du point de vue économique)* [самое экономически выгодное], *à regret, cette politique est devenu source de quelques problèmes (malheureusement)* [к сожалению, эта политика стала источником проблем], *Finalement la France est un bon pays dont le climat est doux (enfin)* [наконец, Франция – приятная страна с мягким климатом], *on va aboutir à la*

fin à la société équilibrée (finalement) [наконец, дойдут до уравновешенного общества].

Наиболее распространенный девиат данного типа – выражение ***outré cela (en outre)*** [кроме того]: ***les congés payés ont apparus, outré cela la retraite est devenue plus tôt (en outre la retraite)*** [появился оплаченный отпуск, кроме этого пенсионный возраст стал наступать раньше]. Кальки ***mais en même temps*** [но в то же время] и ***en général*** [в целом] также очень распространены. Первая означает дословно ‘в это же самое время’ и употребляется, когда речь действительно идет о времени. В значении ‘однако’ она должна быть заменена наречием *cependant*. Вторая означает ‘обычно, в большинстве случаев’ и употребляется как вводное слово, чаще всего в начале предложения. В значении ‘в целом’ должно использоваться выражение ***dans l'ensemble: l'emploi de facteur n'exige pas un niveau élevé de formation. En même temps la plupart des candidats sont des bacheliers et leur formation leur permet d'acquérir un emploi beaucoup plus prestigieux (cependant)*** [работа почтальона не требует высокого уровня образования. В то же время большинство кандидатов закончили школу, и их уровень позволяет им претендовать на более престижную работу], ***on peut affirmer qu'en général l'idée est la même (que dans l'ensemble)*** [можно утверждать, что в целом идея одна и та же]⁴⁰.

Иногда смешение происходит без видимой причины: ***coucher à la fois (ensemble)*** [спать вместе], ***les gens travaillent moins qu'à l'époque (autrefois)*** [люди работают меньше, чем раньше], ***à propos, le français s'est développé au cours des temps (d'ailleurs)*** [впрочем, французский язык развивался со временем] – выбранный здесь вариант *à propos* означает ‘кстати’ и допустим только в разговорной речи.

Выражение *c'est-à-dire*, определяемое французскими грамматиками как *locution conjonctive* [союзное выражение], означает ‘то есть’, а не, как полагают респонденты, ‘что означает’. Первое – типичное метаязыковое выражение: говорящий возвращается к своим словам и вводит перефразирование. Поэтому по-французски

⁴⁰ Русское *вообще* часто употребляется как вводное слово, ничего не обобщая, особенно в устной речи, где оно становится словом-паразитом. Так, во фрагменте новеллы с объяснением героини, зачем она прилетела в Красноярск, лучше было бы его аналог опустить: ***En général, il y a quelques années j'habite à Saint-Petersbourg, mais toute mon enfance et mon adolescence j'ai passé à Krasnoïarsk (en fait...)*** [вообще-то, вот уже несколько лет, как я живу в Санкт-Петербурге, но я провела все свое детство в Красноярске].

нельзя начинать высказывание так: *s'ils vont se plaindre, c'est-à-dire qu'ils vont avouer qu'ils sont faibles (cela veut dire / signifie qu'ils sont)* [если они пойдут жаловаться, это значит, что признают свою слабость], *je pense que tous aiment se reposer mais il faut gagner de l'argent pour manger. C'est-à-dire il faut chercher une solution très vite (Ce qui signifie qu'il faut chercher)* [я думаю, что все люди любят отдыхать, но нужно заработать деньги для того, чтобы поесть], *personne ne sait qui vous êtes, c'est à dire vous pouvez dire ce que vous voulez (donc)* [никто не знает, кто вы, так что вы можете сказать, что хотите]. В межъязычии предпочтение отдается именно этому выражению, когда нужно пояснить значение ранее сказанного.

Подобная ситуация встречается, когда одно фразеологическое выражение употребляется вместо другого: *faire part dans la vie social de la paye (prendre part à / faire partie de la vie sociale du pays)* [участвовать в социальной жизни страны] – сказано ‘*поделиться социальной жизнью’, *plus de machines plus de chômeurs (plus il y a de machines, plus il y a de chômeurs)* [чем больше машин, тем больше безработных] – а сказано обратное: ‘нет машин, нет и безработных’.

Фразеология – область, вызывающая наибольший интерес у тех, кто изучает иностранные языки: образные выражения, порой сильно отличающиеся от идиом родного языка, обсуждаются всегда с удовольствием. Нет недостатка и в справочниках, словарях [Назарян 1965; 2002; Гак 2005] ⁴¹. Кроме того, владение идиоматикой рассматривается как признак высшего уровня владения языком, сопоставимого с уровнем владения языком его носителями [Hagège 1996: 218–224]. Но девиаты встречаются и здесь: *des recruteurs ne se comptent pas (ne se rendent pas compte)* [охотники за головами не отдают себе отчет] – сказано «их не счесть», *les religions ne font aucune attention à la place des femmes (n'accordent aucune attention)* [религии не обращают внимания на положение женщин] – сказано «не берегут положение женщин». Девиантное калькирование устойчивых выражений может реализовываться и на уровне словосочетания: в некоторых случаях словосочетание или все предложение – покомпонентный перевод с русского. Это особенно часто случает-

⁴¹ Отметим, что во вводной статье к словарю образных выражений издательства Робер [Rey, Chantreau 1997] авторы признают, что до появления их словаря наиболее полным справочным изданием по идиомам и фразеологическим выражениям французского языка был французско-русский фразеологический словарь под редакцией Я.И. Рецкера [1963].

ся, когда респондент пытается переводить русские устойчивые образные выражения, например: *partis de la vie volontairement (suicidés)* [добровольно ушли из жизни], *il faut faire quelque chose avec les bandes terroristes (il faut s'occuper des associations de terroristes)* [нужно что-нибудь делать с бандами террористов], *la situation avec l'islam (la situation de l'islam)* [ситуация с исламом], *l'aide financière est au niveau. Il manque... (est à un niveau convenable)* [финансовая помощь находится на уровне. Не хватает....] ⁴².

Возможны также синтаксические кальки из английского: *la formation qui est à se développer (qui se développe actuellement/qui est en train de se développer)* [образование, которое сейчас развивается], *j'ai été dit que (on m'a dit que)* [мне говорили, что...], *elle était le secrétaire de département d'Etat des Etats Unis (secrétaire d'Etat)* [она была секретарем госдепартамента США].

2.3.2.3. Девиантные тактики преодоления коммуникативного затруднения

Несоответствие между $L_{иск}$ и $L_{реал}$ можно рассматривать с точки зрения реализации тактик межъязычия, столкнувшегося с затруднением в области лексики. О девиации можно судить лишь тогда, когда, выбирая (неправильную) лексему, респондент не осознает несоответствия $L_{иск} / L_{реал}$. В тех ситуациях, когда он осознает, что не располагает нужным эквивалентом для реализации своего коммуникативного намерения, как правило, респондент прибегает к следующим тактикам:

- подбор слова, значение которого близко к значению $L_{иск}$: *la Mairie de Paris envisage la possibilité d'assurer le logement (de garantir)* [мэрия Парижа рассматривает возможность гарантировать жилье]: респонденту нужно было сказать, что мэрия Парижа ищет способы гарантировать приезжим студентам (в том числе и иностранным) возможность найти жилье в Париже ⁴³, но он выбрал для выражения своей мысли глагол, означающий *страховать, утверждать*;

⁴² Прием калькирования идиом в целом может быть эффективным методом формирования адекватного Я₂ межъязычия: он приводит к комическому – а значит, к запоминающемуся результату. На этом основан успех книг Ж.-Л. Шифлэ [Chiflet, Clab 1987; 1989; 1993; 1998; 1999] для изучающих английский язык во Франции, однако, на наш взгляд, студентам нужно дать понять, что идиоматические выражения в принципе непереводаемы. Девиаты возникают оттого, что некоторые выражения Я₁ не распознаются как идиоматические.

⁴³ Это, впрочем, не согласовалось с исходным текстом, который респондент, видимо, неправильно понял.

- калькирование из русского, английского или любого другого выученного им ранее иностранного языка: *chez les travailleurs des entreprises (les travailleurs)* [у работников предприятий];

- заимствование из русского или английского языка: *arrêter l'import de boisson alcoolique (l'importation)* [остановить импорт алкогольных напитков];

- перефразирование: *l'image de la nation française sera pareille à un tissu fait de plusieurs morceaux (un patchwork)* [образ французской нации будет похож на лоскутное одеяло];

- подбор конверсива: *des quartiers pas riches (pauvres)* [небогатые кварталы];

- неологизация: *quelle peau est plus endangerée (mise en danger)* [какая кожа подвергается большей опасности].

Явным признаком того, что респондент осознает коммуникативную проблему (то есть понимает, что предпочитаемая им единица принадлежит словарю его межъязычия, а не словарю Я₂), является ввод кавычек: *on fait «jeunir» la population française (rajeunir)* [омолаживают французскую нацию], что происходит чаще всего тогда, когда он отдает себе отчет, что создает новое слово.

Интересно отметить, что выбор одного и того же Л_{реал} может иметь несколько причин. Так, глагол *estimer* [считать] часто употребляется респондентами как эквивалент русского глагола *рассматривать*: *on estimait la Grande Mosquée de Paris comme le symbole d'une prière (considérait)* [рассматривали Большую Парижскую Мечеть как символ молитвы]. В данном случае налицо семантическая калька – французскому глаголу приписывают значение, которое ему не свойственно, под влиянием многозначного русского глагола, эквивалентом которого он может быть в других контекстах (типичный пример «переразложения», по А. Е. Карлинскому [Карлинский 1990: 106]). С другой стороны, этот же глагол употребляется как девиантный эквивалент русского *уважать*: *il est indispensable d'estimer les droits de chacun (respecter)* [необходимо уважать права каждого], на этот раз под влиянием значения однокоренного французского существительного *estime* [уважение] и выражения *avoir de l'estime pour quelqu'un* [испытывать к кому-то уважение]. Очень распространенная девиация – употребление глагола *supporter* [терпеть] вместо глагола *soutenir* [поддерживать] – имеет несколько причин: этимологически оба

глагола означают *pod* + *держивать*: *sub* + *portare* для первого, *sub* + *tenere* для второго. Таким образом, *supporter* действительно имеет ту же внутреннюю форму, что и русский глагол *поддерживать*. С другой стороны, несомненно влияние английского языка, где *to support* означает ‘поддерживать’, а не ‘терпеть’.

2.4. Лексико-стилистическая девиация и ее результаты

2.4.1. Девиантное «завышение» стиля

Смещение стилистических регистров редко встречается в исследуемом материале и в основном сводится к неправильному выбору синонимов. В отрицательных конструкциях оно выражается в использовании отрицательной частицы *point* или наречия *guère* [мало] вместо *pas* или пропуском *pas* в отрицаниях: *je ne sais (je ne sais pas)* [я не знаю], *les places vacantes proposées par l'Etat ne sont point au nombre suffisants (ne sont pas en nombre suffisant)* [места, предложенные государством, недостаточно многочисленны].

Признаком высокого стиля считается замена *le* на *cela*: *nous devons apprendre à percevoir la nature comme les tribus sauvages font cela (le font)* [мы должны научиться воспринимать природу так, как это делают дикие племена], *si les savants étudient les peuples sauvages il doivent faire cela sans aucun risque pour ces peuples (ils doivent le faire)* [если ученые изучают дикие племена, они должны это делать без риска для этих племен].

Интересно включение в межъязычие аналогов распространенных в русском языке эвфемизмов вместо ряда слов, семантика которых воспринимается как табуированная. Например, респонденты редко употребляют глагол *accoucher* [родить], значение которого не трудно запомнить благодаря русскому *акушер*, и предпочитают перифразы *donner naissance à un enfant, mettre un enfant au monde*, которые можно переводить как ‘производить ребенка на свет’. Данные перифразы действительно существуют во французском языке, они абсолютно корректны, но стилистически не подходят: они – педантичны и малоупотребительны.

2.4.2. Девиантное «снижение» стиля

Признаком девиантного снижения стиля можно считать использование вводных оборотов со словами *quand même, tout de même* [все равно], *par conséquent on fait la conclusion que tout de même c'est aux parents le rôle d'instituteurs (qu'en réalité c'est*

aux parents que revient le rôle) [приходят к выводу, что именно родителям нужно выступить в роли воспитателей].

Использование указательного местоимения *ça* вместо *le* не ошибочно, но считается чертой разговорного языка или средством эмфатического усиления: *faut faire ça très attentivement à force de certaines raisons (il faut le faire... pour quelques raisons)* [но нужно это делать очень внимательно в силу некоторых причин], *la statistique affirme ça (l'affirme)* [статистика это утверждает].

Нельзя утверждать, что респонденты сознательно выбирают тот или иной стилистический вариант. Скорее всего, наоборот, они не осознают, что тот вариант, который они выбрали, имеет определенный стилистический оттенок: тому доказательством является следующий стилистический разноречивый вариант: *les exams qui ne m'intéresse point (les examens qui ne m'intéressent pas)* [экзамены, которые меня не интересуют], в котором усеченный вариант *exam* вместо *examen* – признак разговорного стиля, а замена *pas* на *point*, наоборот – показатель книжного (притом – устаревшего) варианта языка. Подобные явления характерны чаще всего для межъязычия тех респондентов, кто имел возможность прямого общения с носителями языка в течение относительно длительного периода (например, во время стажировок во французских вузах), достаточного, чтобы познакомиться с разговорными языковыми формами, но не для того, чтобы освоить их стилистическую окраску.

2.4.3. Проявления тавтологии

Случаи тавтологии – повторы близких по значению и звучанию слов – такая же стилистическая ошибка во французском языке, как и в русском. Данный тип девиатов можно расценить как плеосегментацию, по А. Е. Карлинскому [Там же], кроме того, в межъязычии существуют кальки с русских тавтологических выражений: *pour que les étudiants puissent se préparer en avance (se préparer)* [чтобы студенты могли заранее подготовиться], *on va aboutir à la fin à la société équilibrée (on va aboutir à)* [дойдут в конце до уравновешенного общества].

2.5. Выводы

В этой главе были рассмотрены выявленные на основе анализа и систематизации девиатов межъязычия парадигматические девиации: их разнообразие не столь-

ко велико, как разнообразие синтагматических, но количество возникающих вследствие их реализации девиатов – огромно (см. рис. 4.8 на стр. 332).

Как показало исследование, на лексико-семантические девиаты приходится большинство результатов парадигматических девиаций межъязычия, менее всего актуальны лексико-стилистические типы. Среди лексико-грамматических девиаций наиболее рекуррентным является категориальное смешение прилагательных и наречий, особенно в позиции *c'est + Adj*. Данный тип девиаций вызван проницаемостью межъязычия для интерференции Я₁.

Стремление респондентов избежать билингвальный говор и переключение кодов объясняет относительно небольшое количество структурно-семантических девиатов (окказионализмов) в общей массе результатов исследуемых девиаций. Дальнейшие наблюдения над французской речью носителей русского языка в естественных условиях, возможно, позволит обнаружить большее количество окказионализмов, но мы полагаем, что выявленный набор словообразовательных формантов-девиатов (*-tion, -ation, -isation, -ité, -ment, -eur* и др.) существенно не расширится.

Калькирование активно используется межъязычием. На лексико-фразеологическом уровне замечено калькирование как лексем, так и словосочетаний, причем с единиц как Я₁, так и других ранее изученных иностранных языков.

Мы предприняли попытку представить межъязыковые девиации как континуум, идущий от правильно выбранного и написанного слова до несуществующего и ни на что не похожего варваризма. Выявлены причины смешения искомой лексемы Л_{иск} и реально употребленной респондентом Л_{реал}: паронимия в Я₁ или Я₂, «межъязыковая паронимия», последствия реализации системных отношений на лексическом уровне Я₂ (синонимия, полисемантизм) или Я₁, лакунарность некоторых участков этих систем и др.

Анализируемые лексемы вступают также в синтагматические отношения, и в межъязычии респондентов возможно возникновение синтагматических девиаций – как формальных, так функциональных. Их анализу посвящены следующие разделы нашей диссертации.

ГЛАВА 3. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Хотя предлагаемая в этой диссертации типология синтагматических девиатов межъязычия частично опирается на системное описание Я₁ и Я₂, она не является его отражением, поскольку базируется на противопоставлении отклонений: 1) формальных (слова / или словоформы неправильно оформлены, а если речь идет о письменном тексте – то написаны) и 2) функциональных (выбранные словоформы существуют в языке, но респондентом употребляются неправильно). Во французской лингвистике такое противопоставление двух родов девиатов описывается в терминах *barbarismes* vs *solécismes*, причем «барбаризмом⁴⁴ называют форму слова, не соответствующую правилам, в частности морфонологическим, языка в конкретную эпоху его существования» [Dubois 1973: 62], а под *солецизмом* понимают «не порожденное правилами грамматики языка построение высказывания» или «такое построение, которое считается недопустимым по отношению к определенной норме или узусу» [Ibid. 445; См. также: Кондаков 1975: 79, 561]. Подобный подход к ошибкам восходит к античности (подробно см. [Дебренн 2006: 132-133]), и эти термины никогда не утрачивали своей актуальности. Поэтому мы распределили все синтагматические девиаты по двум классам: девиаты «по форме» и девиаты «в употреблении». К первой категории отнесены:

- орфографические девиаты в написании корневой части слов;
- девиаты, относящиеся к случаям нарушения правил так называемой «грамматической орфографии» [Гак 1956 (цитируется по изданию 2005г.)], то есть правил написания различных аффиксов;

Следующие две категории девиатов представляют переходные случаи от барбаризмов к солецизмам:

⁴⁴ Сохранена французская форма – *барбаризм* – для того, чтобы отличить это слово от принятого в русской терминологической традиции термина *варваризм*, обозначающего только один вид барбаризмов, а именно заимствованное неосвоенное слово.

- неправильное оформление нецельнооформленных словоформ, например сложных временных, адвербиальных или предложных и союзных средств связи;

- нарушения в формах фразеологических оборотов.

Общее между этими категориями то, что за исходную единицу с нарушенной формой берется не слово в строгом смысле, а нецельнооформленная единица, например аналитическая глагольная форма *il a été dérangé* [ему помешали], предложное выражение *le long de* [вдоль] или фразеологизм. Все эти категории рассмотрены в данной диссертации в составе барбаризмов.

3.1. Орфографическая девиация и ее результаты

Социальная роль орфографии одинакова во Франции и в России. Тем не менее отношение самих граждан к этому аспекту языка разнится, и россиянам трудно даже себе представить, какие страсти разыгрываются во Франции вокруг орфографии (подробно см. [Дебрэнн 2006: 134-135]). Неравнодушное отношение к орфографии французов ощущается даже в их научных трудах. Для сравнения охарактеризуем дефиниции самого понятия «орфография» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) и во французском *Dictionnaire de Linguistique*. В ЛЭС орфография определяется (1) как система правил и (2) как раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий эту систему, обеспечивающую единообразие написания, причем этот раздел состоит из нескольких подразделов, каждый из которых отвечает за совокупность правил, основанных на определенных принципах. Далее рассматриваются эти принципы и подразделы. В *Dictionnaire de Linguistique* вместо определения приведено следующее: «Понятие орфографии имплицитно означает принятие письменной нормы, по отношению к которой судят об адекватности форм, выбранных пишущими на данном языке. Орфография подразумевает, что в письменном языке различаются правильные и неправильные формы. В отличие от нее понятие написания (*graphie*) не подразумевает отсылку к какой-либо орфографической норме» [Dubois 1973: 349]. Далее указывается тот факт, что с помощью орфографии различаются фонетические, лексические (между омофонами), морфологические (в случае омофонных грамматических форм одного и того же слова), синтаксические (в случаях согласования) и даже стилистические различия (например, между устаревшей и современной нормами написания слова). В том же слова-

ре *норма* определяется следующим образом: «система предписаний, определяющая то, что нужно выбрать среди узуальных употреблений данного языка, если хочется соответствовать некоему эстетическому или социокультурному идеалу» [Ibid. 432]. Таким образом, французское определение отличается от русского своей субъективностью, что типично для всего, что пишется об орфографии во Франции.

Прежде чем перейти к систематизации орфографических девиатов в межъязычии русскоговорящих респондентов, охарактеризуем кратко принципы русской и французской орфографии.

Согласно Б. И. Осипову, ведущим принципом русской орфографии является не фонематический, как это обычно считается, а морфологический, состоящий в том, что «при возникновении позиционного изменения в фонемной структуре морфемы графический облик ее не меняется, изменения написания наступают лишь в том случае, если позиционная обусловленность фонемного изменения оказывается утраченной» [Осипов 1992: 15]. Что касается французской орфографии, вопрос о ведущем ее принципе существенно более сложный. Часто в его статус возводят принцип исторический, или традиционный. По признанию ведущего французского специалиста в области теории орфографии Н. Каташ, до 1970-х гг. не существовало никаких серьезных теоретических исследований на эту тему, кроме одной – монографии советского лингвиста В. Г. Гака. Его труд «Французская орфография» вышел в 1956 г., был переведен на французский язык в 1976 г. [Gak 1976] и высоко оценен французскими специалистами. В 1985 г. на русском языке вышла переработанная на основе французского издания версия этой монографии, в которой были также учтены последние разработки французских исследователей.

Различая графику (науку, изучающую средства обозначения звуков и саму систему этих средств) и орфографию (правила использования этих средств) [Гак 2005: 8] и согласуясь с принятой в российском языкознании терминологией, В. Г. Гак выявляет следующие французские орфографические принципы: фонетический принцип – звук изображается буквой или буквосочетанием, для которых это значение является основным; фонетико-графический принцип – кроме произношения звука, учитываются и некоторые графические закономерности, для французского языка основной графический принцип – позиционный; морфологический принцип,

при котором одна и та же морфема сохраняет одно и то же написание независимо от звуковых чередований в речи; этимологический принцип, воспроизводящий во французском написание заимствованного слова так, как оно писалось в языке-оригинале; традиционно-исторический принцип, сохраняющий прежнее написание слова, несмотря на изменения в произношении; дифференцирующий принцип, позволяющий графически различать омонимы [Там же: 52–53]. Ведущим принципом французской орфографии В. Г. Гак считает фонетический в сочетании с фонетико-графическим [Там же: 62].

Научные разработки французских исследователей по орфографии основаны на понятии графемы. Введенное чешским ученым В. Хоржейши [Hořejši 1962] под названием «графемы» и развитое в работах К. Бланш-Бенвенист и А. Шервеля [Blanche-Benveniste, Chervel 1969; 1974] понятие графемы получило свое теоретическое обоснование для французской орфографии в работах Н. Каташ и руководимой ею группы HESO (Histoire et structure de l'orthographe – история и структура орфографии) [Catach 1978; 2003], в которых графемы противопоставлены друг другу не только по форме, но и по функциям. Главные положения теории Н. Каташ следующие.

Графема – минимальная различительная и значимая единица письменной системы. Она представляет собой букву или набор букв, обозначающих фонему или морфему. Различают следующие виды графем: фонограммы, обозначающие звуки и составляющие ядро французской графической системы (80–85 % графем в тексте), морфограммы, которые могут соответствовать звукам или быть немymi, обозначая род, число, лицо или словообразовательную связь между словами (5–6 % графем), логограммы, имеющие особое написание и позволяющие различать омонимы (от 3 до 6 % графем). Следует еще добавить к этому исторические и этимологические буквы, которые под определение графемы не попадают. Деление на фонограммы, морфограммы и логограммы позволяет французским ученым рассматривать французскую орфографию не как единую систему, а как совокупность взаимосвязанных подсистем, или «плюрисистему».

В полученной совокупности из 140 графем, примерно половина – фонограммы, представляющие гласные, согласные и полугласные звуки. Среди них 45 – устой-

чивые и частотные, составляют «минимальный коммуникационный код» языка [Catach 2003: 61]. Из них был составлен список архиграфем – теоретических единиц, составляющих «стандартное графическое ядро» французской письменной речи. Архиграфем во французском языке – 33: A, AN, E, I, IN, ILL, Y, O, ON, U, UN, EU, OU, OI, OIN для гласных и P, B, T, D, C, G, F, V, S, Z, X, CH, J, L, R, M, N, GN для согласных.

3.1.1. Определение статуса орфографического девиата

Специфика французского и русского языков приводит к тому, что предмет их орфографии различается: дело в том, что французский язык отличается большой омофонией, причем не только в сфере лексики, но и в сфере морфологии. Например, следующие французские словоформы произносятся абсолютно одинаково и различаются только на письме: *verre* [стакан], *verres* [стаканы], *ver* [червяк], *vers* [червяки], *vers* [стих или стихи], *vair* [беличий мех], *vert* [зеленый], *verts* [зеленые], *vers* [в сторону]. Частая омофония создает условия для игры слов, каламбуров [Duneton 1996: 33; Treps 1999]. В русской речи омофонов гораздо меньше, в том числе из-за различительной роли ударения (ср.: *коса* – из волос / *коса* – песчаная / *коса* – инструмент, но *за́мок* / *замо́к*), и в большинстве случаев сомнение может разрешиться при определенном произношении (например, при диалектном окающем) или при помощи постановки гласной в сильную позицию (как, например, в случаях проблемного написания безударных приставок в *прибывать* / *пребывать*). Отличается французская речь от русской и тем, что в ней гораздо больше омофонов среди грамматических форм. Например, для всех глаголов на *-er*⁴⁵ одинаково звучат: инфинитив, причастие прошедшего времени во всех его формах, форма второго лица множественного числа настоящего времени (и императива), ср.: *chercher* [искать]: *chercher*, *cherché*, *cherchée*, *cherchés*, *cherchées*, *cherchez*. Учитывая тот факт, что фонемы [ɛ] и [e] объединяются в одну гиперфонему [Abru, Chalagon 1994: 3], и то, что не только иностранцы, но даже французы (в том числе в зависимости от региона проживания) не всегда их различают в своем произношении, к этому списку

⁴⁵ Это самый продуктивный класс французских глаголов, за последние годы только один глагол-неологизм заканчивался на *-ir*, глагол *alunir* – ‘производить посадку на луне’, букв. ‘прилуниться’.

можно добавить формы 1, 2 и 3 лица единственного и 3 лица множественного числа имперфекта: *cherchais, cherchait, cherchaient*, что составляет 10 омофонических форм.

По этой причине французские орфографические девиаты могут быть отнесены к двум видам: *лексическому* орфографическому (или к «ошибкам узуса» – *orthographe d'usage*) и *грамматическому* орфографическому (к «ошибкам согласования» – *orthographe d'accord*), ср.: «различают орфографию узуса и орфографию согласования, первая касается только написания самого слова, вторая – его положения в высказывании» [Цит. по: TLFi (Trésor de la Langue Française informatisé)].

Приведем перечень тем по *грамматической* орфографии (другое название орфографии *согласования*), предлагаемых составителями французских школьных учебников [Bled 1985]:

- разграничение *a / à* [третье лицо глагола *avoir* / предлог];
- разграничение инфинитива и причастия прошедшего времени у глаголов на *-er*;
- разграничение *on / ont* [безличное местоимение / третье лицо множественного числа глагола *avoir*];
- разграничение *on / on n'* [безличное местоимение перед глаголом, начинающимся с гласного / безличное местоимение с отрицанием];
- разграничение *et / es / est* [союз *и* / второе и третье лицо глагола *être*];
- разграничение *c'est / s'est* [*это* / возвратное местоимение третьего лица + глагол *être*];
- разграничение *ou / où* [*или* / *где*];
- разграничение *ce / se* [указательный детерминатив мужского рода единственного числа / возвратное местоимение третьего лица];
- разграничение *ces / ses* [указательный детерминатив множественного числа / притяжательный детерминатив третьего лица];
- разграничение *leur / leurs* [притяжательный детерминатив третьего лица множественного числа – единственное / множественное число обладаемого предмета];
- разграничение *peu / peux / peut* [наречие *мало* / формы первого-второго и третьего лица единственного числа глагола *pouvoir*];

- окончания омофонных глагольных форм в различных временах;
- согласование причастий прошедшего времени;
- согласование в роде существительного и прилагательного;
- согласование в числе существительного и прилагательного;
- согласование прилагательных, обозначающих цвет;
- множественное число составных существительных.

С позиций русской орфографии нарушения в выделенных сферах будут считаться лексическими и морфологическими, а не орфографическими, что естественно ввиду отсутствия в русском языке такого количества грамматических омофонов.

Орфография имеет гораздо большее отношение к метаязыку (как системе знаний о языке, в том числе и наивных), чем другие аспекты языка: можно говорить правильно, опираясь на собственные имплицитные сведения, и, как на это обращали внимание С. Гесс и Л. Селингер в 1994 г. [Цит. по: Залевская 1990: 78], некоторые дети действительно так и говорят в дошкольном возрасте, опираясь на услышанное и, возможно, прочитанное, но не владея каким-либо эксплицитным знанием. Людей же с так называемой «врожденной грамотностью», пишущих без ошибок, не зная – и не выучив – ни одного правила, значительно меньше. Русская морфология помогает говорящему держать в уме больше «грамматической» информации, нежели французская, и говорящий «знает», почему он выбирает ту или иную форму. Французская же морфология не дает говорящему подобной информации, и у него сохраняется лишь смутная идея, например, «глагольности» или «прилагательности» того или иного слова. Неудивительно, что смешение инфинитива и причастия прошедшего времени глаголов на *-er* – один из самых распространенных типов орфографических девиаций франкофонов. Судя по нашей электронной переписке с носителями языка, девиаты этого типа допускаются даже теми, кто других ошибок не делает. Интересно заметить, что такое смешение наблюдается и у тех, кто учил французский язык «прямым методом», или так называемым «методом гувернантки», например у О. И. Давыдовой: *il ne savait pas trop où la placée (placer)* [он не очень-то и знал, куда ее поместить] [Дебрэнн 2005б: 459–475]. Русские респонденты такого рода девиаты допускают очень редко (13 случаев из 7000).

В целом, любое теоретическое исследование практической орфографии вынуждено прибегать к разного рода компромиссам: так, в попытке автоматического распознавания ошибок, предпринятой Ж. Леуэном и др. [Lehuen 2002] для разграничения их типов принимаются численные показатели. Например, наличие «менее 50 % общих фонем» между анализируемой словоформой и ее правильным вариантом определяет ошибку как фонографическую. Следует также учитывать, что без опроса пишущих трудно разобрать, в каких случаях ошибка была допущена по причине незнания правописания слова, а в каких – невольно, в результате описки. В одной из рубрик «Le bon français» газеты «Le Figaro» лингвист П. Бенар привел следующие примеры объявлений: *Vous êtes priez de déposé vos sac a l'entrer* (vous êtes priés de déposer vos sacs à l'entrée) [просьба оставить сумки у входа], *magasin fermait pour congé annuel* (magasin fermé) [магазин закрыт на каникулы] [Газета «Le Figaro», рубрика «Le bon français». 02.03.2002], наводящие на мысль о том, что у французов при говорении – а затем и при письме – активизируются лишь семантическая составляющая лексем, а не грамматическая (частеречная принадлежность, синтаксическая функция).

Неправомерно, однако, приравнивать межъязыковые орфографические девиаты русскоговорящих респондентов к системным ошибкам французов в письменной речи. Среди наших респондентов не было таких, кто учил французский «прямым методом», а это значит, что у них преобладают эксплицитные сведения о языке. В формировании системы таких сведений активную роль играет опора на родной язык вне зависимости от выбранной методики. Как указывалось выше, в русском метаязыковом сознании, в том числе и в наивном, морфология играет бóльшую роль, чем во французском, и при известной типологической близости двух языков респонденты могут отчасти использовать свой русский «грамматический багаж» в освоении Я₂, включая и его письменную форму. Например, респондентам не сложно спрягать глаголы, отличать причастия прошедшего времени от инфинитива и глагольную форму от предлога, поскольку в русском языке эти разряды слов имеют последовательное противопоставление. В некоторых случаях русская морфология им не помогает, например там, где нужно согласовать прилагательное в женском роде множественного числа или разобраться в артиклях. Следует отметить,

что респондентам, учившим в качестве первого иностранного языка английский, приходится труднее, потому что в этом языке глаголы не спрягаются и прилагательные не согласовываются, и респондент, «отвыкнув» от необходимости согласования в иностранном языке, продолжает сохранять эту нежелательную традицию и во французском. В сомнительных и спорных случаях нашей типологии девиатов мы учитывали альтернативные интерпретации самих респондентов.

Если считать, что орфографические девиаты – это ошибки, искажающие написание слова, но сохраняющие его фонемный состав, то мы должны исключить из рассмотрения все случаи, в которых отражен искаженный звуковой облик слов. При таком подходе из состава орфографических девиатов следует исключить, например, все слова с неправильно употребленным диакритическим знаком над буквой *e* (считающиеся, согласно французской школьной системе оценок, «негрубыми орфографическими ошибками»), в частности, написание *elevé*, которое соответствует нескольким словоформам: это может быть *élève*, произносимое [elev] и означающее либо ‘ученик’, либо ‘он воспитывает’, и *élevé* [elve] ‘воспитанный’ – причастие прошедшего времени того же глагола. Пропуск диакритического знака – одна из наиболее распространенных ошибок французов [Catach 2003 : 95]. Несмотря на искажение звукового облика слова, мы будем относить результаты девиации в употреблении диакритики к орфографическим.

Чуть более искажается звуковой облик слова тогда, когда пропущена одна буква (что может быть простой опiskой в условиях экзамена), когда добавлена лишняя буква или когда смешаны гласные звуки, особенно [u] / [i], [e] / [i], например: *attitude* (*attitude*) [позиция]. В подобных случаях еще можно угадать исходный облик слова, поэтому, на наш взгляд, такие девиаты также относятся к области орфографии.

Еще более искажается фонетический облик слова в тех случаях, когда буквы или слоги переставлены, например в *expirimentale* (*expérimentale*) [экспериментальная], но такое встречается не часто, и подобные девиаты, на наш взгляд, относятся к пограничной между орфографией и лексикой области.

Таким образом, мы условно считаем орфографическими те девиаты, в которых общий вид слова еще угадывается. «Словотворчество» (варваризмы) – продукцию

из различных французских морфем (*indispensablement (de manière indispensable)* [необходимым образом], *endangerés (mis en danger)* [подверженные опасности]) мы рассмотрели выше в гл. 2. Графический облик таких «изобретений» межъязычия может быть вполне логичен с точки зрения французской орфографии, то есть можно предположить, что если бы они существовали, они писались бы именно так: парадигматические девиаты необязательно должны быть девиатами орфографическими.

С формальной точки зрения, все орфографические девиации проявляются либо в пропуске одной или нескольких букв (или диакритического знака), либо в неоправданном присутствии одной или нескольких букв (знака), либо в комбинации этих явлений (замена или метатеза букв / знаков), - соответственно, в плеосегментации, миосегментации и репласации, по А. Е. Карлинскому. Приведем примеры:

1) отсутствуют а) буква *aparition (apparition)* [появление], *pauves (pauvres)* [бедные], б) несколько букв *troisièment (troisièmement)* [в-третьих], в) диакритический знак *malgre (malgré)* [несмотря на], несколько знаков: *redige (rédigé)* [отредактированный];

2) лишние а) буква *exament (examen)* [экзамен], *l'évolution (évolution)* [эволюция], б) несколько букв *longuetemps (longtemps)* [долго], в) знак *éfficace (efficace)* [эффективный], *doûte (doute)* [сомнение];

3) заменены а) буква *conçidérable (considérable)* [значительный], *contunue (continue)* [непрерывная], б) несколько букв *nésséssaire (nécessaire)* [необходим], в) знак *progrés (progress)* [прогресс],

4) переставлены а) буквы: *travial (travail)* [работа], б) несколько слогов: *donéravant (dorénavant)* [отныне].

Кроме того, как было отмечено выше, среди орфографических девиаций можно выделить 1) девиации, не влияющие на произношение: *handicappés (handicapés)* [инвалиды], 2) девиации, меняющие звуковой облик слова: *mouvaïse (mauvaise)* [плохая]. Впрочем, изменение в произношении – понятие условное по трем причинам. Во-первых, орфографические девиаты респондент не произносит вслух (но часто проговаривает про себя в процессе письма), поэтому мы лишь можем констатировать, что если бы эти слова читались, они бы звучали не так, как их пра-

вильные эквиваленты. Во-вторых, респондент, неправильно написавший слово, обычно не осознает, что он при этом искажил его произношение. Это, главным образом, относится к пропуску диакритических знаков, не мешающему респонденту (и, кстати говоря, коренным французам, также регулярно пропускающим их) правильно прочитать данное слово, аналогично тому, как отсутствие двух точек не мешает ему часто правильно читать слова, содержащие букву ё. В-третьих, нужно учитывать и то, *как* данный человек произносит то или иное слово: возможно, он отразил то, как он действительно его произносит (пусть и неправильно), и проблема тогда из области орфографии переходит в орфоэпию.

Разделение на 1) слова, в которых звуковой облик не искажен (или почти не искажен), и на 2) слова, в которых он искажен, имеет следующий смысл: в первом случае девиация обусловлена незнанием орфографии, то есть незнанием того, как отображается на письме тот звук, который респондент «слышит» – а слышит он его правильно или почти правильно. Небольшие искажения, вроде перехода [ε] в [e] и наоборот, а также [k] в [s], являются следствием неправильного выбора графемы и обычно пишущими не осознаются. Во втором же случае респондент пытается отобразить на письме изначально неправильное слово. Конечно, наши интерпретации письменного девиантного материала частично гипотетичны, однако в каждом пункте типологии мы постараемся расположить материал в зависимости от того, насколько он «отдален» от правильного звучания слова.

В одной и той же словоформе возможно объединение результатов нескольких девиаций («сложная девиация»), например: *suppsonner (soupçonner)* [подозревать], где наблюдается пропуск одной гласной (и изменение гласного звука [u] на [y]), неоправданное удвоение согласной *p* и замена графемы Ç на S для обозначения звука [s].

3.1.2. Результаты систематизации межъязыковых орфографических девиаций

3.1.2.1. Пропуск знака / знаков

Пропуск немых гласных букв

A. Пропуск немой *e*

В конце слова

Немой или беглой называют букву *e* внутри слова или в конце, не произносимую при беглой речи. Строго говоря, пропуск немой *e* в конце слова часто приводит к изменению произношения слова. Так, в слове *vent* вместо *vente* из ошибочного словосочетания *service après vent (après vente)* [послепродажное обслуживание] из-за отсутствия немой *e* произношение из [vãt] изменяется в [vã], в слове *domain (domaine)* [область] появляется носовой гласный ([domɛ̃] вместо [domɛn]). Однако мы не считаем целесообразным выделять эти случаи в отдельную категорию по следующим причинам: во-первых, они единичны, во-вторых, сами респонденты не замечают изменения в произношении, и если попросить их прочитать написанное, они читают слово так, как будто беглое *e* присутствует, озвончая конечную согласную или открывая слог.

Самыми частыми позициями для пропуска беглой *e* у наших респондентов являются, наоборот, те случаи, где она, собственно говоря, не нужна, поскольку в данной позиции конечная согласная все равно слышна:

- после *r* (в том числе в инфинитивах): *introduir (introduire)* [вложить], *nécessair (nécessaire)* [необходим], *des heurs (des heures)* [часы];
- после *l*: *protocol (protocole)* [протокол], *agricol (agricole)* [сельскохозяйственный];
- после *m* или *n*: *probléms (problèmes)* [проблемы], *carbon (carbone)* [углерод], *phénomèn (phénomène)* [явление];
- после буквосочетаний, отражающих звук [k]: *publicus (publiques)* [публичные], *music (musique)* [музыка];
- после двух или более согласных (например, *st, sm*) и *x*: *concern (concerne)* [касается], *racists (racistes)* [расистские], *complex (complexe)* [комплексный];
- после других согласных: *les drogs (drogues)* [наркотики];

- после гласной: *l'issu* (*l'issue*) [выход], *la duré* (*la duree*) [длительность], *le point de vu* (*vue*) [точка зрения], *la Russi* (*Russie*) [Россия].

Причин подобного рода девиаций несколько. Первая из них – внутриязыковая: случаев, где присутствие немой *e* влияло бы на произношение, немного, и ее отсутствие не искажает фонетического облика слова. Вторая причина – внеязыковая – влияние интерференции. В нашем материале немало слов или их финалей, которые можно считать заимствованными из английского или русского языков, особенно в тех случаях, когда слово оканчивается на *-m*, *-n* или на две согласные.

Внутри слова

L'équipement (*équipement*) [оборудование], *deuxièment* (*deuxièmement*) [вторых]. Данный тип девиатов встречается нечасто и может быть вызван либо произношением данных слов, либо влиянием английской орфографии. Следует отметить, что при медленном и аккуратном произношении, при декламации стихов, иногда при пении немой звук *e* восстанавливается, что и позволяет проверять орфографию содержащих его слов (подробно см. в [Дебрэнн 2006: 145]). Правила выпадения беглой *e* сложны [Abry, Chalaron 1994: 114–121], и поскольку само выпадение является стилиобразующим, пренебрежение ими приводит к странному, неестественному произношению, своеобразному подражанию устаревшему парижскому просторечию.

Б. Пропуск других гласных

Чаще всего отсутствует одна из гласных, входящих в состав графемы, что приводит либо к появлению буквенного сочетания, не являющегося графемой и не отражающего какой-либо звук (*beacoup* (*beaucoup*) [много])⁴⁶, либо к замене нужной графемы на другую (см. также п. 3.1.2.4): *a* # *ai* *Marie de Paris* (*Mairie*) [Мэрия Парижа], *secondare* (*secondaire*) [вторичный]; *u* или *o* # *ou*: *pur* (*pour*) [для], *pruve* / *prove* (*preuve*) [доказательство].

Нередко выпадает буква *i* перед другой гласной: *inquètent* (*inquiètent*) [беспокоят], *acquert* (*acquiert*) [приобретает], в том числе в глагольных окончаниях. Последняя девиация может также быть расценена как морфологическая, проявляющаяся в незнании глагольной парадигмы: *son auditoire multiple* (*se multiplie*) [пуб-

⁴⁶ Данная ошибка чрезвычайно частотна.

лика его растет]. Отсутствие *i* в графеме ILL приводит к разрушению отображения полугласного звука [j]: *traval* (*travail*) [работа], *le livre ne vielle pas* (*vieillit*) [книга не стареет] (здесь наблюдается исчезновение сразу двух букв *i*).

Поскольку гласные буквы могут входить в состав согласных графем, исчезновение одной из них приводит к изменению качества согласного звука, например к появлению звука [zh] вместо нужного [g]: *en gise* (*en guise*) [в качестве].

Полное отсутствие гласных в слоге – редкое явление и может быть отнесено к опускам по невнимательности: *adptée* (*adoptée / adaptée*) [принятая / адаптированная], *un des plus tentifs était J. P. (attentifs)* [одним из самых внимательных был Ж. П.].

Пропуск диакритического знака

А. Пропуск диакритического знака над другими буквами, кроме e

В некоторых случаях пропуск диакритического знака совершенно не влияет на произношение, и облик слова не меняется. Это случается тогда, когда диакритический знак стоит над буквами *a, i, o, u*: *chomage* (*chômage*) [безработица], *deja* (*déjà*) [уже], *entraînant* (*entraînant*) [привлекающий], *controler* (*contrôler*) [контролировать], *d'ou* (*d'où*) [отсюда], *gouter* (*goûter*) [пробовать на вкус]. Как видно, это может касаться как грависа в случаях *à* или *ù*, так и циркумфлекса над буквами *â, î, ô, û*. Некоторые из этих ошибок считаются грамматическими, поскольку знак позволяет различать части речи: *ou / où* [либо / где], *a / à* [он имеет / предлог, соответствующий русскому беспредложному дательному падежу]. Французские дети ошибаются в таких примерах в 52 % и 58 % случаев соответственно [Catach 2005: 114]: *destiné a assurer* (*destiné à assurer*) [призван обеспечить], *un forum ou on discutait* (*un forum où...*) [форум, где обсуждали], *des son origine* (*dès son origine*) [с самого начала]. Отметим также, что проблема немого циркумфлекса в существительных часто оказывается в центре внимания сторонников реформ французской орфографии, и решением орфографической комиссии 1990 г. циркумфлекс во многих случаях был отменен [Carélovici 1999: 299–301].

Б. Пропуск диакритического знака над буквой e

Пропуск диакритического знака над буквой *e* – одна из самых распространенных ошибок как у русских респондентов, так и у французов. Она составляет около

четверти всех орфографических девиатов нашей коллекции. В то же время, считается ошибкой, она не «карается» тяжело и не оценивается как грубая. Дальнейшее распространение современных популярных жанров массовой эпистолярной речи – электронной почты и SMS-сообщений – не всегда использующих диакритические знаки, скорее всего, приведет к полному исчезновению последних.

Пропуск акута

Данный диакритический знак – самый распространенный из трех. Соответственно девиатов, проявляющихся в его пропуске, больше всего (400 из 437). Видимо, в силу его частотности, а также того факта, что он обозначает звук, близкий русскому [э], респонденты его пропускают даже тогда, когда сохраняют другие диакритические знаки: *après avoir développé notre economie (après avoir développe notre economie)* [после того, как мы развили экономику]. В отличие от грависа и циркумфлекса, у акута есть и грамматическая функция – с его помощью пишется причастие прошедшего времени всех глаголов на *-er*. Тот факт, что в связи с пропуском знака нарушается звуковой облик слова, редко осознается пишущим. Складывается впечатление, что акут воспринимается респондентами как ненужная деталь. Пропуск акута отмечен в следующих позициях: 1) буква *é* совпадает с концом слова: *compatibilité (compatibilite)* [совместимость], *malgre (malgre)* [несмотря на], в том числе в причастиях прошедшего времени: *démontre (démontré)* [продемонстрированный], *marche (marche)* [пройдено], *redige (redige)* [отредактировано]; 2) буква *é* находится внутри слова: *academiques (academique)* [академические], *beneficier (bénéficier)* [пользоваться].

В глаголе *créer* [создавать] присутствие первого – корневого – *é* часто провоцирует пишущих на пропуск второго *é* в причастии: ошибка *crée (crée)* [созданный]. В то же время следует подчеркнуть, что именно в позиции суффикса причастия прошедшего времени акут над буквой *é* довольно устойчив и наличествует даже в текстах, в которых отсутствуют многие диакритические знаки внутри или в конце слов, не играющие роли показателей причастий: *apprecies (apprecie)* [оцененный], *developpé (développé)* [развитый]. Так, могут быть пропущены все знаки, кроме акута – показателя причастия: *le livre s'avere confronte a son analogue (le livre s'avere confronte à son analogue)* [книга сталкивается со своим эквивалентом].

Отметим, что чаще всего проблемы с диакритическими знаками возникают в словах *développer* [развивать], *nécessaire* [необходим], *événement* [событие] и их производных.

Пропуск грависа

Этот пропуск отмечен в корневых морфемах: *atmosphere* (*atmosphère*) [атмосфера], *regle* (*règle*) [правило], в суффиксах наречий и в окончаниях женского рода прилагательных: *complettement* (*complètement*) [полностью], *derniere* (*dernière*) [последняя] (подчеркнем, что прилагательные на *-ier* являются источником большого количества орфографических ошибок у русских респондентов, поэтому они будут рассмотрены отдельно), в спрягаемых глагольных формах на *e + согл. + er*: *preferent* (*préfèrent*) [предпочитают], *souleve* (*soulèvent*) [поднимают], *s'inquiete* (*s'inquiète*) [беспокоится]. Для таких глаголов характерно чередование гласных звуков [э] / [ε] в корне, выражающееся то удвоением согласного, то появлением грависа, ср.: для глаголов *appeler* [звать] и *peler* [очистить от кожуры]⁴⁷.

Пропуск циркумфлекса

Данный диакритический знак пропускают реже всех: *meme* (*même*) [даже], *empêcher* (*empêcher*) [мешать].

Пропуск немых согласных в конце слова

А. Пропуск *s* или *x*

В этой рубрике представлены существительные, графические формы которых в единственном числе оканчиваются на *s* или *x* (то есть эти буквы – не показатели множественного числа): *pay* (*pays*) [страна], *poïd* (*poïds*) [вес]. Хотя эти слова широко распространены, респонденты относятся к ним с позиции *гиперкоррекции*, принимая *s* за неуместную числовую флексию. В случаях *françai* (*français*) [французский] или *dangereu* (*dangereux*) [опасный] ошибки объяснить сложнее, поскольку флексии *-ais* или *-eux* очень распространены. Скорее всего, здесь срабаты-

⁴⁷ Как пишет Ж. Капеловиси [Ibid. 280], несмотря на явное предпочтение второго способа (с вводом грависа), среди грамматистов и лексикографов нет единства в том, какой орфографический облик правилен. Словари сходятся на едином написании только восьми подобных глаголов. В соответствии с рекомендациями орфографической реформы 1990 г. следует везде писать открытое [ε] с грависом, кроме глаголов *appeler* [звать], *jeter* [бросать] и их производных. Орфографический облик этих глаголов было решено оставить в прежнем виде в связи с тем, что они очень частотны и их написание с двумя согласными «более привычно».

вает механизм «ложного множественного», так как *s* ассоциируется с показателем множественного числа. Буква *s* может быть также пропущена в неизменяемых словах: *neanmoins* (*néanmoins*) [тем не менее], *toujour* (*toujours*) [всегда], *certe* (*certes*) [конечно].

Б. Пропуск *t*

Пропуск буквы *t* касается как грамматического суффикса причастий настоящего времени (формы на *-ant*) и образованных на их основе прилагательных и существительных *en faisant* (*en faisant*) [делая], *importants* (*importants*) [важные], *étudiants* (*étudiants*) [студенты], так и финалей основ существительных *résultats* (*résultats*) [результаты], *atous* (*atouts*) [козыри], *support* (*support*) [поддержка].

В. Пропуск *h*

К пропускаемым неммым согласным относится и буква *h*. Пропуск может иметь место как в начале слова: *s'habillent* (*s'habillent*) [одеваются], так и внутри слов после *t* (часто – греческого происхождения): *Natalie* (*Nathalie*) [Наталия], *l'ortographe* (*orthographe*) [орфография], *téatre* (*théâtre*) [театр], или на стыке морфем: *compréansible* (*compréhensible*) [понятный].

Г. Усечение удвоенных согласных

Как и в русской, во французской орфографии удвоенные согласные считаются устойчивым источником девиаций, в том числе и потому, что они практически не отражаются в произношении. Пропуски имеют место в корнях и в аффиксах, причем усечением подвержены все группы согласных *mm*, *nn*, *cc*, *pp*, *rr* и др.: *developement* (*développement*) [принимают], *nourir* (*nourrir*) [кормить] и др. В тех случаях, когда удвоенные согласные следуют за гласной *e*, утрата одной из них ведет к изменению в произношении, и иногда респонденты это замечают: *accèsible* (*accessible*) [доступный], где отображение требуемого звука [ɛ] достигается с помощью грависа. Та же проблема возникает в написании суффиксов: *nouvele* (*nouvelle*) [новая], *professionele* (*professionnelle*) [профессиональна].

В тех же случаях, когда группа *ss* заменяется на *s* между гласными, меняется и произношение: *accésible* [aksezibl] (*accessible* [aksɛsibl]) [доступный], поскольку такое написание отображает звук [z] вместо требуемого [s].

Заметим, что в ряде случаев орфография русского слова-паронима, не содержащего удвоенного согласного, влияет на написание французского слова. Так можно объяснить рекуррентные девиаты *persone* (*personne*) [персона, человек, никто], *personel* (*personnel*) [личный] и пр. исторически однокоренные слова, а также *litérature* (*littérature*) [литература].

Диэрезы в сочетаниях разных согласных

Довольно часто пропускается *r* в тех позициях, когда она сочетается с другой согласной: *tr*, *pr*, *rp* и т. д. (примерно настолько же часто, насколько часто пропускаются все остальные согласные вместе взятые, кроме буквы *n* в составе графемы носового звука): *supermaché* (*supermarché*) [супермаркет], *moden* (*moderne*) [современный], *n'impute* (*n'importe*) [какой угодно].

Остальные согласные соответствуют архифонемам L, S, T, N, B, V, C и «пропадают» в письменной речи респондентов тогда, когда они сочетаются с другими согласными: *septemre* (*septembre*) [сентябрь], *quariers* (*quartiers*) [квартал]. Это дает нам основание считать уникальную ошибку, связанную с исчезновением буквы в *ils vient* (*ils vivent*) [они живут], девиатом иного происхождения: пишущий либо допустил опisku, либо перепутал спряжение глаголов *vivre* [жить] и *venir* [приходить].

Отметим устойчивый пропуск согласной *n* в словах *techologie* (*technologie*) [технологический], *techique* (*technique*) [техника, технический] и их производных.

Так же, как пропуск гласной буквы может изменить отображение согласного звука, пропуск согласной может изменить отображение гласного: это происходит тогда, когда пропускается буква *n* при обозначении сонанта. Такое встречается довольно часто и дает основание полагать, что нашими респондентами носовой оттенок тех или иных звуков окончательно не освоен. Пропуск наблюдается в отображении всех сонантов: *trasformer* (*transformer*) [превращать], *copétance* (*compétance*) [компетенция], *idustrie* (*industrie*) [промышленность]. Заметим, что буква *n* пропадает даже тогда, когда она присутствует в эквивалентных русских словах (это видно из примеров). Наиболее часто теряет *n* наречие *néamoins* (*néanmoins*) [тем не менее].

Гаплогия и другие случаи пропуска слогов

Среди, казалось бы, бессистемных пропусков слогов можно усмотреть следующие закономерности: 1) пропуску не подвергается ни первый, ни последний слог; 2) чаще всего слог теряется в длинных словах, состоящих из 4–5 слогов; 3) часто гаплогия распространяется на последний слог *-me* в наречных и субстантивных суффиксах: *troisièment* (*troisièmement*) [в-третьих], *malheureusent* (*malheureusement*) [к сожалению], *mouvent* (*mouvement*) [движение]; 4) пропускается предпоследний слог перед суффиксом *-tion*: *l'utilision* (*l'utilisation*) [употребление], *négotions* (*négotiations*) [переговоры], *compétion* (*compétition*) [соревнование]; 5) почти во всех случаях пропусков в исходном слове есть повторы гласных или согласных звуков: *parienne* (*parisienne*) [парижанка] – два гласных звука [i] окружают опущенную впоследствии [s], *quantatifs* (*quantatitifs*) [количественные] – два согласных звука [t] окружают опущенную впоследствии [i] (см. также: *précesseurs* (*prédeccesseurs*) [предшественники], *ils sont deseperés* (*désesperés*) [они деморализованы]).

3.1.2.2. Добавление знака / знаков

Добавление гласных

А. Добавление немой *e*

Внутри слова

Добавление гласных звуков отмечено в случаях типа *la chèreté* (*cherte*) [дороговизна], *vraiement* (*vraiment*) [действительно], *absoluement* (*absolument*) [абсолютно]. Заметим, что все три примера вполне «логичны», поскольку образованы от форм женского рода соответствующих прилагательных (такая модель словообразования действительно существует у французских отадъективных наречий). Здесь мы сталкиваемся с ситуацией *неполного применения* освоенного правила: не учтен тот факт, что в случае, если мужская форма прилагательного заканчивается на гласную, *e* отсутствует. В исключительных ситуациях добавление буквы *e* внутри слова может привести к изменению звукового образа слова: *augementer* [*oœmate*] (*augmenter* [*ogmate*]) [добавить].

В конце слова

Представлены примерно те же позиции, что и в случаях пропуска немой *e*:

- после *r*, в том числе и в инфинитивах: **avoir** (*avoir*) [иметь], **servir** (*servir*) [служить], **peure** (*peur*) [страх], **future** (*futur*) [будущее], **leures** (*leurs*) [их]. Девиации распространяются не только на полнозначные слова, но и на личные местоимения. Отмечается большая частотность девиата **future** (*futur*) [будущее], которая, скорее всего, обусловлена интерференцией с английским *future*;

- после *l*: **alcoole** (*alcool*) [алкоголь], **iles** (*ils*) [они], **le concessus globale** (*global*) [глобальный консенсус], **en générale** (*général*) [в целом]. В случае с прилагательными на *-l* (и на *-il*, см. ниже) проблема усложняется тем, что форма с немой *e* существует и соответствует женскому роду. Поэтому некоторые случаи (например, когда на ошибку в роде указывает и артикль) можно считать морфологическими девиатами, а не орфографическими;

- после *ill*: **un détaille** (*détail*) [деталь], **les conseilles** (*conseils*) [советы], **pareille** (*pareil*) [одинаков], **travaile** (*travail*) [работа]. Отметим, что только в последнем случае добавлена немая *e*. В других примерах употреблено окончание женского рода *-ille* с удвоением буквы *l*;

- после гласных: **vertues** (*vertus*) [качества], **la popularitée** (*popularité*) [популярность], **aussie** (*aussi*) [также], **une foie** (*une foi*) [вера]. Причинами таких девиаций могут быть интерференция с английскими *vertu / virtue*, влияние окончания *-ée* французских отпричастных прилагательных женского рода, смешение омофонов *fois / foi / foie* [раз / вера / печень];

- после согласных: **masse-médias** (*mass-media*) [масс-медиа], **testes** (*tests*) [тесты], **conceptes** (*concepts*) [концепты], **films** (*films*) [фильмы], **islame** (*islam*) [ислам], **internete** (*internet*) [интернет], **sense** (*sens*) [смысл], **cinque** (*cinq*) [пять]. В принципе, присутствие гласной *e* в этих словах оправданно: все они – исключения из правила, согласно которому конечные звуки не произносятся, и в межъязычии респондентов эти исключения «встраиваются» в особую орфографическую систему, позволяющую правильно отобразить здесь произношение;

- в некоторых случаях, добавление буквы *e* в конце слова приводит к неоправданному озвончению стоящей перед ней согласной: **accorde** (*accord*) [договор], **vraimente** (*vraiment*) [в действительности], **besoine** (*besoin*) [нужда], **traites** (*traits*) [черты].

Б. Добавление других гласных

Добавление гласных приводит к изменению графем и соответственно отображаемого звука. Редко встречаются такие превращения:

- *au* # *a*: **ajouter** (*ajouter*) [добавить];
- *ai* # *a*: **accompagne** (*accompagne*) [сопровождает].

Часты замены *ou* # *o*: **sous-culture** (*sous-culture*) [субкультура], **utilisation** (*utilisation*) [использование]. Это позволяет говорить о том, что данные графемы смешиваются из-за особенностей произношения пишущих, тем более что данные слова имеют русские эквивалентные соответствия *субкультура*, *утилизация*. Иногда добавленная гласная – результат неправильного словообразования: **diminution** (*diminution*) [уменьшение], но чаще она свидетельствует о влиянии русского произношения слова: **psychoanalyste** (*psychanalyste*) [психоаналитик], **gymnasie** (*gymnase*) [гимназия].

Добавление диакритических знаков

А. Добавление диакритического знака, не приводящее к изменению произношения

Рассмотрим случаи избыточного добавления знаков над *e* перед двумя согласными. В такой позиции *e* произносится как [ɛ], и именно поэтому респонденты дополняют *e* знаком, хотя и неправильным: чаще всего ими ставится акут, что не логично, поскольку [ɛ] отображается на письме с помощью грависа. Неверный выбор диакритического знака в пользу акута, скорее всего, объясняется тем, что он самый распространенный и что респонденты плохо различают оттенки произношения звуков, отображаемых графемами *é* и *è*. Этот очень распространенный девиат (более 60 случаев) замечен в следующих позициях: над буквой *e* в начале слова перед сочетанием двух согласных: **espace** (*espace*) [космос], **protéction** (*protection*) [защита], перед удвоенной согласной в начале слова: **efficace** (*efficace*) [эффективный]; перед согласной *x*: **examen** (*examen*) [экзамен]; над буквой *e* внутри слова перед тремя согласными: **chèrchent** (*cherchent*) [ищут]; перед удвоенной согласной в середине слова: **aggréssives** (*agressives*) [агрессивные]; над гласными в графемах носовых звуков: **employer** (*employer*) [использовать], **cepéndant** (*cependant*) [тем временем]; в составе других графем, обозначающих звук [e]: **enséigner** (*enseigner*)

[преподавать], *survéillance* (*surveillance*) [надзор], *étrangers*, *étrangers* (*étrangers*) [иностранцы], *premier* (*premier*) [первый].

Поставленные над другими буквами (*i*, *u*, *o*) гравис и циркумфлекс не влияют на произношение: *dur* (*dur*) [твердый], *grave* (*grave*) [серьезный], *traits* (*traits*) [черты], *la cotisation* (*cotisation*) [членский взнос]. Появление циркумфлекса над буквой *a*, в принципе, может служить сигналом легкого изменения гласного звука (возникает звук [a] заднего ряда вместо [a]). Интересно, что с помощью этого диакритического знака французские писатели отображают особое, вычурное произношение, например: «*C'était inconcevable, disait la mère, on pratique paisiblement son jogging en famille, et une enfant de neuf ans bute contre un cadavre (la mère collait des accents circonflexes même aux cadavres)...*»⁴⁸ Но сомнительно, что респонденты осознают эту фоностилистическую тонкость, допуская *face* (*face*) [лицо], *grave* (*grave*) [серьезный] и т. п.

Б. Добавление диакритического знака, приводящее к изменению произношения

Как уже отмечалось, дополнительный диакритический знак над буквой *e*, отражающей звук [э] – признак неправильного произношения этого звука носителями русского языка, одна из типичных черт «русского акцента». Чаще всего (в 9 из 10 случаев) лишний диакритический знак ставится над *e* в первых слогах *de-*, *me-*, *re-* и т. д., в том числе в приставках: *remarquable* (*remarquable*) [примечательный], *besoin* (*besoin*) [нужда], *devenus* (*devenus*) [ставшие]. Такие слова, как *religion* (*religion*) [религия], *mesure* (*mesure*) [мера], чаще пишутся неправильно, чем правильно.

Дополнительным знаком над *e*, отображающей звук [э], всегда выступает акут. Скорее всего, это связано с тем, что он более подходит для отображения неоправданного в этом месте звука [e].

⁴⁸ «Невероятно, – сказала мать. – Мирно бегаешь трусцой со своей семейкой, – и вдруг девятилетняя девочка натывается на *кадавр* [труп]. (Мамаша ставила циркумфлексы даже на трупах)». [перевод М. Д. Реннас 1985: 202].

Добавление согласных

А. Добавление немых согласных

Лишняя *s* в конце слова

Из этой категории девиатов исключены случаи с написанием существительных, когда присутствие лишней *s* можно воспринимать как показатель множественного числа (такие ошибки рассматриваются ниже, см. гл. 4). Единичные случаи ввода лишней *s* – в словах ***access*** (*accès*) [доступ] и ***success*** (*succès*) [успех] – результат влияния английской орфографии. В других позициях девиация встречается в неизменяемых словах ***contres*** (*contre*) [против], ***pourtants*** (*pourtant*) [однако] и др., а также в некоторых инфинитивах: ***faïres*** (*faire*) [делать], ***interdïres*** (*interdire*) [запрещать].

Лишняя *t* в конце слова

Встречается в словах различных частей речи без видимой закономерности и по разным причинам: ***l'exament*** (*examen*) [экзамен], ***soit-disant*** (*soi-disant*) [так называемый, букв. 'сам называя себя'], ***Etats-Unïts*** (*Unis*) [Соединенные Штаты]. В случае прилагательного ***saint*** (*sain*) [здоровый] можно предположить смешение с омофонным прилагательным *saint* [святой]. Кроме *s* и *t*, в конце слова может быть добавлена и буква *x*: ***vraïx*** (*vrai*) [настоящий].

Лишняя *h*

Буква может быть пропущена в начале слова, после *t* и на стыке морфем, но она же может быть и неоправданно добавлена. Присутствие *h* в слове ***hôtages*** (*otage*) [заложник] мотивируется близостью звучания этого слова со словом *hôte* [гость], тем более с циркумфлексом над буквой *o*. Можно ощутить и отдаленную семантическую близость между этими двумя словами.

Если в словах ***cathégorique*** (*catégorique*) [категоричный], ***crithère*** (*critère*) [критерий] трудно усмотреть закономерность (подобные слова объединяет только их греческое происхождение), в слове ***systhème*** (*système*) [система] возможно влияние слова *thème* [тема], в слове ***l'athmosphère*** (*atmosphère*) [атмосфера] – влияние второй графемы РН, а в ***l'autheur*** (*l'auteur*) [автор] – влияние английской орфографии.

В слове *anéhanti* (*anéanti*) [уничтожен] неправильно произведен морфемный анализ: *néan* – корень, а не слияние двух морфем, поэтому присутствие *h* на стыке неоправданно, как это было бы в слове *éhonté* [бесстыжий].

Удвоение согласных

Неоправданное удвоение согласных встречается так же часто, как и неоправданные пропуски одного из членов «удвоенной» группы. Можно встретить сочетания *ff*, *ll*, *mm*, *nn*, *pp*, *rr*, *ss*, *tt* в корневой части слова и в суффиксах: *internationnales* (*internationales*) [международные], *l'heure* (*heure*) [час]; среди существительных, глаголов и наречий: *inserrer* (*insérer*) [вставить], *alors* (*alors*) [тогда].

В ряде случаев присутствие в слове одной пары согласных вызывает появление второй: *difficille* (*difficile*) [трудно], *nottamment* (*notamment*) [особенно], *develloppement* (*developpement*) [развитие]. Форма *actuell* (*actuel*) [актуальный], вероятно, появилась под влиянием немецкой орфографии, где такое окончание возможно. Но, с учетом сложностей, которые испытывают респонденты в образовании правильной парадигмы прилагательных на *-el*, скорее всего, здесь – неудачная попытка образовать форму мужского рода от формы женского *actuelle*.

Заметим, что небольшие изменения в произношении (например, появление звука [j] # [l] в рассмотренной выше лексеме *difficille* или открытого [ε] # [ə] в *develloppement*), вызванные появлением второй согласной, респонденты обычно не замечают. В тех ситуациях, когда неоправданно удваивается буква *s* между двумя гласными, произношение слова меняется, и вместо звука [z] проявляется звук [s]: *il propossée* (*a proposé*) [он предложил], *possitives* (*positive*) [положительные].

Б. Добавление других согласных

Среди согласных, добавленных внутри слова и меняющих его фонетический облик, чаще всего можно встретить *s*, иногда *c*. По всей видимости, причинами этих ошибок являются два фактора: влияние орфографии русского близкого слова: *conflicts* (*conflit*) [конфликт], *descrit* (*décrit*) [описан; ср.: дескрипция] и применение «этимологического» принципа там, где это не оправданно: *plustôt* (*plutôt*) [скорее], *la pluspart* (*plupart*) [большинство].

В некоторых случаях совпадают обе причины: *manuscript* (*manuscrit*) [рукопись]. Наконец, могут быть добавлены не одна, а несколько букв – как гласных,

так и согласных: *longuetemps* (*longtemps*) [долгое время], *compromisse* (*compromis*) [компромисс]. Лишняя *n* превращает простую гласную *a* в графему AN, употребляемую для обозначения носового звука: *chanque* (*chaque*) [каждый], *menançant* (*menaçant*) [угрожающий].

3.1.2.3. Замена знака / знаков

С формальной стороны замена знака – это сочетание пропуска одного и добавления другого. Представлены замены гласной на гласную или согласной на согласную.

Замена произносимых согласных

Могут быть заменены *s* на *t* и наоборот: *en dépis* (*dépit*) [вопреки], *mauvait* (*mauvais*) [плохой];

- *t* на *d* и наоборот: *accortt* (*accord*) [согласие], *tandt* (*tant*) [столько];

- другие буквы: *tros* (*trop*) [слишком], *défauxx* (*défaut*) [изъян].

Часто встречающийся девиат *status* (*statut*) [статус], видимо, объясняется влиянием русской орфографии.

Замена произносимого *r* в конце слова произносимым *s* приводит к изменению звучания слова: *savoiss* (*savoir*) [знать], *pars* (*pas*) [через], *pouss* (*pour*) [для].

Замена одной гласной буквы на другую

- *e* # *i*: *indespansables* (*indispensables*) [необходимые], *l'intelligence* (*intelligence*) [разум];

- *i* # *e*: *légérité* (*légèreté*) [легкость], *expirience* (*expérience*) [опыт], *priviligiés* (*privilegiés*) [привилегированные].

Можно определить причину этих девиаций как фонетическую, исходя из близости произношения данных звуков, часто смешиваемых в русской речи в безударной позиции. Дополнительную роль может играть и фонетическая близость русского слова: *medicine* (*médecine*) [медицина].

- *u* # *i*: *l'attutude* (*attitude*) [поведение], *industriuelle* (*industrielle*) [промышленный] как следствие ассимиляции гласных, ср. с русским *хулюган* [Реформатский 1999: 205];

- *i # u*: **la diff \underline{f} ision** (*diffusion*) [распространение], **maj \underline{j} iscules** (*majuscule*) [заглавная]. Причина девиации может крыться в графике: русская буква *и* и французская **и** пишутся одинаково. С другой стороны, не исключены и фонетические ассимиляция и диссимиляция, поскольку во всех словах, в которых фигурируют ошибки подобного рода, представлены оба звука.

- *a # e* и наоборот: **fond \underline{a} ment** (*fondement*) [фундамент], **am \underline{u} sament** (*amusement*) [забава], **parl \underline{a} ment** (*parlement*) [парламент], **per \underline{f} aitement** (*parfaitement*) [отлично], **fond \underline{e} mentale** (*fondamentale*) [фундаментальная].

Другие случаи смешения гласных: *e # u*, *a # o*, *e # o*, *o # i* – редки.

Замечено также смешение гласных в составе графем, обозначающих носовые звуки, но представлены только некоторые из 20 возможных вариантов:

- *o # e*: **aug \underline{m} ontation** (*augmentation*) [увеличение] – здесь можно с уверенностью говорить о том, что причина – плохое произношение респондента, поскольку данные звуки очень часто не различаются;

- *u # o*: **trium \underline{p} hera** (*trionphera*) [победит], **corrump \underline{e} s** (*corrompus*) [коррумпируемые]. Здесь, вероятно, сказывается влияние русской орфографии;

- *i # a* и наоборот: **dist \underline{a} ngués** (*distingué*) [отмеченные], **fin \underline{a} ncement** (*financement*) [финансирование].

Замена одной согласной буквы на другую

Пограничным случаем орфографических девиаций в употреблении согласных являются факты отображения нужного согласного звука буквой, используемой для отображения другого звука, более далекого по звучанию, чем требуемый, например: *b / p*, *d / t*, *r / s*, *gu / qu*, *c / g*. Очень трудно без индивидуального опроса респондентов понять, каковы могут быть причины таких ошибок, кроме близости образования соответствующих звуков, и предположительно можно назвать следующие:

- графическая причина, а именно относительная близость написания этих букв во французском языке **symph \underline{h} ome** (*symptôme*) [симптом] или во французском и русском языках **grogue** (*drogue*) [наркотик];

- фонетическая, состоящая в том, что респондент плохо различает данные звуки: **comb \underline{a} tible** (*compatible*) [совместимый], **évo \underline{g} ué** (*évoqué*) [упомянутый];

- интерференция с русской и /или английской орфографией: *standartisé* (*standardisé*) [стандартизированный].

Замена диакритических знаков

Представлены следующие ситуации:

- акут # гравис: *premières* (*première*) [первая], *troisièmement* (*troisièmement*) [в-третьих], *problèmes* (*problèmes*) [проблемы], *progrés* (*progrès*) [прогресс];

- гравис # акут: *entrès* (*entré*) [вошедшие], *propriètes* (*propriétés*) [свойства], *malgrè* (*malgré*) [несмотря на];

- циркумфлекс # акут: *èpoque* (*époque*) [эпоха].

Метатезы

Другой вид комбинации нескольких типов девиаций – метатезы. Возможны перестановки отдельных гласных букв: *travial* (*travail*) [работа], *besion* (*besoin*) [нужда], а также слогов: *donéravant* (*donéavant*) [отныне], *faliciter* (*faciliter*) [позволять]. Метатезы чаще всего относятся к опискам и встречаются в виде опечаток в электронных работах. Редки примеры перестановки непроизносимого диакритического знака: *côut* (*coût*) [стоимость].

3.1.2.4. Замена графем

Можно отнести к различным типам девиации девиантные орфографические варианты. Поэтому необходимо дополнить предшествующее изложение обзором различных проблем написания отдельных гласных и согласных звуков. Ниже представлены девиации следующих типов: 1) девиации в выборе вариантов графем, обозначающих данный звук; 2) девиации, состоящие в замене нужной графемы графемой, обозначающей другой, близкий по звучанию, звук. Так же, как и в предшествующих подпунктах, девиаты приводятся в порядке увеличения искажения звучания.

Девиантное отображение отдельных гласных звуков

А. Звук [ə]

Девиации в выборе графем

Звук [ə] может отображаться с помощью следующих графем: E, EU, OEU. Соответственно данные графемы смешиваются в работах респондентов.

- e # eu: *malheuresement* или *malhereusement* (*malheureusement*) [к сожалению], *eropéens* (*européen*) [европейский];

- eu # e: *deumeurand* (*demeurant*) [отстающий].

Помимо графем, действительно существующих во французском языке для передачи данного звука, респондентами предложены следующие варианты написания:

- oe # oeu: *main d'oevre* (*main d'oeuvre*) [рабочая сила]. Графема ОЕ редко встречается во французском письме, и, скорее всего, респондентам не известны слова с нею, а также ее произношение ([wa]). Поэтому целесообразнее говорить не о замене одной графемы другой, а о пропуске буквы в графеме;

- ue # eu: *l'ampluer* (*ampleur*) [широта]. Хотя в данном случае произношение меняется, скорее всего оно вызвано опiskой, механической метатезой.

Замена на графему другого звука

Помимо ошибок в выборе графемы для обозначения звука [ə], возможны и замены их на графемы, обозначающие другие звуки:

- o # eu: *majore* (*majeure*) [главная], *supérieure* (*supérieure*) [верхняя]. Орфографический девиат объясняется здесь, скорее всего, ошибочным произношением: звуки [ə] и [o] часто плохо различаются носителями русского языка;

- ou # eu: *nous douvons* (*nous devons*) [мы должны], *les prouves* (*les preuves*) [доказательства]. Помимо неправильного произношения, во втором случае имеет место и морфологическая ошибка: гласный звук [u] и соответственно графема ОУ фигурирует в парадигме спряжения однокоренного глагола *prouver* [доказать].

Б. Звук [ɛ]

Девиации в выборе графем

Данный звук проявляется в большом количестве графем: È, Ê, AI, AY, EI, EY, E + 2 согласные или x и -ET в конце слова. Ошибки проявляются в смешении некоторых из этих графем, а именно:

- ai # è: *ministaire* (*ministère*) [министерство];

- ai # e + 2 согласные: *nécaissaire* (*nécessaire*) [необходимо];

- ei # è: *reigne* (*règne*) [царит];

- è # e + две согласные: *rejètent* (*rejetent*) [отбрасывают].

Интересны девиации в написании словокомплекса *c'est*, возникающие несмотря на то, что он очень распространен. Встречаются варианты: *cette* – ***Cette une très bonne idée (c'est une)*** [это очень хорошая идея], и *cet* перед гласным звуком – ***cet intéressant (c'est intéressant)*** [это интересно].

Замена на графему другого звука

- *er* # *è*: ***minister* (*ministère*)** [министерство], ***satisfer* (*satisfaire*)** [удовлетворять]. Сочетание *-er* в конце слова произносится не [εr], а [e], особенно в инфинитивах. То же возникает при замене грависа на акут: ***entrès* (*entrés*)** [вошедший], ***malgrè* (*malgré*)** [несмотря на];

- замена *ai* на *a* в слове ***totalitare* (*totalitaire*)** [тоталитарный] может быть вызвана интерферированием с русским словом;

- *eu* # *ai*: ***propriéteurs* (*propriétaire*)** [владелец]. Возможно, это словообразовательная девиация – замена суффикса *-aire* на суффикс *-eur* при не очень хорошем «слухе».

Особенности произношения и ошибки при чтении приводят к тому, что респондент может писать ***ce pourquoi* (*c'est pourquoi*)** [поэтому] и считать при этом, что произношение не изменилось.

B. Звук [e]

Девиации в выборе графем

Среди вариантов написания данного звука встречаются *é* и *er* в конце слова:

- *é* # *er*: ***le dangé* (*danger*)** [опасность];

- *er* # *é*: ***les marchers* (*marchés*)** [рынки].

Замена на графему другого звука

Вариант написания *et* # *é*: ***triplets* (*triplés*)** [тройняшки] нельзя считать очень удачным, поскольку он слегка искажает звучание слова ([ε] # [e]). Аналогичным образом проявляется замена грависа акутом: ***premières* (*première*)** [первые], ***problèmes* (*problèmes*)** [проблемы], ***progrés* (*progrès*)** [прогресс], ***régles* (*règles*)** [правила].

Г. Звук [o]

Девиации в выборе графем

Этот звук отображается с помощью трех графем – O, AU, EAU, расположенных в порядке убывания частотности. Встречаются следующие типы ошибок, с явным преимуществом двух первых:

- eau # au: **socieaux** (*sociaux*) [социальные];
- au # eau: **nouvaux** (*nouveaux*) [новые];
- o # eau: **burocratique** (*bureaucratique*) [бюрократические].

Замена на графему другого звука

- Замена буквы o графемой EU, обозначающей звук [Ø] в слове **curiesité** (*curiosité*) [любопытство] может быть вызвана либо плохим различением близких звуков, либо попыткой применить морфологический принцип и писать существительное так же, как и прилагательное *curieux*.

- Замена графемы AU графемой OU в слове **mouvaise** (*mauvaise*) [плохая] скорее всего следует признать опиской, поскольку она не коррелирует с произносительными девиациями.

Д. Звук [i]

Девиации в выборе графем

Несмотря на то, что для отражения звука [i] существенно чаще употребляется буква i нежели буква y⁴⁹, встречаются не только ошибки i # y: **phisiquement** (*physiquement*) [физически], но и ошибки типа y # i: **syte** (*site*) [сайт].

Е. Звук [u]

Замена на графему другого звука

- o # ou: **noveau** (*nouveau*) [новый], **mouvement** (*mouvement*) [движение];
- u # ou: **suffrance** (*souffrance*) [страдание], **nuveau** (*nouveau*) [новый];
- eu # ou: **ils preuvent** (*ils prouvent*) [они доказывают].

Эти звуки довольно близки, и русскоговорящие не всегда четко их различают. К тому же, в случаях o # ou и u # ou возможен простой (механический) пропуск буквы.

⁴⁹ На 99 %, как считает Н. Каташ [Catach 2005: 121].

Ж. Звук [y]

Замена на графему другого звука

- *ou* # *u* и наоборот: *en Roussie* (*Russie*) [в России].

3. Носовой звук [ã]

Данный звук может иметь несколько вариантов отображения: AN, EN, AM, EM. Правило использования согласного *m* # *n* в носовых звуках перед *b* и *p* хорошо осваивается межъязычием, и девиации типа *an* # *am* и наоборот практически отсутствуют, но выбор гласного звука представляет некоторые сложности:

- *an* # *en*: в корне: *dimansion* (*dimension*) [размер]; в окончаниях отглагольных прилагательных: *évidante* (*évidente*) [очевидная], *cohérante* (*cohérente*) [комплексная]. Данный тип ошибок – самый распространенный (встречается в три раза чаще, чем обратная замена *en* на *an*). Нельзя сказать, чтобы это коррелировало с частотностью данной графемы: согласно Н. Каташ, пропорция как раз обратная: 47 % для графемы EN, 43 % для AN [Catach 2005: 121].

Проблема унификации написания отглагольных прилагательных регулярно упоминается среди тех, что могли бы быть решены реформой орфографии, поскольку разницей в написании становится постоянным источником девиаций и для французов⁵⁰.

В некоторых случаях на выбор гласной влияют интерферентные факторы: с русским языком в случае *assamblée* (*assemblée*) [ассамблея], с английским в распространенном случае *example* (*exemple*) [пример]. Удивительным является, наоборот, большое количество девиатов, образованных с суффиксом *-ence*, соответствующим русскому суффиксу *-енц-*. Треть девиаций типа *an* # *en* приходится на подобные слова, в том числе и на такие, которые имеют прямой эквивалент в русском языке: *concurrance* (*concurrency*) [конкуренция], *compétance* (*compétence*) [компетенция]. В одном случае респонденту пришлось даже добавить букву *e* после *g*, чтобы со-

⁵⁰ Согласно правилам, некоторые (но не все) отглагольные прилагательные, в том числе субстантивированные, отличаются в своем написании от причастий, от которых они образованы, несмотря на то, что звучат они абсолютно одинаково, ср: *adhérer* → (*en*) *adhérant*, но *un adhérent* [примкнуть, примыкая, член]; *différer* → (*en*) *différant*, но *différent* [отличать, отличая, отличный]; но *fabriquer* → (*en*) *fabriquant*, *un fabricant* [изготавливать, изготавливая, изготовитель] и *aimer* → (*en*) *aimant*, *un aimant* [любить, любя, магнит].

хранить неверно выбранный им вариант суффикса без искажения звучания слова ***négligeance** (négligence)* [небрежность].

Замена *en* # *an* в корне: ***angoisse** (angoisse)* [тревога], ***étrangères** (étrangère)* [иностранные]; в окончаниях причастий и произведенных от них слов: ***importance** (importance)* [важность], ***interessants** (intéressants)* [интересные].

Помимо труднообъяснимых девиаций, можно выделить такие, которые, видимо, происходят под влиянием интерференции с русским или с английским языком: ***recommandations** (recommandation)* [рекомендации], ***tendance** (tendance)* [тенденция], ***indépendance** (indépendance)* [независимость]. Наконец, единственная ошибка типа *aen* # *an*: ***connaissances** (connaissances)* [знакомые], видимо, вызвана опiskой.

И. Носовой звук [ɛ̃]

Девиации в выборе графем

У данного носового звука много вариантов отображения: IN / IM, AIN / AIM, EIN / EIM. Девиаций в выборе графем данного звука мало: помимо общей для всех носовых гласных проблемы выбора *n* или *m* – ***impolis** (impolis)* [не вежливые], трудности возникают с относительно редкой графемой AIN:

- *in* # *ain*: ***certains** (certains)* [некоторые];
- *ain* # *en* в конце слова: ***examen** (examen)* [экзамен];
- *en* # *ain* в конце слова: ***lendemain** (lendemain)* [следующий день].

Замена на графему другого звука

Следующая девиация, приводящая к потере носового оттенка, видимо, вызвана опiskой: ***sacre-sainte** (sacro-sainte)* [священная], где наблюдается замена *ai* # *ain*.

Девиантное отображение отдельных согласных звуков

А. Звук [s]

Девиации в выборе графем

Звук [s] – источник самого большого количества орфографических девиатов среди согласных (около 2/3 всех отклонений в выборе правильной графемы для согласных звуков). Это объясняется тем, что для отображения звука [s] по-французски используется большое разнообразие графем: S, SS, C, Ç, T, SC. Из 30 возможных вариантов ошибок реально встречаются 15, с большим преобладанием следующих:

- *s # c*: **consept** (*concept*) [концепт], **sertificat** (*certificat*) [удостоверение]. Слово **conservner** (*concerner*) [касаться] - представлено более 20 раз с ошибочной орфографией;

- *ç # c*: встречается крайне редко: **remplacer** (*remplacer*) [заменять] и свидетельствует о «перестраховке» пишущего. Некоторые формы данного глагола действительно пишутся с буквой *ç* (*nous commençons, en commençant* [мы начинаем, начиная]), но *ç* не употребляется перед гласными *e, i, u*.

В следующих единичных девиатах произношение совершенно не затронуто:

- *ss # c*: **l'associetion** (*association*) [ассоциация], **appréssiation** (*appréciation*) [оценка];

- *c # t*: **l'essenciel** (*essentiel*) [главное];

- *c # sc*: **concience** (*conscience*) [сознание];

- *sc # s*: **sciècle** (*siècle*) [век];

- *t # ss* или *s*: **dimention** (*dimension*) [размер], **discution** (*discussion*) [разговор];

- *t # c*: **technitien** (*technicien*) [техник];

- *ss # t*: **inserssion** (*insertion*) [ввод];

- *s # t*: **l'absorbsion** (*absorbtion*) [поглощение].

Замена на графему другого звука

- *s # c*: в тех случаях, когда *c* заменяется буквой *s* между гласными, возникает звук [z] # [s], что чаще всего респондентами не замечается, если их попросить перечитать написанное: **lysee** [*lize*] (*lycée* [*lise*]) [лицей], **medesin** [*medəɛ̃*] (*médecin* [*medəɛ̃*]) [врач].

Аналогичная фонологическая проблема возникает и тогда, когда пишется *s # ss*: **resources** [*rəzurs*] (*ressources* [*rəsurs*]) [ресурсы]. Это – частный случай пропуска одной из удвоенных согласных, и он рассматривался в п. 3.1.2.2 (Г) данной главы.

- *c # s*: **je pence** (*pense*) [я думаю], **conciderer** (*considérer*) [рассматривать], **cervice** (*service*) [служба].

В единичных случаях замена *s* на *c* в позиции перед *a, o, u* приводит к появлению звука [k] вместо [s]: **curveillance** [*kyrvejãs*] (*surveillance* [*syrvejãs*]) [надзор], но чаще всего респондент этого не замечает и перечитывает написанное слово с правильным произношением, вопреки написанию. Встречается попытка сохранить

правильное произношение ценой двух орфографических ошибок: замена *s* на *c* + дополнительная немая *e*: ***tranceparence*** (*transparence*) [прозрачность].

Появление звука [k] вместо [s] имеет место и тогда, когда респондент не ставит знак седиль под буквой *c*: ***commencant*** [*comãkã*] (*commençant* [*comãsã*]) [начиная]. То же самое происходит тогда, когда пишут *c* вместо *ss*: ***nessecaires*** [*nesekeɾ*] (*nécessaire* [*nesesɛr*]) [необходимое].

Орфографическая девиация может привести к тому, что грамматическая природа данного слова как будто меняется: указательное прилагательное *ces* становится притяжательным *ses* и наоборот. Такие ошибки типичны также для французских детей, и в сборниках упражнений для школьников к ним часто возвращаются. Чаще происходит первая замена.

- *ces* # *ses*: ***il faut écouter attentivement ces enfants*** (*ses enfants*) [нужно внимательно слушать своих детей], ***la politique... apporte ces fruits*** (*ses fruits*) [политика приносит свои плоды], ***où on a ces propres lois*** (*ses propres lois*) [где имеются свои собственные законы]. В последнем случае смешение происходит несмотря на слово *propre* (собственный), указывающее на принадлежность.

Лишним доказательством того, что это – орфографические девиаты, является следующий пример, в котором сочетаются отклонения двух типов: очень распространенное смешение притяжательных *ses* и *leurs* (см. ниже п. 4.2.2.1) и букв *c* и *s*: ***les compagnies qui utilisent... pour atteindre ces buts*** (*leurs buts*) [фирмы используют... чтобы достичь своих целей] – респондент считал, что употребляет притяжательный детерминатив *ses*;

- *ses* # *ces*: ***ses chiffres sont les plus choquants*** (*ces chiffres*) [эти цифры – самые шокирующие], ***une autre question est ce que ses examens ne peuvent pas préparer bien les jeunes au monde du travail*** (*une autre question est que ces examens...*) [другой вопрос – то, что эти экзамены не могут готовить молодежь к миру труда]. В пользу того, что это орфографический (а не грамматический) девиат, говорит и контекст: «обладателей» здесь нет, и респондент в действительности имел в виду указательный детерминатив *ces*.

Аналогичным образом происходит смешение форм указательного детерминатива *ce* и возвратного местоимения *se*, также часто встречающееся у франкофонов:

- se # ce: **de se fait** (*de ce fait*) [тем самым], **se sont les même problèmes qu'ont les adultes** (*ce sont*) [это те же проблемы, что у взрослых].

- ce # se: **ce sera la société civile capable de ce défendre face aux dictateurs** (*ça sera une société civile capable de se défendre des dictateurs*) [это будет гражданское общество, способное защититься от диктаторов], **en ce préparent** (*en se préparant*) [готовясь].

Б. Звук [k]

Девииции в выборе графем

По сложности отображения на письме звук [k] считается вторым после звука [s]. Варианты его написания следующие: C, K, Q, QU, CH. Чаще всего, проблемы возникают в тех случаях, когда в соответствующих русских словах пишется буква х: **ch # c – méchanismes** (*mécanismes*) [механизмы], **charactère** (*caractère*) [характер]. Такие девиаты довольно частотны (около 25 случаев), что объясняется в том числе и большой частотностью самих лексем и их производных.

Остальные девиаты представлены единичными примерами:

- c # ch: **tecnique** (*technique*) [технический];

- k # c: **diskuter** (*discuter*) [обсуждать];

- q # qu: **pourquoi** (*pourquoi*) [почему];

- qu # c: **chaqun** (*chacun*) [каждый] (возможно, из-за детерминатива *chaque*);

- qu # cqu: **d'acquérir** (*acquérir*) [приобрести];

- quc # c или qu: **publiqucs** (*publics*) [публичный]. Слова с окончанием *-ique* вообще являются источником очень большого количества девиатов, как орфографических, так и грамматических.

Замена на графему другого звука

В слове **éducé** (*éduqué*) [воспитанный] был применен морфологический принцип (ср.: *éducation* [воспитание]) с отражением изменения звучания слова, чего респондент, скорее всего, и не заметил.

В. Прочие согласные звуки

Звук [g] – g # gu: **naviger** (*naviguer*) [плавать];

Звук [∞] – j # g: **protéjée** (*protégée*) [спроецирована];

Звук [z] :

- z # s: *civilization (civilisation)* [цивилизация]. Девиаты этого типа возникают главным образом в словах, имеющих аналоги в английском языке;

- s # x *deuxièmement (deuxièmement)* [во-вторых]. Числительные часто становятся источником орфографических девиаций, в том числе и потому, что их орфография не соответствует обычным правилам.

Звук [ɲ] – n # gn и наоборот: *entraigné (entraîné)* [вовлеченный], *sinifie (signifie)* [означает];

Звук [ks] – x # xc: *l'exception (exception)* [исключение];

Звук [f] – f # ph: *démographiques (démographique)* [демографические].

3.1.2.5. Прочие орфографические девиации

Смещение слитного и раздельного написания

Данная орфографическая сложность, присущая также и русскому языку, является постоянной темой дебатов вокруг реформы орфографии¹. Но слитное написание слов, пишущихся раздельно, а также обратная девиация встречаются не слишком часто в исследуемом материале (было собрано около 20 девиатов каждого типа). В первом случае представлены главным образом союзные слова. Как ни странно, респонденты пишут слитно слова, аналоги которых в русском языке как раз пишутся раздельно: *parceque (parce que)* [потому, что], *enplus (en plus)* [к тому же], *pourque (pour que)* [для того, чтобы]. Исключением в этом ряду представляется слово *biensûr* или *bien-sûr (bien sûr)* [конечно], которое повторяется часто в таком написании. В некоторых случаях пишут слитно то, что должно быть написано через дефис: *peutêtre (peut-être)* [может быть], *on sousentend (sous-entend)* [подразумевается, что] – единственное полнозначное слово в этом ряду. Среди слов, неоправданно написанных раздельно, также господствуют служебные единицы. Редкие полнозначные слова, видимо, пишутся раздельно в связи с их внутренней формой – *bien venu (bienvenu)* [уместный], *faits néants (fainéant)* [лентяи]. Внутренняя

¹ Французская орфография отличается полным отсутствием последовательности в решении данного вопроса: пишется *porte-plume* [перьевая ручка], но *portemanteau* [вешалка], *extra-terrestre* [инопланетный], но *extraordinaire* [экстраординарный]. В решении 1990 г. было рекомендовано более систематично писать слитно то, что воспринимается как одна лексическая единица, через дефис – словосочетания, имеющие иное значение, нежели сочетание слов, из которых они состоят, а раздельно – свободные словосочетания [Carélovici 1990: 272–275].

форма также мешает слитному написанию следующих служебных слов (даже если по-русски они соответствуют одному слову): *en fin (enfin)* [наконец], *Si non (sinon)* [иначе]. В следующих словах, помимо отдельного написания, замечены и добавленные буквы, имитирующие свободное словосочетание: *la plus part (la plupart)* [большая часть], *longue temps (longtemps)* [давно], – где свободное словосочетание было бы *un long temps*.

Девиантное употребление апострофа

Среди способов более слитного написания французских слов фигурирует и апостроф, показывающий выпадение гласного звука в конце одного слова (в артиклях, личных местоимениях и некоторых союзных словах, главным образом *de*, *que* и их производных) перед гласным звуком следующего слова¹. В работах респондентов мы встретились с девиатами, отсутствующими в текстах франкофонов:

А. Пропущенный апостроф

Неправильная интерпретация *h*: *la harmonie (l'harmonie)* [гармония], *le developpement d'hautes technologies (de hautes)* [развитие высоких технологий].

Слитное слово вместо двух слов, разделенных апострофом: *quelquun (quelqu'un)* [кто-то], *aujourd'hui (aujourd'hui)* [сегодня].

Невыпадение гласной: *le livre sert plutôt à la distraction que à l'éducation (qu'à)* [книга служит больше для развлечения, чем для образования], *il faut considerer que une panne de l'ordinateur est une catastrophe (qu'une panne)* [нужно иметь в виду, что поломка компьютера – катастрофа].

Б. Лишний апостроф

Гласная *i* выпадает только в слове *si* в тех случаях, когда оно – подчинительный вопросительный союз, но не тогда, когда оно – сравнительное наречие. В слове *qui* ('который' – относительное или вопросительное местоимение) буква *i* никогда не выпадает. Неправильное применение (расширительное толкование) этого правила

¹ Если слово начинается с буквы *h*, нужно знать, мешает эта буква связыванию (так называемый «*h aspiré*» [придыхательный], хотя никакого придыхания не производится) или нет. Спорные вопросы употребления апострофа, о которых можно прочесть в статьях из серии «Le Bon Français», опубликованных в 1999–2003 гг. на страницах ежедневной газеты «Le Figaro», вызваны тем, что в последнее время появилась тенденция не связывать слова, начинающиеся с буквы *h*, особенно в иностранных лексемах. Французские пуристы считают такую тенденцию неправильной.

и приводит к ошибкам: *le goût puissant du vin, ce qu'est complètement rejeté par les artisans classiques (ce qui est)* [крепкий вкус вина, что полностью отвергается классическими ремесленниками].

Применение апострофа абсолютно неоправданно, поскольку нет выпадения: *quant'au syntaxe ou lexique (quant à la syntaxe)* [что касается синтаксиса или лексики].

Заметим, что перенос в межъязычии правил русского языка на французский наблюдается и в отказе от прописной буквы в написании этнонимов: *chez les russes (chez les Russes)* [у русских], *la plupart des français (des Français)* [большинство французов].

В межъязычии имеются единицы, графический облик которых практически никогда не соответствует нормативному. К таким «небезучим» словам – девиантным вариантам написания – относятся: *carbon, carbonne, carbons (carbone)* [углерод]; *acceuil, acceil, aceuil, accueille, accuil, ils acceulent (accueil, accueillir)* [прием, принимать]; *psycologique, phsicologique, psicologique (psychologique), phycologue, psychologue, psychologiste (psychologue), pshychologie (psychologie)* [психолог, психология, психологический]; *psychoanalyste, phsycanaliste, psycoanaliste, psychanaliste, psychoanaliste, psychoanalitique, psycoanalitique (psychanalyste), pcychoanalyse (psychanalyse)* [психоаналитик, психоанализ].

На примере лексем на *-ier* можно показать, как взаимосвязаны проблемы произношения, чтения, орфографии и грамматики. Все девиации восходят к устойчиво неправильному произношению и / или чтению таких слов: носители русского языка традиционно читают *-ier* как [jɛɾ], а не как [je], особенно в слове *premier*. Этому есть две видимые причины: 1) связывание (liaison) с последующим словом, начинающимся с гласной, действительно дает звук [jɛɾ]: *le premier avril* [lə pʁɛmjɛ-ɾ-avʁil]; 2) влияние русского *премьер* (а также назойливо неправильное произношение, например фирменного названия *Garnier*, в телерекламных роликах). Результатом такого неправильного чтения / произношения являются следующие девиаты: собственно орфографические (звук [jɛɾ] – пишут *ier* вместо *ière*: *les derniers années (dernières)* [в последние годы]; звук [je] – пишут *ière* вместо *ier*: *en particulière (particulier)* [в особенности] или даже *ière*: *réguliers (réguliers)* [регулярные]; девиа-

ты, вызванные неправильным согласованием (мужской # женский род: *leurs façons particuliers* (*particulières*) [их особые манеры], *pas d'influence particulier* (*particulière*) [нет особого влияния]; женский # мужской род: *un première pas* (*premier*) [первый шаг]); окказиональные (отображение звука [jɛʁ] как *ier*: *un certin matier* (*certain matière*), *en matier* (*matière*) [определенная материя, в области], *des filiers* (*filières*) [специализации], *les maniers* (*manières*) [манеры]; отображение звука [je] как *ière*: *c'est un métière difficile* (*métier*) [это трудная работа], *fermeur* (*fermier*) [фермер]).

3.1.3. Причины орфографических девиаций

Возникновение орфографических девиатов можно в целом объяснить следующими причинами.

В первую очередь большую роль играют внутрисистемные факторы Я₂. Неоспорим тот факт, что французская орфография трудна для всех, и не только для иностранцев. Это вызвано, в частности, большим количеством графем для одного и того же звука, большим количеством произносимых букв, омофонов, алогичностью правил удваивания согласных, большим количеством исключений. Русскоговорящие респонденты в этом отношении не оригинальны и допускают те же ошибки, что и французы, – главным образом, пропускают акут. Среди межъязыковых орфографических правил, которым следуют респонденты, можно различить неполное применение правил орфографии Я₂, в том числе грамматических и словообразовательных (например, сохранение *e* при образовании наречий или неправильное спряжение глаголов и применение правила (без учета деталей, дополнительных правил, исключений), неоправданное применение диакритического знака перед двумя согласными или *x*, применение этимологического принципа). Влияние орфографии Я₁ на орфографические девиации русскоговорящих в Я₂ очевидно в следующих ситуациях.

Во-первых, во многих случаях орфография слова-паронима в Я₁ может входить в противоречие с орфографией его аналога в Я₂: даже если данное слово заимствовано из французского языка, в русском оно проделало определенный путь, было ассимилировано, и его орфографический облик (транслитерированный) может отличаться от французского соответствия отсутствием удвоенного согласного или

выбором гласной для передачи носового звука, ср: *ансамбль – ensemble, литература – littérature*, таких примеров немало. Во-вторых, русское слово-пароним может отличаться от французского больше, чем вариантами букв. В соответствующих русских графемах могут сохраниться рефлексии этимологических букв, которые впоследствии исчезли из французского. Кроме того, слова могут параллельно заимствоваться из третьего языка, и респондент их пишет согласно правилам своего межъязычия, см. ошибки: *psychoanalyste (psychanalyste)* [психоаналитик], *gymnasie (gymnase)* [гимназия]. В-третьих, и это источник большого количества девиатов, русские респонденты изображают на письме слово так, как они его произносят по-французски, а их произношение небезупречно: для русского фонетического межъязычия (акцента) характерны, например, неразличение гласных звуков [e] и [i] в слабой позиции, произношение [e] вместо [э], плохое различение носовых гласных. В редких случаях в работах можно также заметить влияние русской графики: смешение *i/u, d/g* и написание прописных букв. Отмечается и влияние английской орфографии. Исходя из того, что наши респонденты часто изучают французский после английского, а также из того, что английский язык широко распространен в объявлениях, рекламе и т. п., английская орфография может влиять и на то, как русскоговорящие респонденты пишут по-французски, особенно в случае так называемых «ложных друзей»: *development (developpement)* [развитие], *la reason (raison)* [причина], *technology (technologie)* [технология], *les members (membres)* [члены]: *l'access (accès)* [доступ], *enterprise (entreprise)* [предприятие], *perfects (parfaits)* [отличные]. Во Франции орфографическая ошибка *standart* вместо *standard* может оцениваться как англицизм. В России это, скорее, русизм. Интересен случай «офранцузивания» орфографии в слове *leadeurs* [лидеры], которое как раз по-французски пишется на английский манер *leaders*.

Таким образом, можно сравнить исследуемые нами орфографические данные межъязычия русскоговорящих респондентов с теми, что были получены в ходе проведенного в 1965 г. исследования (табл. 3.1) типичных орфографических ошибок французов [Цит. по: Catach 2005: 94], в котором анализировались 1 000 работ,

написанных в ходе экзамена СЕР⁵³, 3 000 работ, выполненных на ВАС⁵⁴ и 1 500 работ на подготовительных курсах для поступления в высшие специализированные вузы, 1–2 года после окончания школы). Из сопоставления данных видно, что дефис в сложных словах, а также акут и гравис чаще всего игнорируются и франкофонами, даже тогда, когда играют смыслообразительную роль.

Мы подсчитали, что в работах наших респондентов количество слов, в которых есть орфографические отклонения, составляет приблизительно 15 %.

Таблица 3.1

Частотность орфографических девиатов в работах французских школьников

Тип девиации, к которому относится исследуемый результат	Частотность (%)
Неправильное использование циркумфлекса	25
Замена удвоенного согласного простым ⁵⁵	8–17
Неоправданная вставка немых согласных под влиянием этимологии	5
Девиантное использование <i>S</i> в конце слова и конечных согласных	2,5 – 6,4
Девиантное написание согласных греческого происхождения <i>ph</i> , <i>ch</i>	3,2 (даже в старших классах)
Смещение омонимов	11,6 (для СЕР) 4,5 (в среднем)

О своих респондентах мы не можем сказать, что они игнорировали диакритические знаки (диакритика представлена даже в их черновиках). От общего количества орфографических девиатов девиаты в употреблении диакритических знаков (включая их неоправданное присутствие) в работах наших респондентов составляют 1/3. Но, помимо опущений диакритических знаков, русскоговорящие респонденты отличаются от франкофонов тем, что добавляют знаки там, где не следует (избыточное употребление составляет 1/5 часть девиантной диакритики). Диакритика в системе их наивных представлений о французском тексте – его отличитель-

⁵³ СЕР (Certificat d'Etudes Primaires) – экзамен на аттестат о начальном образовании, пишется примерно в 12 лет.

⁵⁴ ВАС (Baccalauréat) – экзамен по окончании среднего (полного) образования, пишется примерно в 18 лет.

⁵⁵ Обратная ошибка в данном исследовании не была учтена, хотя Н. Каташ считает, что таких ошибок еще больше.

ная черта. Однако ошибок в употреблении циркумфлекса практически нет или очень мало.

Так же, как и французам, нашим респондентам с трудом даются удвоенные согласные – 7 % от всех девиатов. Девиантные конечные немые согласные и *s* представляют около 4 % всех типов ошибок. Для наших респондентов более актуально смешение графем одного звука (11 % из общего числа гласных девиатов, из которых 2/3 представлены девиантными вариантами написания носовых гласных и 8 % – согласных звуков, половину которых составляют девиаты в написании звука [s]).

Так же, как и французам, нашим респондентам трудно даются удвоенные согласные – 7 % от всех девиатов. Если конечные немые согласные и *s* представляют около 4 % всех типов девиатов, для наших респондентов более актуально смешение графем одного звука (11 % из общего числа гласных девиатов, из которых 2/3 представлены девиантными вариантами написания носовых гласных и 8 % – согласных звуков, половину которых составляют девиаты в написании звука [s]).

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что Я₁ накладывает свой отпечаток на общую картину орфографических девиатов русскоговорящих респондентов. К сожалению, нельзя «измерить» положительный материал – то количество девиатов, которых русские респонденты не сделали благодаря тому, что в их межъязычии сохранялась опора на родную орфографию в написании французских слов. Но мы уверены, что такие случаи тоже есть.

3.2. Грамматическая орфографическая девиация и ее результаты

В данном параграфе рассматриваются орфографические девиаты в окончаниях полных слов и детерминативов, приводящие к образованию несуществующих форм.

3.2.1. Девиантное смешение орфографических показателей мужского и женского рода

Даже если во французском языке соответствие между формой слова и родом, к которому оно принадлежит, далеко не однозначно, можно все-таки устанавливать некоторые правила, работающие с достоверностью от 85 до 92% [Мельчук 1958], особенно если эти слова – субстантивированные причастия. Некоторые из этих правил прочно освоены респондентами, например тот факт, что окончание *-ée*, *-ie*,

-enne характерны для женского рода. Поэтому неудивительно, что в тех случаях, когда респонденты уверены (пусть и ошибочно) в роде существительного, они (ошибочно), в полном соответствии с правилами своего межъязычия выбирают «нужное» окончание.

3.2.1.1. Девиантное написание окончания мужского рода в существительных женского рода

Un certin matier (*une certaine matière*) [некая материя], *un panacé* (*une panacée*) [панацея], *tous les donnés professionnels* (*toutes les données professionnelles*) [все профессиональные данные].

3.2.1.2. Девиантное написание окончания женского рода в существительных мужского рода

La suivie (*le suivi*) [мониторинг], *la longue travail* (*le long travail*) [долгая работа].

Для множественного числа, например *les musulmans manque des moyennes* (*manquent de moyens*) [мусульманам не хватает средств]⁵⁶, проблема осложняется тем, что Я₁ не побуждает пишущего обозначить род, тогда как во французском категория рода обязательна и во множественном числе.

3.2.1.3. Девиантное изменение по роду неизменяемого неопределенного терминатива *plusieurs*

Ошибочно – и очень часто – употребляется несуществующая форма множественного числа женского рода *plusieures* вместо *plusieurs*: *plusieures bases de donnés* (*plusieurs bases de données*) [несколько баз данных].

3.2.2. Девиантное употребление показателей множественного числа

Частное категориальное значение множественного числа во французском языке можно выразить добавлением либо -s, либо -x, согласно определенным правилам. Тем не менее регулярно можно встретить следующие типы девиатов.

3.2.2.1. Использование окончания множественного числа s вместо x и наоборот

Réseaus (*réseaux*) [сети], *banlieux* (*banlieues*) [пригороды], *des loix* (*lois*) [законы]. Во втором случае, возможно, на выбор признака множественного числа

⁵⁶ Возможна и другая интерпретация данной ошибки – смешение слов *moyen* [средство] и *moyenne* [средняя статистическая].

повлияла орфографическая ошибка в этой словоформе, а именно пропуск немой конечной *e*: *banlieu* вместо *banlieue*, и множественное число было оформлено по аналогии с другими словами на *eu* (*un cheveu – des cheveux*), то есть правильно, если исходить из логики межъязычия респондента. Можно также предположить, что сработала аналогия с распространенными словами типа *mieux* [лучше], *vieux* [старый].

Очень интересна и легко объяснима (как следствие регрессивного морфологического уподобления), но редка следующая межъязыковая девиация, проявляющаяся в переносе графического облика глагольной флексии на существительное: *les spécialisent constatent* (*les spécialistes*) [специалисты констатируют].

3.2.2.2. Использование несуществующей формы множественного числа мужского рода прилагательных на *-al*

Девиат *spécials* (*spéciaux*) [специальные] очень частотен, и его следы заметны также в устной речи. Помимо этой, можно встретить и такие формы: *les moyens illégales* (*illégaux*) [нелегальные средства], *les produits légales* (*légaux*) [разрешенные продукты]. За исключением следующего примера *touts les contes mythiques et rurales* (*tous les contes mythiques et ruraux*) [все мифические и деревенские сказки], в котором (ошибочная) форма *touts* (см. ниже) указывает на мужской род, найденные контексты не позволяют решить вопрос о том, к какому роду относится данное существительное в межъязычии респондента. Но ошибочная форма *-ales* для множественного числа прилагательных встречается не только с такими существительными, традиционно (ошибочно) относимыми нашими респондентами к женскому роду (например: *côté*, *problème*), но также с такими, в которых, как в приведенных выше примерах, проблем в выборе категории рода бывает меньше (так, нам встретились всего два случая *produit* и *moyen* во множественном числе). Таким образом, девиат типа *les moyens illégales* (*illégaux*) [нелегальные средства] может быть следствием того, что: 1) существительное «*moyen*» (ошибочно) рассматривается респондентом как существительное женского рода; 2) респондент (ошибочно) считает, что окончанием множественного числа мужского рода прилагательных на *-al* является *-ales*. Можно предположить, что данный вариант окончания появляется в межъязычии при сформированном у некоторых респондентов «внутреннем» запре-

те написание *-als* в сочетании с (неправильной) привычкой говорить и слышать [al] в мужском роде даже во множественном числе. В результате наших бесед с респондентами, выяснилось, что если они прочно освоили правило образования множественного числа существительных, оканчивающихся на *-al* в виде *-aux*, в их межъязычии аналогичного правила для форм множественного числа прилагательных нет.

3.2.2.3. Использование несуществующих форм множественного числа неизменяемых существительных

Помимо *singularia* и *pluralia tantum*, во французском языке есть и неизменяемые существительные: их формы единственного или множественного числа выражается аналитически с помощью других средств (форм детерминатива, определений). Чаще всего речь идет о субстантивированных представителях других частей речи – инфинитивах, прилагательных, предлогах: *peser les pour et les contres* (*les pour et les contre*) [взвешивать все за и против]. Возможно, русским респондентам неизвестно, что такие формы – неизменяемые, и в межъязычии происходит генерализация общего правила образования множественного числа.

3.2.2.4. Использование несуществующих форм множественного числа составных существительных

Написание составных слов – большой вопрос французской орфографии. Ему непременно посвящена глава в справочниках о сложностях французского языка, он становится предметом обсуждения при подготовке всех проектов реформирования орфографии. Проблема слитного или раздельного написания была рассмотрена выше (см. п. 3.1.2.5), здесь же изложены сложности употребления данных существительных во множественном числе. Наличие формы множественного числа зависит от частеречного происхождения компонентов, из которых состоят такие слова, и от их синтаксической функции: *un coffre-fort, des coffres-forts* [сейф, букв. ‘ящик крепкий’]; *un chou-fleur, des choux-fleurs* [цветная капуста, букв. ‘капуста-цветок’]; но *un timbre-poste, des timbres-poste* [почтовая марка, букв. ‘марка почта’]; *un chasse-neige, des chasse-neige* [снегоуборочная машина, букв. ‘гоняет снег’]; *un garde-fou, des garde-fous* [ограда, букв. ‘охраняет-дурака / дураков’]; *un laissez-passer, des laissez-passer* [пропуск, букв. ‘дайте-пройти’].

Помимо примеров *les savoir-faires, ses savoirs-faires (savoir-faire)* [навыки, его навыки], нам не попадались другие девиантные случаи, но, учитывая сложность данной темы, отсутствие ошибок может быть объяснено тем, что респонденты избегают использовать составные существительные. Межъязычие респондентов не допускает в свои границы тот материал Я₂, который с трудом поддается соотнесению с Я₁. Составные существительные – трудный материал и в русском языке (далеко не все респонденты способны выбрать правильную форму из пары *диван-кровати / диваны-кровати*).

3.2.2.5. Использование несуществующих форм множественного числа некоторых детерминативов

Аналогично русскому эквиваленту указательное прилагательное *ce* [это] имеет во множественном числе только одну форму *ces* [эти], независимо от рода согласуемого прилагательного. Тем не менее, в межъязычии пробел в парадигме «восполняется» созданием для женского рода формы **cettes*: *pour cettes raisons (ces)* [по этим причинам], *cettes personnes ont peur (ces personnes)* [эти люди боятся]. Очевидно, данный девиат порожден внутриязыковыми причинами: он засвидетельствован и в речи других иностранцев, см.: *Cettes filles sont jolies (ces filles)* [эти девушки – красивые]⁵⁷.

Парадигма неопределенного прилагательного *tout* полная, но содержит некоторую иррегулярность: *tout / toute* для единственного числа, *tous / toutes* для множественного, с исчезновением конечной *-t* в мужской роде. Наши респонденты так же, как и другие иностранцы, «восстанавливают порядок» в парадигме: *touts les pays (tous)* [все страны], *touts les candidats (tous)* [все кандидаты]. Усиленное стремление к унификации, снятию всех исключений – отличительная черта межъязычия.

3.2.2.6. Неоправданное согласование по роду и числу причастия настоящего времени

В отличие от русских, французские причастия настоящего времени не изменяются в роде и числе, если они не употребляются вместо прилагательных в роли определения или в именной части сказуемого, ср.: *les enfants **fatigant** leur mère ont*

⁵⁷ Ошибка испаноговорящих студентов [Tome 2004].

été réprimandés [наказали детей, утомляющих свою маму], с одной стороны, и *se sont des enfants fatigants, les enfants qui ont été réprimandés sont fatigants* [это – утомительные дети, дети которых наказали – утомительные], с другой. В некоторых случаях, как в данном примере (глагол с инфинитивом, заканчивающийся на *-guer*) формы причастия настоящего времени и отглагольного прилагательного различаются орфографически: *fatigant* vs *fatigant*. В межъязычии применяются правила русского языка к французским причастиям, что и позволяет респондентам неоправданно изменять их по роду и числу, создавая тем самым несуществующие формы: *des jens désirants travailler (les gens désirant travailler)* [люди, желающие работать], *il n'y a pas de mouvements défendants les animaux (défendant les animaux)* [нет движений, защищающих животных], *la nicotine est une vraie drogue provoquante une dépendance psychologique (provoquant)* [никотин – настоящий наркотик, вызывающий физическую зависимость].

3.2.3. Девиантное употребление глагольных форм

Поскольку в спряжении французских глаголов корневое алломорфирование используется наряду с системой флексий, мы считаем, что девиации в написании глагольных корней следует рассматривать в этом подпункте, хотя можно было бы отнести их и к «лексическим» орфографическим.

Если подходить с формальной точки зрения, нужно разделить результаты девиаций в глагольном спряжении на словоформы: а) существующие (но неправильно использованные) в парадигме данного глагола; б) не существующие в парадигме данного глагола.

Согласно нашей классификации, девиаты первого типа должны быть рассмотрены среди функциональных. Однако особенность спряжения во французском языке приводит к более сложной типологии межъязыковых девиатов среди глагольных форм, и деление на формальные и функциональные следует проводить более осторожно. Мы различаем следующие девиантные типы.

3.2.3.1. Девиантное использование существующих форм

А. Использованная форма существует, но принадлежит спряжению другого – фонематически близкого – глагола: *les garçons s'y misent toujours au même âge (mettent)* [мальчики начинают всегда в одном и том же возрасте] – форма глагола

miser [ставить на карту] употреблена вместо формы глагола (*se*) *mettre à* [начинать]. Учитывая различные факторы (редкость глагола *miser*, сложность спряжения глагола *mettre*), мы считаем, что совпадение здесь случайное, и мы имеем дело с девиацией в спряжении глагола (девиантным корневым алломорфированием).

Б. Используемая форма существует, но для выражения другого временного значения или наклонения: *quand l'un des jumeaux est absent, l'autre ressentit son absence (ressent)* [когда один из близнецов отсутствует, другой ощущает его отсутствие]. Вместо формы настоящего времени глагола *ressentir* употреблена форма *passé simple*. Учитывая то, что *passé simple* практически не изучается активно, что в придаточном предложении глагол стоит в настоящем времени, и то, что глагол *ressentir* может вызывать сложности при спряжении, данную ошибку следует также расценить как девиацию в спряжении глагола. Рассмотрим также следующий пример: *il est nécessaire que tous les pays s'en servissent (s'en servent)* [необходимо, чтобы все страны им воспользовались]. Здесь использована практически исчезнувшая форма имперфекта субъюнктива, которая не изучается на уроках французского языка как иностранного. Собственно говоря, эту форму ошибочной считать нельзя – она правильно употреблена, но, скорее всего, тут имеет место случайное совпадение формы межъязычия с реально существующей.

Сильная девиация данного типа состоит в том, что глагол вообще не спрягается (стоит в инфинитиве или в форме причастия прошедшего времени): *l'enfant découvert pour soi l'école (découvre, découvert* – форма причастия прошедшего времени П₂ [ребенок открывает для себя школу], *les adolescents lire pour se détendre (lisent, lire* – форма инфинитива) [подростки читают, чтобы отдохнуть].

В. Данная форма существует, принадлежит парадигме нужного времени, но окончание не координирует с подлежащим. Здесь следует различать: 1) смешение форм третьего лица единственного и форм множественного числа (этот довольно распространенный тип девиаций, скорее всего, является функциональным); 2) смешение других форм. Смешиваются:

▪ окончания первого лица и третьего (*ds* или *ts # d* или *t, x # t*, гласная # *t*): *on peux (peut)* [можно], *la France rends (rend)* [Франция возвращает], *il y aurai (aurait)* [было бы];

▪ окончания первого лица и третьего лица во множественном числе будущего времени: ***nous arriveront*** (*arriverons*) [мы приедем].

Поскольку перечисленные формы – омофоны, можно расценивать данные девиаты и как орфографические (неправильное написание немых букв в конце слов) и как грамматические (незнание парадигм спряжения глаголов).

3.2.3.2. Использование несуществующих глагольных формы

Среди таких форм могут быть звучащие как правильно, так и неправильно.

А. Правильно звучащие:

- с результатами смешения парадигм, в частности - форм трех первых лиц спряжений (*s-s-t* вместо *e-es-e* или наоборот): ***il ne garantie pas*** (*garantit*) [он не гарантирует], ***'chasser' signifie chercher très activement*** (*signifie*) [слово *chasser* означает 'искать активно'];

- с отсутствующими или девиантными окончаниями третьего лица: ***prétenden*** (*prétendent*) [претендуют], ***le parti qui défent*** (*défend*) [партия, которая защищает], ***includ*** (*inclut*) [включает];

- с лишним или отсутствующим (реже) немой *e* в корневых алломорфах форм будущего времени: ***permettera*** (*permettra*) [позволит], ***tout les acquis du XX siècle restront*** (*resteront*) [все достижения XX века останутся];

- с несуществующими окончаниями: ***il faut que chaque invalide aye le PC*** (*ait*) [нужно, чтобы каждый инвалид имел свой компьютер], ***essaient*** (*essaient*) [пытаются], ***ils étaient*** (*étaient*) [они были].

Б. «Почти правильно» звучащие формы. С учетом особенностей речи носителей русского языка и их акцентных девиаций можно считать «правильно звучащими» следующие формы: ***respect les recommandations*** (*respecte*) [уважает рекомендации], ***la suivie doit être améliorer*** (*le suivi doit être amélioré*) [должен быть улучшен], ***aid de gagner l'information véritable*** (*aider à obtenir l'information véritable*) [способствует получению правдивой информации].

В. Небольшие изменения в корне приводят к тому, что глагол (ошибочно) спрягается по другому типу спряжения. Девиации проявляются в неправильном выборе окончаний: ***la Mairie de Paris financie*** (*finance*) [Мэрия Парижа финансирует], ***on***

montre sa culture et l'enriche (*enrichit*) [показывают свою культуру и обогащают ее], *réunient* (*réunissent*) [собирают].

Возможен и девиат из-за игнорирования исключений: *vous n'êtez pas beau* (*vous n'êtes*) [вы некрасивы].

Г. Несуществующие личные формы. Такие межъязыковые девиаты напоминают образцы детской речи франкофонов и вызваны неправильным выбором корневого алломорфа: *recevoient* (*reçoivent*) [получают], *il faut que les sites soient accessibles* (*soient*) [нужно, чтобы эти сайты были доступны инвалидам], *les enfants, qui naient chaque année* (*naissent*) [дети, которые рождаются каждый год]. Никогда не существовавшие окончания встречаются редко: *au cas où ils ne pourraient pas leur aider* (*pourraient pas les aider*) [в том случае, если они совершенно не могли бы им помочь], межъязычие старается использовать флективный репертуар языка-цели.

Д. Несуществующие формы причастий прошедшего времени: *fournises* (*fournies*) [предоставленные], *corrumpés* (*corrompu*) [испорченные]. Поскольку глаголы на *-er* и формы причастия на *-é* самые частотные, не удивительно, что респонденты стремятся образовать причастия других глаголов по этому образцу, как видно во втором примере.

3.2.4. Девиантное употребление артиклей

Формальных девиаций с артиклями немного – это девиации в употреблении стяженных форм артиклей: *l'explication orale de les signes graphiques* (*des signes*) [устное объяснение графических знаков], *les changements liés à les révolutions industrielles* (*aux*) [изменения, связанные с промышленной революцией], *Quant à les gens qui ont le travail physique* (*quant aux gens*) [что касается людей у которых труд – физический]. Отклонения такого типа встречаются и в употреблении относительных местоимений, в которые артикль входит как составная часть: *à l'aide de lesquels* (*desquels*) [с помощью которых].

3.3. Формальная девиация в кругу нецельноформленных единиц

Рассмотрим результаты девиантного образования временных форм с помощью вспомогательного глагола и девиантной формы так называемого *locution* [выражения] – нецельноформленного предлога, союза или наречия. К формальному типу девиатов относятся и искаженные фразеологические единицы.

В межъязычии респондентов особое место занимает возвратное составное местоимение *lui-même*, заменяемое на несуществующее *bien qu'ils-mêmes trouvent souvent l'orthographe assez difficile (bien qu'eux-mêmes trouvent)* [хотя сами они находят орфографию достаточно сложной]. Причина девиации следующая. Хотя местоимение женского рода множественного числа *elles* может употребляться как рядом с глаголом, так и обособленно, для мужского рода существуют две формы: *ils* и *eux* (форма *ils* – только прилагательная). Поскольку подобной «двойной» системы в русском языке нет, в межъязычии респондентов возникает тенденция нейтрализовать эту «двойственность» в пользу более частотного прилагательного местоимения.

Однако отмечаются случаи девиантного рассогласования между частями этого составного возвратного местоимения во множественном числе: *ils ne trouvent pas de réponses aux questions éternelles sur eux-même (sur eux-mêmes)* [они не находят ответов на вопросы о самих себе].

3.3.1. Девиации в образовании сложных глагольных времен

3.3.1.1. Девиантное употребление инфинитива вместо причастия прошедшего времени в формах прошедшего времени и в пассиве глаголов на -er

Данная девиация, рассматриваемая французами как орфографическая, является одной из самых распространенных у пишущих франкофонов. Некоторые исследователи считают, что ее допускает каждый второй француз, она встречается регулярно даже в письмах очень грамотных людей, профессионалов пера. Однако для межъязычия русскоговорящих респондентов она не характерна и составляет менее 1 % отклонений: *ils ont commencer à travailler à l'âge de 14 ans (commencé)* [они начали работать в 14 лет].

Пассивная форма дается респондентам с большим трудом, чем форма прошедшего времени: *tout appareil peut être contrôler (contrôlé)* [каждый прибор должен быть проверен]. Другими проблемными формами являются формы инфинитива прошедшего времени: *après avoir passer ces examens (avoir passé)* [после того, как эти экзамены сданы]. Поскольку у русского инфинитива нет временных форм, такая форма французского инфинитива может казаться странной: как и любая «сложная» временная форма (например, passé composé, plus-que-parfait, futur antérieur),

она состоит из вспомогательного глагола в требуемой форме – здесь в инфинитиве – и из причастия прошедшего времени, ср.: *j'ai mangé / avoir mangé* [я поел / есть]. Но русскоязычный пишущий, зная, что после союза *après* требуется инфинитив, заменяет причастие инфинитивом и во второй части словоформы.

Аналогичная проблема возникает с употреблением причастия на *-ant*: ***ayant passer cet examen (ayant passé)*** [сдав этот экзамен].

В отличие от французов, носитель русского языка допускает смешение инфинитива и причастия не только с глаголами на *-er*, но и с глаголами других спряжений, у которых формы инфинитива и причастия прошедшего времени не омофоничны: ***la politique menée envers les étudiants aurait nuire (nuir)*** [политика по отношению к студентам была бы вредна], ***elle sera introduire (elle sera introduite)*** [она будет введена].

Случается, что форма инфинитива заменяется на причастие тогда, когда последнее – не предикат, а выполняет атрибутивную функцию: ***utilisent un langage simplifier (simplifié)*** [используют упрощенный язык], ***représentent le phénomène compliquer (compliqué)*** [представляют сложное явление]. Последний случай может, конечно же, быть рассмотрен и как простая орфографическая ошибка.

Если в пассиве или в сложных формах прошедшего времени спрягаемая форма глагола – причастие прошедшего времени, в «ближайшем будущем» должен быть инфинитив. В традиционных грамматиках данное время не является официально признанным, однако в грамматиках французского языка как иностранного оно рассматривается наряду с «ближайшим прошлым» как регулярная временная форма. И. А. Мельчук считает, что можно исключить форму ближайшего времени из состава аналитических форм французского глагола и приводит для этого следующее наблюдение: *futur simple* невозможно после союза *si* в условных придаточных предложениях, тогда когда высказывание *si tu vas lire ce livre* возможно [Мельчук 1997: 348]. На наш взгляд, наоборот, данное выражение возможно только в том случае, если оно действительно означает движение 'если ты пойдешь читать эту книгу'. В значении будущего 'если ты прочтешь эту книгу' данное высказывание недопустимо. И именно на этом основании мы оставим форму будущего времени среди аналитических форм глагола во французском языке. Впрочем, девиатов, вы-

званных заменой инфинитива причастием, в нашем корпусе – единицы: *il va consacré (consacrer)* [он посвятит].

3.3.1.2. Смещение вспомогательных глаголов в сложных прошедших временах

По нашим наблюдениям, девиатов, вызванных неправильным выбором вспомогательного глагола *avoir* или *être*, существенно больше в устной речи респондентов, чем в письменной, особенно на начальных этапах обучения. Межъязычие русских респондентов легко включает правила употребления этих глаголов, хотя девиации и возможны в некоторых случаях.

Avoir # *être* (2/3 девиатов этого типа): *l'autre homme a devenu la person riche (est devenu une personne)* [другой человек стал богатым], *Santos a arrivé de Manille (est arrivé)* [Сантос приехал из Манилы], *la semaine de 6 jours a devenu la semaine de 5 jours (est devenue)* [шестидневная рабочая неделя стала пятидневной].

Être # *avoir*: *les ouvriers sont commencé à protéger (ont commencé à protéger)* [рабочие начали защищать], *ces transformations sont donné la place (ont donné la place)* [эти превращения дали место].

Особые трудности представляет форма прошедшего времени глагола *être*, которая спрягается с помощью вспомогательного глагола *avoir*: *qui sont été utilisés (qui ont été utilisés)* [которые были использованы], *leurs status sont changé aussi (leurs statuts ont changé aussi)* [их статус изменился тоже]. С учетом того факта, что респонденты очень часто смешивают глаголы *changer* и *se changer*, в данном примере возможен также и результат залоговой девиации.

3.3.1.3. Неправильный выбор вспомогательного глагола в страдательном залоге

Страдательный залог редко заменяется действительным в настоящем времени, что выражается в пропуске вспомогательного глагола: *le livre lie avec les nouveles technologies (le livre est lié aux nouvelles technologies)* [книга связана с новыми технологиями]. Чаще вспомогательный глагол *être* заменяется на *avoir*: *les magazines ont orientés (les magazines sont orientés)* [журналы адресованы]. Таким образом, создается впечатление, что смешиваются настоящее время страдательного залога и прошедшее (*passé composé*) действительного. Только по аналогии с предыдущими

случаями можно понять следующую ошибку: *l'information n'a pas accessible aux handicapés (n'est pas accessible)* [информация недоступна инвалидам]. Именно исходя из русского текста (и соответственно из внутренней речи респондента, который, как мы знаем, часто занимается автопереводом) можно понять, что здесь были смешаны краткая форма прилагательного в функции именной части сложного сказуемого [информация недоступна] и страдательный залог. Затем респондент перевел страдательный залог с помощью конструкции *cop + adj: n'est pas accessible*, допустив при этом ошибочную замену вспомогательного глагола *être* на *avoir*.

В целом, замена вспомогательных глаголов не очень распространенная девиация (0,2 % из всех типов).

3.3.2. Девиации в образовании других аналитических форм

Чаще всего девиация выражается в том, что пропущен или добавлен артикль, например в оформлении превосходной степени: *le moyen plus efficace (le plus efficace)* [самое эффективное средство].

3.3.2.1. Девиации в построении адвербиальных выражений

Наряду с простыми наречиями, во французском языке существуют так называемые адвербиальные выражения (*locution adverbiale*). Как отмечалось выше, деривационные средства французского языка не очень активны и нельзя образовать наречие от любого прилагательного. Поэтому характеристики, присущие наречиям, выражаются с помощью устойчивых словосочетаний, которые утрачивают таким образом свою частеречную принадлежность и переходят в разряд наречий. Поскольку адвербиальные выражения строятся по следующим схемам: 1) предлог + прилагательное; 2) предлог + числительное; 3) предлог + существительное (с / без артикля); 4) предлог + инфинитив; 5) прилагательное + существительное [Гак 2004: 423], то девиации могут возникнуть в любом из звеньев этой цепочки: неправильно выбран предлог или существительное, артикль отсутствует или лишний. Кроме того, они могут сочетаться друг с другом:

- девиантный выбор предлога: *devenir internautes à plein droit (de plein droit)* [стать полноправными пользователями интернета], *être en chômage (au chômage)* [быть безработным], *cinq examens dont trois de choix (au choix)* [пять экзаменов, из

которых три по выбору], ***en sens professionnel (au sens professionnel)*** [в профессиональном смысле];

- девиантный выбор существительного: ***par conséquence (par conséquent)*** [следовательно], ***de l'autre côté (d'autre part)*** [с другой стороны], ***d'une partie (d'une part)*** [со одной стороны], ***en générale (en général)*** [в целом]. Два последних примера очень часто повторяются, поэтому мы не считаем их случайными орфографическими девиатами;

- девиантное употребление артиклей. Артикль может быть лишним: ***à l'autre part (d'autre part)*** [с другой стороны], ***il y a des écrivains de l'origine russe (d'origine)*** [есть писатели русского происхождения], ***le chat est la communication à la distance (à distance)*** [чат – общение на расстояние]. В других устойчивых адвербиальных выражениях артикль может неоправданно отсутствовать: ***3 examens à choix (au choix)*** [три экзамена на выбор].

3.3.2.2. Девиации в построении предложных выражений

Во французском языке существуют около 100 так называемых предложных выражений (locutions prépositionnelles) [Там же: 430], компонуемых по следующим образцам: 1) предлог + существительное + предлог; 2) существительное + предлог; 3) предлог + существительное; 4) прилагательное + предлог; 5) наречие + предлог; 6) предлог + наречие; 7) глагольные формы (причастные обороты); 7) предлог + предлог. Аналогичным образом строятся союзные выражения (locution conjonctives). Девиации касаются чаще всего предложных выражений, имеющих структуру ***Prep1 + N + Prep2***, и могут возникнуть в любом из компонентов.

Девиации в первом предлоге: предлог может быть заменен другим: ***elle veut instaurer l'accord au plan académique comme politique (sur le plan)*** [она хочет установить договоренность в академическом плане], ***à l'opinion de Claude Hagège (selon l'opinion de C. H. / selon C. H.)*** [по мнению Клода Ажежа]. Первый предлог может также отсутствовать: ***ces utilisateurs rencontrent dehors de l'espace virtuel (en dehors de)*** [эти пользователи встречаются вне виртуального пространства].

Девиации во втором предлоге. Аналогичным образом второй предлог может быть заменен другим: ***le potentiel d'absorption n'est pas suffisant face des dimensions***

(*face aux*) [адсорбирующий потенциал не достаточен *перед размерами], *en conformité de ce protocole (en conformité avec)* [согласно этому протоколу].

Второй предлог может также быть неоправданно опущен: *à propos le congrès ont apparu les petits slogans (à propos du)* [маленькие лозунги появились по поводу конгресса], или лишним: *des enfants né hors de mariage (hors mariage)* [рожденные вне брака дети], *malgrès du chômage (malgré le chômage)* [несмотря на безработицу].

Неоправданное наличие или пропуск артикля в предложном выражении:

а) артикль пропущен: *à titre des conditions du travail (au titre)* [в качестве условий труда], *de point de vue de la nature (du point de vue)* [с точки зрения природы];

б) артикль лишний: *le service après-vente qui doit être rendu au cas de la panne (en cas de panne)* [обслуживание, которое должно быть оказано в случае поломки], *au cause de l'augmentation (à cause de)* [из-за повышения].

Отметим, что все проблемы с артиклями связаны со стяженными формами предлог + артикль (например *au, du*).

Девиантный выбор существительного: *on applique des efforts en manière de la formation (en matière de)* [прилагают большие усилия в области образования]. Данный тип девиаций более редкий.

Существительное может быть правильно выбрано, но его форма числа ошибочна: *dans les buts pour attirer des étudiants des différentes origines du monde (dans le but d'attirer)* [для того, чтобы привлечь студентов со всех концов света].

3.3.3. Девиации в воспроизведении устойчивых выражений

Объектом данного рассмотрения станут правильные с точки зрения морфологии и синтаксиса словосочетания, использованные вместо устойчивых единиц (идиом). С формальной точки зрения, при воспроизведении устойчивых выражений возможны следующие девиации: неправильный выбор детерминативов или неправильный выбор значимых единиц (глаголов или существительных).

3.3.3.1. Девиантное присутствие / отсутствие детерминатива

Французские устойчивые выражения могут отличаться от свободных словосочетаний с детерминативом, поскольку в них возможны нулевой детерминатив и его определенная форма. Девиации возникают, если:

- детерминатив (в том числе посессив) лишний – *la meilleure possibilité pour faire ma connaissance avec la culture et la civilisation française (faire connaissance)* [наилучший способ ознакомиться с французской культурой и цивилизацией], *il a pour son but de simplifier (a pour but de)* [его цель в том, чтобы упростить], *de faire la carrière (faire carrière)* [преуспеть, делать карьеру], *certain auteurs français prêtent leur attention aux problèmes de la Russie contemporaine (prêtent attention)* [некоторые французские авторы обращают внимание на проблемы современной России];

- детерминатив выбран неправильно – *gagner la vie (gagner sa vie)* [заработать на жизнь], имеется довольно большой выбор подобных устойчивых выражений, например: *avoir tendance à, donner accès à, donner naissance à* и т. д.;

- детерминатив отсутствует – *la France fera tout possible pour que (fera tout son possible)* [Франция сделает все возможное, чтобы...].

Девиации в выборе артикля – частая проблема межъязычия русскоговорящих респондентов. В данном случае артикль практически не мотивирован, что осложняет запоминание. Во всех приведенных примерах девиантный детерминатив разрушает устойчивое выражение, которое либо становится просто аграмматичным (*fera tout possible, a pour son but*), либо теряет фразеологическое единство и превращается в свободное словосочетание: поскольку *prêter quelque chose* означает ‘одалживать что-то’, выражение *certain auteurs français prêtent leur attention* означает ‘некоторые французские авторы одалживают свое внимание проблемам’, что не имеет никакого смысла. Данные девиаты скорее всего возникли в результате «обратного калькирования»: респондент переводит на французский выражение, ранее возникшее в русском языке в результате кальки с французского.

3.3.3.2. Девиантный выбор значимой единицы

Отличительная черта этих устойчивых выражений в том, что глагол не несет смысловой нагрузки – можно было бы сказать, что он – скорее полузнаменательная, чем знаменательная единица языка. В основном это глаголы *être, avoir, faire*, которые часто смешиваются: *ils sont peur (ils ont peur)* [они боятся], *les étudiants venus de l'étranger sont face à certaines difficultés (font face)* [иностранцы сталкиваются с некоторыми трудностями].

Могут быть и другие девиации в выборе глагольной лексемы: *faire part dans la vie social de la paye (prendre part à la vie sociale du pays)* [принимать участие в социальной жизни страны], *les lieux de culte laissent à vouloir à cause de leur état pas satisfaisant (laissent à désirer)* [места отправления культа оставляют желать лучшего из-за их неудовлетворительного состояния], *la jeune génération est conduite à bout (poussée à bout)* [молодое поколение доведено до крайности].

Как видно из последних примеров, девиация возникла из-за неправильного выбора синонимичного глагола (*vouloir / désirer* – хотеть / желать, *conduire / mener* – приводить). Скорее всего, это произошло из-за того, что респондент восстанавливал устойчивое выражение, скалькировав его с русского выражения – галлицизма по происхождению, но не знал, какой именно глагол участвовал в его образовании в языке-источнике. Аналогичным образом возможны разрушения устойчивых выражений из-за девиантного выбора существительного: *l'espérance fait vivre (l'espoir)* [надеждой живут] – пословица, русский эквивалент которой – ‘надежда умирает последней’, *est en train de transformation aujourd'hui (en train de se transformer)* [находится в процессе изменения сегодня], где вместо существительного должен стоять глагол. Наконец, существительное может быть правильно выбрано, но с ошибочной формой. В следующих примерах форма множественного числа ошибочно использована вместо единственного: *ils auront peurs (peur)* [им будет страшно], *par exemples (exemple)* [например], *œuvres qui font parties du programme (font partie)* [произведения, которые включены в программу], *il faut prendre en considérations (considération)* [нужно принять во внимание].

3.3.3.3. Контаминация двух идиом

В межъязычии, как в Я₁ и Я₂, возможна контаминация двух устойчивых выражений: *l'effort tombe en échec (tombe en ruine + va à l'échec)* [усилия пропадают втуне], *en un coup d'œil (en un clin d'oeil + jeter un coup d'oeil)* [в мгновение ока], *savoir beaucoup d'information sur (savoir beaucoup + avoir beaucoup d'information)* [знать много информации о], *la question de la protection des animaux des tests laboratoires est soulevée (la question de la protection des animaux + protéger les animaux des tests en laboratoire)* [был поднят вопрос о защите животных от лабораторных тестов]. Как известно, смешение двух идиом часто используется для созда-

ния комического эффекта, однако мы сомневаемся, что таковым было намерение респондентов. Контаминация идиом относится к разряду распространенных русских речевых ошибок (*играть значение, иметь роль* и др.)

3.4. Выводы

Как и все девиации межъязычия, рассматриваемые в данной работе, формальные являются результатом реализации влияния Я₁ или Я_н, то есть следствием интерферирования. Так, в области грамматики внутриязыковыми причинами объясняется появление девиантных форм *plusieurs, cettes, touts*, множественного числа прилагательных на - *als*, многих глагольных форм, а в области лексики – недопустимость тех или иных окказионализмов, созданных по правилам французского словообразования, но не существующих из-за замкнутого характера французского словаря.

В некоторых случаях влияние Я₁ может быть положительным – явление, известное в психологии и психолингвистике как фацилитация. Ее очень сложно выявить, поскольку нужно судить не по девиатам, а по их отсутствию. Именно фацилитацией, на наш взгляд, объясняется небольшое количество девиатов типа «инфинитив вместо причастия прошедшего времени».

ГЛАВА 4. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Основы типологии функциональных девиаций межъязычия

Для изложения результатов проведенного сопоставления фактов межъязычия респондентов с фактами Я₁ и Я₂, «классические» грамматические модели языка не подходят. В этой части диссертационного исследования межъязыковые девиации распределены по категориям, которые можно было бы условно назвать «функциональными». Как известно, функциональная грамматика рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, объединенные на основе общности их семантических функций [Бондарко 1987: 6]. Такой подход к изложению материала оправдан еще и тем, что он совпадает с принципом изложения учебного материала в большинстве французских учебников французского языка как иностранного (серии *Le Nouveau Sans Frontières*, *Panorama*, *Champion*, *Campus* издательства *CLE international* или аналогичные серии других издательств), что оказывает большое влияние на формирование синтагматики межъязычия. Действительно, начиная с третьих томов этих серий учебников, теоретический материал, считающийся к этому времени освоенным, систематизирован по таким рубрикам, как «выражение причинных отношений», «выражение противопоставления» и т. п. В одних и тех же разделах представлены как лексические, так и грамматические (морфологические и синтаксические) средства выражения данных категорий. Были установлены следующие категории, выражающие :

- родовые отношения;
- количественные отношения;
- градуированный признак и компаративность;
- определенность / неопределенность, партитивность;
- залоговые (в том числе каузальные отношения), темпоральные и модальные отношения;
- транзитивные отношения.

Кроме этого, функциональные девиации встречаются в случаях выражения анафорических отношений, отрицания, вопроса. Отдельно будут рассмотрены ошибки в употреблении порядка слов, а также пунктуационные ошибки.

Предложенная система сопоставима с системой функционально-семантических полей (ФСП) в русском языке, как она представлена в теоретических исследованиях А. В. Бондарко [1984: 60–61; и др.].

1. Группировка полей с акциональным (предикативным) ядром:

1а – аспектуально-темпоральные отношения (аспектуальность, темпоральность, таксис);

1б – модальность, бытийность, поле состояния (пересекающиеся с аспектуальностью);

1в – акционально-субъектные и акционально-объектные отношения: (пересекающиеся с полями с предметным ядром), залоговость (активность / пассивность и транзитивность / интранзитивность, рефлексивность, взаимность и т. п.), персональность.

2. Группировка полей с предметным ядром: субъективность / объективность (пересекающиеся с залоговостью и с персональностью), одушевленность / неодушевленность, определенность / неопределенность (пересекающиеся с качественностью и количественностью).

3. Группировка полей с качественно / количественным (атрибутивным) ядром: качественность, количественность признаков, субстанций, действий; компаративность, поссессивность.

4. Группировка полей с обстоятельственным ядром: выражение причины, следствия, цели, уступки, условия, сравнения, локативности, обстоятельственный аспект темпоральности, противительные и разделительные отношения.

Тот факт, что среди ФСП русского языка, в отличие от французского, поле выражения родовых отношений не выделено, объясняется тем, что это специфический аспект французского языка, являющийся источником большого количества межъязыковых девиаций у всех иностранцев. Рассмотрение типологии функциональных девиатов в нашей диссертации начнется с категории рода.

4.2. Девиации в выражении грамматических значений

4.2.1. Девиантное выражение родовых значений

Известно, что, овладевая французским языком, иностранцы регулярно создают в своем межъязычии родовые девиаты, поскольку род французских неодушевленных существительных семантически не мотивирован и практически не имеет формальных показателей. По этой внутриязыковой причине даже франкофоны могут не знать, какого рода новое, неизвестное им существительное⁵⁸, однако этой категорией охвачены все существительные, в том числе и те, что употребляются в форме множественного числа. О том, что межъязычие иностранца содержит родовые девиаты в разряде субстантивов, можно судить по аналитическим средствам: по ошибочному выбору артикля или другого детерминатива, по форме прилагательного или причастия, определяющих данное существительное, и, в редких случаях, по орфографическому облику слова (если существительное – субстантивированное причастие или прилагательное типа *un handicapé* [инвалид] или *une moyenne* [усредненная оценка]). Однако не все детерминативы однозначно указывают на род существительного (например формы *l', les, quelque* на род не указывают), и не все прилагательные изменяются по родам: форма мужского и женского рода совпадает у прилагательных, заканчивающихся на *-e*, по звучанию эти формы совпадают и у прилагательных на *-al* и *-el*⁵⁹.

В некоторых случаях, например тогда, когда девиантны только формы прилагательного, можно сомневаться, что это вызвано девиацией в роде существительного: возможно, респондент знал, какого оно рода, но забыл согласовать прилагательное⁶⁰. Иногда межъязычие диктует отказ от согласования местоимения даже там, где нет сомнений, что существительное женского рода, например: *je ne suis pas sûre (sûre)* [я не уверена – в прямой речи девушки] или *elle est présentée (présentée)* [она представлена]. Однако, если можно говорить об отказе от согласо-

⁵⁸ В учебниках и справочниках, нацеленных на исправление речевых девиатов французов, всегда есть специальный раздел, посвященный определению рода малоизвестных существительных [См. например: Carélovici 1999: 200; Thomas 1971:186–188].

⁵⁹ Даже при анализе письменной речи нельзя забывать о том, что пишущий мысленно проговаривает то, что пишет, поэтому омофонические формы могут легко смешиваться.

⁶⁰ По нашим данным, этот тип ошибок встречается чаще в межъязычии тех респондентов, для которых французский язык – второй иностранный после английского, где, как известно, прилагательные не изменяются. Такие респонденты также забывают о множественном числе прилагательных.

вания, когда речь идет о замене формы женского рода на форму мужского, отличающуюся от нее немаркированностью, это вряд ли будет справедливо по отношению к ошибочным формам женского рода: добавление буквы *e* – действие осознанное.

Приведем обзор всех типов родовых девиатов и постараемся ответить на вопрос, действительно ли род существительного Я₁ влияет на их возникновение.

4.2.1.1. Родовые девиаты существительных

Единственное указание на девиат – неправильный артикль

Особенно часто встречаются:

М # Ж: ***un question*** (*une question*) [вопрос], ***le loi*** (*la loi*) [закон];

Ж # М: ***la côté*** (*le côté*) [сторона], ***la site*** (*le site*) [местность, или сайт].

Существительное может сопровождаться неизменяемым в роде прилагательным:

М # Ж: ***le troisième période*** (*la troisième période*) [третий период], ***un autre vertu*** (*une autre vertu*) [другое качество];

Ж # М: ***la deuxième problème*** (*le deuxième problème*) [вторая проблема].

Существительное может сопровождаться неизменяемым на слух прилагательным:

М # Ж: ***le trahison réel*** (*la trahison réelle*) [реальная измена], ***du crise moral*** (*de la crise morale*) [морального кризиса];

Ж # М: ***la but principale*** (*le but principal*) [главная цель], ***une emploi liée*** (*un emploi lié*) [работа, связанная с...].

Вместо артикля может быть другой (девиантный) детерминатив:

М # Ж: ***cet question*** (*cette question*) [этот вопрос]. Форма *cet* – мужского рода, употребляется перед гласной (здесь ее применение не оправданно), но созвучна форме женского рода *cette*. На слух данное высказывание правильно.

Форма *son* – притяжательное прилагательное мужского рода или женского перед гласной: ***son soif*** (*sa soif*) [его жажда], ***son propre adolescence*** (*sa propre adolescence*) [его отрочество], при этом форма *son adolescence* была бы абсолютно правильной. Здесь же перед согласной *son* – форма мужского рода, поэтому она неправильна.

Ж # М: *de sa côté (de son côté)* [с его стороны], *aucune risque (aucun risque)* [ни-какого риска], *telle où telle diplôme (tel ou tel diplôme)* [тот или иной диплом], *cette système (ce système)* [эта система], *cet point de vue (ce point de vue)* [эта точка зрения]. Здесь употреблена форма *cet* мужского рода вместо *ce*. Данная форма используется перед словами мужского рода, начинающимися с гласной. Форма *cet* созвучна форме *cette* женского рода.

Единственное указание на родовой девиат – форма прилагательного или причастия

Возможны следующие ситуации.

Артикль отсутствует (опускание артикля может быть оправданно или нет, что является совершенно другим типом девиаций):

М # Ж: *nouveau identité (nouvelle identité)* [новая личность];

Ж # М: *japon pays traditionnelle orientale (le Japon, pays traditionnel oriental)* [Япония – традиционная восточная страна].

Употребляется усеченная форма артикля *l'* или *d'*:

М # Ж: *l'ambiance malsain (l'ambiance malsaine)* [нездоровая атмосфера], *d'influence particulier (d'influence particulière)* [особое влияние], *l'expérience réel (l'expérience réelle)* [реальный опыт], *l'organisation de travail sera plus compliqué (l'organisation... compliquée)* [организация работы будет более сложной];

Ж # М: *l'équipement pour ces gens est assez coûteuse (coûteux)* [для людей оборудование достаточно дорого].

При других детерминативах:

М # Ж: *quelque expérience professionnel (professionnelle)* [некий профессиональный опыт], *chaque personne est observé et contrôlé (observée et contrôlée)* [за любым человеком следят, за ним наблюдают];

Ж # М: *notre système éducative idéale (notre système éducatif idéal)* [наша идеальная воспитательная система].

Отметим сочетание второго и третьего типа девиатов, когда на род ошибочно указывают и артикль и прилагательное:

М # Ж: **le grand classe** (*la grande classe*) [большой класс], **le nouveau loi** (*la nouvelle loi*) [новый закон], **le classe ouvrier devient majeur** (*la classe ouvrière devient majeure*) [рабочий класс стал взрослым];

Ж # М: **une grande problème** (*un grand problème*) [большая проблема], **la facteur humaine** (*le facteur humain*) [человеческий фактор].

Родовые девиаты в форме множественного числа

На неправильно выбранный род могут указывать детерминативы и прилагательные. Возможны следующие случаи.

Детерминатив ошибочно указывает на род:

М # Ж: **certaines limites** (*certaines limites*) [некоторые ограничения], **des certaines catégories** (*certaines catégories*) [некоторые категории], **tous les tendances... tels que** (*toutes les tendances, telles que*) [все тенденции, такие как], **tous les sources** (*toutes les sources*) [все источники];

Ж # М: **toutes ces terrains** (*tous ces terrains*) [все эти участки].

Детерминатив + прилагательное, которое не выражает род (на письме или только устно):

М # Ж: **certaines stars politiques** (*certaines stars politiques*) [некоторые политические звезды], **tous les donnés professionnels** (*toutes les données professionnelles*) [все профессиональные данные];

Ж # М: **lycées professionnelles** (*lycées professionnels*) [профессиональные лицеи], **ses concours annuelles** (*ses concours annuels*) [его ежегодные конкурсы].

Детерминативы на род не указывают, используются прилагательные мужского рода. Заметим, что это очень распространенный тип девиатов:

М # Ж: **ses affaires importants** (*ses affaires importantes*) [его важные дела], **leurs façons particuliers** (*leurs façons particulières*) [особые манеры], **les compagnies publics** (*les compagnies publiques*) [публичные кампании], **qui ont différents positions** (... *différentes positions*) [которые имеют разные позиции], **les forêts tropical** (*les forêts tropicales*) [тропические леса], **les derniers années** (*les dernières années*) [последние годы].

Ж # М: *les côtés positives et négatifs* (*les côtés positifs et négatifs*) [положительные и отрицательные стороны⁶¹].

В межъязычии возможно сочетание правильных и девиантных родовых форм прилагательных, причем чем ближе прилагательное к определяемому существительному, тем чаще оно оформлено правильно:

М # Ж: *les personnes âgées français en retraite* (... *françaises*) [французские пожилые люди на пенсии], *de différentes couches social* (... *sociales*) [из различных социальных групп]⁶².

Девиантное согласование по роду

Под девиантным согласованием мы понимаем синтаксическую связь между компонентами межъязычия, при которой род существительного, выраженный артиклем (детерминативом), не соответствует роду прилагательного (причастия), соотношенного с этим существительным и используемого в функции определения, в именной части сказуемого, в пассивной форме или в позиции, когда существительное заменяется впоследствии местоимением.

Сравним: *une emploi liée* (*un emploi lié*) [работа, связанная с...] и *le gouvernement française* (*le gouvernement français*) [французское правительство]. В первом случае респондент ошибся в роде существительного (женский вместо мужского), и девиация проявилась в выборе формы артикля и прилагательного. В втором же случае респондент правильно указал род существительного, и девиация заключена в том, что он не изменил форму прилагательного в соответствии с этим родом. Этот случай мы и относим к девиантному согласованию. В межъязычии встречаются следующие его разновидности.

Формы М и Ж прилагательного омофоничны:

М # Ж: *la politique est destiné* (*destinée*) [политика предназначена], *la société civil* (*civile*) [гражданское общество], *la durée de travail est diminué* (*diminuée*) [длительность рабочего дня сокращена], *elle est présenté* (*présentée*) [она представлена]. Поскольку пропуск немой *e* в конце слова не приводит к изменениям в его звучании,

⁶¹ Данное – ошибочное – выражение встретилось в нашей картотеке более 10 раз.

⁶² В данном примере отсутствует всякое согласование последнего слова – и в роде, и в числе.

можно предположить, что, скорее всего, здесь орфографический девиат (а не ошибка в употреблении рода существительного);

Ж # М: *le langage orale* (*oral*) [устная речь], *le secteur publique* (*public*) [общественный сектор], *le prix d'équipement élevée* (*élevé*) [высокая цена], *le besoin de lire est provoquée* (*provoqué*) [желание читать спровоцировано]. Этот случай, хотя звуковой образ слова не изменен и буква *e* добавлена, уже труднее рассматривать как орфографический девиат.

Звуковой облик слова искажен:

М # Ж: *une violence agressif* (*agressive*) [агрессивная жестокость], *une entreprise français* (*française*) [французское предприятие], *la vie quotidienne paraît gris* (*grise*) [ежедневная жизнь кажется серой];

Ж # М: *le gouvernement française* (*français*) [французское правительство], *cet article a été écrite* (*écrit*) [данная статья была написана].

Изредка в межъязычии отмечается девиантное употребление артикля при правильном прилагательном:

М # Ж: *un relation extraconjugale* (*une relation extraconjugale*) [внебрачная связь], *le nouvelle stratégie* (*la nouvelle stratégie*) [новая стратегия];

Ж # М: *le système... considéré comme l'une des meilleurs* (*un des meilleurs*) [система... рассматривается как одна из лучших], *la cas exceptionnel* (*le cas exceptionnel*) [исключительный случай], *les problèmes dont la plus important* (*le plus important*) [проблемы, из которых самая главная...]. В этот тип девиаций «втянуты» только прилагательные, формы мужского и женского рода которых омофоничны.

Родовой девиат может выражаться в выборе местоимения, заменяющего существительное⁶³:

М # Ж: *une réponse incorrecte, il vous paraît comme tel* (*elle vous paraît...*) [неправильный ответ, он вам таким кажется], *les communautés sécurisées... Ils permettent* (*elles permettent*) [безопасное общество... оно позволяет], *la diffusion ne dépend pas de la langue lui-même* (*de la langue elle-même*) [распространение не зависит от самого языка];

⁶³ Данный тип особенно часто встречается в устной речи.

Ж # М: *le travail... parce qu'elle se déroule (il se déroule)* [работа... потому что она протекает...], *la culture de ce pays pour importer le meilleur dans la nôtre (dans le nôtre)* [культура этой страны, для того чтобы импортировать самое лучшее в нашу].

Родовой девиат выражен орфографически

Родовая форма межъязычия может никак не соотноситься с формами Я₂, будучи барбаризмом (см. в гл. 3). Девиантный орфографический облик существительного провоцирует неправильное категориальное оформление слова, особенно в случаях с субстантивированными причастиями:

М # Ж: *un certain matier (une certaine matière)* [некая материя], *un panacé (une panacée)* [панацея].

Во множественном числе: *tous les donnés professionnels (toutes les données professionnelles)* [все профессиональные данные].

Ж # М: *la suivie (le suivi)* [мониторинг], *la longue travaille (le long travail)* [долгая работа], *les musulmans manque des moyennes (manquent de moyens)* [мусульманам не хватает средств].

Во множественном числе: *des revenus (revenus)* [доходы], *les handicapés (handicapés)* [инвалиды].

4.2.1.2. Влияние рода русского существительного

Для того чтобы выявить, действительно ли род существительного Я₁ влияет на оформление рода субстантивов и других единиц межъязычия, существительные, сопровождаемые ошибочным по роду детерминативом или прилагательным, были сопоставлены в категориальном плане с «исходными» русскими существительными. Благодаря контексту это было достаточно легко сделать (табл. 4.1).

Полученные данные свидетельствуют об асимметрии распределения категориальных предпочтений в межъязычии.

1. Девиаты типа «мужской род вместо женского» случаются чаще, чем «женский род вместо мужского» (333 против 252), что естественно, если считать, что некоторые из них могут быть вызваны нарушениями в согласовании прилагательных. К тому же пропуск немой *-e* бывает чаще, чем его избыточное добавление. Однако эта межъязыковая тенденция сохраняется, даже если учитывать только

достоверные случаи, в которых на девиантность указывает также детерминатив (в том числе артикль), и можно не сомневаться, что респондент ошибся именно в роде существительного, а не забыл согласовать прилагательное (126 и 105 соответственно).

Таблица 4.1

Распределение девиаций в выражении рода существительного в зависимости от рода эквивалента в русском языке⁶⁴

	Род слова в русском языке	На ошибку указывает детерминатив	Ошибочное согласование	Общее количество (мн. число)	Количество лексем
Мужской вместо женского	М	44	25	118 (31)	46
	Ж	61	40	126 (41)	73
	Ср	18	29	79 (19)	49
	всего	126	94	333	168
Женский вместо мужского	Ж	65	30	130 (39)	41
	М	32	24	83 (30)	54
	Ср	9	13	39 (10)	27
	всего	105	67	252	144

2. В случае «мужской род вместо женского» оказалось, что род соответствующего существительного в русском не играет никакой роли в появлении межъязыковых девиаций (118/126), скорее наоборот. К тому же родовые девиаты здесь замечены даже тогда, когда существительное имеет явные внешние признаки женского рода (суффикс *-tion* или *-ation*, окончание *-ée*, таких лексем было обнаружено 36). Поскольку это явление не зависит от согласования, остается предположить, что в случаях нейтрализации категории рода межъязычие «автоматически» делает выбор в пользу мужского рода.

3. Аналогичным образом, когда респондент не знает, какого рода французское существительное, эквивалент которого в русском языке – среднего рода, он предпочтет выбрать мужской, а не женский (79/39).

4. В случаях «женский вместо мужского», наоборот, род русского существительного значительно чаще влияет на межъязычие (130/83). Тенденция сохраняется и даже усиливается среди достоверных случаев (65/32), а также, хотя и менее ярко,

⁶⁴ В таблицу не вошли единичные случаи замены существительного не согласованным в роде местоимением.

в случаях, когда существительные употреблены во множественном числе (39/30). В 14 случаях слово оказалось в женском роде, несмотря на явные признаки мужского рода (форманты *-ent*, *-eur* и др.).

5. Там, где род русского слова совпадает с ошибочным родом слова в межъязычии (отмечено жирным шрифтом в табл. 4.1), представлено очень небольшое количество лексем. Таким образом, можно предположить, что род некоторых русских существительных устойчиво вызывает ошибки в роде межъязыковых субстантивов.

Таблица 4.2

Девиантное согласование

Мужской вместо женского	Женский вместо мужского
<i>la question de protéger les animaux n'est pas si préssant (pressante)</i> [вопрос о том, чтобы спасти животных, не настолько срочный]; <i>une réussite de ce procédé est douteux (la réussite de ce procédé est douteuse)</i> [успех этого способа сомнителен]	<i>la France est considérée un pays plus ouverte qu'auparavant (ouvert)</i> [Франция считается страной более открытой, чем раньше]; <i>le rôle du travail dans la vie n'est pas si importante qu'au début du siècle (important)</i> [роль работы в жизни не такая большая, как в начале века]

6. Среди случаев девиантного согласования выделяются и такие, в которых род русского существительного совпадает с ошибочным родом межъязыковой единицы (можно предположить, что именно род русского существительного вызывает девиацию). Однако девиантная форма прилагательного используется в именной части сказуемого, в пассивной форме, то есть дистантно (табл. 4.2).

Помимо прилагательных, формы которых не различаются в женском или мужском роде фонетически и графически, есть такие, формы которых различаются (именно эти случаи приведены в табл. 4.3). Но в ситуации, когда девиация, по всей видимости, не вызвана родом русского существительного, то есть когда род существительных Я₁ и межъязычия не совпадают, таких прилагательных обнаружено не было. Это можно интерпретировать следующим образом: межъязычие диктует респонденту начинать высказывание правильно, поскольку он хорошо запомнил род французского существительного и выбрал соответствующий артикль. Но спустя несколько мгновений, когда нужно продолжить высказывание и согласовать прилагательное с существительным, межъязычие «уступает» давлению категори-

альной системы Я₁, и респондент сохраняет в памяти лишь денотат и «ощущение рода» таким, каким оно представлено в родном языке. Видимо, то же самое происходит и в случае замены слов местоимениями (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Девииции в выборе рода местоимения

Мужской вместо женского	Женский вместо мужского
<p><i>une personne invalide <...> même s'il est incapable de bouger (elle)</i> [инвалид <...> если он не может двигаться];</p> <p><i>vous avez donné une réponse incorrecte, il vous paraît comme tel (elle)</i> [вы дали неправильный ответ, он вам таковым кажется]</p>	<p><i>j'aime beaucoup ce travail mais elle apporte vraiment peu d'argent (il)</i> [мне нравится эта работа, но она приносит мало денег];</p> <p><i>apprendre la culture ce de pays pour importer le meilleur dans la nôtre après le retour en Russie (dans le nôtre)</i> [освоить культуру этой страны для того, чтобы импортировать самое лучшее в нашу по возвращении]</p>

Однако здесь такой четкой последовательности не наблюдается – встречаются неправильные местоимения даже тогда, когда референт в русском оформляется тем же родом, что и во французском.

4.2.1.3. Выводы

Таким образом системы межъязычия и Я₁ по-разному взаимодействуют в сознании респондентов. В случае выбора дистантного местоимения категории Я₁ могут оказаться сильнее категорий изучаемого языка: *ce travail*, но *elle*, потому что *работа* – слово женского рода в Я₁. В том, что носители русского языка допускают девиации в выборе рода существительного в Я₂, они не оригинальны – это свойственно межъязычию всех иностранцев. Тем не менее удалось доказать, что эти девиации происходят в силу ряда причин: если выбор мужского рода вместо женского не может быть объяснен интерференцией с русскими категориальными предпочтениями, то выбор женского рода вместо мужского отчасти именно ими и объясняется. К тому же есть некоторый набор существительных, чрезвычайно «уязвимых» в категориальном плане в межъязычии: существительные *côté, domaine, manque, niveau, problème, programme, travail* очень часто ошибочно относят к женскому роду, тогда как *chose, classe, condition, existence, façon, loi, méthode, personne, place, question, source, technique, technologie, université, voie* – к мужскому.

Наконец, нужно заметить, что хотя девиации в роде довольно частотны, их результаты представляют в среднем только 3 % всех употреблений существительных в работах DALF. К тому же, если считать коммуникативный успех решающим критерием, такие девиаты нельзя считать грубыми, поскольку они редко препятствуют пониманию.

4.2.2. Девиантное выражение категории числа

Ниже рассматриваются девиаты, возникающие в выражении числа в словосочетаниях $\boxed{\text{det} + \text{N} + \text{adj}}$ и $\boxed{\text{det} + \text{N} + \text{cop} + \text{attr}}$ ⁶⁵, где детерминативом может быть и артикль. Перед существительным может быть более одного детерминатива, а определение и именная часть сказуемого также могут быть представлены несколькими лексемами. В синтагмах рассмотренных типов девиации могут коснуться компонентов: существительных, детерминативов, прилагательных (причастий). Возможны также девиации в выборе форм числа, возникающие при координировании существительного в функции подлежащего и глагола в функции сказуемого.

Выявлены две ситуации девиантного выбора числа, которые, как и в случае с родовыми девиациями, не являются симметричными: первая – единственное число вместо множественного, вторая – множественное число вместо единственного. Но здесь они не симметричны потому, что в большинстве случаев во французском языке форма единственного числа не маркируется, тогда когда множественное число требует добавления показателя (главным образом это *-s* или *-x*) и только в редких случаях – мену аффикса (*un vitrail, des vitraux* [витраж, витражи]) или супплетивизм (*un œil, des yeux* [глаз, глаза]). Соответственно, девиаты типа «множественное число вместо единственного», как и рассмотренные выше «женский род вместо мужского», менее случайны, нежели девиаты первого типа: можно по невнимательности не написать показатель множественного числа, тогда как специальное его написание, скорее всего, является следствием влияния межъязычия.

⁶⁵ Сокращение *attr.* от фр. *attribut* – название этого члена предложения.

4.2.2.1. Девиации в показателях числа у существительного в синтагмах типа **det + N + adj** и **det + N + cop + attr**

Девиантное употребление слов *pluralia* и *singularia tantum*

В отличие от категории рода, категория числа существительного – словоизменяемая, и выбор формы зависит от количества предметов или явлений, участвующих в описываемой ситуации. Однако есть случаи, когда категория числа – классификационная, и для таких слов выбор правильной формы числа (аналогично тому, как это происходит с выбором рода) определяется лексическими свойствами данного существительного. Во французском языке, как и в русском, есть слова *pluralia tantum* и *singularia tantum*. Что касается первых, М. Гревисс приводит список из 100 слов [Grevisse 1969: 248], главным образом устаревших или редких. К 28 чаще всего употребляемым единицам⁶⁶ относятся *mœurs* [нравы], *funérailles*, *obsèques* [оба слова означают ‘похороны’] и др. В русском языке их аналоги также относятся к *pluralia tantum*, что облегчает правильное функционирование таких единиц в межъязычии. Но ситуация осложняется тем, что настоящих *singularia tantum* во французском нет. Кроме некоторых субстантивированных инфинитивов и прилагательных, любое существительное, даже абстрактное, может употребляться во множественном числе с небольшим изменением в значении, например: *la bonté* [доброта] vs *les bontés* [проявления доброты]. Как известно, даже онимы, обозначающие единичный референт, могут, правда только аналитически, оформляться множественным числом: *j’ai vu des Rome plus ensoleillés* [я видал Рим и более солнечным]. Наконец, как и в русском, значение французского существительного может зависеть от того, в каком числе оно употреблено: *un ciseau* [стамеска], но *des ciseaux* [ножницы].

A. Sing # Plur

В нашем массиве представлена небольшая выборка девиатов, состоящих в том, что существительное в данном значении должно быть во множественном числе, но оно ошибочно представлено в единственном: *la mathématique (les mathématiques)* [математика], *la civilisation du loisir répand (la civilisation des loisirs se répand)* [общество досуга распространяется], *dans la sphère de service (des services)* [в сфере

⁶⁶ Согласно данным Ж. Капеловиси [Capélovici 1990: 210].

обслуживания]. Как видно из переводов, причины данных девиаций могут крыться в том, что в русском языке в подобных ситуациях употребляются аналоги в форме единственного числа. Указанные девиаты можно считать и лексическими.

В отличие от предыдущих, следующая девиация устойчивого и часто встречающегося выражения очень распространена – это типичный случай фоссилизации. Она замечена даже в межъязычии тех, кто хорошо владеет французским языком: *ce dernier temps (ces derniers temps)* [в последнее время]. Маловероятно, чтобы тот факт, что у данного существительного форма не изменяема (*le temps vs les temps*), мог как-то повлиять на выбор единственного числа, поскольку *s* на конце слова скорее указывает на множественное число. Поэтому мы считаем, что этот регулярно воспроизводимый девиат вызван калькированием.

Б. Plur # Sing

Подобные девиации (форма множественного вместо единственного) наблюдаются в употреблении как отвлеченных существительных, так и конкретных соматизмов: *les gens se mettent à concentrer trop sur leurs apparences physiques (sur leur apparence physique)* [люди начинают обращать внимание на свой внешний вид], *pour que mes cerveaux ne sèchent pas (mon cerveau ne sèche pas)* [чтобы мой мозг / мои мозги не засохли], *ils ont les droits (ils ont le droit)* [у них есть право], *les situations est améliorée (la situation)* [ситуация улучшилась].

Иногда девиация возникает из-за того, что слово имеет русский эквивалент во множественном числе: *l'auteur n'a aucuns doutes (aucun doute)* [у автора нет никаких сомнений], *J'aime des parfums (j'aime le parfum)* [я люблю духи].

Чаще всего девиантным в межъязычии оказывается слово *argent* [деньги] (во французском *деньги* мыслятся как некое вещество и слово *argent* требует при себе партитивный артикль, см. ниже): *dépenser des argents, dépenser ses argents (dépenser de l'argent)* [тратить деньги, свои деньги].

Девиантный выбор показателя числа существительного

А. Sing # Plur в конструкциях $\text{tuna } \boxed{\text{det}_{pl} + N_s}$

Детерминатив использован во множественном числе, а само существительное – в единственном. Девиации возможны в сочетаниях с различными детерминативами: *s'adapter à tous les changement (changements)* [адаптироваться ко всем измене-

ниям], *mélange des peuple (peuples)* [смесь народов], *dans nos chambre à coucher (chambres)* [в наших спальнях], *un des problème (problèmes)* [одна из проблем]. Вместо детерминатива, указывающего на множественное число, возможно употребление другого средства с количественной семантикой (числительного, наречия): *12 000 des jumeau (12 000 jumeaux)* [12 000 двойняшек], *entre les deux génération (générations)* [между двумя поколениями], *beaucoup de problème (problèmes)* [много проблем], *beaucoup plus d'étudiant qu'avant (d'étudiants)* [гораздо больше студентов, чем раньше].

Б. Plur # Sing в конструкциях *muna* $\boxed{det_s + N_{pl}}$

Представлены различные детерминативы: *la preferences (préférence)* [предпочтение], *à l'étrangers (à l'étranger)* [за рубежом], *un individu (un individu)* [индивид], *chaque années (chaque année)* [каждый год], *leur comportements (leur comportement)* [их поведение], *sur cette personnes (sur cette personne)* [на этом человеке].

В. Sing # Plur в конструкциях *muna* $\boxed{det_{pl} + N_s + adj_{pl}}$

Во множественном числе могут быть и детерминатив, и прилагательное, и даже глагол, если N в этих конструкциях – подлежащее, и при этом признак множественного числа отсутствует у существительного: *les procédure mentales (procédures)* [мыслительные операции], *des nouvelles technologie (technologies)* [новые технологии]⁶⁷, *les plantation servent (les plantations)* [плантации служат], *leurs petit apprennent (leurs petits)* [их малыши учатся].

Г. Sing # Plur в конструкциях *muna* $\boxed{det_{pl} + N_s + adj_s}$

Ситуацию, когда детерминатив во множественном числе употреблен при существительном и прилагательном в единственном числе, можно интерпретировать по-разному. Межъязычие допускает отказ от всякого согласования, отчего письменная речь респондентов делается аграмматичной: *des document scientifique (documents scientifiques)* [научные документы], *des même difficulté (mêmes difficultés)* [те же сложности]. Однако девиации в конструкции с прилагательным в превосходной степени *une des plus ancienne invention (anciennes inventions)* [одно из древнейших изобретений] являются довольно распространенными, их допуска-

⁶⁷ Слово *technologie* очень «уязвимо» в межъязычии, и респонденты ошибаются и в роде, и в числе, и в орфографии.

ют и французы [Berthier, Colignon 1991: 113], что, на наш взгляд, логично: в этих конструкциях единственное число появляется под влиянием *une*. Удивительнее такие примеры обнаруживать в работах русскоговорящих респондентов, поскольку в русском языке в аналогичной конструкции употребляется форма множественного числа.

Девиантные показатели числа у детерминатива

Рассогласование между показателями числа детерминатива и существительного не обязательно означает, что именно форма существительного неправильна: если глагол, контекст или значение требуют единственное число, девиантной может быть и форма детерминатива.

Sing # Plur: детерминатив – неопределенное прилагательное: *toute les gens* (*tous les gens*) [все люди], *chacun peut mener la vie comme toute les autres* (*mener sa vie comme tous les autres*) [каждый может вести жизнь как все другие люди], *l'homme est capable d'appivoiser chaque animaux* (*chaque animal*) [человек способен приручить любое животное]. В последнем случае выбор формы множественного числа *animaux* вместо *animal* доказывает, что девиация кроется в детерминативе, и респондент «мыслил» существительное во множественном числе.

Plur # Sing: *les fruit interdit est toujours le plus bon* (*le fruit interdit*) [запретный плод всегда самый вкусный], *on considère un avion comme les territoire étranger* (*un territoire*) [самолет рассматривается как иностранная территория], *la surveillance totale peut terminer par les totalitarisme* (*le totalitarisme*) [тотальная слежка может приводить к тоталитаризму], *leurs travail* (*leur travail*) [их работа], *aux niveau industriel* (*au niveau*) [на уровне промышленности], *tous ça* (*tout ça*) [все это], *la télé avec l'aide de laquelle on peut s'adresser à chaque famille* (*à toutes les familles/à chaque famille*) [телевидение, с помощью которого можно обратиться ко всем семьям].

Особая ситуация в межъязычии возникает при выражении числа у притяжательных детерминативов. Дело в том, что притяжание устанавливает отношение между двумя референтами: обладателем и обладаемым предметом. Наименования того и другого могут грамматически выражаться как в единственном, так и во множественном числе, что и определяет выбор нужной словоформы в третьем лице:

son / sa / ses, если обладатель один, *leur / leurs*, если их много. Данная оппозиция присуща русскому языку (*его / их*) с той лишь разницей, что формы единственного числа различаются по роду обладателя (*его / ее*), а не обладаемого предмета, как это происходит для первого или второго лица (*мой / моя / мое*) в русском языке и во французском во всех лицах единственного числа. Девиантное смешение форм третьего лица единственного числа и форм третьего лица множественного числа притяжательного детерминатива – чрезвычайно распространено в межъязычии, это одна из наиболее устойчивых (фоссилизированных) девиаций. Особенно много девиатов отмечено там, где во множественном числе оформлены и «обладатель», и «обладаемый предмет»: респонденты утверждают, что форма *ses* и так воспринимается ими как «форма множественного числа» и они не ощущают необходимости менять ее на *leurs*:

- *son, sa # leur il faut individualiser les enfants, trouver son individualité (leur individualité)* [нужно различать детей, находить их индивидуальность], *quand les gens aiment sa langue (aiment leur langue)* [когда люди любят свой язык];

- *ses # leurs* (в два раза больше таких примеров, чем в предыдущем типе): *les ados s'affirment par des conflits avec ses parents (avec leurs parents)* [подростки утверждают благодаря конфликтам со своими родителями], *les Français aiment l'image de ses facteurs (de leurs facteurs)* [французы любят имидж своих почтальонов];

- обратный девиат *leur # son* был зафиксирован всего один раз в нашем материале: *son interlocuteur... on ne peut pas même savoir leur sexe (savoir son sexe)* [свой собеседник... нельзя даже знать его пол]. Таким образом, для межъязычия характерна тенденция предпочитать форму единственного числа детерминатива вместо формы множественного.

4.2.2.2. Девиантное согласование прилагательных по числу

A. Sing # Plur в пассивных конструкциях *det + N + cop + part*

Внешне эти конструкции мало чем отличаются от предикативных конструкций типа *det + N + cop + attr*, где именная часть сказуемого может быть представлена в том числе и причастием, и мы полагаем, что в большинстве случаев респонденты не осознают между ними различий. В нашем массиве имеются примеры только

случаев смешения Sing # Plur: *74 000 emplois nouveaux sont créé en 1999 (sont créés)* [74 000 рабочих мест были созданы в 1999 г.], что только подтверждает уже отмеченную выше тенденцию.

Б. Sing # Plur в конструкциях *muna* $det_{pl} + N_{pl} + adj_s$

Les oeuvres littéraire (littéraires) [литературные произведения], *des tests cosmétique (cosmétiques)* [косметические тесты], *les gens russe (russes)* [русские люди], *les femmes danseuse (les femmes danseuses)* [женщины-танцовщицы], *les même vêtements (les mêmes)* [одинаковые одежды], *est une des plus actuelle (actuelles)* [является одной из самых актуальных].

Определение может быть выражено неопределенным прилагательным: *la fermeture de la France critiqué par d'autre pays (d'autres pays)* [закрытие Франции критикуется другими странами], *tout ces facteurs (tous ces facteurs)* [все эти факторы], *tout les morceaux (tous les morceaux)* [все куски].

В. Plur # Sing в конструкциях *muna* $det_s + N_s + adj_{pl}$

Dans le monde entiers (le monde entier) [в целом мире], *l'instrument de communication accessibles aux invalides (accessible)* [доступное инвалидам средство общения].

Г. Sing # Plur в конструкциях *muna* $det_{pl} + N_{pl} + cop_{pl} + attr_s$

В указанных конструкциях прилагательное (или причастие в роли прилагательного) выполняют синтаксическую функцию именной части сказуемого. По правилам французской грамматики именная часть согласуется в роде и числе с подлежащим: *les employés sont satisfait (satisfaits)* [служащие довольны], *ils se sentent sûr (sûrs)* [они чувствуют себя уверенными].

Д. Plur # Sing в конструкциях *muna* $det_s + N_s + cop + adj_{pl}$

Le niveau est beaucoup plus élevés (élevé) [уровень намного выше], *le petit chef despotique était son caractère favoris (favori)* [маленький деспотический начальник была его любимая роль].

Отдельную группу представляют случаи, когда определение выражено несколькими прилагательными: иногда в межъязычии одно прилагательное приведено в единственном числе, другое (чаще всего второе) во множественном: *des étudiants*

étrangers, non seulement africains francophone (francophones) [иностранцы, не только франкоговорящие африканцы], *des bâtiments inconvenients et demi-détruit (incommodes et à demi détruits)* [неудобные и полуразрушенные здания]. Видимо, такие девиации обусловлены дистантным положением второго прилагательного по отношению к определяемому референту: его «множественность» забывается, а тенденция межъязыкового доминирования форм единственного числа сохраняется: *les activités humaines intellectuelle (intellectuelles)* [интеллектуальные человеческие действия]. Здесь также возможно влияние русского эквивалента *деятельность*.

Иногда в аналогичную ситуацию, где все указывает на множественное число, попадает анафорическое местоимение: *acquiert des capacités logiques... et celle-ci lui permettent (celles-ci lui permettent)* [приобретает логические качества... и они ему позволяют...] – формы множественного числа, тем более дейктические, оказываются очень «уязвимыми» в респондентском межъязычии.

4.2.2.3. Девиантное согласование по роду и числу

Девиации в согласовании могут касаться одновременно и рода и числа. Возможен полный отказ от согласования: *toutes les questions... doivent être discuté (discutées)* [все вопросы должны быть обсуждены], *elles sont persuadé (persuadées)* [они убеждены], *de différentes couches social (sociales)* [различные социальные слои], а также другие девиантные формы: *les êtres humains vont tourner à la vrais «civilisation des loisirs» (la vraie)* [люди обратятся к настоящей «цивилизации досуга»]. Здесь – форма множественного числа мужского рода вместо формы женского рода единственного числа.

К девиантному согласованию также относятся попытки изменить в роде или в числе наречие, когда оно употребляется вместо прилагательного в позиции именной части сказуемого: *les pourparlers semblent être loins de donner une réponse exhaustive (être loin de donner)* [переговоры далеки от положительного ответа].

В тех ситуациях, когда прилагательное *pareil* используется как наречие, оно становится неизменяемым, но это правило плохо вписывается в межъязычие: *habillés pareilles, coiffés pareilles (pareil)* [одинаково одеты и причесаны].

Причастие прошедшего времени может участвовать в формировании прошедших сложных времен с вспомогательными глаголами *être* и *avoir*. Правила, которыми нужно руководствоваться, для того чтобы правильно согласовать причастие, сложны для всех – как для иностранцев, так и для французов. В целом было обнаружено мало таких девиатов, что, может быть, связано со спецификой нашего материала или с тем, что респонденты в ситуации экзамена избегают конструкций, в которых не уверены ⁶⁸.

Как ни странно, мы находим больше случаев неоправданного согласования, нежели его ошибочного отсутствия: *elle a évoquée beaucoup de controverses (elle a provoqué beaucoup de controverses)* [она спровоцировала много споров], *ils ont déjà lus beaucoup (lu)* [они уже много читали]. Неоправданное согласование объясняется интерференцией: респондент согласует причастие «по-русски», с подлежащим, как координирует глагол в функции сказуемого в Я₁.

4.2.2.4. Девиантное координирование форм существительного и глагола

A. Sing # Plur

Проблемы выражения в межъязычии множественного числа касаются также и форм глагола: когда существительное в синтагме det + N + adj является подлежащим, глагол может оказаться либо в единственном, либо во множественном числе. Сравним: *les statistique indique (les statistiques indiquent)* [статистика показывает], где в единственном числе и существительное, и глагол (при необходимом множественном, требуемом формой артикля и общим смыслом). Французский аналог существительного *statistique* употребляется чаще во множественном числе, так было и в тех текстах-опорах, которые имелись у респондентов. Можно полагать, что девиация в выборе категории числа существительного повлекла за собой и ошибку в форме глагола.

⁶⁸ Отсутствие согласования объясняется сложностью правила и тем, что этот грамматический материал обычно неправильно подают респондентам: известно, что первое правило становится сильным, запечатлевается в межъязычии лучше, чем все последующие к нему поправки. Если респонденту на первых занятиях объяснили, что «со вспомогательным глаголом *avoir* причастие прошедшего времени не согласуется», а «со вспомогательным глаголом *être* причастие прошедшего времени согласуется», ему будет очень сложно впоследствии осознать и запомнить, что это далеко не всегда так: *les documents, que nous avons lu sont consacrés à la réforme de la langue (lus)* [документы, которые мы прочитали, посвящены реформе языка].

У глаголов, инфинитив которых заканчивается на *-er*, формы третьего лица единственного и множественного числа – омофоничны и в межъязычии смешиваются чаще других. Более половины всех случаев смешений окончаний приходится на глаголы на *-er* в единственном числе при подлежащем во множественном: *les enfants se fatigue (se fatiguent)* [дети утомляются], *ils pense que (ils pensent)* [они думают]. Однако данный тип девиатов встречается даже тогда, когда глагольные формы единственного и множественного – не омофоны: *dans des pays qui en au réelement besoin (qui en ont)* [в странах, которые действительно в этом нуждаются], *quelques défauts qui rendent leur utilisation difficile (qui rendent)* [несколько недостатков, которые затрудняют их использование]. Приоритет для межъязычия форм единственного числа поддерживается и здесь.

Иногда дискоординирование может объясняться дистантностью подлежащего и сказуемого: *les effets de la politique des 80 % <...> au des côtés positifs et négatifs (ont des côtés)* [результаты политики 80 %⁶⁹ <...> имеют позитивные и негативные стороны]. В следующем примере *ceux qui méritent continuer <...> si jamais il perd l'épreuve (ils perdent)* [те, кто достойны продолжать <...> если вдруг они проигрывают], можно предположить, что по мере написания текста «утрачивалось» множественное число. В обобщенном высказывании, в котором излагается общее правило (речь шла о том, как должен себя вести инвалид в сложной ситуации), число не имеет большого значения – ‘любой человек’, ‘все’ – синонимы. Поэтому здесь не только глагольная форма, но и анафорическое местоимение, повторяющее обособленное подлежащее, стоят в единственном числе. Так что в этом случае, строго говоря, ошибочно оформление анафорической связи, а не выбор формы числа.

Так же, как и в русском, во французском языке сложно правильно выбрать число глагольной формы после слов с собирательным значением: *la plupart, beaucoup, la majorité* [большая часть, много, большинство]. Правило гласит, что нужно согласовать по смыслу, во множественном числе, что нашими респондентами не соблюдается: *beaucoup de gens pense que chatter s'est tromper (pensent)* [много людей думают, что пользоваться чатами это – обманывать], *la plupart de mosquées est à la*

⁶⁹ Имелась в виду политика, направленная на достижение 80 % успеха на экзамене по окончании школы.

condition mauvais (sont en mauvaise condition) [большинство мечетей находятся в плохом состоянии]. Отметим, что данное правило также дается с трудом французам [Berthier, Colignon 1991: 124]. И, наконец, неустойчивостью правила в межъязычии можно объяснить отсутствие единства в показателях числа у глагола в интерпозиции, среди других однородных сказуемых: *les jeunes fument, se drogue et prennent de l'alcool (se droguent)* [молодые люди курят, принимают наркотики, пьют].

Б. Plur # Sing

Случаи девиантного выбора формы третьего лица множественного числа вместо единственного случаются реже, чем обратная девиация, и почти всегда такой выбор спровоцирован присутствием другого – ближайшего к глаголу – существительного во множественном числе, не являющегося подлежащим, например: *le nombre de femmes auront augmenté (aura)* [количество женщин увеличится], *l'autonomie des handicapés ne peuvent pas exister (ne peut pas)* [независимость инвалидов не может существовать].

В. Plur # Sing в безличных выражениях

Французское безличное местоимение *on* этимологически восходит к латинскому существительному *homo* ‘человек’ и грамматически требует форму единственного числа. Русскоговорящие респонденты часто соотносят его с неопределенно-личной формой глагола в третьем лице множественного числа: *Звонят. Здесь говорят по-русски*, что объясняет следующие ошибки: *J. P. a dit qu'on devaient réduire les gaz à effet de serre (on devait)* [журналист сказал, что нужно ограничить выпуск газов, способствующих парниковому эффекту], *on les craignaient, on les plaignaient (on les craignait, les plaignait)* [их боялись, их жалели].

В безличном выражении *il y a* [есть, имеется] формальное подлежащее – местоимение *il*, и оно требует глагола в единственном числе независимо от того, какого числа реальное (смысловое) подлежащее. В межъязычии, по аналогии с русскими *Имеются..., Существуют...,* возможна координация глагола с подлежащим во множественном числе: *il existent des autres nouveautés (il existe / il y a)* [существуют другие новшества], *il y avaient 80 000 candidats (il y avait)* [было 80 000 кандидатов], *en Amérique se trouve des «comités anti-immigration» (se trouvent)* [В Америке

имеются анти-иммиграционные комитеты]. Отметим, что данный тип девиаций распространен с предикатами, означающими существование.

Дискоординация в межъязычии может выразиться в выборе местоимения. Случается, что форма глагола однозначно указывает на множественное число, в тексте референт личного местоимения дан во множественном числе, и, тем не менее, местоимение ошибочно стоит в единственном: *il regardent les films et les imitent (ils regardent des films)* [они смотрят фильмы и подражают им], *dans le pays où il sont venus (ils sont venus)* [в стране, куда они приехали].

Наконец, девиация в выборе единственного или множественного числа может затрагивать и местоимение, замещающее прямое дополнение: *les données sur les personnes simples doivent enfin rester inaccessibles pour ceux qui ne sont pas autorisés de le savoir (autorisés à les connaître)* [данные о простых людях должны остаться недоступными для тех, кто не имеет права их знать], *parler avec les ados, s'occuper de lui (s'occuper d'eux)* [разговаривать с подростками, заботиться о них].

4.2.2.5 Выводы

В целом, девиации в выборе форм числа как имен, так и глагола, не многочисленны. Они обуславливают возникновение около 6,5 % всех встреченных девиатов, при этом первая категория представляет 5 % всех девиатов. Если сравнить их количество с количеством словоупотреблений, где они могли бы встретиться, мы получим доказательство, что девиации в выборе форм числа весьма редки: они составляют менее одного процента от общего количества словоупотреблений. Наиболее сильными в межъязычии оказываются формы единственного числа. Однако не редки ситуации, когда числовых девиаций не возникает вообще, ведь согласование в роде и числе прилагательных, спряжение глаголов – естественное «языковое поведение» для русскоговорящих. Этот категориальный фрагмент Я₁ имеет близкое соответствие в Я₂ и, как следствие, не особенно искажает межъязычие. Кроме того, примерно в половине случаев нам известно, что респонденты, допустившие эти девиаты, изучали английский язык в качестве первого иностранного языка и / или продолжали его изучать параллельно с французским. Наше общее впечатление – к сожалению, не подкрепленное статистически, – состоит в том, что отсутствие согласования чаще всего наблюдается в межъязычии изучающих анг-

лийский язык, который «доминирует» над французским, при всей условности такого «доминирования».

Что касается девиаций в выборе форм числа у глаголов, они возникают из-за экстенсивного интерферирования с русскими глагольными формами и из-за калькирования.

4.2.3. Девиантное выражение градуированного качественного признака

4.2.3.1. Девиации в выражении компаратива, интенсива, элатива и суперлатива

Во французском языке, как и в русском, прилагательные и наречия могут иметь сравнительную (компаративную) и превосходную (элативную, суперлативную) степени. Так же, как и в русском языке, эти формы образуются не у всех прилагательных, например, если прилагательное семантически выражает высшую степень признака, оно не может иметь суперлатива, поэтому нельзя сказать: *la chose la plus principale (la chose principale)* [самая главная вещь], *la boisson la plus préférée est l'eau du robinet (la boisson préférée)* [самый любимый напиток – вода из-под крана]. В данной ситуации ошибка, скорее, лексическая, чем грамматическая: соответствующие прилагательные в русском языке означают просто «высокую степень признака» и могут иметь превосходную (хотя и тавтологическую) форму.

Интенсивной степени не может иметь прилагательное, в значение которого входит сема «высокая степень признака»: *des volumes très considérables de l'information (des volumes considérables)* [очень значительные объемы информации]. Впрочем, подобные девиаты распространены и в русской речи.

Среди девиаций в выражении интенсивности признака встречается смешение наречий *très* и *trop*: *les événements est une preuve trop bonne (les événements sont une très bonne preuve)* [события – очень хорошее доказательство], а также смешение компаратива и суперлатива прилагательных: *les rejets peuvent avoir la plus grande signification que les absorptions (les rejets peuvent avoir une signification plus grande que les absorptions)* [значение выбросов может быть большим, чем значение поглощения], *provoquer la diffusion la plus grande de l'anglais (une diffusion plus grande de l'anglais)* [вызвать большее распространение английского языка]. В ходе наших бесед с респондентами выяснилось, что они не очень четко осознают разли-

чие между сравнительной и превосходной степенями в Я₁, например между формами *plus* (в значении ‘более большой’) и *le plus grand, le plus gros*. Поскольку в курсе французского как иностранного формы сравнительной и превосходной степени изучаются одновременно, неудивительно, что в межъязычии данные конструкции смешиваются.

4.2.3.2. Девиации в выражении сравнения

Сравнительная конструкция состоит из большого количества элементов. Свернутая двойная предикация: ‘N₁ такой же Adj, как N₂’ означает: ‘N₁ является Adj’ + ‘N₂ является Adj’ + ‘степень AdjN₁ = степень AdjN₂’. Девиации могут встретиться как в выборе наречия, выражающего сравнение, так и в выборе союза.

Девиантный выбор наречия в сравнительных конструкциях

Проблемными для межъязычия являются входящие в составные союзные выражения наречия *aussi, tellement*, обозначающие «одинаковую» степень прилагательного или наречия: *de manière si catégorique qu'en Europe (aussi catégorique que)* [так же категорично, как и в Европе], *en province ce problème n'est pas tellement difficile à résoudre qu'à Paris (aussi difficile qu'à Paris)* [в провинции эту проблему не так сложно решить, как в Париже].

Сравнение может быть имплицитным, например: *une activité tellement marginale reste dangereuse (aussi marginale)* [такая (как эта) маргинальная деятельность остается опасной], *ce dernier ne représente plus une telle force immense (une force aussi immense)* [последний более не представляет собой такую огромную силу] – у русского *такой* есть функция союзного слова, которую ошибочно приписывают и *tel*, с которым его чаще всего и ассоциируют.

Наконец, степень выражения признака также присутствует в конструкциях, которые французские грамматики относят к способам выражения следствия: *il y a tellement beaucoup d'étudiants qu'il leur manque de chambre (il y a tant d'étudiants)* [так много студентов, что не хватает комнат], *notre état physique sera tel mauvais que seulement notre tête sera capable de travailler (si mauvais que seule notre tête)* [наше физическое состояние будет таким плохим, что только наша голова будет в состоянии работать].

Девиантный выбор союза в сравнительных конструкциях

1. Единственный возможный союз в сравнительных конструкциях – союз *que*: *la conférence de la Haye est plus compliquée par contre à celle de Rio (plus compliquée que celle de)* [конференция в Гааге сложнее, чем в Рио], *il y avait un homme très expressif qui s'appelait Feu. Il avait la femme, aussi martiale comme lui-même (sa femme, aussi martiale que lui-même)* [жил очень эмоциональный человек, которого звали Огонь. И жила его жена, такая же воинственная, как и он].

2. В конструкциях со значением тождества: *les peurs sont les mêmes comme si O. savait le futur (les mêmes que si O. savait le futur)* [страхи те же, как если бы О. знал будущее], *qui ont les mêmes intérêts avec vous (que vous)* [у них те же интересы, что и у вас].

3. В конструкциях *tel que*. Французская конструкция с *tel (que)*, при которой *que* необязательна, вводит либо сравнение с оттенком следствия 'такой, что', либо уточнение 'такой, как'. Носители русского языка употребляют *tel* в обеих конструкциях, но пытаются калькировать с русского языка, что и приводит к возникновению девиантных связок: *ayant les diplômes spécialisés tels comme CAP (des diplômes tels [que] le CAP)* [имея специализированные дипломы, такие как САП], *une réflexion éthique sur un tel moyen d'instruction comme est le livre (sur un moyen d'instruction tel [que] le livre)* [этическое рассуждение о таком орудии образования, как книга].

В межъязычии возможно одновременные неправильный выбор наречия и неправильный выбор союза: *Les moyens... ne sont pas si agressifs et violents comme ceux des amis des bêtes (pas aussi agressifs et violents que ceux)* [средства не такие агрессивные и жестокие, как у друзей животных], *l'ouverture aux étudiants étrangers peut créer tant de problèmes à côté des avantages (autant de problèmes que d'avantages)* [открытие <Франции> иностранным респондентам может создать столько же проблем, сколько преимуществ].

Девиантное выражение ограничения

В целом можно считать, что неправильное использование наречий, как и других однозначных слов, связано с семантическими затруднениями, рассмотренными нами выше среди лексических девиаций. Здесь же мы рассмотрим межъязыковое

употребление *seulement* [только]. *Seulement* – наречие и как таковое определяет в постпозиции главным образом глагол. Но межъязычие регулярно допускает его препозицию: ***Seulement le site du premier ministre respecte les règles*** (*seul le site*) [только сайт премьер-министра соблюдает правила], ***Seulement à ce moment-là vous comprenez*** (*ce n'est qu'à ce moment-là que vous comprenez*) [только в этот момент вы понимаете...], ***la terre a seulement un compagnon*** (*la terre n'a qu'un satellite*) [у земли только один спутник]. Этот девиат очень распространен, и девиантные конструкции, выражающие ограничение, встречаются чаще, чем правильные конструкции.

Итак, девиации в выражении степени интенсивности и сравнения в основном сводятся к экстенсивным интерферентным попыткам калькировать русские выражения и использовать средства, которым в межъязычии придается статус эквивалентов русских наречий и союзов.

4.2.4. Девиантное выражение определенности, количества и партитивности

Поскольку в русском языке отсутствуют артикль и – как считается – сама морфологическая категория определенности / неопределенности, неудивительно, что освоение артикля представляет большие трудности в формировании межъязычия, адекватного Я₂. В исследуемом материале следы девиаций в выборе артиклей составляют 1/7 всех отклонений. Пренебрежение к артиклям особенно очевидно, когда респонденты их пропускают или ставят наугад, и тогда, на первый взгляд, невозможно проследить логику пишущего: в примере ***la beauté assure un succès*** (*le succès*) [красота гарантирует успех] существительные *beauté* и *succès* принадлежат к одному разряду абстрактных явлений и соответственно требуют при себе одинаковые артикли, то же относится к существительным *pseudonyme* и *nom* в следующем примере: ***on peut inventer le pseudonyme ou un nom*** (*un pseudonyme ou un nom*) [можно придумать себе псевдоним или имя].

Несмотря на изученность системы артиклей, нельзя сказать, что принципы их выбора хорошо освещены как в российской (советской), так и в зарубежной специальной литературе [Вайнрих 1978: 370–387; Болдина 1993: 13–19; Дороши-

на 1993: 44–47] ⁷⁰. Как известно, во французском языке имеются четыре вида артикля: нулевой, определенный – *le, la, les, l'*, неопределенный – *un, une, des*, частичный – *du, de la, de l', des*. В самом общем виде их значения можно определить следующим образом: *le, la*: а) ‘тот самый’ / ‘единственный в своем роде’, б) ‘обобщенное понятие’; *les* – ‘все’; *le, la, les* – ‘данное в тексте / дискурсе’; *un, une*: а) ‘нечто в количестве «один»’, б) ‘какой-то’, ‘один из элементов класса однородных предметов’; *des* – ‘некоторые’; *un, une, des* – ‘новое в тексте / дискурсе’; *du, de la, de l', des* – ‘неопределенное количество некоторого вещества’. К тому же артикль может быть нулевым. Необходимо подчеркнуть, что выражение определенности / неопределенности во французском языке не отделимо от выражения количества, поскольку артикли и детерминативы, с помощью которых выражается данная категория, имея значение числа, одновременно выражают и значение количества. Некоторые детерминативы и артикли выражают также оттенки количества. Речь идет не о *числе*, выраженном в оппозиции единственное / множественное число, а о *количестве*: много / мало, некоторые / все, определенное / неопределенное количество вещества. Вся эта система оказывается чрезвычайно сложной для формирования правильного межъязычия.

4.2.4.1. Определенный артикль вместо неопределенного артикля и партитива

Данный тип артиклевых девиатов – самый частотный (в нашем массиве их в два раза больше, чем девиатов типа «неопределенный артикль вместо определенного»), что совпадает с результатами исследования Ж. Ошаниной [Ошанина 1973: 9]). По нашим многолетним наблюдениям, причины девиантного выбора артикля вообще

⁷⁰ Создается впечатление, что российским исследователям пока не удастся описать принципы выбора правильного артикля не только потому, что пресловутое «языковое чутье» здесь не работает, но также потому, что они не чувствуют, насколько ошибочный выбор артикля мешает процессу коммуникации, иногда вплоть до полного непонимания носителями французского языка своих русских собеседников. Единственное исключение, по нашим наблюдениям – практическое пособие Л. М. Притчиной, в котором можно найти сложный, но эффективный алгоритм выбора артикля [Притчина 1983]. Что касается французских исследователей, то их публикации, за исключением изданной в Москве работы исследователя французского происхождения Ж. Ошаниной [1973], носят теоретический характер: французских авторов не интересует проблема правильного выбора артикля, поскольку ее решение кажется им очевидным.

и особенно – выбора определенного вместо неопределенного – кроются в следующем.

Во-первых, в связи с тем, что русский язык обходится без артиклей, межъязычие игнорирует важность их правильного употребления – среди факторов, которые затрудняют понимание речи русских носителями французского языка, опрошенные русские респонденты никогда не упоминают артиклевые девиации – для них это «мелочь», на которую можно не обращать внимания.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что определенному / неопределенному артиклю очень мешает неудачно выбранный термин, поскольку с первого же дня формирования межъязычия респондент слышит термин *определенный* артикль и соотносит это слово с тем объемом значений, который у него соотносится со словом *определенный* в Я₁. Поэтому он всегда будет выбирать определенный артикль тогда, когда существительное наделено некоторыми «определениями» в виде имен прилагательных или относительных придаточных предложений⁷¹, и будет возмущаться, когда ему объяснят, что не в «определенности» суть, а в том, известен или нет референт участникам коммуникации.

В-третьих, девиаты допускают сами преподаватели. Если франкофон никогда не ошибется в выборе нужного артикля (так же, как носитель русского языка безошибочно выбирает глагол нужного вида в той или иной ситуации), иностранцу, и особенно русскому, эта категория дается с трудом. Длительное отсутствие преподавателей-носителей французского языка в высших учебных заведениях СССР и России привело к тому, что чувство артикля не развилось у большинства обучаемых, и это состояние передается из поколения в поколение студентов. Кроме того, на формирование этого участка межъязычия налагаются английские артиклевые девиации, а правила использования артиклей во французском и английском языках не полностью совпадают.

⁷¹ Перевод термина *proposition relative*, принятый в романистике для обозначения определительных придаточных предложений, которых выделяется два типа – определительные и пояснительные [Гак 2004: 746–47].

Неопределенный артикль указывает на принадлежность референта множеству таких же референтов

Основная функция конструкции *c'est* [это есть] и ее аналогов как раз в том и состоит, чтобы определить принадлежность предмета / явления классу, присвоить название предмету / явлению: *c'était le bon école* (*c'était une bonne école*) [это была хорошая школа], *Karnac. C'est le logiciel capable de...* (*c'est un logiciel*) [‘Карнак’ – это программа, способная...], *le mariage ce n'est pas seulement le phénomène social* (*pas seulement un phénomène social...*) [брак – это не только социальное явление], *cela dépend si on considère un avion comme les territoire étranger* (*comme un territoire étranger*) [зависит от того, рассматривать ли самолет как иностранную территорию]. В этих контекстах видны следы упорного сопротивления межъязычия тому, чтобы неопределенный артикль означал ‘один из элементов класса однородных предметов или явлений’, особенно в тех случаях, когда класс детально описан.

Принадлежность классу может выражаться глаголом *être* (быть) и другими связками: *les Etats-Unis sont la société de surveillance* (*sont une société de surveillance*) [Соединенные Штаты – общество слежения], *les paysans sont devenu les travailleurs* (*sont devenus des travailleurs*) [крестьяне стали рабочими], *la lecture doit rester le jeu* (*rester un jeu*) [чтение должно остаться игрой].

Интересен следующий случай ненужного самоисправления: *le français est une la langue qui existe non seulement dans la France...* (*est une langue... en France*) [французский – это язык, который существует не только во Франции].

Неопределенный артикль вводит «новое» в дискурсе

Не вдаваясь в дискуссию о том, *remu* или *novae* маркирует неопределенный артикль в дискурсе, о различии между этими понятиями и во все споры вокруг данного вопроса [См. напр.: Adamczewski 1991: 83–91], скажем лишь, что это – одна из его основных функций. В Я₁, конечно же, есть способы отмечать данную коммуникативную информацию, но они не относятся к морфолого-синтаксическим.

А. Конструкция *il y a* и ее аналоги

Конструкция *il y a* [имеется] вводит новый элемент в предложение, и он должен вводиться неопределенным артиклем, но межъязычие не принимает это правило: *il*

y a le jeu de mots dans le titre (un jeu de mots) [в названии содержится игра слов], *en Russie il y a l'examen de fin d'études secondaires (il y a un examen)* [В России есть экзамен по окончании школы], *il existe les professions (des professions)* [существуют профессии]. Девиаты возникают и в других безличных выражениях, часто употребляемых вместо *il y a*: *Il existe en France le problème de la baisse démographique (en France il existe un problème de)* [во Франции существует проблема демографического спада].

Б. Конструкции с глаголами типа «créer» или отглагольными существительными

Прямое дополнение при этих глаголах – новая информация. В нашем девиантном материале в 22 примерах представлен глагол *créer* [создавать], в остальных 20 – его синонимы: *le ministère a lancé le programme d'insertion d'un test écrit (a lancé un programme)* [министерство запустило программу внедрения письменного теста], *les changements risquent de provoquer les conséquences avantageuses et non (provoquer des conséquences)* [изменения могут спровоцировать положительные и не положительные последствия], *les femmes afghanes ont créé le journal, il s'appelle «rose» (ont créé un journal)* [афганские женщины создали журнал, он называется «Роза»], *le gouvernement a commencé a créer les sites publics (à créer des sites publics)* [государство начало создавать общественные сайты].

В. Конструкции с глаголом avoir и его аналогами

Смысловая организация французского текста такова, что в большом количестве высказываний после глагола *avoir* [иметь] идет новая информация, которая должна вводиться неопределенным артиклем: *on aime les gens qui ont le beau visage (un beau visage)* [любят людей, у которых красивое лицо], *crimes qui peuvent avoir les conséquences terribles (avoir des conséquences terribles)* [преступления, которые могут иметь страшные последствия], *cette organisation a le programme et le bureau politique (un programme et un bureau politique)* [у этой организации есть программа и политбюро]. Аналогичные девиантные контексты созданы другими глаголами с таким же значением: *cela donne la possibilité d'obtenir le diplôme français (obtenir un diplôme français)* [это дает возможность получить французский диплом], *les employés sont proches des ouvriers parce qu'ils reçoivent le salaire (ils reçoivent un*

salaire) [служащие близки к рабочим потому, что они получают зарплату], *elle souvient ce temps avec les émotions agréables* (*elle se souvient de cette époque avec des émotions agréables*) [она вспоминает это время с приятными чувствами].

Г. Конструкции с другими прямо-переходными глаголами

Французский язык имеет ярко выраженную структуру типа SVO, где S – не только подлежащее, но и – чаще всего – тема, а O – прямое дополнение и рема. Поэтому для прямого дополнения типичен неопределенный артикль, употребление определенного артикля здесь чаще всего девиантно. В позиции V встречаются различные глаголы, но преобладают единицы со значением ‘искать’, ‘находить’: *le parlement vote la loi qui doit interdire la commercialisation* (*vote une loi*) [парламент принял закон, который должен запретить коммерциализацию], *on leur a fait payer l'amande* (*payer une amende*) [их заставляют платить штраф], *la possibilité de trouver les copains dans le monde* (*de trouver des copains*) [возможность найти друзей по всему миру].

Хотя чаще всего девиаты данного типа возникают перед прямым дополнением, возможны также редкие случаи употребления косвенно-переходных глаголов: *on va aboutir à la fin à la société équilibrée* (*à une société*) [дойдем в конце концов до цивилизованного общества].

При пассивной трансформации прямое дополнение становится подлежащим, но оно сохраняет свой статус нового, поэтому должно вводиться неопределенным артиклем: *la situation semblable a été décrite dans le roman de G. O* (*une situation analogue*) [аналогичная ситуация была описана в романе Дж. О.].

Дополнительным источником девиаций может служить смешение с синонимичным выражением *la même situation* [та же ситуация], в котором определенный артикль является составной частью детерминатива *le même, la même* [тот же самый, та же самая] и не может быть заменен на неопределенный.

Комбинация двух признаков

В некоторых контекстах невозможно решить, что является главным критерием выбора неопределенного артикля: «принадлежность элемента классу» или «новое» в дискурсе.

А. В конструкциях N de N

Девиаты в этих словосочетаниях будут отдельно рассмотрены ниже, в п. 4.2.4.6 данного параграфа (пп. «Девиантное употребление артикля в конструкциях $\boxed{art_1 N_1}$ $\boxed{de art_2 N_2}$ »). Девиантная замена неопределенного артикля определенным соответствует типу *g* классификации: *la soutenance de la thèse peut être considérée... (la soutenance d'une thèse)* [защита диссертации может быть рассмотрена как...].

Б. С различными предлогами

JPP a commencé sur le forum spécial la discussion sur... (sur un forum spécial) [на специальном форуме ЖПП начал дискуссию о...], *Alain Decaux est pour la réforme graphique (pour une réforme)* [А. Д. – за графическую реформу], *d'après le sondage beaucoup d'enfants de France aiment lire (d'après un sondage)* [согласно опросу, много детей во Франции любят читать].

В устойчивых выражениях

А. С предлогом comme

В зависимости от значения *comme* требует определенный или неопределенный артикль. Когда он означает 'в качестве чего-либо', то требует неопределенный артикль: *utilisés comme les objets culturels nomades (comme des objets culturels nomades)* [использованы в качестве передвижных культурных объектов].

Б. jouer un rôle

С выражением *играть роль* встретилось около 10 девиантных примеров. С определенным артиклем выражение теряет свою идиоматичность и означает 'играть какого-л. персонажа (в кино, в театре)': *la lecture joue le rôle important dans la formation de l'intelligence (joue un rôle)* [чтение играет важную роль в образовании ума].

Выражение количества

А. В значении единичности

Выражение единичности – исходное значение неопределенного артикля. Этому способствует его этимология: артикль *un* восходит к латинскому числительному *unus* [один]. В тех случаях, когда носитель русского языка хочет выразить именно это значение, он не допускает ошибок во французском.

Б. В выражениях, означающих количество

Объединяет данные выражения то, что они обозначают ‘некоторое количество’, а такое значение типично для неопределенного артикля: *la grande partie des salariés travaillent avec l'ordinateur (une grande partie)* [большая часть служащих работает на компьютере], *la quantité croissante de l'information différente est déposée sur le réseau (une quantité croissante)* [все больше информации находится в сети].

В. Во множественном числе: les # des

Определенный и неопределенный артикли отличаются друг от друга во множественном числе дополнительными оттенками значения, которые облегчают выбор правильной формы: если *les N* означает ‘все N’, то *des N* – ‘некоторое количество N’. Однако в межъязычии сильная форма множественного числа связывается с артиклем *des* и чаще всего употребляется респондентами. В межъязычии отмечается внутрикатегориальная асимметрия: приоритет определенного артикля в единственном числе и неопределенного – во множественном. Поэтому девиации типа «определенный артикль вместо неопределенного» во множественном числе встречаются гораздо реже, чем в единственном (1/10). Тем не менее они есть: *je connais les familles où le père jette des coups de couteau à sa femme (des familles)* [я знаю семьи, где отец семейства кидается с ножом на жену] – смешение *des* и *les* девиантно, поскольку очевидно, что респондент не может знать все семьи, в которых происходят подобные драмы. В следующем примере из-за присутствия прилагательного перед существительным неопределенный артикль должен заменяться предлогом *de*, но это частное правило игнорируется межъязычием: *pour avoir les bons rapports avec les états d'où ces étudiants viennent (avoir de bons rapports)* [чтобы иметь хорошие отношения со странами, откуда приехали эти студенты].

Г. Определенный артикль вместо нарктива

Les mafias font l'argent sur eux (font de l'argent) [мафия делает деньги на них], *il reste le temps pour la vie après le travail (il reste du temps)* [остается время для жизни после работы], *les agents peuvent avoir l'envie de boir l'alcool (boire de l'alcool)* [агентам может захотеться выпить спиртного].

Исходя из того, что использование партитивного артикля – неестественно для носителя русского языка, легко объяснить девиаты в каждом из вышеприведенных примеров. В первом случае *font l'argent* – результат девиации со словом *argent*. Число выбрано правильно, но не отмечена партитивность. Во втором случае девиация вызвана использованием безличной формы: по аналогии с русским, *le temps* воспринимается как подлежащее *il reste*, а партитивность для подлежащего – более периферийное значение. В. Б. Кашкин рассматривает партитивность подлежащего как расширение функционального потенциала партитивного артикля [Кашкин 2001: 207]. В третьем случае девиат возникает невзирая на то, что речь идет о ситуации, типичной для партитива в Я₂ (употребление с именами предметов, к тому же с лексемой, обозначающей потребляемое внутрь вещество). Здесь, возможно, респондент столкнулся с лексической проблемой. Из русского контекста ему очевидно, что *пить* означает ‘употреблять алкогольные напитки’, а французский контекст вызывает сомнения, что аналогичный глагол используется в таком же значении, поэтому он добавил *boire l'alcool*, забыв о всех правилах употребления партитива. Приоритетным для межъязычия стал лексический компонент с характерным «выпячиванием» определенного артикля в форме единственного числа.

4.2.4.2. Неопределенный артикль вместо определенного

Определенный артикль вводит референт со значением ‘уникальность’

А. Девиантные конструкции со значением ‘единственный’, ‘самый’

Несмотря на то что данный контекст (с использованием форм элатива, суперлатива, детерминативов *seul, premier, dernier* [единственный, первый, последний]) – типичный для определенного артикля, девиации встречаются довольно часто: *l'Espagne, c'est un seul pays de l'UE où (le seul pays)* [Испания – единственная страна, где], *c'est une épreuve la plus courte (l'épreuve)* [это – самый короткий тест], *la dernière chose qui vient à l'esprit est une idée de son ‘contenu intérieur’ (l'idée)* [последняя вещь, которая приходит в голову, это мысль о его «внутреннем содержании»]. Судя по всему, выбор артикля производится по формальному признаку (наличие конструкции *c'est*, требующей неопределенного артикля), а не по смыслу (единичный предмет – ‘последняя вещь’ – требующий определенного артикля).

Б. Девиантные конструкции с существительным, обозначающим единственное в своем роде явление

Речь идет об устойчивых выражениях: *il faut trouver un milieu d'or (le juste milieu)* [нужно найти золотую середину], *l'auteur démontre un revers de la médaille (le revers de la médaille)* [автор показывает обратную сторону медали], *un rêve américain est devenu la réalité (le rêve américain)* [американская мечта стала реальностью].

В следующих конструкциях контекст позволяет понять, что референт – единственный: *des couples où un mari est plus âgé que sa femme (le mari)* [супружеские пары, где муж старше жены], *les services du fonds ne touchent pas une masse totale de telles personnes (la masse totale)* [службы фонда не добираются до всей массы этих людей]. Тем не менее признак единственности межъязычием игнорируется.

Определенный артикль при существительном с обобщенным значением

Речь идет о тех случаях, когда о предмете или явлении говорится «вообще», например: *я люблю чай, архитектура – застывшая музыка* и т. д. – типичная ситуация употребления определенного артикля. Термин *определенный* здесь неудачен, поскольку в сознании русского респондента это значение плохо сочетается со значением ‘абстрактность’: *cette invention excellente, c'est un livre (c'est le livre)* [это замечательное изобретение это – книга], *une des plus ancienne invention de l'humanité – un livre (le livre)* [одно из самых древних изобретений человечества – книга], *une femme japonaise est une ombre des hommes (la femme, l'ombre)* [японская женщина – тень мужчин], *j'ai choisi un thème d'exposé bizarre, un suicide (le suicide)* [для выступления я выбрала странную тему – самоубийство], *J'aime des parfums (j'aime le parfum)* [я люблю духи]. В последнем примере пересекаются несколько типов девиаций в употреблении неопределенного артикля: приоритет множественного *des* [некоторые] перед *les* [все], использование множественного числа существительного по аналогии с русской формой, тогда как это существительное – единственного числа во французском, неопределенный артикль вместо определенного для абстрактного (обобщенного) обозначения предмета.

Определенный артикль для обозначения «известного» в дискурсе

Определенный артикль – маркер «известного» в тексте. И несмотря на то, что эту информацию сообщают обучаемым с первых же дней знакомства с французским языком, именно с этим связана наибольшее количество межъязыковых девиаций в выборе артикля. Их результат сильно влияет на понимание текста франкофонами⁷². Можно рассматривать девиаты такого типа как результат недодифференциации, по А. Е. Карлинскому, поскольку в межъязычии смешиваются явления, которые в русском не различаются, ср. также: *Sur cette image il y a un homme qui... Un homme est un héros principal (l'homme est le héros principal)* [на этой картине изображен человек который... Человек – главный герой], *un vague de recrutants est un phénomène inquiétant (la vague de candidats)* [волна кандидатов – тревожное явление] – в тексте обсуждалось ранее огромное количество желающих пройти конкурс на почтальона, *un projet de J.-C. R. concernant une création d'un parti politique (le projet... la création)* [Проект Ж.-С. Р. по созданию политической партии], но в тексте уже говорилось и о проекте, и о создании партии.

Во множественном числе: *des* вместо *les*

В отличие от относительно редких девиатов *les # des*, ошибки обратного типа – наиболее частотны среди случаев «неопределенный артикль вместо определенного»: на них приходится половина всех случаев. Это тем более удивительно, что множественное число неопределенного артикля встречается далеко не во всех артиклевых языках (его нет в английском языке – частом источнике девиаций). Но тенденция приоритета *des* сохраняется, и пишущий не осознает, что если он вводит *des N*, то тем самым исключает из рассмотрения некоторое количество представителей данного класса (некоторые, но не все N) или излишне подчеркивает ограниченное количество референтов: *l'attitude envers des étudiants étrangers (les étudiants)* [позиция по отношению к зарубежным студентам], *ils attaquent des*

⁷² Так, в рассказе респондента о суррогатной матери, в предложении *однажды женщина укра- ла ребенка*, для носителя русского языка кажется очевидным, что украден ребенок, которого эта женщина родила. Однако носитель французского языка поймет *un jour la jeune femme a volé un enfant* только как 'украда какого-то (другого) ребенка', и вся ситуация будет для него выглядеть иначе.

magasins (les magasins) [они нападают на магазины], *chez des adultes aussi bien que chez des enfants (chez les adultes... les enfants)* [у взрослых так же, как у детей].

Актуальность конкретизации значения ‘все’ носитель русского языка выражает словами *tous* или *quelques* [все, некоторые], не осознавая, что для этого можно – и нужно – использовать артикли. Такие случаи свидетельствуют о том, что, ощущая тот или иной оттенок значения категории определенности, носители русского языка все же стараются по возможности избегать использования артиклей и заменять их другими, близкими к русским, средствами: межъязычие противится включению артиклей.

В некоторых случаях, когда существительному предшествует прилагательное, респондент применяет – верное с точки зрения его межъязычия – правило замены *des* на *de*: *ils ont de premiers congés payés (les premiers congés payés)* [они получили первые оплачиваемые отпуска], *la difficulté du logement, très actuelle pour de grandes villes (pour les grandes villes)* [очень актуальные в больших городах сложности с жильем], *de futurs postier ne pensent qu'à la salaire mensuel (les futurs postiers ... au salaire mensuel)* [будущие почтальоны думают лишь о ежемесячной зарплате].

4.2.4.3. Неоправданный пропуск артикля

Ниже рассматриваются пропуски обязательных артиклей при существительных и детерминативах. Артикль, употребленный с местоимением или в составе адвербиальных или предложных выражений, считается элементом формы данных языковых единиц. Его неоправданный пропуск рассматривался выше, но случаи пропуска артикля в сочетаниях N de N будут рассмотрены отдельно ниже (типы *k* и *l*). Чаще всего пропускается определенный артикль. Случаи пропуска неопределенного артикля попадаются в 4 раза реже.

Пропуск артикля с существительным в различных синтаксических ролях

A. Подлежащее

Игнорирование межъязычием артиклей приводит к тому, что их пропуск случается даже при существительном в роли подлежащего: *Etablissement de ce système sera très util (L'établissement de ce système sera très utile)* [принятие этой системы будет очень полезным], *Livre peut être adaptable (Le livre)* [книга может быть при-

способлена], *Predictions sont devenu la réalité* (*Les prédictions sont devenues*) [предсказания стали действительностью], *l'internet et PC peuvent rendre les personnes handicapées plus autonomes (le PC)* [интернет и персональный компьютер делают инвалидов более самостоятельными]. *L'Europe à son part suppose aussi que rejets puissent être plus grands* (*L'Europe de son côté suppose aussi que les rejets peuvent être plus grands*) [со своей стороны Европа предполагает, что выбросы могут быть бóльшими] – пропуск артикля при существительном – подлежащем в сложноподчиненном предложении. Возможен пропуск и с собственным наименованием: *France d'aujourd'hui ouvre ses frontières (la France)* [Франция открывает сегодня свои границы]⁷³. *Deuxième cause est la manque d'accompagnement (La deuxième cause est le manque)* [Вторая причина – отсутствие сопровождения] – респондент посчитал, что использования числительного достаточно для ввода существительного.

Б. Именная часть сказуемого

La plupart des chatteurs sont jeuns de 25 à 35 ans (des jeunes) [большинство пользователей чатов – молодые люди от 25 до 35 лет]. Здесь мог сыграть роль тот факт, что лексема *jeune* выступает то как прилагательное, то как существительное (различие состоит в наличии артикля). Респондент не осознает имеющую здесь место субстантивацию: межъязычие не сразу принимает транспозиции вообще и субстантивацию в частности.

В. Прямое дополнение

Пропуск определенного артикля: *introduire dans la vie modèle des ouvriers bacheliers (le modèle des ouvriers)* [ввести в жизнь модель рабочих с полным образованием].

Пропуск неопределенного артикля: *Taylor employait méthodes scientifiques (des méthodes scientifiques)* [Тэйлор употреблял научные методы], *la danse avait si mauvaise image (une si mauvaise image)* [у танца была очень плохая репутация], *ces postulants ont diplômes (ont des diplômes)* [у кандидатов есть дипломы].

⁷³ Несмотря на то, что данное существительное и правила его употребления не могут не быть известными респондентам, этот пример – не единичный.

Г. После различных предлогов (косвенное дополнение)

- ***quant à problème de l'accessibilité...*** (*quant au problème*) [что касается проблемы доступности], ***grace a changement de l'attention*** (*grâce au changement*) [благодаря изменению внимания], ***sauf Américains*** (*sauf les Américains*) [кроме американцев], ***à cause de crise démographique*** (*à cause de la crise*) [из-за демографического кризиса], ***au cours de dernières années*** (*au cours des dernières années*) [в течение последних лет]. Чаще других причиной девиаций становится *comme*, что не удивительно, поскольку он употребляется то с артиклем (в союзном значении 'как' в сравнительных конструкциях), то без артикля (в предложном значении 'в качестве чего-то'): ***la femme a toujours été considérée comme sexe faible*** (*comme le sexe faible*) [женщину всегда рассматривали как слабый пол] – пропуск определенного артикля. В примере ***les danseuses étaient considérées comme prostituées*** (*comme des prostituées*) [танцовщиц рассматривали как проституток] пропущен неопределенный артикль. Проблема усугубляется тем, что в некоторых случаях предлоги действительно употребляются без артикля, если существительное не сопровождается прилагательным:

- ***sans surveillance plus stricte*** (*sans une surveillance*) [без самого строгого контроля]. Высказывание *sans surveillance* [бесконтрольно] было бы правильным;

- ***prendre les consultations sur hébergement*** (*sur l'hébergement*) [справляться о жилье] – при существующем устойчивом выражении *sur rendez-vous* [по договоренности];

- ***l'opinion des autres sur sujets différents*** (*sur les sujets différents / sur différents sujets*) [мнение других о различных темах] – пропуск объясняется смешением с детерминативом *différent*: перед существительным *différent* – детерминатив, который употребляется без артикля, после существительного – прилагательное. В таком случае артикль нужен.

Д. Контаминация с устойчивым выражением

В некоторых случаях отсутствие артикля может объясняться контаминацией с выражениями (*locution*), в которые входит то же существительное: ***les jeunes ont besoin vital d'être différents*** (*ont le besoin vital*) [молодые испытывают жизненную необходимость быть другими]. Контаминация произошла под влиянием глагольно-

го выражения *avoir besoin de* [нуждаться в], *il l'explique par crainte des organisations extrémistes musulmans (par la crainte des organisations extrémistes musulmanes)* [он это объясняет страхом перед экстремистскими мусульманскими организациями], по аналогии с предложным выражением *par crainte de* [из страха].

С неопределенными детерминативами

Некоторые детерминативы должны сочетаться с определенным артиклем: *le même* [тот же самый, подобный], *tout le* [весь], *le suivant* [следующий]: *sont de même avis (du même avis)* [они – одного и того же мнения], *le résultat est suivant (le suivant)* [результат следующий]. Последний девиат встречается очень часто, особенно в устной речи респондентов.

С использованием детерминатива *tout* проблема заключается в том, что он также употребляется без артикля в значении ‘всякий’, поэтому можно с некоторой натяжкой принять как допустимое следующее высказывание: *il est nécessaire d'établir les règles égales pour tout membre* [необходимо устанавливать равные правила для каждого члена]. Но если существительное сопровождается прилагательным, *tout* принимает значение ‘весь’ и должен сопровождаться артиклем: *pour rassembler toute information nécessaire (toute l'information nécessaire)* [собрать всю необходимую информацию].

Certain [некоторый] требует неопределенного артикля в единственном числе. Выражение *un certain nombre* – устойчивое: *bien que certain progrès existe (un certain progrès existe)* [существует некоторый прогресс], *le projet de construction de certain nombre de minarets (d'un certain nombre)* [проект постройки некоторого количества минаретов].

Лексема *autre* [другой] как детерминатив должна употребляться с артиклем или другим детерминативом: *dans le territoire d'autre pays (le territoire d'un autre pays)* [на территории другой страны].

Притяжательные местоимения первого и второго лица множественного числа *le nôtre, le vôtre* отличаются от притяжательного детерминатива наличием артикля (и циркумфлекса над буквой *o*): *l'éducation française est très différente de notre (de la nôtre)* [французское образование очень отличается от нашего]. Данный пример можно расценивать как пропуск артикля плюс результат орфографической девиа-

ции в употреблении диакритического знака или как смешение двух грамматических форм, аналоги которых не различаемы в Я₁.

С числительными

Числительные требуют артикль по-разному: если *deux documents* (без артикля) правильно и означает ‘два документа’, словосочетание *les deux documents* с определенным артиклем обозначает набор из двух и не более документов (‘оба документа’). Под это правило попадают все французские числительные, но межъязычие не различает эти употребления (даже в ситуациях с аналогом *оба*): *Deux documents proposés (les deux documents)* [оба предложенных документа], *au cours de deux dernières années (des deux dernières années)* [в течение двух последних лет].

С некоторыми местоимениями

Аналогично прилагательному *autre* местоимение *autre* [другой] требует артикль. Выбор между определенным и неопределенным отвечает стандартным правилам, игнорируемым межъязычием: *les jumeaux... sentent l'absence d'autre (de l'autre)* [близнецы... чувствуют отсутствие другого], *l'individu qui ne ressemble pas à d'autre (à un autre)* [индивид, не похожий на другого]. Другие местоимения также требуют артикль: *ils s'habillent de même façon (de la même façon)* [они одеваются одинаково], *l'état de stress post-traumatique est seul qui a une cause objective (le seul qui)* [состояние посттравматического шока – единственное, которое имеет объективную причину].

Пропуск частичного артикля

В межъязычии партитив пропускается и в устойчивых глагольных выражениях: *l'apparence physique a donc importance (a donc de l'importance)* [физический облик имеет значение], *qui aura succès (aura du succès)* [который будет пользоваться успехом], *les handicapés ont souvent mal à trouver au moins un de ses éléments (ont souvent du mal)* [инвалидам часто трудно найти хотя бы один из элементов], видимо, здесь произошла контаминация с выражением *avoir mal* [испытывать боль]. Со словом *argent* [деньги] часто вместо партитивного артикля (состоящего из сочетания предлога *de* с определенным артиклем) респонденты оставляют лишь предлог

de: gagner d'argent (de l'argent) [зарабатывать деньги] – как уже отмечалось, слово вызывает много затруднений.

4.2.4.4. Неоправданное наличие артикля

Случаи неоправданного наличия артикля можно разделить на две группы: в первую объединены девиации, вызванные тем, что респонденты не решили проблему детерминации и употребили артикль не просто потому, что знают, что «по-французски нужен артикль перед существительным», а потому, что они хотели выразить определенность или неопределенность референта. Эти факты отражены ниже в пп. «Неуместный артикль в синтаксической конструкции N cop N₂», «Неуместный артикль в функции обособленного определения», «Артикль с собственными именами существительными», «Неуместный артикль после некоторых глаголов». Ко второй группе отнесены примеры, в которых наличие артикля или другого детерминатива носит более формальный характер и только косвенно связано с тем или иным оттенком детерминации. Речь идет о наличии лишнего артикля при других детерминативах (п. 4.2.4.3). Своеобразным переходным случаем является лишний артикль после некоторых наречий и союзных средств. В гл. 3 (п. 3.3.3.1), были рассмотрены некоторые случаи неоправданного наличия артикля там, где это нарушало форму нецельнооформленных адвербиальных, предложных, союзных выражений и идиом. Здесь же приведены случаи неоправданного употребления артикля в свободных конструкциях.

Неуместный артикль в синтаксической конструкции N₁ cop N₂

Речь идет о конструкциях, где N₂ (или субстантивированное прилагательное) означает профессию, класс людей. В отличие от английского языка во французском в данной конструкции отсутствует артикль перед N₂, если оно не распространено прилагательным. В межъязычии респондентов фигурируют как определенные (чаще), так и неопределенные артикли: *qui étaient les féministes (étaient féministes)* [которые были феминистками], *pour qu'ils deviennent les enseignants (deviennent enseignants)* [чтобы они стали преподавателями], *il est devenu l'infirmier après l'accident (devenu infirmier)* [после несчастного случая он стал инвалидом] – определенные артикли, *soit qu'il sont des ouvriers ou bien employés (qu'ils soient ouvriers)* [кем бы они ни были – рабочими или служащими], *pour devenir un facteur (devenir*

facteur) [чтобы стать почтальоном] – неопределенные артикли. Данная девиация очень распространена. Способы выражения принадлежности к профессии изучают обычно на первых же уроках французского языка, в тот период, когда использование артикля еще не закреплено, а влияние другого, ранее изученного, иностранного языка еще очень сильно. Тот факт, что в английском языке в этом месте фигурирует артикль, становится причиной возникновения данной ошибки и объясняет ее фоссилизацию.

Неуместный артикль в функции обособленного определения

Речь идет об особом виде определения, выраженного обособленным существительным, которое во французском синтаксисе называют приложением - *apposition*. Если приложение находится после определяемого существительного, артикль не должно быть, но в межъязычии это правило Я₂ работает плохо: ***J. M. G, le médecin du sport, pense que*** (*J. M. G., médecin du sport, pense...*) [спортивный врач Ж. М. Г. думает, что]. Артикль мог бы быть, если бы приложение предшествовало определяемому существительному: ***Claude Duneton, le spécialiste de la langue française...*** (*Claude Duneton spécialiste de la langue française* или *Le spécialiste de la langue française Claude Duneton*) [Специалист по французскому языку К. Д. ...]. Однако стилистические правила французского языка предписывают, в отличие от русской нормы, называть сначала фамилию, а затем титул или должность лица, поэтому второй вариант менее распространен [Гак, Григорьев 2003: 37].

Артикль с собственными именами существительными

Не все имена собственные употребляются без артикля. Более того, иногда норма колеблется, как, например, в обозначении всемирной паутины *Internet*: данное слово лишь в последние годы перестало употребляться с артиклем, поэтому ошибочно следующее: ***les contacts téléphoniques sur l'Internet*** (*sur Internet*) [телефонные разговоры по интернету]. Справедливости ради добавим, что французы используют в речи оба варианта. Для межъязычия эпизодически характерно употребление определенного артикля с именами собственными, считается, что такие имена «определенны», поскольку обозначают существующие в единственном роде явления: ***au temps du Staline*** (*au temps de Staline*) [во времена Сталина], ***d'après la Bible***

le Dieu a créé (Dieu a créé) [согласно Библии, Бог создал...], *le Greenpeace (Greenpeace)* [Гринпис].

Неуместный артикль после некоторых глаголов

С некоторыми предикатами (глаголами и глагольными выражениями) выбор определенного или неопределенного артикля осложняется еще и тем, что в зависимости от степени определяемости референта возможен еще и нулевой артикль, ср.: *j'ai besoin de peinture, j'ai besoin d'une peinture, j'ai besoin de la peinture que tu as achetée ce matin* [мне нужна краска, мне нужна какая-нибудь краска, мне нужная та краска, которую ты купил сегодня утром]. Поскольку нюансы значения довольно тонки и нетипичны для русских респондентов, им трудно в них разобраться. Межъязычие порождает девиантные высказывания, которые не ошибочны как таковые, они ошибочны в контексте, в котором они были допущены: *les internautes handicapés ont besoin des sites adaptés (ont besoin de sites)* [инвалидам в интернете нужны адаптированные сайты], *je m'occupe de la littérature ancienne russe (de littérature)* [я занимаюсь древнерусской литературой].

Иногда наличие / отсутствие артикля продиктовано спецификой управления значения предиката в конкретном значении: в значении 'переменить' глагол *changer* требует предлог *de* и существительное без артикля: *la possibilité de changer du sexe (changer de sexe)* [возможность сменить пол]. Как будет представлено в п. 4.2.6. «Девиантное выражение транзитивности и интранзитивности», управление данным глаголом вообще является одним из наиболее активных источников межъязыковых девиаций.

Неоправданное наличие артикля или детерминатива после некоторых союзных средств

С предлогами со значением 'с' или 'без' возможны как употребление, так и опущение артикля. Если существительное сопровождается распространением в виде, например, относительного придаточного предложения, оно употребляется с артиклем. Таким образом, артикль выделяет тот референт, который является носителем определенного признака (с определенным артиклем – единственный носитель, с неопределенным – как представитель какого-то класса). Но без распространения существительное представляет вообще весь класс объектов, с которыми или без

которых протекает действие: *il faut avoir 100 points pour échapper à l'Université sans des examens (pour entrer à l'Université sans examens)* [нужно получить 100 баллов, чтобы избежать⁷⁴ Университета без экзаменов], *parfois c'est impossible sans L'équipement spécial (sans équipement spécial)* [иногда это невозможно без специального оборудования], *la Grande Mosquée de Paris a été construite sans quelques problèmes (sans problèmes)* [Большая парижская мечеть была построена без проблем], *la Grande Mosquée de Paris a été construite avec L'enthousiasme (avec enthousiasme)* [Большая парижская мечеть была построена с энтузиазмом], *faute des conflits avec leurs parents... (faute de conflits)* [в отсутствие конфликтов с родителями].

С *comme* и его аналогами в значении 'в качестве чего-либо' артикль исключается. Многофункциональная лексема *comme*, способная выступать и в сравнительных конструкциях и как подчинительный союз причины в составе сложноподчиненного предложения, является источником большого количества девиаций. Подобные многофункциональные средства связи – не прерогатива французского языка. Как известно, в русском языке лексема *так*, в некоторых контекстах выступающая в качестве эквивалента французского *comme*, тоже чрезвычайно многозначна [Федорова 2004]. Все сложности межъязычие игнорирует, вводя чаще определенный артикль или дейктик: *comme le résultat (comme résultat)* [в качестве результата], *ils travaillaient comme les agriculteurs (comme agriculteurs)* [они работали сельскохозяйственниками], *Air France a choisi Prétory comme son sous-traiteur (comme sous-traitant)* [Эр-Франс выбрала фирму Прэтори в качестве субподрядчика], *ces élèves sont incapables à percevoir une grande partie de disciplines à l'école secondaire. Comme la suite, 10 % des enfants se trouvent en échec scolaire pendant tout le temps de leurs études (comme conséquence)* [эти ученики не способны понять большую часть дисциплин в средней школе. Как следствие, 10 % детей оказываются неуспевающими в школе в течение всего времени обучения]⁷⁵, *ils gardent l'importance en tant qu'un groupe social (de l'importance en tant que groupe social)* [они сохраняют значимость в качестве социальной группы].

⁷⁴ Комментарий к этому примеру см. на стр. 124.

⁷⁵ Приведен большой контекст для того, чтобы показать, в какой ситуации *comme* должен употребляться без артикля.

Артикль может быть лишним и в сочетании с другими средствами связи в том же значении: *la France est connue en tant que le pays cultivant...* (*en tant que pays cultivant*) [Франция известна как страна, выращивающая], *la conférence avait pour son objectif la mise en oeuvre (avait pour objectif)* [целью конференции была выработка], *elle a pour l'objectif (pour objectif)* [у нее цель], *la France essaie de démentir sa réputation en matière des étudiants étrangers (en matière d'étudiants étrangers)* [Франция пытается опровергнуть свою репутацию в том, что касается иностранных студентов]. С наречиями, обозначающими количество: *beaucoup des gens sont mort à la mine (beaucoup de gens sont morts)* [много людей умерло на шахте], *ils consacrent plus du temps à eux-mêmes (plus de temps)* [они посвящают много времени самим себе], *peu des invalides ont...* (*peu d'invalides*) [мало инвалидов имеют...]. Это очень распространенная девиация.

Девиантное употребление артикля с детерминативами

Вопрос о том, считать или нет артикль детерминативом – и вообще о месте артикля в системе частей речи французского языка – не решен [см., например: Гак 2004: 95]. Собранный нами девиантный материал носит по большей части формальный характер. Тем не менее относить все девиации к чисто формальным мы не можем, поскольку наличие или отсутствие артикля артикля при детерминативах зависит от их синтаксической роли в предложении, они не составляют нецельно-оформленной единицы. Без артикля употребляются и являются причинами девиаций:

- детерминатив *certain* (*определенный*) во множественном числе – *il accepte donc des certains points (il accepte donc certains points)* [он принимает некоторые пункты], *Alain Decaux trouve des certains changements de l'orthographe plutôt favorables (trouve certains changements)* [А. Д. считает некоторые изменения в орфографии вполне положительными];

- прилагательное *différent* в качестве детерминатива – *présente des différents aspects du problème d'isolation informatique (présente différents aspects)* [представляет различные аспекты проблемы информационной изоляции], *les gens ont été surveillés dans de différentes situations (dans différentes situations)* [за людьми следили в различных ситуациях] – здесь при неоправданном наличии артикля *des* перед

différents было правильно применено правило замены *des* на *de* перед прилагательным;

- детерминатив *plusieurs* (некоторые) – *la courbe a vu des plusieurs crises (a vu plusieurs crises)* [кривая показала несколько кризисов];

- прочие детерминативы – *celui, tel, tout: les mesures apporteraient beaucoup de problèmes aux industries cosmétiques mais aussi aux celles de pharmacologie (à celles de pharmacologie)* [эти меры приносили бы много проблем косметической, а также фармакологической индустрии], *le rôle du livre est supérieur au celui des différentes technologies (à celui)* [роль книги выше, чем роль различных технологий], *une nouvelle place qui correspond aux toutes les demandes (à toutes les demandes)* [новое место отвечает всем требованиям], *spécialiste dans un tel ou tel domaine (dans tel ou tel domaine)* [специалист в той или иной области];

- притяжательные детерминативы – *consacrent moins de temps au leur travail qu'avant (à leur travail)* [посвящают меньше времени своей работе, чем раньше], *(les Etats-Unis)... grace aux ses forêts (grâce à leurs forêts)* [благодаря своим лесам, Соединенные Штаты...], *les professeurs font aux leurs élèves lire systématiquement des livres (à leurs élèves)* [преподаватели систематически заставляют своих учеников читать книги];

- неопределенное местоимение *autrui* – *les gens souvent privés de la communication avec L'autrui (avec autrui)* [люди часто лишены общения с другими], объясняется смешением этого местоимения с однокоренным детерминативом *autre*. Местоимение *chacun* не требует артикля – *un respect de l'autonomie du chacun (de chacun)* [уважение к самостоятельности каждого];

- числительные – *le taux d'emploi doit être diminué jusqu'au 45 ans (jusqu'à 45 ans)* [занятость должна снизиться до 45 лет]⁷⁶, *de 33,6 en 1990 jusqu'aux 29,8 % (jusqu'à 29,8 %)* [от 33,6 в 1990 г. до 29,8 %]. Иногда лишний артикль появляется не до, а после числительного: *3 000 les enfants qui sont grave malades (3 000 enfants*

⁷⁶ Данное предложение – типичный случай того, как девиации препятствуют коммуникации: зная исходный текст и контекст, можно восстановить намерение респондента, который хотел сказать следующее: *la durée du travail doit être réduite à 45 ans* [трудовой стаж должен сократиться до 45 лет]. Но многочисленные лексические девиаты приводят к тому, что высказывание в том виде, в котором оно получилось, становится совершенно непонятным. К тому же оно неправильно по сути, поскольку пенсионная реформа состоит в том, чтобы увеличить трудовой стаж до 45 лет.

qui sont gravement...) [3 000 детей, которые тяжело больны]. В некоторых случаях употребляется конструкция *de* + артикль, например: *12 000 des jumeau* (*12 000 jumeaux*) [12 000 двойняшек]. Возможно, респондент захотел восстановить правило русского языка «числительное + N_{gen.pl}»⁷⁷. Неоправданное наличие артикля перед детерминативами наблюдается почти всегда при употреблении стяженных форм артикля *des* (*de* + *les*), *aux* (*à* + *les*): *la popularité est due aux plusieurs faits* (*est due à plusieurs faits*) [его популярность связана с несколькими фактами], *simplification d'entrée à la seconde des certains catégories des élèves* (*d'entrée de certaines catégories d'élèves*) [упрощение поступления во второй класс для некоторых категорий учащихся], *l'examen d'entrée au certaines universités* (*à certaines universités*) [вступительный экзамен в некоторые вузы]. Это наблюдение позволяет сделать следующий вывод: в отличие от преподавателя и от исследователя, которые видят в данных ошибках «неоправданное наличие артикля» с теми или иными детерминативами, респонденты воспринимают формы *des* или *aux*, скорее, как варианты предлогов *de* или *à*, аналогичные русским *о / об* или *с / со*.

4.2.4.5. Партитив вместо неопределенного артикля

В ходе опросов респонденты называют изучение партитивного артикля одним из самых сложных вопросов, связанных со знакомством с французской артиклевой системой, объясняя это тем, что «в русском языке этого нет». Если обратить их внимание на то, что в русском языке есть способы выражения неопределенного количества вещества, аналогичные тому, что позволяет выразить французский партитивный артикль, они соглашаются, но это не помогает им осваивать данный тип артикля: система Я₁ не поддерживает межъязычие. На основе сопоставления русского оригинала и его переводов на европейские языки В. Б. Кашкин приводит следующие цифры: партитивному артиклю во французском (и в итальянском) соответствует в русском языке родительный падеж (в 37 % случаев), творительный

⁷⁷ Заметим в связи с этим, что русские правила сочетания существительных с числительными сильно отличаются от французских. Автор этих строк до сих пор помнит то удивление, с которым узнал, что после единицы существительное всегда ставится в форме единственного числа, даже если речь идет о 31, 551 или 1001. Но известно, что «очень удивительное правило» имеет шанс легко войти в межъязычие, ибо оно сопровождается эмоциональным зарядом. Вероятно, что обратное – неверно, и тот факт, что во французском языке данные числительные сочетаются с существительными без артиклей, не удивляет русскоговорящих респондентов, поэтому они иногда и ошибаются.

(14,8 %), винительный (44,4 %) и именительный (3,7 %). В. Б. Кашкин делает для нас очень важный вывод: «Русские примеры выявляют в скрытой грамматике два нечетких центра, связанных с партитивностью: родительный падеж (собственно партитивность, в особенности – партитивный падеж – *снегу vs снега, чаю vs чая* и т. п.) и винительный падеж (связанный с неопределенностью отношениями прагматического сродства)» [Кашкин 2001: 109]. Далее он подчеркивает, что родительный чаще характерен для имен с конкретной семантикой (вещественных существительных), а винительный для абстрактных. В этом факте, наверное, кроется причина сложностей в освоении партитивного артикля во французском языке – они почти всегда касаются абстрактных имен. Чаще всего возникает проблема с существительным *argent* [деньги]: множественное число русского существительного (а также многих его просторечно-разговорных эквивалентов – *зеленые, тугрики, баксы, бабки*) мешает воспринимать это явление «на французский манер» – как некое вещество (наподобие других разговорных эквивалентов – *капуста, фуф-ло, зелень*). Чаще всего партитив отсутствует, он заменен другим артиклем, но бывают случаи, когда им заменяют артикль. В таких случаях респондент освоил, что партитив нужно употреблять в том числе и с абстрактными существительными: *il est assez difficile de trouver du logement en France (trouver un logement)* [достаточно сложно найти жилье во Франции], *ils veulent avoir de la vie privée (avoir une vie privée)* [они хотят иметь частную жизнь], *il fallait avoir de la formation convenable (une formation convenable)* [нужно было иметь приличное образование]. Однако нельзя найти «часть жилья», «некоторое количество частной жизни», «кусочек образования». Девиация – неоправданное распространение области применения правила – происходит из-за недостаточного понимания сути партитивности во французском языке.

Девиациями в выражении неопределенного количества можно считать и неточности в использовании местоимения *en*, поскольку именно это местоимение указывает неопределенное количество при дейктическом замещении. Влиянием «сильной формы» *il y en a* [имеется некоторое количество 'этого добра'] объясняется следующая ошибка: *il y en a une cause (il y a une cause)* [есть одна причина], *il n'y en avait que 3 000 places (il n'y avait que 3 000 places)* [было только 3 000 мест] –

здесь, видимо, столкнулись две конструкции – *il y en a* [‘этого добра’ есть] и *il y a 3 000 places* [имеется 3 000 мест], к тому же с ограничительной конструкцией *ne... que* [только]. В последнем случае, *ils en sont trois (ils sont trois)* [их трое], девиация, видимо, вызвана другим – заменой конструкции *il y a* калькой с русского *ils sont, ils existent* в тех случаях, когда подлежащее стоит во множественном числе. С выражением *il y a* местоимение *en* было бы уместным. Заметим, что девиатов такого типа очень мало, несмотря на то, что сами респонденты считают правила использования местоимения *en* сложными. Ошибки с этим «словом» (его функциональное разнообразие вынуждает респондентов прибегать к этому не-научному определению омокомплеса *en*) в 9 из 10 случаев связаны с неправильным использованием его в качестве союзного средства, а не с его дейктической функцией. Нам представляется, что этому есть одно объяснение. Как утверждают респонденты, они предпочитают не использовать данное местоимение, если не имеют полной уверенности в правильности высказывания: межъязычие «отторгает» материал Я₂, слишком отдаленный от функциональных и структурных аналогов Я₁. Анализ текста новелл показал, что носители русского языка используют *en* именно в следующей пропорции: из 200 случаев употребления омокомплеса в 61 случае *en* участвует в образовании деепричастия и только 19 раз он – изолированный дейктик⁷⁸.

4.2.4.6. Девиантный выбор артикля в некоторых синтаксических конструкциях

В конструкциях, обозначающих дату

Артикль требуется для выражения даты, которая, как известно, обозначается по-французски не порядковыми, а количественными числительными (кроме первого числа месяца), но с обязательным артиклем: *les actes terroristes de onze septembre (les attentats du onze septembre)* [теракты 11 сентября]. Однако названия месяцев без указания точной даты должны употребляться без артикля: *les attentats du septembre 2001 (de septembre)* [теракты сентября 2001 г.] И наконец, с названиями дней недели неопределенный артикль в *un lundi* обозначает ‘какой-то понедельник’, определенный артикль в *le lundi* означает ‘по понедельникам’, а для указания точной даты некоего события артикль исключается: *les négociateurs arrêtent les manifestation*

⁷⁸ В остальных случаях *en* – предлог. К сожалению, мы не располагаем данными о количественных употреблениях франкофонами омокомплеса *en*.

après le vendredi (arrêtent les manifestations après vendredi) [участники прекратят демонстрации после пятницы]. Межъязычие воспринимает эти правила как противоречивые и не мотивированные, поскольку аналоги им в Я₁ отсутствуют.

Нарушение правила «*de* вместо *des* перед прилагательным»

Литературная норма французского языка предписывает употреблять предлог *de* вместо неопределенного артикля множественного числа *des* перед прилагательным: *ils sont des très bons spécialistes (de très bons spécialistes)* [они – замечательные специалисты], и именно эта норма дается в учебниках французского языка как иностранного. Это правило подтверждает слова В. Б. Кашкина о том, что неопределенный артикль множественного числа является формоизменением партитива, а не наоборот [Кашкин 2001: 217]. Однако проблема здесь заключается в том, что данное правило ничем не мотивировано и плохо применяется как русскоговорящими респондентами, так и самими французами. Надо полагать, что данная норма обречена в самом близком будущем. Что касается наших респондентов, они плохо различают звуко сочетания [dø] и [dɛ], особенно в самом начале обучения, когда, собственно, это правило и проходят, поэтому девиации неизбежны. К тому же, замена *des* на *de* обязательна в некоторых случаях, например с детерминативом *autre*: *les gens ont des autres problèmes (d'autres problèmes)* [у людей другие заботы]. В других случаях, наоборот, правило применяется респондентами там, где этого не нужно делать – не перед прилагательным: *le monde du travail avait subi de mutations considerables (des mutations considérables)* [мир труда претерпел огромные изменения] – прилагательное есть, но оно стоит после существительного. В следующем случае не исключена и орфографическая ошибка: *la façon d'application a provoqué de confrontations (a provoqué des confrontations)* [применение вызвало столкновения].

В отрицательных конструкциях

Выражение отрицания (чему будет посвящен п. 4. 3.2) влечет за собой определенное количество изменений в структуре предложения. Некоторые из этих изменений касаются артиклей, что неизбежно влечет за собой девиаты.

А. Формы du, de la, de l', des вместо de

Правильный в утверждениях партитив должен быть заменен простым предлогом *de* с нулевым артиклем при отрицании (названный *нулевым партитивом* В. Б. Кашкиным) [Там же: 214]: *il n'y a pas du respect entre la femme et le mari (il n'y a pas de respect)* [нет уважения между мужем и женой], *on n'attache plus de l'importance aux livres (plus d'importance)* [книгам больше не придают значения]. В русском языке ему соответствует родительный падеж.

По аналогии с формами единственного числа можно понять и формы множественного, хотя труднее определить, каков был статус той формы *des*, которая закрепились в межъязычии: стяженная форма предлога *de + les*, партитивный артикль *des* или неопределенный артикль множественного числа *des*⁷⁹: *il ne veut pas avoir des problèmes (avoir de problèmes)* [он не хочет иметь неприятности], *sans causer des dégâts (de dégâts)* [не причиняя разрушений] – неоправданное наличие артикля с отрицательным деепричастием.

В высказывании *il n'y aura pas de ces problèmes (il n'y aura pas de problèmes)* [не будет больше проблем] – неоправданное наличие детерминатива после отрицания. Однако данную конструкцию можно понять и как противительную: *il n'y aura pas ces problèmes* [этих проблем не будет (но будут другие)].

Б. Предлог de вместо артикля

Неоправданная замена артикля предлогом *de* при отрицании является примером неоправданного расширения области применения правила в межъязычии. Правило должно применяться только там, где в утверждении был неопределенный артикль или партитив: *ils ne voyaient pas de poésie de corps dans la danse (ils ne voyaient pas la poésie du corps dans la danse)* [в танце они не видели поэзию тела], *les personnes handicapés qui n'ont pas de possibilité de trouver un livre en braille (n'ont pas la possibilité)* [инвалиды не имеют возможности найти книгу, написанную на азбуке Брайля], *ils n'ont pas d'expérience nécessaire (l'expérience)* [у них нет необходимого опыта]. К тому же это правило не распространяется на высказывания, где сказуемое – глагол *être*: *ces tests ne sont pas de torture pour les animaux (ne sont pas une*

⁷⁹ Мы вынуждены различать эти три формы потому, что респондентам они преподаются именно как три разные формы. Углубленный исторический и синтаксический анализ показывает, что во всех трех случаях мы имеем дело с сочетанием предлога *de* и определенного артикля *les*.

torture pour les animaux) [эти тесты – не мучение для животных], а также на те случаи, когда отрицание построено на противопоставлении (не то, а это): *l'emploi du facteur n'exige pas un de niveau élevé de formation* (*n'exige pas un niveau élevé de formation*) [работа почтальона не требует высокого уровня образования].

V. Пропуск de в отрицательных конструкциях

Значение нулевого партитива (*de* с нулевым артиклем) не чуждо носителю русского языка, поскольку его легко ассоциировать со значением родительного падежа. Тем не менее бывают случаи, когда *de* неоправданно заменяют определенным артиклем – видимо, из желания выразить «определенность» референта: *qui n'a pas la résolution directe* (*qui n'a pas de solution*) [который не имеет прямого решения], *malgré qu'il n'ait pas eu les papiers* (*il n'ait pas de papiers*) [несмотря на то, что у него не было документов], *ils n'ont pas l'éducation supérieure* (*d'éducation*) [у них нет высшего образования]. Такие девиации не удивительны по лингводидактической причине: эта тема плохо объясняется в учебниках, и с ней респонденты знакомятся тогда, когда они еще плохо освоили артикли.

Девиантное употребление артикля в конструкциях $art_1 N_1 de art_2 N_2$

Выявление закономерностей в использовании или опущении артикля в конструкциях типа N de N – отдельная, очень сложная проблема [См., например: Костылева 1976; Истомин 1984; Кашкин 2001]. Участнице руководимого нами спецсеминара В. С. Жиловской [Жиловская 2002] удалось выявить класс конструкций с обязательным присутствием нулевого артикля: это некоторые определительные и детерминативные, а также аппозитивные конструкции, характеризуемые кореферентностью двух существительных. Когда речь заходит о сложностях в освоении артиклей, респонденты признают, что они просто не знают, как правильно ставить артикль в синтагмах N de N, и ставят наугад или в лучшем случае руководствуются неясными оценками своего межъязычия («звучит» или «не звучит» правильно). Статистика показывает, что среди девиаций в выборе артикля каждая третья допущена в синтагме типа N de N.

С учетом того, что артикли могут быть определенные и неопределенные, возможны следующие варианты (в моделях указан женский род во избежание стяженных форм артикля): *la N de la N*; *la N d'une N*; *la N de N*; *une N de la N*; *une N d'une*

N; une N de N; N de la N; d'une N; N de N, что порождает следующие девиации в употреблении артиклей:

- для art_1 :

- a) определенный артикль # неопределенного;
- b) неопределенный # определенного;
- c) определенный артикль # нулевого артикля;
- d) неопределенный артикль # нулевого артикля;
- e) нулевой артикль # определенного;
- f) нулевой артикль # неопределенного;

- для art_2 :

- g) определенный # неопределенного;
- h) неопределенный # определенного;
- i) определенный артикль # нулевого артикля;
- j) неопределенный артикль # нулевого артикля;
- k) нулевой артикль # определенного;
- l) нулевой артикль # неопределенного.

Поскольку возможны девиации в употреблении обеих артиклей, несложно подсчитать, что гипотетически возможны 36 комбинаций, например: *c'est aussi le jeu des mots* (*c'est aussi un jeu de mots*) [это тоже игра слов] (типы *a* и *i*) или *d'un progrès brusque de nombre des étudiants* (*du nombre d'étudiants*) [резкий рост числа студентов] (типы *e* и *c*) и т. д. Девиации в употреблении первого артикля рассматриваются здесь лишь в тех случаях, когда они сопряжены с девиациями в употреблении второго (в иных случаях они были рассмотрены в соответствующих разделах). Случаи опущения предлога в данном подпункте не рассматриваются. Фактически мы сталкиваемся со следующими девиатами, с явным преобладанием симметричных типов *i* и *k* (на их долю приходится 74 % всех нарушений в синтагмах *N de N*), представляющих собой результаты смешения нулевого и определенного артикля art_2 .

A. Тип *i*: определенный art_2 вместо нулевого $[N_1 de la N_2] \# [N_1 de N_2]$

Таких примеров больше всего: 38 % случаев девиантного выбора артикля в синтагмах *N de N* приходится на этот тип. Можно разделить девиантные случаи в за-

висимости от art₁ (определенный или неопределенный) и от числа N₂. Однако более интересной оказывается классификация по семантическим типам N₁. Чаще других девиации вызывает N₁, когда:

N₁ выражает количество (*nombre, quantité*) – *la quantité croissante de l'information différente est déposée sur le réseau (une quantité d'information)* [растущее количество различной информации расположено в сети], *cela diminue la quantité des pot-de-vins parmi les professeurs (la quantité de pots-de-vin)* [это уменьшает количество взяток среди преподавателей], *le nombre des femmes dans les entreprises a augmenté (le nombre de femmes)* [число женщин на предприятиях увеличилось], *40 % de génération (40 % de la génération)* [40 % поколения];

N₁ выражает время – *le XX était un siècle des révolutions (un siècle de révolutions)* [двадцатый век был веком революций], *cette région a 300 ans de l'histoire industrielle (300 ans d'histoire)* [этот регион насчитывает 300 лет истории промышленности];

N₁ - слово-классификатор – речь идет о существительных *genre* [род], *sorte* [вид], *question* [вопрос]: *propose aux invalides une sorte de l'indépendance (une sorte d'indépendance)* [предлагает инвалидам своего рода независимость], *c'est une question du temps (c'est une question de temps)* [это вопрос времени], при N₁ с детерминативом *ce* вместо артикля *ce genre du service (ce genre de service)* [услуги такого рода];

N₁ обозначает 'нехватку, отсутствие' – примеров с такими N₁ особенно много: *le manque de l'amour (le manque d'amour)* [недостаток любви], *le problème essentiel est l'absence de la pratique (l'absence de pratique)* [отсутствие практики];

N₁ обозначает 'способ' – здесь представлены слова *méthode, moyen*: *le nouveau moyen de la communication (moyen de communication)* [новый способ коммуникации], *on a installé de nouvelles méthodes du travail (méthodes de travail)* [установили новые методы работы].

Теоретически респонденты знают, что синтагма N de N означает, скорее, одно составное понятие, нежели два, и что второе существительное напоминает русское прилагательное, но межъязычие диктует ставить определенный артикль каждый раз, когда N₂ обозначает «известное» им явление.

Б. Тип k: пропуск определенного артикля art_2 $\boxed{N_1 \text{ de } N_2}$ # $\boxed{N_1 \text{ de la } N_2}$

Встречаются два случая. Первый – когда art_1 неопределенный $\boxed{\text{une } N_1 \text{ de } N_2}$ # $\boxed{\text{une } N_1 \text{ de la } N_2}$: *une autre image d'enseignant (une autre image de l'enseignant)* [другой образ преподавателя], *comme un protégé d'Américains (un protégé des Américains)* [как ставленник американцев], *les conditions de fidèles (des fidèles)* [условия верующих]. Примеры единичны. Девиации возникают чаще, когда N_2 стоит в форме множественного числа, что еще раз подтверждает «размытость» и второстепенность этого частного грамматического значения для межъязычия. Второй случай – когда art_1 определенный $\boxed{\text{la } N_1 \text{ de } N_2}$ # $\boxed{\text{la } N_1 \text{ de la } N_2}$. Таких примеров больше всего (почти треть всех девиатов в синтагмах N de N и чаще, чем каждый десятый девиантный случай при выборе артикля). Встречаются даже цепочки из нескольких однотипных ошибок: *le problème d'accessibilité d'information (le problème de l'accessibilité de l'information)* [проблема доступности информации]. Некоторые девиаты дословно повторяются в разных работах, например: *la place du livre dans la vie d'enfant (la vie de l'enfant)* [место книги в жизни ребенка]. Особенно регулярно данный тип представлен с N_1 , означающим «определенное количество» (большинство, большая или меньшая часть): *la plupart de travail sera faite par les machines (la plupart du travail)* [большая часть работы будет осуществлена машинами], *la majorité d'handicapés (des handicapés)* [большинство инвалидов].

В возникновении следующего девиата, возможно, сыграл роль тот факт, что существует мало собственных существительных – названий городов, в состав которых включен артикль: *La Haye, La Rochelle, La Havane, la conférence de Haye est consacré au problème... (de la Haye est consacrée)* [конференция в Гааге посвящена...]. Респондент, скорее всего, не обратил внимания на артикль, хотя в опорных текстах название этого города было приведено.

Следующие два девиантных типа (*l* и *j*) также симметричны и немногим отличаются от предшествующих: нулевой артикль смешивается с неопределенным.

Б. Типы l: пропуск неопределенного артикля art_2 $\boxed{N_1 \text{ de } N_2}$ # $\boxed{N_1 \text{ d'une } N_2}$ и *j*: неопределенный art_2 вместо нулевого $\boxed{N_1 \text{ d'une } N_2}$ # $\boxed{N_1 \text{ de } N_2}$

Примеры немногочисленны: *la création de site Internet (la création d'un site)* [создание интернет-сайта], *l'apparition récente de grande quantité de livres*

(*l'apparition récente d'une grande quantité*) [появление большого количества книг] – здесь образ N de N без артикля как нечто целого оказывается сильнее правила «первое упоминание референта», что и вызывает девиацию; *sa réputation d'une terre d'asile* (*sa réputation de terre d'asile*) [свою славу земли прибежища].

Г. Tun h: неопределенный art₂ вместо определенного

$\boxed{\text{art}_1 N_1 \text{ d'une } N_2} \# \boxed{\text{art}_1 N_1 \text{ de la } N_2}$:

В межъязычии неопределенный артикль воспринимается как носитель обобщенного значения – поскольку он «не-определенный», что приводит к девиации: *le phénomène d'une vie après le travail* (*le phénomène de la vie après le travail*) [явление жизни после работы], *le prix d'un matériel informatique qui est très élevé* (*le prix du matériel informatique*) [очень высокая цена на компьютерное оборудование].

Д. Tun g: определенный art₂ вместо неопределенного

$\boxed{\text{art}_1 N_1 \text{ de la } N_2} \# \boxed{\text{art}_1 N_1 \text{ d'une } N_2}$

Последний тип (около 3 % девиатов в синтагмах N de N), к которому отнесены случаи смешения определенного и неопределенного артиклей, соответствует рассмотренным выше, в п. 4.2.4.1. Такие случаи наблюдаются тогда, когда art₁ – определенный: *L'utilisation du pseudonyme permet créer* (*l'utilisation d'un pseudonyme permet de créer*) [использование псевдонима позволяет создавать...], *la nécessité de la formation spéciales* (*nécessité d'une formation spéciale*) [необходимость в специальной подготовке], *qui marque le début de la nouvelle ère* (*le début d'une nouvelle ère*) [которая отмечает начало новой эры], *on sent l'approchement de la troisième guerre* (*l'approche d'une troisième guerre*) [чувствуется приближение третьей войны]. Здесь причины, вызвавшие девиацию, те же, что и в других синтаксических позициях, а именно: непонимание сути категории определенное / неопределенное. Можно предположить, что определенный art₁ вызвал определенный артикль и во второй позиции (респондент рассуждает так: «если одно – определено, то и второе – тоже»).

Выводы

Межъязычие на этом участке не представляет собой последовательно выстроенной системы. Главная сложность для всех респондентов – почувствовать, в каком случае словосочетание, воспринимаемое ими как N + N_{gen} или N + Adj, должно вы-

ражаться как N de N, в N d'une N или в N de la N. Большинство респондентов говорят, что чувствуют себя здесь неуверенно, не имея четких критериев, действуют чаще всего наугад или воспроизводят выученные модели. Это мало помогает, ведь словосочетания *un chien de berger*, *un chien du berger*, *le chien du berger* и *un chien d'un berger* (соответственно: 'какая-то овчарка', 'одна из собак того самого пастуха' (о котором речь шла раньше), 'та самая собака того самого пастуха', 'одна из собак одного из пастухов') вне контекста одинаково возможны и правильны.

4.2.4.7. Девиантное употребление прочих детерминативов

К детерминативам относят притяжательные, указательные, неопределенные прилагательные. Некоторые из них могут сочетаться с артиклем, что создает причины для возникновения девиатов, которые уже были рассмотрены выше (см. п. 4.2.4.3 и 4.2.4.4). Здесь же представим случаи смешения различных детерминативов с артиклями. Необходимо заметить, что случаи, когда артикль заменяет детерминатив, – редки, это кальки с русского языка с ограниченной синтаксической сочетаемостью. Калькирование для межъязычия естественно: по признанию самих респондентов (и наш девиантный материал это подтверждает), неуверенность в выборе правильного артикля подталкивает их к тому, чтобы применять «стратегию избегания» – как можно чаще использовать детерминативы, которые не вызывают сомнений, вместо «вероломных» артиклей.

Артикль вместо притяжательного прилагательного

Чаще всего смешиваются определенный артикль и притяжательное прилагательное, особенно когда они употребляются с существительными со значением 'часть тела', 'член семьи' или в составе устойчивых выражений, в которых во французском языке притяжательное прилагательное обязательно, а в русских аналогах не употребляется: *avec nos parents, plus exact, avec la mère (plus exactement avec notre mère)* [с родителями, а именно с матерью], *ils sont attachés à la famille (à leur famille)* [они привязаны к своей семье], *venus faire les études en France (faire leurs études)* [они приехали учиться во Франции], *ils perdent une belle apparence physique (perdent leur belle apparence)* [они теряют свою красивую физическую форму].

Определенный артикль вместо указательного прилагательного

Данный девиат встречается в конструкциях, обозначающих обстоятельство времени, где указательное прилагательное обязательно, чтобы обозначить ‘то время, в котором живем’, ‘эту неделю’ и т. д.: *le temps dernier (ces derniers temps)* [в последнее время], *les dernières années (ces dernières années)* [в последние годы]. Также ошибка встречается в случае употребления неопределенного детерминатива *ce dernier* [последний], обозначающего названный ранее в тексте референт: *la commission... le président de la dernière propose prendre en compte des forêts (le président de cette dernière)* [председатель последней (названной выше по тексту комиссии) предлагает учесть леса].

Детерминатив *quelque* вместо неопределенного артикля

А. Вместо артикля в единственном числе

Нельзя сказать, что использование детерминатива *quelque* вместо неопределенного артикля *un* – абсолютно неправильно, однако *quelque* редко употребляется во французском языке в единственном числе. Стилистически оно – маркированное, устаревшее и представляет собой аналог русского *некий*. Употребление *quelque* в устной речи – очень распространенная девиация респондентов. Можно подумать, что реализуется желание подчеркнуть неопределенность, которую лучше было бы выразить словами *un certain, un N quelconque*. Создается впечатление, что межъязычие «наделяет» существительное «смыслом» ‘некий, какой-то’, маркирует его «неопределенность». Респонденты чувствуют значение «неопределенности», но не уверены, что артикль *un / une* подходит в качестве маркера, и поэтому выбирают прилагательное *quelque*, хотя значение ‘какой-то’ как раз и есть значение неопределенного артикля *un*. Кроме того, предпочтение делается *quelque* еще и потому, что неизменяемое по родам слово позволяет избежать выбора между формами мужского и женского рода: *les Schtroumpfs habitent dans quelque village dans la forêt (dans un village)* [Штрумпфы живут в одной деревне в лесу], *ils ont décidé d’aller en ville pour chercher quelque travail (pour chercher un travail / du travail / un travail quelconque)* [они решили идти в город в поисках работы], *les jeunes doivent avoir quelque expérience professionnel (une expérience professionnelle)* [у молодежи должен быть опыт работы].

Б. Вместо артикля во множественном числе

В этой ситуации нельзя сказать, что использование детерминатива *quelques* вместо неопределенного артикля множественного числа *des* – абсолютно неправильно. В конструкциях типа *quelques difficultés existent là-bas (il y a quelques difficultés / des difficultés/certaines difficultés)* [есть (некоторые) трудности] детерминатив *quelques* просто не нужен, достаточно неопределенного артикля *des*. Однако *quelques* и *des* выражают разные оттенки количества: *quelques* маркирует небольшое количество референтов, тогда как *des* просто указывает на то, что они есть и их ‘неопределенно много’, ср.: *Aujourd’hui il y a quelques médecins qui pratiquent le rire comme moyen thérapeutique* [сегодня есть всего несколько врачей, практикующих смех как терапию] и *il y a des médecins qui pratiquent le rire comme moyen thérapeutique* [сегодня есть врачи, практикующие смех как терапию]. В первом случае утверждается, что всего лишь несколько врачей практикуют смехотерапию (что противоречит тексту, который респондент в данном случае пересказывает). Во втором случае неопределенный артикль *des* означает, что врачей много. Эта дифференциация не принимается межъязычием, поэтому возможны сочетания *quelque* и *des*: *changer leur logement pour quelques des mois (pour quelques mois)* [сменить место жительства на несколько месяцев].

Среди причин, влияющих на появление *quelque* вместо *des*, нельзя отбросить и влияние английского детерминатива *some* (в ходе опросов респонденты указывают это). Этот факт, тем не менее, подтверждает, а не опровергает то, что некоторые респонденты чувствуют дифференциальные признаки, характерные для категории определенности / неопределенности, и пытаются найти средства для их выражения.

Девиантное употребление детерминатива *tel*

Лексема *tel* [такой] может быть и детерминативом, и местоимением, и даже, в выражении *Monsieur Untel* [господин Имярек], именем собственным. *Tel* становится постоянным источником девиаций. Проблема заключается в том, что *tel* воспринимается респондентами как полное соответствие русскому *такой*, хотя на самом деле это не так. К тому же многофункциональность русской лексемы *такой* ничуть не уступает многофункциональности *tel*. Отсюда и девиации в употреблении де-

терминатива, местоимения, ошибки морфологические и синтаксические. Но, как будет видно из переводов, все девиаты – результат калькирования русских выражений, и в большинстве случаев *tel* употребляется в функциях, соответствующих определенному артиклю.

A. *Tel* # *ces*

Это одна из наиболее часто встречаемых девиаций в употреблении *tel*: ***l'Internet aide telles personnes à exprimer leurs points de vue (ces personnes)*** [Интернет помогает таким людям выражать свою точку зрения], ***l'agrandissement du nombre de tels systèmes ne porte pas que du mal (du nombre de ces systèmes)*** [увеличение количества этих систем приносит не только благо], ***les gens s'accoutument aux tels produits (à ces produits)*** [люди привыкают к этим продуктам] – здесь также артикль лишней.

Б. *Tel* как антецедент относительного местоимения

- *tel* # *celui*: ***il y a mêmes telles qui permettent être infidèles (celles qui se permettent)*** [есть даже те, кто позволяют себе быть неверными] – в роли антецедента относительного местоимения (в русском языке здесь местоимение, также начинающееся со звука [t]);

- *tel* (*un tel*) # *le N* в относительном придаточном предложении: ***la méthode Pennac est présentée comme tel travail des maîtres qui tâche de donner aux enfants l'habitude de lire (comme le travail des maîtres)*** [Метод Пеннака представлен как такая работа учителя, которая старается привить детям привычку читать], ***tels composants qui (les composants qui)*** [такие компоненты, которые], ***Le gouvernement britannique va punir tels parents qui (les parents qui)*** [Британское правительство собирается наказывать таких родителей, которые...];

- *tel* (*un tel*) *N* # *le N* suivant: ***un congrès international de professeurs a proposé telle rectification de l'orthographe: «écrire comme il se prononce» (la rectification suivante)*** [международный конгресс преподавателей предложил такую / следующую реформу орфографии: «писать как слышится»], ***En Russie il y a un tel proverbe: (il y a le proverbe suivant)*** [в России есть такая / следующая поговорка], ***l'idée est telle que les spectateurs peuvent voir chaque jour les participants (l'idée est la suivante: les***

spectateurs peuvent voir) [идея следующая: зрители могут видеть участников каждый день]. Девиат возникает вследствие калькирования *такой, что*.

Отметим попытку заменить детерминатив *suivant*: *le sujet de cet article est comme ça* (*le sujet... est le suivant*) [тема статьи следующая].

B. Tel N # un N semblable, un N de ce genre

В конструкциях со значением ‘N такого рода’: *Les enfants dans telle garderie pensent qu’ils sont malades* (*une garderie de ce genre*) [в такой продленке дети думают, что они больны], *comment souvent telle chose arrive?* (*une chose semblable arrive-t-elle souvent? / avec quelle fréquence une chose semblable arrive-t-elle?*) [как часто случается такая вещь?]. Во всей девиантной конструкции также просматривается калька. Несмотря на присутствие здесь неопределенного артикля, семантика таких конструкций ясна – это семантика определенности: речь идет не о любой вещи, а именно о такой, о которой уже говорилось. С лексемой *tel* встречается большое количество девиатов, и *tel* в них употребляется вместо *si* как наречие интенсивности. Респонденты чувствуют необходимость в детерминативе перед существительным, и, выбирая *tel*, значение которого ‘тот’ типично для определенного артикля (который этимологически и является указательным местоименным прилагательным *ille*), они пытаются передать определенность существительного. Отметим, что, как и в случае с *quelque*, по крайней мере в устной речи, *tel* позволяет устранить проблему выбора рода существительного, а такая экономия усилий характерна для межъязычия.

Итак, анализ межъязыковых девиатов в выражении определенности, количества и партитивности позволяет сделать следующие выводы. Поскольку на относительно раннем этапе формирования межъязычия респондентами был хорошо усвоен принцип, что существительное должно сопровождаться артиклем, то полное отсутствие артиклей в их французских высказываниях встречается редко, даже в тех случаях, когда артикль следовало бы опустить. Более того, приведенные примеры показывают, что девиации вызваны не столько тем, что русские респонденты совершенно не «осознают» категорию определенности / неопределенности, сколько тем, что предложенные средства выражения этой категории им кажутся неадекватными, недостаточно «определенными» или даже «неопределенными». Граммати-

ческие средства выражения этой категории подменяются в межъязычии лексическими. Несмотря на ощущения неуверенности в выборе правильного детерминатива, процент неправильных артиклей в работах респондентов не очень велик и колеблется от 10 до 20 %. Он очень индивидуален, устойчив и долго сохраняется в межъязычии одного и того же человека.

4.2.5. Девиантное выражение залоговых, темпоральных и модальных отношений

4.2.5.1. Залоговые девиаты

Категория залога по праву считается одной из наиболее сложных глагольных категорий [Плунгян 2000: 192]. Если многими лингвистами различные залоговые формы одного глагола рассматриваются как «поверхностные варианты» единой глубинной структуры [Там же: 194], с точки зрения В. А. Плунгяна, «семантически пустых» категорий в языке не бывает и выбором той или другой граммы глагола говорящий выражает то, как он хочет представить соответствующую ситуацию реального мира. Функция залога – перераспределение синтаксических ролей и стоящих за ними коммуникативных рангов» [Там же: 197]. И если понятия темы и ремы, по-видимому, универсальны, то понятия подлежащего и дополнения таковыми не являются.

Различные формы ориентации процесса, сопровождаемые изменениями соотношения между синтаксическими и семантическими актантами, называют диатезой [Гак 2004: 316]. Из перечня «залогов» французского языка видно, что В. Г. Гак – сторонник широкого взгляда на понятие «залог», соответствующего тому, что В. А. Плунгян предлагает называть «актантной деривацией» [Плунгян 2000: 208] ¹.

¹ Для французского глагола В. Г. Гак выделяет следующие виды залоговых значений [Гак 2004: 365–366]: средний залог, выражающий действие, сосредоточенное в субъекте: *Pierre lit beaucoup* [Пьер много читает]; активный залог, выражающий действие, переходящее на объект: *Pierre lit un livre, Pierre s'est cassé une jambe* [Пьер читает книгу, Пьер сломал ногу, букв.: 'П. сломал себе ногу']; пассивный залог, показывающий, что подлежащее указывает на реальный объект действия: *ce livre est lu par tous les élèves* [эту книгу прочитывают все ученики, букв.: 'эта книга читаема всеми учениками'], при этом агенс может не указываться (как отмечает В. А. Плунгян, в языках мира безагентивный пассив более распространен, нежели агентивный) [Плунгян 2000: 199]: *la conversation a été interrompue / on a interrompu la conversation* [разговор был прерван / прервали разговор]; - возвратный залог, выражающий действие, объектом которого является сам субъект (при этом объект может быть прямым или косвенным): *Pierre se lave / Paul se nuit* [Пьер моется / Пьер себе вредит]; взаимный залог, выражающий совместное действие субъектов, переходящее с одного из них на другой (при этом объект может также быть прямым или косвенным): *Pierre et*

В связи с тем, что респонденты допускают ошибки во всех реализациях этой деривации, такой широкий подход кажется самым подходящим для изложения девинантного материала в нашем диссертационном исследовании (см. табл. 4.4).

Таблица 4.4

Соотношение залоговых значений и глагольных форм¹

Значения	Формы					
	действительная	страдательная <i>être + П2</i>	местоименная*	безличная	каузативная***	каузативная местоименная
Актив	<i>il lit son livre</i> [он читает свою книгу]		<i>il s'est cassé la jambe</i> [он сломал (себе) ногу]			
Средний	<i>Il dort</i> [он спит]	<i>la fenêtre est ouverte</i> [окно открыто]	<i>il s'avance</i> [он продвигается]	<i>on sonne</i> [звонят]; <i>il est arrivé un train</i> [прибыл поезд]**		
Пассивный	<i>il reçoit des coups</i> [он получает удары], <i>on le bat</i> [его бьют]	<i>il est aimé</i> [он любим]	<i>les livres se vendent bien</i> [книги хорошо продаются]; <i>il se voit applaudir</i> [ему аплодируют]			<i>il se fait battre</i> [его бьют]
Возвратный			<i>il se lave</i> [он моется]			
Взаимный			<i>ils se battent</i> [они дерутся]			
Каузальный			<i>il se fait construire une maison</i> [он строит (себе) дом (то есть заказал постройку дома)]		<i>il fait manger le bébé</i> [он кормит ребенка]	
Безличный			<i>il s'avère que</i> [оказывается, что]	<i>il faut</i> [надо]; <i>il pleut</i> [идет дождь]		

* Вслед за В. Г. Гаком мы называем «местоименной» (по-фр. *pronominale*) форму глагола с «возвратным» местоимением *se* для того, чтобы подчеркнуть, что данная форма выражает не только возвратное значение см.: [Гак 2004: 374].

** Конструкции с так называемой «категорией состояния» *ему больно* не существуют во французском языке.

*** Каузальным мы называем залог, а каузативной – конструкцию *faire+infinitif*.

Значение французского пассива (снижение коммуникативного статуса субъекта) выражается не только страдательным залогом глагола (для французского языка –

Pierre et Paul se battent / Pierre et Paul se parlent [Пьер и Поль дерутся / Пьер и Поль разговаривают друг с другом]; фактитивный (каузальный) залог, показывающий, что субъект побуждает объект совершить некое действие: *Pierre a fait venir Jean* [Пьер вызвал Жана, букв.: 'Пьер сделал Жана приходить']; безличный залог, представляющий реальный субъект дополнением бессубъектного процесса: *Il est arrivé un train* [прибыл поезд, букв. 'прибыло один поезд'].

¹ Таблица переработана на основе таблицы в [Гак 2004: 379].

форма *être* + причастие прошедшего времени П₂). В русском также возможно согласование между залоговым значением и формой глагола, но это разграничение происходит иначе, чем во французском языке, и неудивительно, что оно становится источником межъязыковых девиаций.

Девиантный выбор действительной, страдательной и местоименной форм глаголов

Исходя из количества залоговых форм возможны следующие девиации:

действительный # страдательного;

страдательный # действительного;

местоименный # действительного;

местоименный # страдательного;

действительный # местоименного;

страдательный # местоименного.

Девиации в выборе причастий будут рассмотрены отдельно (см. ниже п. 4.2.5.3 данной главы), поскольку в них сочетаются ошибки в выборе временной и залоговой форм. Отметим также, что залоговые девиаты влияют на актантную структуру всего высказывания, что отражается и на выборе предлога (п. 4.2.6 данной главы).

А. Действительный залог вместо страдательного и наоборот

Высказывание, в котором страдательный и действительный залоговые глаголы смешиваются, может возникнуть вследствие не сформировавшегося или не устоявшегося в межъязычии правила образования страдательного залога (неправильного выбора вспомогательного глагола) и ошибочного восприятия конкретной ситуации, возможно, под влиянием русской языковой категоризации. В следующем примере (почти) правильная форма второго глагола *est présenté* доказывает, что респондент умеет использовать форму *être* + Причастие прошедшего времени: *beaucoup d'attention a donné à l'information qui est présenté aux sites (est donnée à l'information qui est présentée sur les sites)* [уделяется много внимания информации, представленной на сайтах]. Если предположить, что он опирался не на 'много внимания уделено', а на более естественное русское высказывание 'уделяется много внимания', то девиация становится понятной: русский возвратный глагол повлиял на действительный залог межъязычия, обусловив выбор *a donné* вместо

нужного пассива *est donnée* (или, точнее, *est accordée*). Случаи межъязыковой мены страдательного залога на действительный встречаются реже: *il y a un grand risque d'être cédé à une séduction (risque de céder)* [есть большой риск поддаться соблазну]. В русском аналоге стоит возвратный глагол, спровоцировавший выбор страдательного залога в межъязычии. Залоговые девиаты могут также возникать под влиянием английского *past continuous*: *Touts les mineurs étaient fumé (tous les mineurs fumaient)* [все шахтеры курили].

Б. Местоименная форма глагола вместо формы действительного залога

Это самый распространенный случай девиантного выбора залога (на него приходится половина всех случаев залоговых девиаций). Все примеры соответствуют русским возвратным глаголам, не являющимся местоименными в соответствующих значениях во французском. Поскольку среди этих глаголов чаще всего встречается глагол (*se*) *changer*, данную ошибку можно также рассматривать как лексическую, проявляющуюся в незнании отдельных значений этого глагола в зависимости от его залоговой реализации: *changer* [меняться] / *se changer* [переодеваться], например: *le monde du travail se change radicalement (change radicalement)* [мир труда радикально меняется].

То же самое относится и к другим глаголам данной группы: *se rencontrer* вместо правильного *rencontrer* [встречаться], *se communiquer* вместо правильного *communiquer* [общаться]: *leur apprendre à se communiquer (à communiquer)* [научить их общаться], *la Mairie propose de se profiter du dispositif Locapass (à profiter)* [мэрия предлагает пользоваться системой Локапас], *quelques instants après je me suis rencontré avec madame Sémenova (j'ai rencontré)* [несколько мгновений спустя я встретился с госпожой Семеновой].

В. Действительный залог вместо местоименной формы глагола

При взаимном глаголе. Представлены всего лишь несколько примеров – главным образом с глаголом (*se*) *battre* [драться]: *ils ressemblent l'un l'autre (ils se ressemblent)* [они похожи друг на друга], *80 000 des Français battaient pour leur place (se battaient)* [80000 французов дрались за свое место].

При возвратном глаголе. На этот тип приходится треть девиантных примеров в употреблении залоговых форм, но здесь говорить о каком-либо влиянии Я₁ слож-

нее. Если в примере *quand ils rappellent ce temps, ils souviennent de leur jeunesse* (*ils se rappellent, ils se souviennent*) [когда они вспоминают это время, они вспоминают свою молодость] русский эквивалентный глагол – невозвратный, то почти во всех остальных случаях русский эквивалент так же, как и французский, возвратный: *parfois on sépare en paix* (*on se sépare*) [расстаются с миром]. Можно предположить, что на выбор невозвратной формы межъязычия влияет английский язык, в котором эти глаголы не являются возвратными: *la surveillance totale peut terminer par les totalitarisme* (*se terminer par le totalitarisme*) [всеобщий контроль может закончиться тоталитаризмом], (англ. *to end*), *les examens... répètent chaque année* (*se répètent*) [экзамены повторяются каждый год], (англ. *repeat*), *je ne crois pas que la surveillance de ce type étendra dans tous les pays du monde* (*s'étendra*) [я не думаю, что такой контроль распространится на весь мир], (ср. англ. *will extend*).

Итак, главным источником девиаций в выборе правильной формы залога (действительного, страдательного и местоименного) становится возвратная форма соответствующего глагола Я₁. Чаще всего девиации возникают тогда, когда возвратному русскому глаголу не соответствует аналогичная французская форма. Мы, однако, не склонны считать, что русскоговорящие респонденты всегда воспринимают экстралингвистическую ситуацию иначе, чем носители французского языка, и что их ошибки часто возникают на этапе планирования высказывания. Согласно Ж. Дамурету, Э. Пишону, Ж. Стефанини [Цит. по Гак 2004: 375], местоименная форма глагола представляет собой не грамматическую, а лексическую категорию. Поэтому не исключено, что некоторые девиаты могут рассматриваться как лексические или синтаксические кальки.

Девиантные каузативные конструкции

С точки зрения теории залога, каузатив – такое изменение актантной структуры ситуации, при котором добавляется еще один актант – каузатор, побуждающий субъекта к действию или вызывающий у него определенное состояние. Хотя во французском языке особой морфологической формы для выражения каузативного залога не существует, помимо чисто лексических, таких как *умереть vs убивать* в русском языке, в нем имеется определенный набор средств. Каузальность можно выразить с помощью так называемых симметричных глаголов, способных одина-

ково выразить каузальное и не каузальное отношение: *la leçon commence / il commence la leçon* [урок начинается / он начинает урок], или в русском: *она сшила платье* (сама или в ателье). Списки соответствующих глаголов не обязательно совпадают в Я₁ и Я₂. В создании каузативных конструкций возможны следующие девиации: неправильный выбор каузативного глагола, неправильное управление (см. выше §Б), неправильный порядок слов (см. ниже п. 4.3.4). Два последних типа девиаций часто встречаются вместе: *il faut faire les élèves connaître le monde réel (il faut faire connaitre le monde réel aux élèves)* [нужно дать учениками понять реальный мир], они калькированы из английского языка. Кроме того, правильно построенные конструкции могут быть неадекватно употреблены.

А. Неправильный выбор каузативного глагола

Самым распространенным средством выражения каузативности во французском является сочетание некоторых глаголов (главным образом *faire* и *laisser*) с инфинитивом или глаголом *rendre* с прилагательным. Французские каузативные конструкции очень распространены и изучаются на начальном этапе обучения, но, к сожалению, на этом этапе закрепляется только использование глагола *faire*¹. Неудивительно, что респонденты очень редко употребляют *rendre*, ошибочно заменяя его на сочетание *faire* с прилагательным: *pour faire leur travail supportable (rendre)* [для того, чтобы сделать их работу более терпимой], *faire leurs loisirs plus intéressants et efficaces (rendre)* [сделать их свободное время более интересным и эффективным], *faire chacun plus responsable (rendre)* [сделать каждого более ответственным].

В некоторых случаях респондент, видимо, не осознавая, что его внутреннему намерению соответствует каузативная конструкция, отходит от устоявшейся модели, калькируя глаголы Я₁: *le réseau donne aux personnes invalides entrer la vie politique (fait entrer)* [сеть позволяет инвалидам вступить в политическую жизнь], *la révolution industrielle a provoqué les paysans de déménager à les villes (fait déménager les paysans dans les villes)* [промышленная революция заставила крестьян переехать в города]. В межъязычии проблемы с выбором правильной лексемы

¹ Например, в сборнике И. Н. Поповой и Ж. А. Казаковой по практической грамматике французского языка каузативным конструкциям уделяется 14 страниц, но на них ничего о глаголе *rendre* не говорится [Попова, Казакова 2003: 354–368].

возникают часто с глаголами, выражающими количественные изменения: *rac-
ti / наращивать, уменьшать / уменьшаться*: *le temps de travail a réduit de presque
de la moitié (diminué)* [рабочее время уменьшилось почти вдвое], *ce type d'examen
peut aider <...> à égaliser les possibilités de réussir (à rendre égales)* [экзамен такого
типа может помочь уравнивать шансы], *le rêve de devenir idéal qui aggrandit de plus
en plus (grandit)* [мечта стать идеальным увеличивается все больше и больше]. Не-
дифференциация происходит в данном случае не потому, что эти значения в
русском языке не различаются, а оттого, что они не различаются в межъязычии
респондента.

Б. Неоправданное использование каузативной конструкции

Хотя конструкции *faire* + инфинитив, *rendre* + прилагательное очень распро-
странены, есть случаи, когда вместо них нужно использовать подходящий глагол,
однако межъязычие стремится игнорировать исключения: *dont le but est de faire
promouvoir la formation française (le but est de promouvoir)* [цель которого – про-
двигать вперед французское образование], *il fait se développer la pensée humaine (il
développe)* [он развивает человеческое мышление], *ces chiffres font inquiéter (ces
chiffres inquiètent)* [эти цифры беспокоят]. Более того, в межъязычии «автоматиче-
ски» выбирается и необоснованно распространяется «сильная» конструкция Я₂,
несмотря на то что в Я₁ в аналогичной ситуации употребляется некаузативный гла-
гол. В следующих примерах с прилагательным нужно было использовать *rendre*
вместо *faire* или, что было бы еще лучше, подходящий по семантике глагол: *ce qui
a fait la productivité plus haute (augmenté la production)* [что и увеличило производ-
ство], *les difficultés <...> faisant le cercle des internautes plus restreint (restreignant
le cercle)* [сложности <...> ограничивающие круг пользователей интернета], *a fait la
situation pire (a aggravé la situation)* [ухудшило ситуацию]. Эти девиаты можно
также рассматривать как лексические.

Девиантные безличные выражения

К безличным¹ относят конструкции различной природы. С одной стороны, это *имперсональ*, или неопределенный актант, под которым скрывается «нежелание говорящего конкретизировать не называемый им аргумент» [Плунгян 2000] и который состоит из глагола в форме действительного залога в сочетании с неопределенным местоимением *on*. Имперсоналю соответствует русская неопределенно-личная конструкция типа *Звонят*. С другой стороны, это безличные предложения, состоящие из *il* и предиката, в роли которого выступают глаголы, употребляющиеся только в одном лице (*одноличные* безличные глаголы), непереходные глаголы, которые в такой конструкции становятся переходными (или *двусубъектными* - местоимение *il* в роли формального и субъект в роли «логического» подлежащего), имена. Их русские аналоги в основном представлены предложениями, построенными с помощью предикативных наречий (слов категории состояния), например: *Здесь холодно*. Казалось бы, между этими типами конструкций немного общего, однако некоторые аспекты (например, отсутствие субъекта) и неудачное общее название «*impersonnelle*» [безличное] проводят к тому, что респонденты допускают девиации. К тому же отметим, что многофункциональность русских кратких прилагательных также увеличивает частоту ошибок.

A. Неопределенно-личное местоимение on вместо безличного il

Самой распространенной девиацией в формировании безличных выражений является замена *il* на *on*: ***on me semble que pas chaque personne invalide a l'ordinateur (il me semble)*** [мне кажется, что не у всех инвалидов есть компьютер], ***on apparaît beaucoup de nouveautés (il apparait / beaucoup de nouveautés apparaissent)*** [появляются много новшеств], ***on est difficile à trouver quelque chose (il est difficile / c'est difficile)*** [трудно найти что-нибудь], ***on sera possible (il sera / ça sera)*** [станет возможным]. Реже встречается обратная замена: ***annonce-t-il des sources du Syndicat national (annonce-t-on)*** [как сообщают из национального профсоюза].

¹ При французском глаголе в функции сказуемого (кроме повелительной формы) обязательно находится подлежащее, хотя бы в виде местоимения, так что «безличное» не означает «без подлежащего».

Б. Неоправданное использование неопределенно-личного местоимения on

Как отмечают исследователи, имперсональ не означает того, что нет субъекта действия, а лишь то, что говорящий не желает акцентировать на нем внимание. Поэтому во французской стилистически нейтральной речи нельзя использовать местоимение *on*, если субъект известен (и тем более в его присутствии), это воспринимается как очень сильное пренебрежение по отношению к нему. Но этот функционально-этический в своей сущности аспект игнорируется межъязычием: ***chez les plus petits il est question de les apprendre à lire d'une façon qu'on n'ait pas haine pour la lecture (de leur apprendre à lire d'une façon qu'ils n'aient pas de haine pour la lecture)*** [для самых маленьких речь идет о том, чтобы научить их читать так, чтобы они не испытывали ненависти к чтению], ***on se ressemble beaucoup (ils se ressemblent)*** [они очень похожи], ***on compare la situation actuelle avec la vie de la société totalitaire (l'auteur compare à situation actuelle à...)*** [сравнивают нынешнюю ситуацию с жизнью тоталитарного общества], в данной ситуации такая конструкция недопустима, поскольку известно, кто (автор статьи) проводит это сравнение.

В. Неоправданное использование безличной конструкции

Широкая распространенность в русском узусе вводных конструкций типа *считается, есть возможность* приводит к их калькированию и трансформированию в межъязычии в виде безличных конструкций, что не совсем правильно и не соответствует стилистическим нормам французского языка (случай косвенной интерференции, по В. Ю. Розенцвейгу [Розенцвейг 1972: 25–26]): ***il y a une idée qu'au XXI siècle (on considère que)*** [считается, что в XXI веке], ***il n'y aura pas de nécessité des magasins (les magasins seront inutiles)*** [не будет необходимости в магазинах], ***il y a une possibilité de combattre ces troubles (on peut combattre ces troubles)*** [есть возможность побороть эти волнения].

Г. Смешение форм lui-même и soi-même

Возвратная форма *soi* и ее усиленный вариант *soi-même* соотносятся с безличным местоимением *on*. Однако их смешение - достаточно распространенная девиация¹: ***les ouvriers ont reçu du temps pour soi-même (pour eux-mêmes)*** [рабочие по-

¹ По данным сайта <http://french.about.com>, ее допускают носители других языков, например испаноговорящие.

лучили время для себя]¹, *on peut <...> faire sa vie lui-même (soi-même)* [можно самому сотворить свою жизнь]. Обзор практических грамматик французского языка [См. например, Попова, Казакова 2003] показал, что этому вопросу уделяют мало внимания, кроме того, связь в межъязычии *soi* и *себя* очень устойчива. В безличных выражениях также встречаются результаты девиантного выбора форм числа у глагола (см. выше п. 4.2.2.4). В Я₁ к полю безличности примыкают и формы среднего рода. Как известно, такого явления во французском языке нет, но в тех случаях, когда нужно заменить местоимением прилагательное или целое предложение, используется местоимение мужского рода *le*, выступающее аналогом *это*. Видимо, в межъязычии правило употребления *le* хорошо работает, поскольку в девиантном материале был обнаружен всего один пример замены *le* на *y*: *les beaux gens n'ont rien fait pour y être (pour l'être)* [красивые люди ничего не делали, чтобы быть таковыми].

4.2.5.2. Временные девиаты

Системы глагольных времен сильно различаются во французском и русском языках, и это, согласно признаниям респондентов, создает основу для возникновения межъязыковых затруднений – девиаций в «согласовании времен». Респонденты осознают также, что главной сложностью русской грамматики является видовая система. Отсутствие однозначного соответствия между этими системами и порождает самое большое количество девиаций. Учитывая, что пока респонденты не приобретают способность спонтанно изъясняться на французском, они занимаются автопереводом, посмотрим, как соотносятся способы передачи русских видовременных значений и соответствующие средства французского языка² (табл. 4.5). Девиации встречаются главным образом в употреблении форм прошедших времен, но иногда случаются и в употреблении форм настоящего времени.

¹ По М. Гревиссу, данное выражение допустимо, но считается «вольностью». Однако маловероятно, что эту «вольность» преподавали респондентам. Таким образом, по отношению к их межъязычию это – ошибка, а по отношению к Я₂ – нет.

² Подробно они были рассмотрены в работе участницы руководимого нами спецсеминара М. С. Шадринной [Шадринна 2004]. Курсивом отмечены наиболее часто используемые способы передачи, звездочкой – те, что используются в предложениях с отрицательной конструкцией. Аналогичную таблицу для русских эквивалентов всех французских временных форм можно увидеть в сопоставительном исследовании И. Н. Кузнецовой [Kouznetsova 2002: 161–180].

**Французские временные формы, используемые
для выражения русских видовременных форм**

Вид глагола	Изъявительное наклонение			Инфинитив
	Настоящее время	Прошедшее время	Будущее	
СВ	-----	Настоящее историческое Imparfait	- <i>Passé Composé</i> *; - <i>Passé Simple</i> *; - <i>Présent</i> ; - <i>Plus-que-parfait</i> ; - глаголы с приставками <i>re-</i> , <i>ra-</i> , <i>en-</i> ; - особая синтаксическая конструкция; - словосочетание и устойчивое выражение; - <i>Imparfait</i> ; - аспектуальный контекст	- <i>Présent</i> ; - <i>Futur Simple</i> *; - аспектуальный контекст
НВ	- <i>Présent</i> ; - безличная конструкция; - особая синтаксическая конструкция; - <i>Futur simple</i> *	- <i>Imparfait</i> ; - <i>Passé Composé</i> ; - <i>Passé Simple</i> ; - <i>Présent</i> ;	- <i>Passé Composé</i> *; - <i>Passé Simple</i> ; - Особая синтаксическая конструкция; - устойчивые выражения; - лексический повтор; - <i>Imparfait</i>	- особая синтаксическая конструкция; - <i>Infinitif</i>

Passé Composé или Imparfait вместо настоящего времени

Контексты начинаются с наречия *actuellement* [в настоящее время]: *actuellement... s'est déroulé (se déroule)* [в настоящее время имеет место], *actuellement le métier de facteur a connu. (connaît)* [в настоящее время работа почтальона сталкивается с], *actuellement les foyers pouvaient utiliser (peuvent utiliser)* [в данное время семьи могут использовать]. Лексический компонент межъязычия доминирует над морфологическим, и возникающий семантический диссонанс респондентами не осознается.

Imparfait вместо passé composé, и наоборот

Эта девиация является самой распространенной в использовании временных форм, даже при наличии наречий, указывающих на завершенность процесса. Для респондентов проблема, скорее всего, связана с выражением видового значения, а не временного, так как в Я₁ используется прошедшее время несовершенного вида, воспринимаемое межъязычием как эквивалент имперфекта: *ce problème existait toujours (a toujours existé)* [проблема всегда существовала], *les gens travaillaient pendant beaucoup d'année (ont travaillé pendant de nombreuses années)* [люди рабо-

тали много лет]. Сложность для межъязычия представляет также и *passé composé* в пассивной форме: наличие в русском языке глагола-связки несовершенного вида *быть* в прошедшем времени влияет на выбор *imparfait* вместо *passé composé*: *tout le monde était surpris quand J. P. a proposé (a été surpris)* [все были удивлены, когда Ж. П. предложил], *on a sacrifié... les agents ont reçu... la surveillance était intensifiée (a été intensifiée)* [пожертвовали, агенты получили, контроль был усилен]. В последнем примере даже наличие однородных сказуемых не смогло предотвратить появления формы *était*. Реже встречается обратная девиация – употребление *passé composé* вместо *imparfait*: *les techniques de surveillance ont déjà existé (existaient déjà)* [технические контрольные средства уже тогда существовали]. Небольшое количество таких примеров не позволяет сделать предположений о причинах возникновения данного типа девиатов. Единственное предположение – респондент, зная, что французский *imparfait* не всегда соответствует русскому несовершенному виду, «перестраховывается» там, где это не нужно: *Six mois après, j'ai reçu une lettre de la Sibérie: Une jeune fille m'a proposé d'être en correspondance avec elle (me proposait)* [спустя полгода я получил письмо из Сибири. Какая-то девушка предлагала переписываться].

Девиантное согласование времен (concordance des temps)

При согласовании французских времен важно учитывать отношения таксиса: нужно не столько знать, когда то или иное событие происходит (в прошлом, настоящем или в будущем, с позиции говорящего), сколько осознавать, когда это событие протекало на фоне другого: до, одновременно или после. Для носителя русского языка эта информация также существенна и передается не только морфологически (с помощью видовременных форм), но и лексически (с помощью наречий, различных темпоральных выражений) и синтаксически (порядком слов), однако тому, к какому временному плану относится действие главного предложения, не придается большого значения. Наиболее частотная девиация в согласовании времен состоит в замене *plus-que-parfait* «менее прошедшим» *passé composé*: *Il s'est levé quelques fois de son lit à cause d'une peine dans son coeur qu'il n'a jamais éprouvée avant (avait)* [Он несколько раз вставал за ночь из-за боли в сердце, кото-

рую он раньше никогда не ощущал], *même avant cette tragédie le pays s'est transformé* (*le pays s'était transformé*) [еще до трагедии страна преобразовалась].

В межъязычии может вообще отсутствовать нужная временная форма: *en fait, les américains sont été confrontés à la surveillance avant cet attentat* (*les Américains avaient été confrontés*) [на самом деле, американцы столкнулись с контролем еще до терактов]. Вероятно, респондент хотел написать **sont été confrontés*, что неправильно по форме (правильно *ont été confrontés*) и по времени (нужно более «прошедшее» время, а именно – plus-que-parfait: *avaient été confrontés*, для обозначения предшествующего действия в прошлом по отношению к терактам, которые также в прошлом по отношению к нам). Полученный результат ему не понравился, и он зачеркнул одну словоформу. Получилась внешне правильная форма *sont confrontés* настоящего времени пассива [сталкиваются], не соответствующая временной характеристике изображаемой ситуации. Это свидетельствует о том, что межъязычие может не учитывать возможности омоформии: стремление «улучшить» ситуацию приводит к игнорированию уже имеющихся сведений о категории залога в Я₂.

Единичны случаи неоправданного plus-que-parfait вместо passé composé с глаголом *mourir* [умереть], реже – с глаголом *naître* [рождаться] являются, на наш взгляд, кальками из английского языка: *il était mort, envoyé par un cancer* (*il est mort, emporté par un cancer*) [он умер от рака], *c'est pour ça qu'était né un nouveau métier* (*est né*) [именно поэтому родилась новая профессия].

Наконец, согласование времен усложняет процесс передачи косвенной речи, однако, несмотря на заверения респондентов, что это одна из самых сложных тем французской грамматики, они неплохо справляются с этой задачей, и в нашем материале мало девиантных примеров: *on croyait que c'est le Dieu qui a puni une personne de cette façon et l'évitaient* (*c'était Dieu qui avait puni*) [считалось, что Бог наказал человека, и его избегали], *l'Union Européenne a déclaré qu'elle refuse de prendre en compte* (*européenne... qu'elle refusait*) [Европейский Союз объявил, что отказывается принимать в расчет], и они состоят в том, что imparfait в зависимой конструкции заменен на présent.

4.2.5.3 Девиантное употребление времен и залогов причастий и герундия

Неспрягаемыми формами французского языка являются герундий (*gérondif*)¹ и причастия (*participe*)². Для выражения одновременности событий в Я₂ необходим элемент (*tout*) *en* + форма на *-ant*. Следующие примеры свидетельствуют либо о том, что пропущен по ошибке элемент *en*, либо о том, что в межъязычии смешиваются формы герундия и причастия настоящего времени: *ils ont du succès en même temps faire la carrière et ayant des enfants* (*ils réussissent à faire carrière tout en ayant des enfants*) [им удается преуспеть в своей карьере, имея детей].

Чаще всего девиации происходят оттого, что не осознается залоговое различие между причастиями: П₁ имеет значение действительного залога, тогда как П₂ — страдательного.

П₂ # П₁

Ситуация, когда вместо П₂ используется П₁, приводит к тому, что глагол оказывается не действительного, а страдательного залога. Если для спрягаемых форм глагола мы констатируем преобладание девиаций типа «действительный вместо страдательного», для причастий ситуация обратная – преобладание типа «страдательный вместо действительного». Возможно, это связано с большей частотностью формы П₂ в языке и приводит к тому, что она воспринимается межъязычием как «сильная» форма: *le nombre des étudiants désirés étudier en France augmente* (*désirant étudier en France*) [количество студентов, желающих учиться во Франции, растет], *l'école ne peut pas répondre à toutes les questions émergées devant l'enfant* (*à toutes les questions émergeant devant l'enfant*) [школа не может отвечать на все возникающие у ребенка вопросы], *les arbres décorés, les gens scandés* (*les gens scandant*) [разукрашенные деревья, скандирующие люди]. Девиации такого типа могут возникать и тогда, когда причастия используются вместо прилагательного: *seulement le site de premier ministre peut être satisfait* (*seul le site du premier ministre peut être déclaré satisfaisant*) [только сайт премьер-министра может быть

¹ Под герундием понимается здесь французский *жерондив* с его морфологическими особенностями, [Гак 2004: 381].

² Из-за наличия у причастий форм прошедшего времени традиционное название *причастия настоящего и прошедшего времени* не всегда удобно. Поэтому в этом диссертационном исследовании используются как альтернативные названия «Причастие-1» (сокращенно П₁) и «Причастие-2» (П₂).

назван удовлетворительным], *en cas de rapprochement de deux parties contractées (des parties contractantes)* [в случае сближения договаривающихся сторон], *l'absentéisme dans les écoles françaises est vraiment impressionné (impressionnant)* [пропуски во французских школах действительно впечатляющие].

П₂ # форма прошедшего времени П₁

Иногда к девиации в выборе залога (страдательный вместо действительного) присоединяется девиация в выборе времени: респондент «ощущает», что действия, выраженные двумя глагольными формами, относятся к разным временным планам, и неправильно выбирает П₂ (традиционно называемое, в том числе в учебниках, «причастием прошедшего времени»): *travailler en profite des pays acceptés (au profit des pays ayant accepté)* [работать на пользу стран, принявших договор], *le nombres des entreprises acceptés cette accord (le nombre d'entreprises ayant accepté cet accord)* [число предприятий, принявших это соглашение].

П₁ # П₂

Девиантный выбор причастий приводит к залоговым девиатам, а именно к выбору действительного залога вместо страдательного: *il faut encore terminer l'université pour avoir le travail bien payant (bien payé)* [нужно еще закончить университет, чтобы иметь хорошо оплачиваемую работу], *une commission composant de 3 ou plus personnes (composée)* [комиссия, состоящая из 3 или более человек]. Особо следует сказать о девиате *compte tenant de son adéquation (compte tenu)* [учитывая ее совместимость]. *Compte tenu* – устойчивое выражение, соответствующее русской деепричастной форме, поэтому вместо П₂ использовано П₁, состоящее из той же формы на *-ant*, что и деепричастие.

П₁ # герундий

Пропуск формального показателя (предлога) *en* приводит к тому, что невозможно понять, какую из омоформ хотел выбрать респондент – герундий или причастие настоящего времени *la surveillance renforcée aide à tenir en échec toutes sortes de criminels bien gardant le droit de la vie privée (en conservant le droit à la vie privée)* [усиленные меры безопасности позволяют одержать вверх над всякого рода пре-

ступниками, сохраняя право на личную жизнь]. По контексту можно полагать, что задумана была форма герундия для выражения одновременности действий.

П₁ прошедшего времени # герундий

Для обозначения последовательных действий в прошлом в Я₁ используются деепричастие и личная форма глагола совершенного вида. По аналогии с формами *passé composé* в межъязычии образуется сложная форма, состоящая из формы на *-ant* вспомогательного глагола и П₂ спрягаемого глагола: *Eric a signé le document ayant rayé son passé (rayant)* [перечеркнув свое прошлое, Эрик подписал документ], *le gouvernement américain a immédiatement réagi... ayant élaboré le projet (en élaborant)* [американское правительство тут же отреагировало... разработав проект]. *Elle m'a souri ayant répondu (en répondant)* [Она улыбнулась, ответив]. Строго говоря, считать данные формы девиантными нельзя – они существуют в Я₂ и являются формой прошедшего времени П₁: *ayant rayé* [перечеркнувший], *ayant élaboré* [разработавший], *ayant répondu* [ответивший]. К тому же, учитывая то, что П₁ может быть сказуемым причастного оборота, данные высказывания могли бы быть правильными при обособлении и с другим порядком слов: *Ayant rayé son passé, Eric a signé le document* [перечеркнув прошлое, Эрик подписал документ]. Межъязычие может образовывать правильные формы, но функционально они – девиаты.

Межъязыковые девиации в употреблении причастий и герундия могут быть вызваны не только интерференцией с Я₁ (например, в случае употребления формы прошедшего времени П₁ вместо деепричастия совершенного вида глагола), но и тем, что данная тема плохо разработана как в теоретическом плане, так и в дидактическом.

4.2.5.4. Смещение наклонений

Система синтаксических наклонений (во французском языке различают индикатив, императив, субъюнктив и условное наклонение *conditionnel*) служит для выражения отношения говорящего к ситуации и ее статуса по отношению к реальному миру – того, что принято называть модальностью [Плунгян 2000: 309]. Сложность для русскоязычных респондентов представляет, с одной стороны, тот факт, что система наклонений в Я₂ богаче, чем в Я₁, в котором формально не различаются эпистемическая необходимость и ирреальность, а с другой, – то, что француз-

ские наклонения сейчас семантически слабо мотивированы и отчасти превратились в формальные признаки зависимости глагола [Там же: 321]. В нашем материале следов девиаций в употреблении наклонений не очень много – можно предположить, что респонденты избегают контекстов, в которых не уверены, тогда как в выполняемых ими специальных упражнениях девиатов бывает гораздо больше, и респонденты считают эту тему одной из самых сложных в грамматике Я₂. Формы многих глаголов Я₂ совпадают в изъявительном и сослагательном наклонениях, из-за чего количество девиатов может показаться меньшим, чем есть на самом деле.

Изъявительное наклонение вместо сослагательного

Наибольшее количество девиантных примеров (три четверти всех девиатов) относится к этому типу, и в ходе обучения респонденты жалуются на то, что правила употребления субъюнктива им даются с трудом. Дело в том, что отсутствует как таковой список предикатов, с какими субъюнктив обязателен, а с какими необходимы индикатив или условное наклонение. Выбор нужного наклонения часто решается исходя из установки говорящего, из того, утверждает ли он ту или иную пропозицию, сомневается ли в ее правдивости или выражает свои чувства. Чаще всего русскоговорящие респонденты заменяют субъюнктив индикативом с союзами *pour que*, *bien que*, *malgré que*, несмотря на то, что с этими союзами субъюнктив обязателен без исключений, равно как с предикатами в отрицательной форме (*je ne pense pas*, *je ne crois pas que* – не думаю, не считаю, что). В обоих случаях заметно влияние Я₁: эти союзы употребляются в русских высказываниях с глагольными формами изъявительного наклонения, и отрицание необязательно должно вызывать смену наклонения. Кроме того, формы русского изъявительного наклонения могут использоваться в условном значении. Все это приводит к тому, что вместо субъюнктива наши респонденты используют настоящее время, *imparfait* либо будущее время, то есть то время, аналог которого употребляется в русских высказываниях: *bien que les sociétés sont différentes (soient)* [несмотря на то, что общества разные], *bien que le français était l'objet de plusieurs réformes (soit)* [несмотря на то, что французский язык был предметом различных реформ], *malgré que les Français ont une culte au service public (aient le culte du service)* [несмотря на то, что у французов – культ государственной службы], *ils ont peur que cette politique provoquera*

des problèmes (provoque) [они боятся, что эта политика спровоцирует проблемы], *ce problème existait toujours (a toujours existé)* [проблема всегда существовала].

Затруднения встречаются также в употреблении самостоятельного субъюнктива: *s'agit-il des visites ou des conversations (qu'il s'agisse de)* [идет ли речь о визитах или о разговорах].

Сослагательное наклонение вместо изъявительного

В некоторых случаях замена в межъязычии индикатива субъюнктивом объясняется неоправданным расширением области действия правила. Исходя из постулата, что субъюнктив требуют предикаты, обозначающие «субъективную оценку» ситуации или «неуверенность в осуществлении ситуации», из своего ощущения значения данного предиката и из его значения в русском, респонденты неоправданно употребляют с ними индикатив. Это особенно часто происходит с глаголом *espérer* [надеяться]: *ils espère que cela leur rende plus heureux (ils espèrent que cela les rendra plus heureux)* [они надеются, что они от этого станут счастливее]. В ходе обсуждения девиатов данного типа респонденты оправдывали свой выбор наклонения тем, что, на их взгляд, «надеяться» – это одновременно желать наступления некоей ситуации (оптатив во французском выражается субъюнктивом) и не быть уверенным, что она наступит (дубитатив – также одно из значений субъюнктива). Обычно респонденты очень удивлялись, когда их внимание обращали на то, что и в Я₁ данный глагол используется в изъявительном наклонении, ср.: *мне хочется, чтобы ты поступил в университет и я надеюсь, что ты поступишь в университет.*

С глаголами, выражающими мнение, также возникают сложности, потому что «степень уверенности», вкладываемая во французские и русские предикаты – разная. Русскоговорящему кажется, что в таких глаголах, как *полагать, думать, верить*, присутствует субъективность в виде сомнения (дубитатив), тогда как французские глаголы выражают утвердительную модальность (ассертив – значение, передаваемое изъявительным наклонением): *L'Europe à son part suppose aussi que les rejets puissent être plus grands (que les rejets peuvent être plus grands)* [Европа со своей стороны предполагает, что выбросы могут оказаться большими]. Последний случай – результат, скорее, стилистической девиации, нежели синтаксической: так

же, как в русском, при совпадении подлежащего в главном и в придаточном предложениях, во французском полагается заменять субъюнктив на инфинитив: *j'aimerais bien que je fasse mes études (j'aimerais bien faire mes études)* [я бы хотела продолжить обучение во Франции].

Реже встречается девиантное употребление условного наклонения вместо изъявительного: *en générale tous les gens penseraient de l'environnement et tous les problèmes liés avec cela (dans l'ensemble tous le monde pense à l'environnement et à tous les problèmes qui y sont liés)* [в целом, все люди думают об окружающей среде и обо всех проблемах, связанных с нею]. Этому трудно найти объяснение, возможно, мена обусловлена ментальной семантикой глагола *думать*.

Смещение сослагательного и условного наклонений

Там, где в Я₁ используется только одно наклонение, в Я₂ – два, и их разграничение может быть сложным, поскольку с их помощью выражаются различные оттенки сомнения. Как следствие – девиаты межъязычия возникают в результате недифференциации.

Сослагательное # условного: *ouvrir le nouveau bureau où les étudiants étrangers puissent obtenir le titre de séjour (pourraient)* [открыть новую контору, где иностранные студенты могли бы получить документы]. Из контекста ясно, что контора открыта, соответственно, нужно выбирать условную форму *pourraient* или изъявительные формы *peuvent, pourront*;

Условное # сослагательного: *il est souhaitable qu'il y aurait une organisation (qu'il y ait)* [желательно, чтобы была организация].

Будущее время изъявительного или условное наклонение после *si*

По «наивным представлениям» респондентов о Я₂, выбор временных форм после союза *si* в условных придаточных предложениях относится к сложным правилам согласования времен. Согласно их признаниям, аналогичный фрагмент английской грамматики также дается им с трудом. Однако девиация, состоящая в том, чтобы употреблять будущее время или условное наклонение после данного союза, не относится к согласованию. Влияние Я₁ в данном случае очень сильно, и говорящие «не в состоянии» ему противостоять: *si ces mesures ne seront pas*

efficaces (sont) [если эти меры не окажутся эффективными], *si la vie privée serait bien protégée (était)* [если бы жизнь была хорошо защищена].

4.2.6. Девиантное выражение транзитивности и интранзитивности

Представим девиации, возникающие в оформлении зависимой части в синтагмах типа [X управляет Y], которые в Я₂ могут реализоваться в следующем виде: N + prep + дополнение, Adj + prep + дополнение или V + prep + дополнение. В качестве дополнения выступают существительное, глагол, а также местоимение или целое предложение. Семантическая роль, выполняемая зависимой частью, соответствует любому актанту или сирконстанту, например объекту, агенсу, обстоятельству места или времени и т. п.

Девиации в употреблении предлогов – среди самых частотных и устойчивых в межъязычии. Даже если респондент знает правильный предлог, другие факторы повлияют на возникновение девиата. Так, в одной и той же работе мы находим, с интервалом всего в несколько строк, разные случаи управления широко распространенного и – что характерно для многих двухактантных глаголов – часто вызывающего возникновение девиатов глагола *apprendre* [научить]: ***l'école doit apprendre les élèves à travailler (aux élèves)... les apprendre (leur apprendre) à chercher les côtés créatifs*** [школа должна научить детей работать... научить их находить творческие стороны], где вместо косвенного использовано прямое дополнение, как в Я₁, и ***l'école doit aussi apprendre aux enfants que chaque occupation à son propre temps*** [школа должна также учить детей, что каждому занятию свое время], где управление правильно, возможно потому, что место второго актанта занимает придаточное предложение. Таким образом, видно, что нельзя интерпретировать девиации в выборе предлога как игнорирование межъязычием правильного управления, в нем учитывается характер зависимой части.

Именное склонение в Я₂ отсутствует (явление «склонения» личных местоимений в современном французском скорее отрицается, чем принимается [Гак 2004: 246–247]), и это приводит к тому, что все семантические роли, кроме субъекта и прямого объекта, в этом языке выражаются аналитически, с помощью тех или иных предлогов. При этом в большинстве случаев предлоги (особенно так называемые простые) фактически не имеют лексического значения: предлог *à*, к приме-

ру, может обозначать адресата: *j'écris à ma mère* [пишу матери], местонахождение или цель передвижения *je suis / je vais à Paris* [я нахожусь в Париже / еду в Париж], а также – с определенными глаголами – объект и многое другое ¹.

Девиантный материал наводит на мысль о том, что, по мнению респондентов, французский предлог можно перевести, а потому они и закрепляют за каждым из них русский эквивалент. О сложности стоящего перед ними выбора можно судить и по приведенным схемам (рис. 4.1, 4.2), составленным по данным словарей.

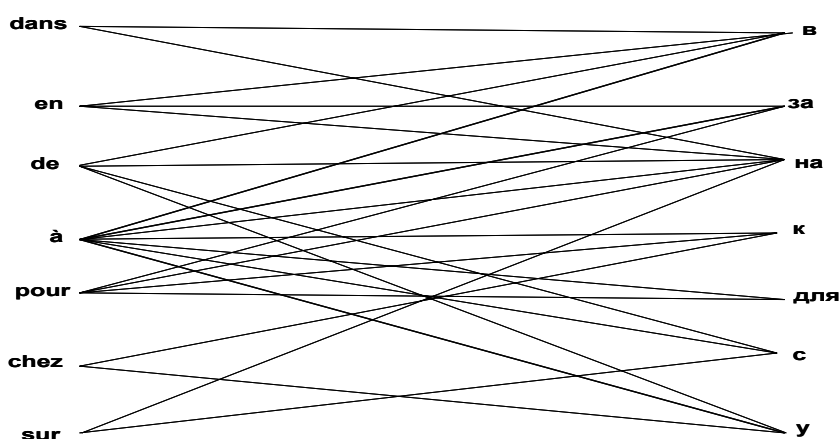

Рис. 4.1. Русские эквиваленты французских предлогов *dans, en, de, à, pour, chez, sur*

¹ В этом, видимо, кроется ошибка французских составителей учебников, влияющая на формирование межъязычия, не адекватного Я₂. Не осознается сложность освоения предлогов для иностранцев, и не обращается на это внимание. В идеале нужен словарь, в котором для каждого семантического актанта заглавного слова будут указаны все возможные способы его выражения. Такой словарь (французский эквивалент Толково-комбинаторного словаря русского языка [Мельчук, Жолковский 1984]) существует, он вышел в Канаде под редакцией И. А. Мельчука [Dictionnaire explicatif... 1984–1999]. Но информация, содержащаяся в нем, не была учтена составителями учебников французского языка как иностранного. В России время от времени издаются подобные справочники [Тер-Авакян 1997; Тер-Авакян., Тер-Авакян 2003; Владимирова 1995; Лободанов 2003; Дебрэнн, Курак 2005]. Нужно сказать, что в обычных француско-русских словарях невозможность «перевода» предлога учтена – на один только предлог *à* даны 32 «значения» (варианты употребления) в 7 рубриках (по типам словосочетаний) [Гак, Ганшина 1997: 1], а в словаре «активного типа» под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триомфа [Французско-русский словарь 1991: 11], рассчитанного, как это указывается во введении, на французов, изучающих русский язык, варианты «обратного перевода» предлога *à* на русский распределены по тем же 7 рубрикам и занимают более двух страниц. Для сравнения – информация об этом предлоге занимает 13 страниц в грамматическом справочнике Юнса [Younes 1985]. В русско-французском словаре, по идее, и должна быть заключена информация о «значении» предлога, но, например, после описания четырех предложенных вариантов эквивалента предлога *de*, читаем следующее: «дальнейшие детали определяются управлением отдельных слов и по возможности при них указаны» [Щерба, Матусевич 1997: 151, 718 и др.].

Чтобы продемонстрировать, насколько сложна и важна для формирования правильного межъязычия предложная система, рассмотрим кратко положения основных теорий, позволяющих ее описывать.

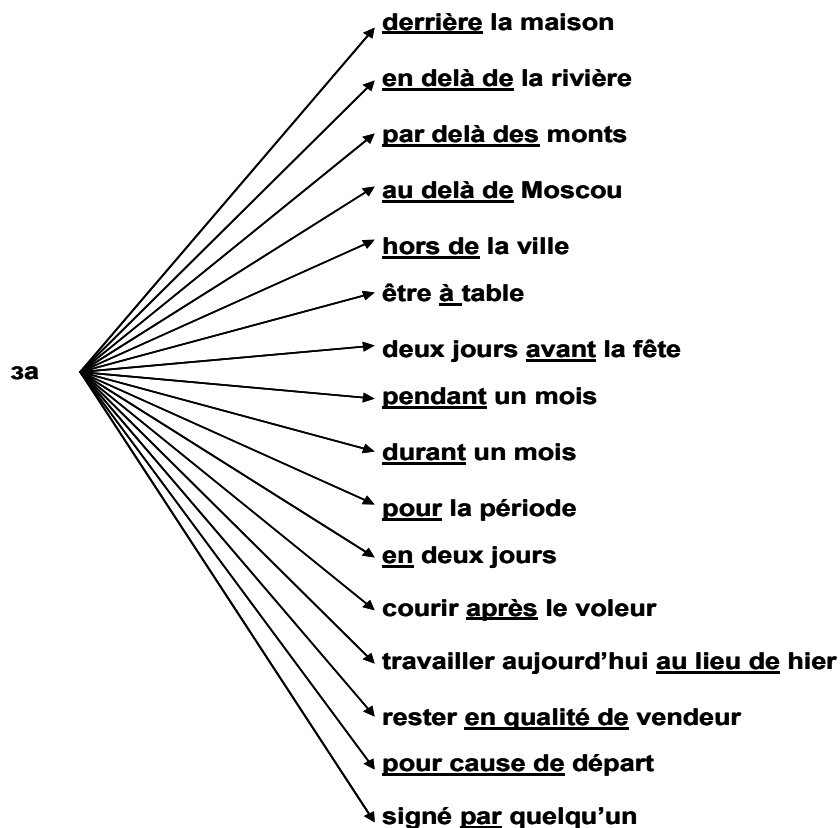

Рис. 4.2 Французские эквиваленты русского предлога за

Теория членов предложения. Если учитывать, что в целом французская и русская синтаксические системы типологически сравнимы, термины, принятые для русского синтаксиса, применимы и для французского. Речь идет о следующих понятиях: главные члены – подлежащее и сказуемое; второстепенные члены, объединенные французским термином *complément* [Гак 2004: 576]: среди них – дополнение (прямое (объектное), косвенное, агентивное), обстоятельство, определение. Однако такая теоретическая схема не очень удобна, поскольку во французском языке возникает большое количество одинаково оформленных словосочетаний, относящихся к различным членам предложения, например V + prep à + N: *être à Paris, téléphoner à Paris, téléphoner à Pierre, penser à Pierre* [быть в Париже, звонить в Париж, звонить Пьеру, думать о Пьере]. С другой стороны, система не позволяет учитывать разные виды словосочетаний, где главным компонентом является не глагол, а, например, существительное, ср.: *l'accueil du président* [прием президента], где без контекста

нельзя разобрать, то ли президент принимает (он – субъект действия), то ли президента принимают (объект действия). Помимо этих внутриязыковых сложностей, в теории членов предложения возникает еще одна: наборы традиционно принятых членов предложения в русской и французской лингвистике различаются. Например, русское грамматическое описание не выделяет такого члена предложения, как *attribut* (именная часть сказуемого) в самостоятельный класс, а объектное дополнение не считает главным членом предложения. Необходимо признать, что французская традиционная терминология не лишена противоречий, поскольку термины *сказуемое* или *предикат* в традиционных описаниях грамматики заменены на *verbe* [глагол], тем самым одно и то же слово означает и часть речи, и член предложения. Теоретики французской грамматики давно отказались от теории членов предложения и предпочитают говорить о «синтаксических функциях».

Теория словосочетания. Если в своем исходном виде теория валентностей касается главным образом вербоцентрических синтаксических групп, теория словосочетания рассматривает непредикативные, номинативные единицы, образованные сочетанием двух или более членов предложения. В русском языкознании под термином *словосочетание* понимается «непредикативное семантико-грамматическое объединение двух самостоятельных слов (членов предложения)» [Там же: 527]. Сюда не входят, таким образом, предикативные сочетания с подлежащим, выраженным существительным или местоимением, сочетания служебного слова и знаменательного (*prep + N* и т. п.). Спорным остается вопрос о том, включать ли в состав словосочетаний придаточное предложение, ср.: *les conseils de nos parents / les conseils que nous donnent nos parents* [советы родителей / советы, которые нам дают родители], и сочетания с объектным местоимением. Также не решен вопрос о включении в состав словосочетаний тех единиц, в которых слова соединены сочинительной связью.

Применительно к французскому языку теория словосочетания представляет дополнительные сложности. Чем считать в таком случае сочетание артикля и существительного или сочетание предлог + артикль + существительное? Как относиться к сочетаниям самостоятельных слов, образующим нецельнооформленные (аналитические) единицы, каких очень много во французском языке, и где проходит

грань между лексемой и словосочетанием, ср. среди глаголов: *avoir mangé* (прошедшая форма инфинитива глагола *est* букв. ‘иметь есть’), *aller manger* (ближайшее будущее того же глагола, букв. ‘идти есть’), *venir de manger* (недавнее прошедшее ‘прийти от есть’), *vouloir manger* (хотеть есть), *avoir peur* (бояться, букв. ‘иметь страх’)? Большое количество нерешенных проблем вынуждает исследователей наряду со словосочетанием сохранять и такой объект исследования, как *сочетание слов*. Так, Г. А. Золотова предлагает различать: словосочетания, реализующие свойства отдельного слова и представляющие собой развернутую номинацию предмета или явления, например *мой брат*, *колоть дрова* и т. п.; сочетания слов, полученные в результате свертывания предикативной единицы в именную конструкцию, то, что можно называть номинализацией высказывания: *работа агрономом*, *работа ломом*, *поездка в горы* [Золотова 2004: 53–54]. В данной концепции «сочетание слов» – подвид словосочетания в традиционном смысле.

У В. Г. Гака, наоборот, терминами *синтаксическая группа* или *синтагма* обозначаются сочетания – в том числе и предикативные – элементов разного характера внутри предложения [Гак 2004: 528]. Исследователь изучает сочетаемость слов, не различая предикативные и непредикативные сочетания. Сочетаемость может быть грамматической, семантической, лексической (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Сочетаемость слов разных частей речи во французском языке [Гак 2004: 528]

	N	V	A	Adv
N	N + prep + N (N + N)*	N + Vf N + prep + Inf N + part (N + prep + Part)	N + A (N + prep + A)	N + prep + Adv (N + Adv)
V	V + N V + prep + N	V + inf V + prep + Inf V + Ger V + Part	V + A V + prep + A	V + Adv V + prep + Adv
A	A + prep + N (A + N)	A + prep + Inf	(A + A)	A + Adv
Adv	Adv + prep + N	Adv + prep + Inf	-	Adv + Adv (Adv + prep + Adv)

*В скобках указаны более редкие или дискуссионные случаи.

Французская структурная лингвистика опирается исключительно на понятие синтагмы, понимаемое ею как «группа языковых элементов, образующих единицу

иерархической структуры» [Dubois 1973: 479]. Синтагма может быть именной, глагольной, прилагательной в зависимости от грамматической (частеречной) природы того слова, которое ее возглавляет.

Теория валентностей. Валентность – способность слова сочетаться с другими словами. У Л. Теньера речь идет главным образом о глаголе как о главном члене, но можно распространить его подход на другие части речи. Зависимый (дополняющий) компонент называется распространителем. Способность главного слова присоединять зависимое называется активной валентностью, способность зависимого присоединяться к главному – пассивной. Валентность бывает обязательной или факультативной, причем у одного и того же слова она может быть таковой в зависимости от значения: глагол *changer*, часто вызывающий появление девиатов, не требует дополнения в значении ‘измениться’, см.: *il a changé* [он изменился], а в значении ‘менять’ требует, при этом грамматическая форма распространителя меняется в зависимости от лексического значения распространителя, ср.: *il a changé ses dollars / il a changé de chemise* [он поменял доллары / он сменил рубашку].

Каждое слово характеризуется числом валентностей и общим их значением (так называемыми семантическими ролями). Грамматическая форма (часть речи, вплоть до придаточного предложения, наличие / отсутствие скрепы в виде предлога) также учитывается.

Падежные грамматики. Под «падежом», как известно, лингвисты имеют в виду два явления: падежные граммемы (номинатив, аккузатив, датив и т. п.) и семантические роли, отражающие общие свойства участников определенных групп ситуаций [Плунгян 2000: 164]. Введенный Ч. Филлмором в 1968 г. термин *глубинный падеж* и предложенный им набор падежей многократно пересматривались. Приведем следующий инвентарь, составленный В. А. Плунгяном: агент, пациент, экспериенсер, стимул, адресат, реципиент, бенефактив, инструмент, причина, источник, цель, траектория, место [Плунгян 2000: 167]. Если принять, что среди способов регулярного выражения того или иного глубинного падежа, наряду с аффиксами, могут быть и сочетания *preposition + N*, то можно сравнить, как выражается та или иная семантическая роль в Я₁ и Я₂ и как она реализуется в межъязычии респондентов. Это позволяет понять, на каком уровне происходит сбой, например: агент (исполнитель

действия) при сказуемом в страдательном залоге выражается в Я₁ с помощью творительного падежа: *он признан всеми, его разбило лихорадкой*. Во французском встречаются предлоги *par, de*, изредка (в устойчивых выражениях) *à*. Правила различения этих двух предлогов нечеткие. Естественно, что девиации русскоговорящих состоят в том, что эти три предлога смешиваются.

Модель Смысл \Leftrightarrow Текст. Впервые опубликованная в 1974 г. и легшая в основу многочисленных исследований И. Мельчука [Мельчук, Жолковский 1984; Мельчук 1974; 1995; 1997; 1998; Mel'çuk 1993 ; 1994; 1996; 1997; 2001], модель может также быть использована для представления процесса формирования межъязычия (напомним, что работа В. Ю. Розенцвейга основана на модели Смысл \Leftrightarrow Текст [Розенцвейг 1972]). Оказавшись в той или иной ситуации, говорящий пытается реализовать в языковой цепочке глубинный смысл, возникший в его сознании и называемый *семантическое представление* (СемП). Зная правила Я₂ (его *поверхностно-синтаксические структуры* – ПСинтС), он может от этого «смысла» подняться до «текста», используя для этого словари – реальные имеющиеся издания или то, что он освоил и хранит в своем межъязычии (в случае речепроизводства на иностранном языке) вместе с правилами использования лексем.

Процесс формирования межъязычия, адекватного Я₂, сводится к освоению этих правил, и именно в этом – смысл прямых методов, не прибегающих к родному языку обучаемых и к переводу. Перевод осложняет порождение высказывания на Я₂: говорящий сначала применяет (бессознательно) поверхностно-синтаксический анализ высказывания на Я₁, затем пытается реализовать полученное СемП на иностранном языке. К сожалению, в случае употребления предлогов перевод часто осуществляется респондентами неправильно: переводятся *слова* одного языка, а не *поверхностные структуры*, и тем более не СемП, к тому же правила управления в родном и иностранном языках не учитываются. Полученные кальки не имеют смысла на иностранном языке. Данная проблема известна, когда речь идет об идиомах – лексических или синтаксических фраземах [Мельчук 1995: 341], когда «перевод» попросту невозможен (см. там же анализ фраземы *ты у меня допереключаешься!*), но и в более простых случаях ситуация ничем не лучше, как мы могли убедиться на примере девиаций респондентов.

В нашем исследовании не стоит задача создать новую сопоставительную модель двух языков, мы должны систематизировать разнообразные девиантные явления и выявить связь между ними. Рассматриваемые в этом параграфе конструкции состоят из следующих элементов: предикат, носитель синтаксической связи и дополнение. И хотя нас будут интересовать девиации во втором и третьем элементах конструкции, мы коснемся здесь и первого. Дело в том, что в выборе предикативного слова могут возникнуть девиации, влекущие за собой ошибки в других элементах конструкции. То или иное глагольное управление может быть в принципе правильно, но не в данном значении. Например, словосочетание *communiquer aux médecins* совершенно правильно (хотя и не полно) и означает ‘сообщить врачам’. Но в контексте работы, откуда этот пример извлечен, нужно было использовать *communiquer avec les médecins* [общаться с врачами].

Рассмотрим высказывание *elle s'est affermi en l'idée de changer tout (affermie)*. Респондент желал выразить ‘она утвердилась в мысли о том, чтобы все изменить’. Обратившись к словарю и найдя глагол *affermir* в значении ‘утвердиться’, он решил выстроить высказывание по аналогии с русским, произведя прямое синтаксическое калькирование. Но глагол *s'affermir* имеет значение ‘затвердеть’ и в переносном значении не употребляется. Так что девиантная конструкция, и в том числе ошибочный выбор предлога, вызваны здесь лексическими причинами. То же самое происходит, когда предикат относится к окказионализмам: *les *souhaiteurs sur la place de postier (candidats au poste de facteur)* [кандидаты на должность почтальона]. Учитывая, что образованного от глагола *souhaiter* [желать] существительного *souhaiteurs* в Я₂ не существует, ничего о его управлении сказать нельзя. Как видно из перевода, если бы оно употреблялось по аналогии с *candidat*, нужно было бы употреблять предлог *à*, поэтому можно предположить здесь и девиацию в выборе предлога. Однако такие примеры относятся к периферии анализируемых в данном параграфе девиаций, и поэтому ниже мы остановимся подробнее на нарушениях, касающихся второго и третьего элементов конструкции. Встречаются девиации: 1) в смешении частеречной принадлежности компонента, главным образом это смешение существительного и глагола; 2) в выборе предлога.

4.2.6.1. Девиаты в третьем компоненте синтагмы

Девиация может состоять в том, что частеречная принадлежность компонента-дополнения неправильно выбрана – вместо существительного употреблен инфинитив, и наоборот. Этот тип встречается только тогда, когда предикативным узлом синтагмы является существительное.

$\boxed{N + prep + N} \# \boxed{N + prep + Vb.inf}$

Девиация вызвана тем, что говорящий калькирует русское выражение: *les responsables ne peuvent pas obtenir la permission à l'édification de nouvelles mosquées (la permission d'édifier)* [ответственные лица не могут получить разрешение на строительство новых мечетей], *leur droit de la vie (leur droit de vivre)* [их право на жизнь].

$\boxed{N + prep + Vb.inf} \# \boxed{N + prep + N}$

Калька с русского оборота, наоборот, могла бы помочь избежать ошибки, но этого не происходит: *ils trouvent de nouveaux sujets à réfléchir (sujets de réflexion)* [они находят новые темы для размышления], *la voie à réussir la démocratisation scolaire (la voie / le moyen de réussir)* [путь к успеху демократизации школы], *un bon instrument de lutter contre l'injustice (instrument de lutte)* [хороший способ борьбы против несправедливости].

4.2.6.2. Девиаты во втором компоненте синтагмы: неправильный выбор предлога

Для удобства изложения распределим синтагмы по типам предикативных единиц: существительное, прилагательное, глагол. Среди глагольных выражений отдельно остановимся на безличных. Если в целом возможны три типа девиатов (1) предлог отсутствует, 2) предлог лишний, 3) предлог ошибочен), то в синтагмах, главная часть которых представлена существительным, возможны результаты только третьего типа девиаций.

Вершина синтагмы – имя существительное

A. $\boxed{N + prep + N}$.

Наиболее распространенный предлог в синтагмах данного типа – предлог *de*. Однако в межъязычии его позицию могут занимать предлоги *en, sur, pour* и, особенно часто, *avec* и *à*: *qui s'occupe du paiement au loyer (du paiement du loyer)* [кто

занимается оплатой за жилье], *technologies à pointe* (*technologies de pointe*) [современные технологии] – это устойчивое выражение, *la situation avec l'éducation générale de la Russie* (*la situation de l'éducation*) [ситуация с общим образованием в России]. В синтагмах типа $[N + \text{prep} + N]$ могут быть и другие предлоги. В одних случаях существительное, если оно отглагольное, управляет зависимым словом с помощью того же предлога, что и однокоренной глагол. В других же случаях управление глагола и существительного различаются (наконец, существительное может не быть девербативом). Например: 1) управление существительного соответствует управлению глагола (с возможными общими девиатами, см. ниже): *la participation des musulmans dans l'histoire de la France* (*la participation à l'histoire de France*) [участие мусульман во французской истории], *les participant du chat* (*les participants au chat*) [участники чата], *une aspiration de s'amuser* (*aspiration à s'amuser*) [стремление развлечься]; 2) управление существительного отличается от управления однокоренного глагола. Здесь возможны следующие варианты. Однокоренной глагол – прямо-переходный, как, например, глагол *respecter qqch* [уважать]. Регулярная трансформация в таком случае – N de N, как должно было быть в следующем примере: *ils ont eu toujours le respect au service public* (*le respect du service*) [у них всегда было уважение государственной службы], однако межъязычие может использовать и другой предлог, если в конструкции присутствует второй актант: *l'influence des drogues au physique* (*sur le physique*) [влияние наркотиков на физическое состояние], *les risques de la santé humaine* (*pour la santé*) [риск для здоровья человека]. Глагол, соответствующий существительному, может не быть прямо-переходным и требовать какой-либо предлог, отличный от того, что требует существительное. Девиации могут быть как в пользу предлога, применяемого с глаголом, так и в пользу третьего предлога, что хорошо видно на примере с существительным *intérêt* [интерес]. Если глагол *s'intéresser* употребляется с предлогом *à*, существительное *intérêt* требует предлог *pour*: *l'intérêt des Français vers le travail administratif* (*l'intérêt pour le travail*) [интерес французов к административной работе], *l'intérêt de la Mairie sur le sujet d'accueil* (*l'intérêt pour le sujet*) [интерес мэрии к вопросу о приеме], *on perd l'intérêt à la politique* (*intérêt pour la politique*) [теряется интерес к политике], *les dépenses sur l'équipement* (*les dépenses*

en équipement) [затраты на оборудование]; 3) существительное не является отглагольным: *le droit pour la vie privée (le droit à la vie)* [право на частную жизнь]. Среди таких субстантивов довольно однородную группу примеров образуют единицы с актантом со значением ‘по какому поводу’: *la position de France envers l’islam (vis à vis de)* [позиция Франции по отношению к исламу], *l’attitude negative des Français vers son pays (l’attitude négative... à l’égard de)* [отрицательная позиция французов по отношению к своей стране], *l’attitude aux idées des néolibéraux (l’attitude à l’égard des idées...)* [позиция по отношению к неолибералам]; 4) предлог также лишней в следующем – единичном в своем роде – примере *les étudiants d’origine d’arabe (d’origine arabe)* [студенты арабского происхождения], где родительный падеж Я₁ «спровоцировал» избыточное употребление *de*.

Б. *N + prep + Vb infinitum*

Возможны случаи возникновения первого (предлог отсутствует) и третьего типов девиаций (другой предлог вместо *de*): 1) отсутствие предлога – *la capacité lire et analyser (la capacité de lire et d’organiser)* [способность читать и организовать], *le droit participer (le droit de participer)* [право участвовать]; 2) девиантный выбор предлога. Встречаются предлоги *pour, à* – *notre société possède de différents moyens pour apprendre (d’apprendre)* [у нашего общества есть различные способы научиться], *ils cherchent les moyens à comprendre les adolescents (les moyens de comprendre)* [они ищут способы понять подростков], *Internet lui a donné la possibilité à organiser le mouvement politique (la possibilité d’organiser)* [Интернет дал ему возможность организовать политическое движение].

Вершина синтагмы – имя прилагательное

В конструкциях типа *Adj + prep + Vb* либо *Adj + prep + N* возможны случаи возникновения первого (предлог отсутствует) и третьего (неверно выбранный предлог) типов девиаций: 1) пропуск предлога – *les élèves ne sont pas prêts travailler (prêts à travailler)* [ученики не готовы работать], *capable reconnaître (capable de reconnaître)* [способны признать]. Заметим, что в таком виде конструкция представляет собой кальку с Я₁; 2) смешение предлогов: *à # de* – это происходит преимущественно в сочетании с прилагательными *proche* и *capable*: *les employés sont proches aux ouvriers (des ouvriers)* [служащие близки к рабочим], *je*

trouve ces mesures capables à résoudre les problèmes (*capables de résoudre*) [я нахожу эти меры способными решить проблемы], *de # à – presque prêts de trahir leur pays* (*prêts à trahir*) [почти готовы предать свою страну], *les qualités qui sont impossibles d'élaborer* (*impossibles à élaborer*) [качества, которые невозможно выработать], *à # pour – la conduite négative propre pour cette tranche d'âge* (*propre à cette tranche*) [негативное поведение, типичное для этого возраста], *acceptables aux autres chatteurs* (*acceptables pour les autres*) [приемлемые для других участников чата], *leurs capacités personnelles nécessaires à travailler* (*nécessaires pour travailler*) [личные качества, необходимые для работы], *pour # à – compliqué pour l'interpréter* (*compliqué à interpréter*) [сложно интерпретировать], *Ce principe est difficile pour le concrétiser* (*difficile à concrétiser*) [сложно конкретизировать]¹ (девиации с предлогами *pour # à* встречаются и в сочетаниях с другими прилагательными: *on dit qu'il faut faire les sites publics accessibles pour les personnes invalides* (*accessibles aux handicapés*) [говорят, что нужно делать государственные сайты доступными для инвалидов], *l'information qui n'est pas toujours adaptée pour les utilisateurs handicapés* (*adaptée aux utilisateurs*) [информация в сети не всегда приспособлена к пользователям-инвалидам]), *par # pour* (смещение паронимов) и другие: *cette action n'est pas admissible par certaines sociétés de commerce* (*pour certaines sociétés*) [данная акция недопустима для некоторых коммерческих предприятий], *nuisible par la santé* (*pour la santé*) [вредно для здоровья].

Вершина синтагмы – глагол

А. Вершина синтагмы – безличная конструкция с инфинитивом: *impers* + *prep + Vb*

С точки зрения синтаксиста-русиста было бы неправильным отнести эти конструкции к глагольными, но специфика французского языка приводит к тому, что они состоят из формального подлежащего, глагола-связки с именной частью и инфинитива, присоединяемого к глаголу с предлогом или без него: *il est possible parler virtuellement* (*de parler*) [можно разговаривать виртуально]. Вариант с оборотом *c'est* считается разговорным аналогом конструкции *il est*: *c'est difficile à*

¹ Данная конструкция, собственно говоря, является не дополнением, а распространением по типу латинского *ablativus supini: facile dictu, difficile factu – facile à dire, difficile à faire* [легко сказать, трудно делать].

contrôler tout (de contrôler tout) [трудно все проконтролировать]. К безличным относятся и конструкции с глаголами *il faut* [надо], *il vaut* [стоит].

В безличных конструкциях встречаются все три типа девиаций: 1) пропуск предлога – *il est plus facile le faire dans l'Internet (facile de le faire)* [это легче сделать в Интернете], *il est possible parler virtuellement (possible de parler)* [можно виртуально общаться]; 2) ввод лишнего предлога – *il semble de ne pas être à la mode (il semble ne pas)* [он кажется не по моде], *il vaudrait mieux de lier toutes les machines de contrôle (il vaudrait mieux lier)* [лучше было бы связать все приборы контроля]; 3) неправильный выбор предлога: *il est nécessaire à souligner (nécessaire de souligner)* [необходимо подчеркнуть], *c'est devenu possible pour des handicapés à communiquer (possible de communiquer)* [стало возможно для инвалидов общаться], *c'est difficile à contrôler tout (difficile de contrôler)* [трудно все контролировать], *il nous reste d'attendre les résultats scientifiques précis (il nous reste à attendre)* [остается ждать конкретных научных результатов], *il y a pas mal d'inconvénients de cette forme d'organisation de travail (à cette forme de travail)* [у этой формы труда немало недостатков], *il y en a une cause (il y a une cause à cela)* [этому есть одна причина].

Б. Vb + prep + Vb inf

Если по форме все эти конструкции и одинаковы, то по сути они разнятся: в одних случаях первый глагол – модальный модификатор основного глагола, в других – инфинитив дополняет спрягаемый глагол, в третьих – представлен каузатив. Возможны все три типа девиаций: 1) пропуск предлога – «лидерами» (две трети всех примеров данной категории) являются глаголы *aider* [помогать], *proposer* [предлагать] и *permettre* [позволять], хотя могут быть и другие: *ils ne veulent pas aider construire (aider à construire)* [они не хотят помогать строить], *qui leur permettent être contemporaines (permettent d'être)* [которые позволяют им быть современными], *on peut lui proposer organiser (proposer d'organiser)* [можно ему предложить организовать]; 2) ввод лишнего предлога – без предлога употребляются глаголы с общим значением 'любить / ненавидеть', 'считать', 'мочь', 'хотеть'. Почти во всех случаях лишний в высказываниях респондентов предлог – *de*, возможен также *à*: *elles préfèrent de se taire, de cacher ces violences conjugales (préfèrent se taire, cacher)* [они предпочитают молчать, утаивать], *on croirait d'être*

dans un état musulman (on croirait être) [можно подумать, что мы в мусульманской стране], *veulent d'être facteurs (veulent être)* [они хотят быть почтальонами]. Этот тип ошибок довольно устойчив и может быть вызван влиянием английского языка; 3) девиантный выбор предлога (*de # à* и наоборот) – помимо глагола *aider* [помогать], встречаются также глаголы, обозначающие различные фазы действия ('начинать', 'прекратить', 'успешно завершить'): *ces changements aident de résoudre le problème de l'immigration (aident à résoudre)* [эти изменения помогают решить проблему иммиграции], *ils ont réussi d'établir (réussi à établir)* [им удалось установить], *cette dernière ne cesse pas à baisser (ne cesse de baisser)* [последняя все время снижается], *ils apprennent de travailler autonome (ils apprennent à travailler d'une manière autonome)* [они учатся работать самостоятельно], *pour les encourager de travailler (encourager à travailler)* [чтобы их вдохновлять к работе].

Девиации в выборе предлога встречаются также в каузативных конструкциях. В отличие от русского языка, где в аналогичных конструкциях с глаголом *donner* объект (вернее, субъект второго предиката, агенс) зависит от этого глагола и всегда оформляется дательным падежом (*donner quelque chose à quelqu'un*), во французском объект зависит от инфинитива и от наличия у него других дополнений: *faire venir quelqu'un* [призвать кого-то], но *faire comprendre quelque chose à quelqu'un* [дать понять что-то кому-то] или *faire écrire une lettre à un professeur par un ami* [просить друга написать письмо преподавателю], *faire construire une maison par des ouvriers* [строить дом (наняв) рабочих]. Данный тип девиаций – типичный случай, когда рассуждение «от русского языка» не функционирует. Можно было бы предположить, что респонденты будут во всех случаях использовать косвенное дополнение. Однако почти все ошибки, наоборот, состоят в том, что неоправданно употребляется прямое дополнение, и межъязычие отдает предпочтение пропуску предлога: *la surveillance généralisée fait respecter la loi chacun de nous (fait respecter la loi à chacun de nous)* [всеобщий надзор заставляет каждого из нас уважать закон], *il doit faire comprendre les étudiants qu'ils sont les bienvenus (faire comprendre aux étudiants qu'ils sont)* [он должен дать понять студентам, что они – желанные гости], *il faut faire les élèves connaître le monde réel (leur faire connaître le monde)* [нужно ознакомить школьников с реальным миром]. Также создается впечатление, что

влияние английского языка, в котором, в каузативных конструкциях, агенс – всегда прямое дополнение, играет большую роль в появлении девиатов этого типа.

B. $Vb + prep + N$

1) Пропуск предлога: вследствие пропуска предлога косвенное дополнение становится прямым. Пропущенным может оказаться **предлог à** (более половины случаев): *apprendre les élèves à apprendre (apprendre aux élèves)* [научить учеников учиться], *ce qui donne les Français plus de temps pour leurs loisirs (donne aux Français)* [что дает французам больше времени]. Предлог *à* служит не только для обозначения такой семантической роли, как адресат (в Я₁ передается беспредложным дательным падежом), но также для выражения других объектных отношений (любой объект, затрагиваемый действием) [Гак 2004: 592], в том числе и таких, которые требуют в Я₁ тот или иной предлог: *ils jouent les jeux électroniques (à des jeux électroniques)* [они играют в электронные игры]. **Предлог de** пропущен почти в половине случаев пропуска предлогов вообще: *chaque handicapé doit disposer l'accès d'Internet (disposer de l'accès)* [каждый инвалид должен располагать доступом в интернет], *profiter le modèle japonais (profiter du modèle)* [воспользоваться японской моделью]. Анализ данных также выявил, что в большинстве случаев соответствующий русский предикат управляет беспредложным падежом: ‘помнить что-то’, ‘служить чему-то’, ‘пользоваться чем-то’.

В тех случаях, когда дополнение выражено **местоимением**, нужно говорить не о девиантном выборе предлога, поскольку предлог в косвенном дополнении с местоимением отсутствует, а о девиации в управлении. Либо респондент знает, что предикат требует косвенное дополнение, но смешивает формы местоимений (*les / leur, le / lui* и т. д.), либо он ошибается в управлении глагола: *chez les plus petits il est question de les apprendre à lire (il est question de leur apprendre)* [у самых маленьких речь идет о том, чтобы их научить читать], *braille-net les a reproché à leur inaccessibilité (leur a reproché leur inaccessibilité)* [<организация> Брайль-нет упрекнула их в недоступности], *les permettre réduire leur effort de réduction (leur permettre de réduire)* [позволить им снизить усилия по уменьшению] – в обоих примерах по два предложных девиата. Однако факт, что представленные здесь глаголы также встречаются с девиатами даже тогда, когда дополнение выражено су-

ществительным, в том числе в одной и той же респондентской работе, наводит на мысль, что в большинстве случаев межъязыковая девиация связана с управлением: *le meilleur solution d'enseigner l'enfant c'est de l'apprendre à travailler (la meilleure solution pour élever un enfant c'est de lui apprendre à travailler* [лучшее решение для того, чтобы воспитать ребенка, это – научить его работать], *c'est apprendre l'enfant à travailler (apprendre à un enfant à travailler)* [научить ребенка работать].

К девиациям в управлении примыкают нарушения в построении **сложноподчиненных** предложений изъяснительного типа, в русских аналогах которых союзная скрепа *то, что* позволяет вставить придаточное предложение вместо существительного и выполнить таким образом роль актанта [Дебренин 1984: 131–138; 1986]. Во французском имеется аналогичная конструкция *ce que* или *le fait que* [факт что]. В следующем примере скрепа отсутствует, что как раз и объясняется девиацией в глагольном управлении (выбрано беспредложное управление вместо предложного с *sur*): *une autre opinion insiste que la réduction du temps de travail est une condition indispensable (sur le fait que)* [другое мнение настаивает на том, что сокращение длительности рабочего времени является необходимым условием], *la question consiste ce qu'on peut réunir (consiste en ce qu'on peut)* [вопрос состоит в том, что можно собрать].

2) Предлог лишней: среди глагольных предикатов, которые в межъязычии неоправданно употребляются с предлогами, практически нет (кроме двух примеров) глаголов, аналоги которых требуют винительного падежа в Я₁. Это значит, что респонденты с помощью предлогов пытаются подобрать эквивалент русским падежным формам. Большое количество девиантных примеров представлено с глаголом *aider* [помогать]: *la Mairie tâche d'aider aux étudiants étrangers (aider les étudiants)* [мэрия старается помогать иностранным студентам]. Много примеров, где эквивалентный русский глагол требует дательного падежа: *les conseils pour apprendre les enfants à la lecture (apprendre la lecture aux enfants)* [научить детей чтению], *la société française empêche aux communautés islamique de se développer (empêche les communautés)* [французское общество мешает исламским общинам развиваться], *servir à la société (servir la société)* [служить обществу]. В других случаях предлог также употребляется по аналогии с русским предлогом: *influencer sur*

les adolescents (influencer les adolescents) [влиять на подростков], *on rencontre avec la cas exceptionnel (on rencontre un cas exceptionnel)* [встречаются исключительные случаи], *en regardant sur les résultats (en regardant les résultats)* [взирая на результаты]. Напомним, что управление может различаться в зависимости от значения глагола: *ce texte explique comme il faut changer une banque (changer de banque)* [этот текст объясняет, как нужно сменить банк]. Глагол *changer* с прямым дополнением означает ‘переодевать, перепеленать <малыша>’, а с предлогом *de* – ‘сменить’, тогда как у аналогичных русских глаголов управление остается неизменным.

3) Предлог ошибочен: отдельно выделяется класс предикатов, спряженных в пассивной форме с агенсом. В Я₂ одушевленный агенс, в том числе метонимический, чаще всего выражается с помощью предлога *par*, неодушевленный – *de*. Девиации (относительно редкие) русскоговорящих респондентов состоят в том, что используется *de* вместо *par*: *c'est le programme élaboré du gouvernement français (un programme élaboré par le gouvernement)* [это программа, разработанная французским правительством], *l'organisation de BB est soutenue du Front National (par)* [организация Брижит Бардо поддерживается Национальным Фронтом], *les candidats sont très intéressés au travail de postier (intéressés par le travail)* [кандидаты очень заинтересованы работой почтовика]. В устной речи часта обратная ошибка: *l'article est accompagné par trois photographies en couleurs (de trois)* [статья сопровождается тремя цветными фотографиями]. Хотя авторитетный справочник М. Гревисс указывает, что нет строгого правила в выборе между *par* и *de* для агенса [Grevisse 1969: 152], это не значит, что они взаимозаменяемы. Правила существуют, но они не эксплицитны, расплывчаты (например, «с глаголом в переносном значении, скорее всего, употребляют предлог *de*» или «при распространенном агенсе чаще всего употребляют предлог *par*») [Ibid.]. Русскоговорящим респондентам эти правила не преподаются, поэтому выбор того или иного предлога диктуется приоритетами их межъязычия, например, функционирование *par* может отождествляться с функционированием англ. *by*.

Девиат *désiré pour les Français (désiré des Français)* [желанный французами] (глаголы, выражающие чувства употребляются с предлогом *de*) можно объяснить

смешением *de* # *par* с последующим наложением *par* # *pour*. Как будет видно из следующего подпункта, эти два предлога-паронима часто смешиваются.

Треть девизантных примеров с другими предлогами представлена сочетаниями с глаголом *lier* ‘связывать’ в пассивной форме: *l’avenir est lié avec l’utilisation des hautes technologies (lié à l’utilisation)* [будущее связано с использованием высоких технологии] и, очевидно, вызвана калькированием с Я₁. Более одной трети примеров – смешение предлогов *de* и *à*: *l’auteur pense des conséquences (pense aux conséquences)* [автор думает о последствиях], *forcer les jeunes de travailler plus (à travailler)* [заставить молодых людей работать больше], *ils diffèrent beaucoup aux générations précédentes (des générations précédentes)* [они сильно отличаются от предшествующих поколений], *cela empêche à réaliser ce projet (de réaliser)* [это мешает реализовать этот проект]. Последний пример демонстрирует условность названия «предлог» по отношению к *de* с инфинитивом¹. Ср.: *empêcher la réalisation* [мешать реализации], где *empêcher* – прямо-переходный, и *empêcher de réaliser* [мешать реализовать], где перед инфинитивом нужно употреблять *de*.

Кроме предлогов *de* и *à*, в межъязычии регулярно смешиваются следующие пары: *en* # *à*, *dans* # *en*, *dans* # *à*, *sur* # *à*, *pour* # *à*, *en* # *pour*, *de* # *sur*, *avec* # *de*, *à* # *avec*, *en* # *de*, *à* # *pour*. Также для межъязычия характерно употребление *penser de* вместо *penser à* в конструкциях типа *ils pensent de leur carrière (à leur carrière)* [они думают о своей карьере], что имеет, на наш взгляд, два варианта объяснения. Управление *penser de* действительно существует и позволяет оформить второй объект – *penser qqch de qqn / qqch* [думать что-либо о ком / чем-либо. Респондентам оно известно из заученных выражений типа *qu’est-ce que tu en penses?* [что ты об этом думаешь?], где местоимение *en* замещает дополнение, введенное предлогом *de*. Но учитывая, что кроме этих выражений, в которых к тому же предлог *de* явно не фигурирует, поскольку заменен местоимением *en*, вся конструкция используется нечасто, нельзя утверждать, что именно она и является причиной столь устойчивой девиации. С другой стороны, при данном глаголе дополнение играет роль *делибератива-топика* – семантическую роль, обозначающую тему речевого

¹ К. Сандфельд предлагает в этих случаях использовать термин *показатель* (indice) [Sandfeld 1965: 26–27].

сообщения или предмет мысли: *обсудить случай* (в русском языке может выражаться беспредложной формой винительного падежа или сочетанием с предлогом *о / об, про* с формой предложного падежа имени)¹. Учитывая, что данная девиация связана в основном с употреблением *parler*, который требует предлога *de* для выражения топики, неудивительно, что данный предлог переходит и к глаголу *penser*.

Г. Выводы

Представим предикаты, участвующие в девиантном управлении. В нашем материале на 230 предикатов (существительных, глаголов, прилагательных) пришлось 500 девиатов, и только 24 % из них представлены по одному разу. Среди остальных есть и такие, что являются причиной 10 ошибок и более: *aider* [помогать], *apprendre* [научить], *permettre* [позволять], *lier* [связывать], *participer* [участвовать], и на эти предикаты приходится 1/6 часть всех случаев девиантного выбора предлога, причем первые три предиката (*aider, apprendre, permettre*) - многоактантные глаголы, и вероятность ошибиться в их использовании возрастает с количеством актантов. С другой стороны, они очень распространены, и невозможно предположить, чтобы респонденты не знали их управления. Все девиации с этими глаголами – результат интерференции.

Среди межъязыковых тактик, реализуемых с предлогами, наблюдаются следующие: чаще всего (20 % случаев) предлог пропущен (то есть тенденция межъязычия опускать без «явной» необходимости элемент Я₂ здесь сохраняется), реже (14,5 %) – он лишний, компенсирующий падеж Я₁.

Предлоги *à* и *de* смешиваются примерно в равной степени – 13 % примеров *à # de* против 12,5 % *de # à*. Наиболее «популярный» в межъязычии предлог *à*. В 31 % случаев именно он неоправданно заменяет другой. Затем следуют *de* (22 %) и – далеко позади – *avec* (7 %) и *pour* (6 %). Наряду с этим предлоги *à* и *de* чаще всего заменяются другими (соответственно в 36 % и 29 % случаев).

Выработка правил межъязычия в области выбора предлогов Я₂

Проведенный в Новосибирском госуниверситете тестовый эксперимент позволил выяснить, какими правилами межъязычия руководствуются респонденты при

¹ Подробный анализ актантной системы данного класса глаголов изложен в работе участницы нашего спецсеминара О. С. Голушко [2003].

выборе предлога Я₂.¹ Цель эксперимента была прежде всего в том, чтобы проверить следующее наблюдение: в большинстве случаев носитель русского языка выбирает предлог, который он считает эквивалентом русского предлога или падежа в сочетании с конкретным предикатом, например, *de* рассматривается им как эквивалент родительного падежа или предлога *om*: *afin d'échapper du chômage (au chômage)* [для того, чтобы избежать безработицы], *dans* или *en* – как эквиваленты *в* с предикатами со значением ‘участвовать’: *les femmes qui participent dans les élections (participent à)* [женщины, участвующие в выборах], *à* – как эквивалент *к*: *ils se sont approché à la culture scolaire (approchés de la culture)* [они приблизились к школьной культуре].

Анализ экспериментальных данных показал, что соотношение правильных и неправильных ответов оказалось 52 и 48 % соответственно. Количество правильных ответов на каждого респондента колебалось от 47 до 101 из 125 ответов (рис. 4.3).

Рис. 4.3 Количество правильных ответов на одного респондента

¹ На основе анализа основного корпуса девятатов нами были выявлены те предикаты, с которыми фиксировалось наибольшее количество нарушений в выборе предлога. Был составлен тест из 115 высказываний, содержащих выявленные предикаты с пропущенными предлогами (всего 125 пропусков), и респондентам было предложено не только заполнить пустые ячейки предлогами, но и прокомментировать свой выбор (до получения правильного ответа), что и позволило выявить принципы межъязыкового выбора предлогов. В эксперименте участвовали 27 студентов гуманитарного факультета и факультета иностранных языков НГУ, изучавших французский язык на протяжении 2–5 лет. В результате тестирования были получены 3 375 межъязыковых высказываний. Эксперимент и первичную обработку результатов проводила участница нашего спецсеминара М. В. Задара [Задара 2005].

Распределение правильных ответов по высказываниям можно увидеть на следующей схеме (рис. 4.4). Три примера (№ 54, 56 и 84) оказались правильными у всех респондентов. В двух первых из них несколько вариантов ответа были допустимыми, что увеличило шансы на успех: *Le prof parlait ... une étudiante (à une étudiante / avec une étudiante / d'une étudiante)* [преподаватель разговаривал со студенткой / о студентке], *Il est entré ... l'université (à l'université / dans l'université)* [он поступил в университет / он зашел в университет]. Еще в одном высказывании у всех респондентов правильным оказался выбор первого (нулевого) предлога: *Le prof enseigne ... le latin ... la petite fille (le latin à la petite fille)* [преподаватель учит девочку латыни].

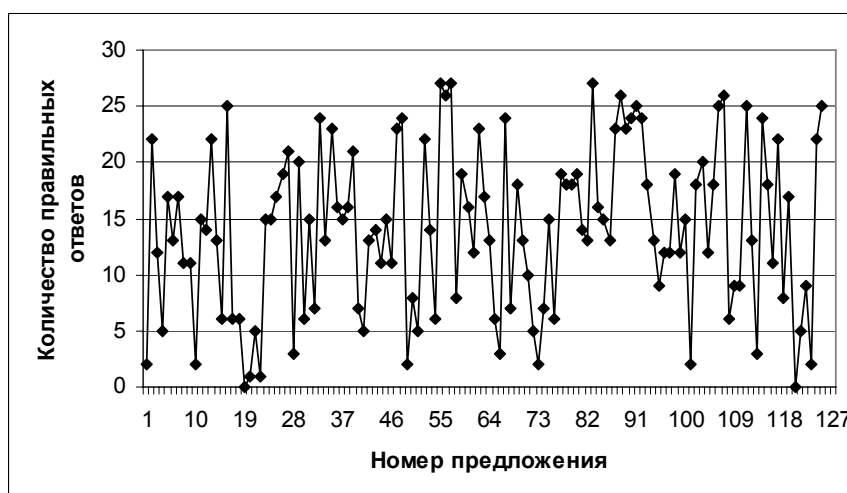

Рис. 4.4 Коэффициент успешного выполнения теста

Неправильными у всех респондентов оказались два примера (№ 19 и 120): *le prof attire notre attention ... ce problème (sur ce problème)* [преподаватель привлекает наше внимание к этой проблеме] и *Ce drap peut servir ... drapeau blanc (servir de drapeau)* [эта простыня может служить белым флагом].

Чаще всего давались неправильные ответы в выборе предлогов *à* и *de*. Для предлога *à* из 1 215 примеров (45 примеров на 27 респондентов) были получены 606 правильных и 609 неправильных ответов. Помимо предлога *contre* и союзов *et*, *comment*, которые были предложены респондентами каждый по одному разу, отмечены следующие варианты замены данного предлога (рис. 4.5).

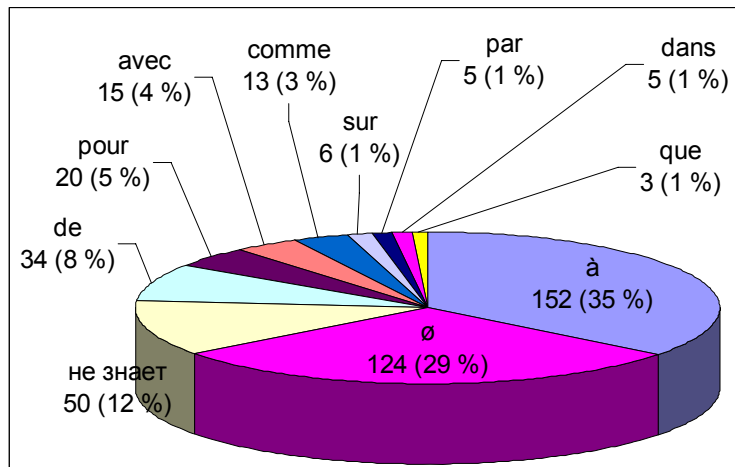

Рис. 4.5. Варианты замены предлога à

Для предлога *de* из 1 080 ответов (40 примеров на 27 респондентов) 643 оказались правильными, что составляет 60 % всех употреблений данного предлога.

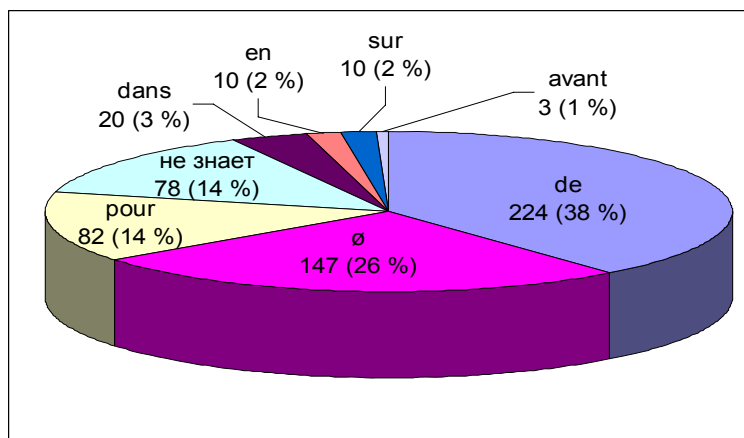

Рис. 4.6. Варианты замены предлога de

Помимо предлогов *chez*, *vers*, *pendant*, которые предлагались по одному разу, отмечены следующие варианты замены данного предлога (рис. 4.6).

Наконец, вместо нулевого предлога (прямого дополнения) респондентами были предложены следующие варианты ответа (рис. 4.7), а также (по одному разу) предлог *sur* и союзы *et* и *que*.

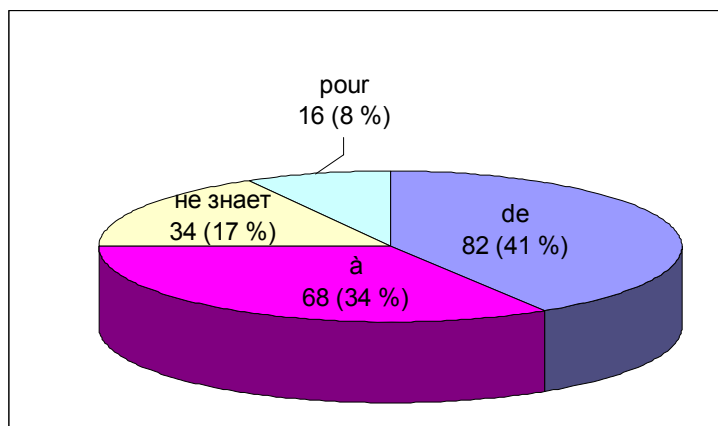

Рис. 4.7 Варианты предлога вместо прямого беспредложного дополнения

Комментируя свой выбор, респонденты объяснили, что они используют следующие тактики межъязычия при выборе предлога: 1) перевод на русский; 2) перевод на английский; 3) поиск эквивалента русского падежа; 4) выбор предлога согласно его семантике; 5) подбор предлога по аналогии с другими предикатами; 6) согласно «собственным правилам». Рассмотрим подробнее эти тактики.

А. Перевод на русский

Респондент переводит высказывание на Я₁ и подбирает эквивалент русского предлога в Я₂. Пример *Tu peux être appelé... faire ton devoir* переводится как ‘Тебя могут вызвать для выполнения твоих обязанностей’ (при том, что правильным переводом является ‘Тебя могут призвать к выполнению долга’) ¹. Сообразно переводу выбирается эквивалент *pour* для *для* и оформляется высказывание: ***Tu peux être appelé pour faire ton devoir (appelé à faire ton devoir)***. Поскольку многие русские предлоги имеют не один, а несколько эквивалентов в Я₂, в ответах были представлены межъязыковые варианты: ***Il a participé dans trois Jeux Olympiques / en trois Jeux Olympiques (participé à trois Jeux Olympiques)*** [он принимал участие в трех Олимпийских играх]. Такая тактика может привести и к правильным вариантам: ***c’est acceptable pour tout le monde*** [это приемлемо для всех], ***ce nageur a été choisi pour la compétition*** [этот пловец был выбран для соревнования].

¹ Во всех последующих примерах этого раздела представлен оригинальный перевод на русский или английский, предложенный респондентами.

Б. Перевод на английский

Наличие большого количества близкородственных слов в этих языках приводит к тому, что респонденты прибегают к помощи английского языка, переводя высказывание на английский и подбирая эквивалент английскому предлогу во французском. В примере *Je suis satisfait... ton travail* паронимическое сходство французского *satisfaire* с английским *to satisfy* побуждает искать аналогию в английском. Респондент переводит высказывание как ‘I’m satisfied with your job’, находит предлог *avec*, эквивалентный предлогу *with*, и оформляет межъязыковое высказывание: ***Je suis satisfait avec ton travail (satisfait de ton travail)*** [я доволен твоей работой]. Иногда эта тактика приводит к ошибкам, тогда как перевод на Я₁ привел бы к правильному результату: в примере *Les jeunes aiment... communiquer entre eux* французский глагол *communiquer* вызвал ассоциации с английским *to communicate* и побудил перевести смысл как ‘Young people like to communicate with each other’, а затем перевести *to* как *de*. Опора на русский перевод не привела бы к девиации: ***Les jeunes aiment de communiquer entre eux (aiment communiquer)*** [молодые люди любят общаться друг с другом]. В некоторых случаях данная тактика приводит и к положительным результатам: *Je ne veux pas toucher ce sujet* переведено как ‘I don’t want to touch this subject’ [я не хочу касаться этой темы], *Ces programmes concernent les étudiants* переведено как ‘These programs concern the students’ [эти программы касаются респондентов].

В. Выбор предлога по значению соответствующей падежной функции.

В примере *Il faut se rapprocher... peuple* выбор предлога происходил следующим образом: респондент перевел высказывание на Я₁ как ‘Нужно быть ближе к народу’, где русское существительное *народ*, эквивалентное французскому *peuple*, стоит в дательном падеже. Поэтому респондент посчитал, что ему необходимо найти предлог, отражающий значение этого падежа в Я₂, и выбрал частотный *à*: ***Il faut se rapprocher au peuple (Il faut se rapprocher du peuple)***. Отличие от стратегии «перевод на русский язык» в том, что здесь респондент подбирал не эквивалент русскому предлогу, а эквивалент падежу. В некоторых случаях такая тактика приводит к правильным ответам: *Elles sont accessibles à tous* по аналогии с ‘Они доступны всем’, где предлог *à* выступает в функции дательного падежа, или *J’ai peur des*

ogres по аналогии с ‘Я боюсь людоедов’ с предлогом *de* в функции родительного падежа.

Г. Выбор предлога по его семантике

Являясь служебной частью речи, предлоги не имеют самостоятельного значения, но способны выражать характер отношений между компонентами словосочетаний, причем могут выражать несколько типов таких отношений, имеющих инвариантную семантику. В попытке выбрать правильный предлог с учетом его семантики, респонденты выстраивали логические цепочки, обобщая и дифференцируя значения предлогов, подыскивая нужные соответствия в Я₁ и Я₂. В примере *Il s'est approché ... la fenêtre* [он приблизился к окну] респонденты искали предлоги со значением ‘действие, направленное к чему-то’. Первый выбрал ***Il s'est approché à la fenêtre***, второй – ***vers la fenêtre***, а третьего эта же тактика побудила выбрать ***pour la fenêtre*** (при правильном *de la fenêtre*). *De* воспринимался как предлог, обозначающий движение в обратном направлении (аналог *от*), и в данной ситуации он казался респондентам подходящим менее всего. В некоторых случаях данная тактика приводит к правильным результатам, например *Le tigre s'est échappé du zoo* [тигр сбежал из зоопарка], где предлог *de* использован в значении ‘удаление от исходной точки’. Более того, иногда ошибочное рассуждение может приводить к правильным результатам: в примере *J'ai commandé une pizza à la pizzeria* предлог *à* выбран по причине того, что он означает ‘место’ [я заказал пиццу в пиццерии], хотя на самом деле заполняемая валентность имеет значение ‘лицо или учреждение, предоставляющее услуги’ (заказать что-л. у кого-л.). В примере *Il est accusé... vol* респондент переводит высказывание на Я₁ и выстраивает следующую цепочку: ‘Его обвинили в воровстве’ → ‘его обвинили по причине того, что он воровал’, следовательно, нужно найти французский предлог, отвечающий значению ‘причина’, а это – *de*, поэтому правильно высказывание: *Il est accusé de vol*. Тактика была ложной, но привела к правильному результату.

Д. Выбор предлога по аналогии

Аналогия проводится с другим предикатом или с другим значением этого же предиката, например, респондент выбрал беспредложное управление под влиянием

известного ему сочетания *aspirer qqch.* [вдыхать что-л.]: *Tous les hommes aspirent le bonheur (aspirent au bonheur)* [все люди стремятся к счастью].

E. Выбор предлога согласно правилам своего межъязычия

Продемонстрируем на примере выбора предлогов то, как межъязычие вырабатывает собственные правила. Ниже приведены правила, сформулированные самими респондентами и отсутствующие в Я₂.

В составном глагольном сказуемом инфинитив присоединяется к глаголу предлогом *de*. Можно лишь предположить, что данное правило появляется под влиянием английского языка, где части составного глагольного сказуемого обычно соединяются *to* (*I want to mention, I like to travel* и т.д.). Эксперимент показал, что это правило используют около 56 % опрошенных респондентов.

В составном именном сказуемом инфинитив присоединяется к прилагательному предлогом *de*. Скорее всего, данное правило также появилось под влиянием английского языка, где инфинитив обычно присоединяется к прилагательному в составном именном сказуемом при помощи того же предлога *to* (*it's hard to say, it's difficult to see, it's easy to do it*). Исследование показало, что этим правилом пользуются около 18,5 % опрошенных респондентов.

В составном именном сказуемом инфинитив присоединяется к прилагательному предлогом *à*. В межъязычии разных респондентов сосуществуют эти два противоположных правила. Скорее всего, возникновению третьего правила послужила контаминация конструкций типа *c'est + прилагательное + предлог + инфинитив* с сочетанием *C'est facile à faire*. Данное сочетание входит в базовый словарь, поэтому можно считать его одним из составляющих фундамента межъязычия и делать выводы о его значительном влиянии на его развитие. Согласно данным проведенного эксперимента, данным правилом пользуется 7,4 % опрошенных респондентов.

В составном именном сказуемом инфинитив присоединяется к существительному предлогом *de*. Можно также предположить влияние английского языка, где в подобной конструкции употребляется предлог *to* (*I have a goal to reach smth., I have a dream to go there, I have a chance to meet him*). Этим правилом пользуется 22 % опрошенных респондентов.

В составном глагольном сказуемом инфинитив в значении ‘чтобы сделать что-л.’ присоединяется к глаголу предлогом *à*, а инфинитив в значении ‘делать что-л.’ – предлогом *de*. Несмотря на то, что данное правило применяют только 7,4 % респондентов, его использование при выполнении теста оказалось успешным: *Ce livre est trop compliqué à lire* [Эта книга слишком сложна, чтобы ее читать].

В выборе предлогов респонденты иногда руководствуются странными на первый взгляд правилами. Одни испытывают склонность к использованию определенного предлога и в случаях сомнения выбирают именно «любимый» предлог, другие осуществляют свой выбор согласно «эстетическому принципу». О примере *Cet ordinateur est adapté aux enfants* респондент, следуя фоническим ассоциациям, рассуждал так: глагол *adapter* начинается с буквы *a*, следовательно, управляется предлогом *à*. В некоторых случаях респонденты утверждали, что выучили и знают правильное управление предиката, а другие признавались, что полагаются на интуицию, проверяя на слух или на письме, совпадает ли выбранный предлог с их «ощущением правильного высказывания», то есть сверяли полученное высказывание с аналогичными образцами, хранящимися в памяти.

Девиантное употребление предлогов в синтагмах типа **Vb + prep + circ**

A. С обстоятельством места или времени

Все представленные конструкции – предложные, и ошибки состоят в смешении предлогов. Преобладают две тенденции: вытеснение предлога *dans* другими предлогами, главным образом *à* и *en*, и замена предлогом *à* предлогов *en*, *sur*. Девиации позволяют сделать вывод о том, что респонденты плохо различают (недифференцируют) предлоги *dans*, *en* и *à* и считают их эквивалентом предлога *в*.

- *à* # *dans*: ***il se produit aux cabarets et aux attractions*** (*dans les cabarets et dans les attractions*) [он выступает в кабаре, в аттракционах], ***entrer au monde du travail*** (*entrer dans le monde du travail*) [входить в мир труда], ***les étudiants revenus à leur pays*** (*dans leur pays*) [студенты вернулись в свою страну];

- *en* # *dans*: ***ils veulent travailler maintenant en secteur privé*** (*dans le secteur privé*) [они теперь хотят работать в частном секторе], ***si tout va bien en leurs familles*** (*dans*

leurs familles) [если все хорошо в их семьях], *l'article paru en l'Express (dans l'Express)* [статья вышла в журнале «Экспресс»];

- предлог *à* вместо других: *J. P. P. a lancé un appel à Internet aux handicapés (sur internet)* [Ж. П. П. отправил по интернету обращение к инвалидам], *on prévient les délits aux marchés financiers (sur les marchés)* [предупреждают преступления на финансовых рынках], *le déplacement aux villes (dans les villes)* [переезд в города], *on va au juriste (chez le juriste)* [идут к юристу], *simplification d'entrée à la seconde des certains catégories des élèves (entrée en seconde)* [упрощение поступления во второй класс для некоторых категорий учеников].

Девиантная тенденция сохраняется и в случае употребления обстоятельств, выраженных топонимами. В Я₂ существуют разнообразные правила выбора предлога в зависимости от рода и фонематического облика топонима. Обычно эти правила учат в самом начале обучения, и девиации имеют тенденцию фоссилизироваться: *à la Russie, dans la Russie (en Russie)* [в России], *en USA (aux USA)* [в США], *en Japon (au Japon)* [в Японии], *la situation des immigrés dans Los Angeles (à L.A.)* [положение иммигрантов в Лос-Анджелесе]. Аналогичные проблемы с употреблением пространственных предлогов встречаются и в тех случаях, когда они используются в переносном значении, в том числе и в темпоральном: *en outre au passé la construction... (dans le passé)* [к тому же в прошлом строительство...], *ils n'étaient pas accessibles en passé (dans le passé)* [в прошлом они были недоступны], *au premier lieu (en premier lieu)* [в первую очередь]. Неправильно и употребление предлога *à* как аналога русского предлога *в* в устойчивом выражении *à nos jours (de nos jours)* [в наши дни], а также в тех случаях, когда русскому предлогу *в* во французском соответствует беспредложное управление: *aux dernières années, dans les années dernières (ces dernières années)* [в последние годы] *au temps dernier (ces derniers temps)* [в последнее время], *parus dans différents jours (parus différents jours)* [опубликованные в разные дни]. Большое количество девиатов объясняется тем, что одному русскому предлогу (чаще всего с пространственным значением) соответствует два французских: один – с пространственным, другой – с темпоральным значением: *il faut que l'étudiant aie le titre de séjour jusqu'à la rentrée (un titre de séjour avant la rentrée)* [нужно, чтобы студент получил вид на жительство до

начала учебного года], где оба предлога соответствуют русскому *до*; *qui a eu lieu quelques jours devant cet article (avant cet article)* [который имел место за несколько дней до публикации данной статьи], где оба предлога *devant* и *avant* соответствуют русскому *перед*. В межъязычии возникают большие затруднения в выборе предлогов *depuis* и *dès* (с общим значением ‘с’): *il est très important qu’ils apprennent à leurs enfants à lire depuis toute l’enfance (dès l’enfance)* [очень важно, чтобы они научили своих детей читать с самого детства], *ils doivent attendre depuis 7–11 ans (attendre jusqu’à)* [они должны ждать до 7–11 лет], *étant inventé déjà un demi millénaire (depuis)* [изобретенный вот уже 500 лет], *chacun voudrait savoir, déjà à l’école, sa profession (dès l’école)* [каждый хотел бы уже в школе знать свою профессию]. Сложности вызваны здесь тем, что способы выражения данного семантического отношения существенно различаются в двух языках.

Б. Девиантное употребление других предлогов

Другие предлоги французского языка употребляются в целом правильно, в том числе и так называемые предложные выражения, например *le long de* [вдоль], что объясняется их относительной однозначностью и прозрачностью их внутренней формы.

Среди простых предлогов проблемы вызывает ограничительный *sauf* [кроме]: *mais sauf les faits positifs il y a bien sûr des problèmes (outré les faits positifs)* [кроме положительных фактов, есть и проблемы], *sauf le livre, ce sont le journal, la radio (outré le livre)* [помимо книги, это пресса, радио], означающий только ‘за исключением’, см.: *j’ai tout fait, sauf mes devoirs* [я все сделал, кроме уроков], в отличие от русского *кроме*, который может обозначать и ‘кроме’ и ‘помимо’.

Вершина синтагмы – слово, указывающее количество: наречие, местоимение, числительное

Как и в Я₁, в Я₂ помимо существительных, прилагательных или глаголов, вершинами подчинительной связи могут быть слова других частей речи. Большой класс таких слов имеет количественную семантику и присоединяет к себе существительные с помощью предлога *de*. Распространенным является пропуск этого предлога: 1) после наречия – *mais assez avantages existent (assez d’avantages)* [существует достаточно много преимуществ], *de plus en plus compétitions différentes*

sont présentées (de plus en plus de compétitions) [представлены все больше и больше различных соревнований]; 2) после существительных, обозначающих некоторое количество – *il y a un certain nombre pays musulmans qui étaient des colonies françaises (un certain nombre de pays musulmans)* [существует некоторое количество мусульманских стран, которые были французскими колониями], *les gens auront le minimum contacts personnels (auront un minimum de contacts personnels)* [у людей будет минимум личных контактов]; 3) в сочетании с неопределенным детерминативным выражением *quelque chose – faire quelque chose utile (quelque chose d'utile)* [делать что-нибудь полезное], *quelque chose autres (quelque chose d'autre)* [что-нибудь другое]. Возможны девиантные ввод или опущение *de* после некоторых числительных (обычно с числительными предлог *de* не нужен): *il y a cinq cents d'années (il y a 500 ans)* [500 лет назад]. Напротив, слова *centaine, milliers* и *millions* – существительные (ср. русские *сто/сотня*), они требуют детерминатив и конструкцию N de N: *Pour 5 millions mahométans (pour 5 millions de Mahométans)* [для 5 миллионов мусульман], *on est prêt d'accueillir encore quelques mille Russes (prêt à accueillir encore quelques milliers de Russes)* [готовы принять еще несколько тысяч русских] – здесь наличие детерминатива *quelques* указывает на то, что слово «тысяча» мыслится как существительное, а не как числительное.

Если зависимая часть высказывания содержит местоимение после слова, выражающего некоторое количество, необходимо вставить предлог *entre*: *beaucoup d'eux ont une bonne formation (beaucoup d'entre eux)* [многие из них имеют хорошее образование], *la plupart d'eux réussissent (la plupart d'entre eux)* [большинству из них удастся], *les uns d'eux (certains d'entre eux)* [некоторые из них], *certains d'eux (certains d'entre eux)* [некоторые из них]. В аналогичной ситуации возможна девиантная замена *entre* на *parmi*: *Chaque parmi eux a ces raisons pour faire ça (chacun d'entre eux a ses raisons pour le faire)* [у каждого есть причины сделать это].

4.2.6.3. Девиантное выражение именной части сказуемого

Представим девиации в синтагмах типа $\boxed{N_1 \text{ cop } N_2}$. N_2 – именная часть сказуемого (*attribut*), и в ее оформлении в межъязычии встречается несколько типов нарушений.

Отсутствие связки

Девиация возникла под влиянием Я₁: *la seule chose indispensable – la présence d'une certaine logique (la seule chose indispensable, c'est la présence)* [единственная необходимая вещь – присутствие некоторой логики], *le but de ces démarches – placer la France dans la compétition mondiale (le but de ces démarches est de placer...)* [цель этих шагов – найти место Франции в международном соревновании]. Отметим, что пунктуация (использование тире) здесь также ошибочна.

Местоимение *ce* лишнее

Очевидно калькирование конструкции с местоимением *to* Я₁: *la chose la plus importante est ce que les gens n'auront pas besoin de travailler (est que les gens)* [самое главное – это то, что людям не нужно будет работать], *une autre question est ce que ses examens ne peuvent pas préparer bien les jeunes au monde du travail (une autre question est que ces examens)* [другой вопрос – это то, что эти экзамены не могут готовить молодых к миру труда].

Девиаты в именной части, выраженной инфинитивом

Как уже отмечалось, правила, предписывающие отсутствие или наличие предлога *de* или *à* перед инфинитивом, в специальной литературе освещаются плохо, и ситуация осложняется дополнительным калькированием в межъязычии англ. *to*, более регулярно употребляемой перед инфинитивом. Вследствие этого возможны следующие девиации: 1) пропуск *de* (*Il est possible de plus trouver des nouveaux amis (il est possible, de plus, de trouver...)* [к тому же можно найти друзей], *son but est donner à tous les élèves les possibilités (son but est de donner)* [его цель – дать всем ученикам возможности]; 2) замена *de* предлогом *à* (*La tradition c'est à boire beaucoup (c'est de boire beaucoup)* [традиция в том, чтобы пить много], *c'est une chance pour les personnes invalides à trouver leur place dans la vie (de trouver)* [это шанс для инвалидов найти свое место в жизни]; 3) неоправданное ввод *de*. Последний тип девиаций встречается при подлежащем-инфинитиве: *apprendre à lire d'après la «méthode Pennac» c'est de consacrer un certain temps à la lecture qui sort du programme (c'est consacrer)* [научить чтению по методу Пеннака – это посвящать некоторое время чтению не по программе], *être moderne c'est d'être efficace (c'est être)* [быть современным – это быть эффективным].

Пропуск *comme* в конструкциях с глаголом *considérer*

Когда респонденты желают выразить идею ‘считать кого-л. кем-л.’ и выбирают для этого глагол *considérer*, то ошибочно употребляют его, как и его русский аналог, без предлога: *considérer les forêts les absorbeurs de gaz (considéré les forêts comme des absorbeurs)* [рассматривать леса как поглотители газов], *la politique des 80 % est considérée irréaliste (est considérée comme irréaliste)* [политика 80 % считается нереалистичной]¹.

4.2.6.4. Девиантный выбор союза в изъяснительных сложноподчиненных предложениях

Поскольку русский и французский синтаксис сложного предложения структурно достаточно близки, в межъязычии возникает не так много девиаций в этой сфере, касающихся в основном выбора союза при передаче косвенного вопроса: *je ne suis pas sûre s'il existe quelques moyens assez efficaces (qu'il existe)* [я не уверена, существуют ли достаточно эффективные методы], *ils savent qu'est-ce qu'ils doivent faire (ce qu'ils doivent faire)* [они знают, что должны делать]. Союз может также отсутствовать: *ils croyaient l'art de danse n'est pas sérieux (croyaient que l'art)* [они считали искусство танца несерьезным], *on peut dire, tout le monde pose le facteur de la beauté... (on peut dire que...)* [можно сказать, все учитывают фактор красоты]. Респонденты не осознают данные ситуации как косвенный вопрос и строят предложения по образцу русских или английских аналогов. То же самое происходит и с калькой конструкции *вопрос в том*, также вводящей косвенный вопрос. Ее дословный перевод (калька) на французский не возможен: *le problème est ce qu'en quelle langue on peut... (le problème est de savoir en quelle langue)* [проблема в том, на каком языке можно...], *Alors la question est en quoi consisterait ce nouveau système (la question est de savoir en quoi)* [вопрос в том, в чем состоит новая система], *pose la question s'il est encore moderne (la question de savoir si)* [он задает вопрос, современен ли он].

¹ Комментарий к данному примеру см. сноску на стр. 218

4.2.6.5. Выводы

Девиации в выборе предлогов любого Я_n делают все иностранцы¹. Смещение предлогов естественно, поскольку и в английском и во французском языках выбор того или иного предлога редко мотивирован его семантикой, но полученные нами данные позволяют увидеть, как именно проявляются девиации в межъязычии. Часто они обусловлены влиянием Я₁.

Определяются следующие причины возникновения предложных девиаций. Во-первых, в Я₁ данная предложная семантика может выражаться беспредложно, поэтому а) в межъязычии предлог опускается: *leur choix de lecture fait peur leurs parents (aux parents)* [их читательский выбор пугает родителей], *on peut profiter la possibilité (de la possibilité)* [можно пользоваться возможностью], *B. D. reproche les sites locaux d'être peu accessibles (aux sites locaux)* [Б. Д. упрекает местные сайты в том, что они малодоступны], *résister les terroristes (aux terroristes)* [сопротивляться террористам]; б) предлог, выбранный межъязычием, «имитирует» русский падеж (*à* или *pour* для дательного, *de* для родительного): *un site créé pour aider aux femmes à se montrer (aider les femmes)* [сайт, созданный для того, чтобы помочь женщинам показать себя], *échapper du chômage (le chômage)* [избежать безработицы]. Во-вторых, в Я₁ данная синтаксическая роль выражается с помощью предлога, под влиянием которого межъязычие и подбирает французский аналог: *on rencontre avec la cas exceptionnel (un cas exceptionnel)* [встречаются с исключительным случаем], *en regardant sur les résultats (les résultats)* [если смотреть на результаты].

Можно выдвинуть гипотезу, объясняющую механизм девиаций в выборе предлога. В ходе формирования межъязычия осваивается только один «перевод» того или иного предлога, например *en = в*, *sur = на*, и далее этот «перевод» используется во всех функциональных ситуациях русского аналога: *Comment les intéresser en lecture? (à la lecture)* [как привить им интерес к чтению?], *10 hommes meurent sur les yeux des enfants (sous les yeux)* [10 человек умирают на глазах детей]. Поскольку предлоги могут выступать в разных синтаксических ролях и соответствовать раз-

¹ Так, проведенный в Кишиневе эксперимент, в котором участвовали изучающие английский язык респонденты с родным русским или молдавским языками, показал, что более половины ответов – неправильны и только 1 пример из 69 был правильным у всех испытуемых [Бурденюк, Григоревский 1978: 22–23].

личным русским аналогам, возможны и более обобщенные «значения». Например, предлог *à* может восприниматься межъязычием то как предлог со значением ‘места’, то как способ выражения ‘адресата / бенефактива’. Поэтому в межъязычии мы его встречаем вместо всех остальных предлогов с локальной семантикой (*dans, en*), а также как эквивалент русского дательного падежа. По нашим подсчетам, русская система предлогов является причиной неправильного выбора в межъязычии французских предлогов в половине случаев девиантного употребления синтагм типа X управляет У].

4.3. Девиантное выражение коммуникативных значений

4.3.1. Девиантное выражение анафорических отношений

4.3.1.1. Девиантное употребление личных местоимений

Правильный выбор французского личного местоимения зависит от правильного выбора глагольного управления (требует оно прямого или косвенного дополнения) и от правильной соотнесенности местоименной формы с конкретным видом дополнения, например: *les parents leur traitent comme un seul enfant (les traitent)* [родители обращаются с ними как с одним единственным ребенком]¹. Девиат возник или из-за того, что респондент забыл, что глагол *traiter* употребляется с прямым дополнением (*traiter quelqu'un*), или из-за того, что он смешал формы прямого и косвенного дополнения личного местоимения третьего лица *les* и *leurs*. В примере *internet donne à eux encore plus de possibilités (leur donne)* [интернет дает им еще больше возможностей] пишущий не сомневался в правильном управлении глагола *donner*, но забыл соответствующую форму местоимения. Проблемы глагольного управления рассмотрены в п. 4.2.6 «Девиантное выражение транзитивности и интранзитивности», но иногда девиация может быть вызвана смешением личных местоименных форм.

A. *Les* # *leur*

Pour les répondre (pour leur répondre) [чтобы им ответить], *les professeurs désintéressent leurs élèves en les imposant une lecture systématique (en leur imposant)* [преподаватели лишают учеников интереса [к чтению], заставляя их систематиче-

¹ Респондент хотел выразить, что родители рассматривают близнецов не как двух отдельных детей, а как одного единственного ребенка.

ски читать], *pour les faire sentir leur individualité (pour leur faire sentir)* [чтобы дать им почувствовать свою индивидуальность].

Б. Leur # les

Les parents ne leur connaissent presque pas (ne les connaissent pas) [их родители почти их не знают], *ils font tout ce qui leur attire à cet âge (ce qui les attire)* [они делают все, что их интересует в данном возрасте], *les parents leur traitent comme un seul enfant (les traitent)* [их родители обращаются с ними, как будто это – один ребенок]. Данный тип девиантных смещений осложняется орфографическим: *la Mairie de Paris s'engage à leurs aider (à les aider)* [Мэрия Парижа обязуется им помочь]. По этой же причине мы склонны считать обратный девиат *leurs # leur* также орфографическим: *cet examen leurs permet (leur permet)* [этот экзамен позволяет им], *il faut leurs donner plus de liberté (leur donner)* [нужно дать им больше свободы].

4.3.1.2. Девиантное употребление указательных местоимений

Система французских указательных местоимений сложна и противоречива, и оппозиции одушевленный / неодушевленный, отдаленный / близкий прослеживаются непоследовательно. Разграничение местоимение / детерминатив по признаку самостоятельного использования может вызывать затруднения в межъязычии. Если формы *cette* [эта] и *ces* [эти] проблемными не являются, поскольку всегда используются как детерминативы перед существительными, то форма *ce* более многофункциональна: она и детерминатив мужского рода *ce chien* [этот пёс], и местоимение, заменяющее любой референт в высказываниях идентификации: *c'est / ce sont* 'это есть' (единственное и множественное число), но практически не употребляющееся с другими глаголами, и наконец анафорическое местоимение – антецедент относительного местоимения *ce que, ce qui* [то, что]. Наблюдаются следующие ошибки.

Смещение близких по звучанию форм

А. Ce # ceux и наоборот

Различие в написании этих местоимений слишком большое, чтобы отнести их смещение к орфографическим девиатам: *Ceux derniers argumentent leurs protestes*

(*ces derniers argumentent leurs protestations*) [последние приводят аргументы в пользу своих протестов], ***ce qui recrutent*** (*ceux qui recrutent*) [те, кто нанимают].

Б. Ce # ça

Местоимение *ce* самостоятельно используется только с глаголом *être*. В прочих случаях эквивалентом русского *это* служит *ça* или *cela*, что игнорируется межъязычием (недодифференциация): ***Ce peut changer la situation économique*** (*ça peut*) [это может изменить экономическую ситуацию], ***ce ne coûte pas cher*** (*ça / cela ne coûte pas cher*) [это недорого стоит].

Пропуск указательного местоимения в составе относительной конструкции

Такие конструкции калькируются с русских, в которых местоимение *все* может оказаться антецедентом относительного местоимения: ***C'est tout que la mairie peut faire pour les étudiants étrangers*** (*tout ce que la mairie*) [это все, что мэрия может делать для иностранных студентов], ***Pas assez de logements pour tous ee qui viennent*** (*pour tous ceux qui*) [слишком мало жилья для всех тех, кто приезжает]. Здесь сочетание двух девиаций: смешение *ce* и *ceux* (см. выше), а только затем отказ от местоимения.

Девиантное употребление указательного местоимения *celui*

Наибольшее количество девиаций в выражении анафорических отношений встречается с местоимением *celui*, которое не имеет точного эквивалента в Я₁. Во французском возможны только сочетания *celui + de* и *celui (celle, ceux, celles) + qui* (и другие относительные местоимения, но это сочетание не дает девиатов, что объясняется структурной и функциональной близостью с русскими *тот, который* или *то, что*). Перед причастием употребление *celui* возможно только в официально-деловых текстах, в других же случаях его использовать не рекомендуется, и с прилагательными оно не сочетается. *Celui* употребляется только в составе именной группы, а самостоятельно (в значении 'тот / этот') используются его варианты *se-lui-ci* и *celui-là*. В межъязычии с *celui* возможны следующие девиации.

A. Девиантная конструкция после celui

Пропуск артикля после *celui*

Это самая распространенная девиация: *il existe une nouvelle menace, celle de terrorisme (celle du terrorisme)* [существует новая угроза, угроза терроризма], *le pourcentage des femmes fumeuses est comparable à celui d'hommes (celui des hommes)* [процент курящих женщин сравним с процентом мужчин].

***Celui* с прилагательным**

Девиации вызваны стремлением избежать повтора существительного, по аналогии с конструкцией *celui de*: *on reçoit à l'école plutôt les compétences théorique que celles pratiques (des compétences théoriques que des compétences pratiques)* [в школе получают скорее теоретические, чем практические знания], *Les expériences ont été réalisées par les chercheurs américains mais aussi ceux français (par des chercheurs américains... par des chercheurs français)* [Опыты были осуществлены американскими, а также французскими исследователями], *Je pense que notre civilisation contemporaine doit savoir celles primitives (connaître les civilisations primitives)* [Думаю, что наша современная цивилизация должна знать примитивные цивилизации...]. Однако синтаксическая норма Я₂ не позволяет этому местоимению появляться в позиции перед определением, выраженным прилагательным. И хотя респондент включил в свое межъязычие синтаксическую функцию этого местоимения, он неоправданно расширил сферу его применения.

***Celui* с причастием**

Конструкция *celui* + П₂ не девиантна для Я₂, но редко употребляется и стилистически маркирована, а по отношению к межъязычию - ошибочна: *les jeunes choisissent un métier plus sûr au lieu de celui aimé (celui qu'ils aiment)* [молодежь выбирает работу более гарантированную, вместо любимой].

Celui* с другими предлогами, кроме *de

Неоправданное расширение плохо освоенного межъязычием правила приводит к высказываниям: *les tendances opposés à ceux en France (à celles de France)* [тенденции противоположные тенденциям во Франции], *il y avait les changements des conditions et du rôle du travail et ceux dans le marché du travail (ceux du marché)* [были изменения условий и роли труда и изменения на рынке труда], *l'organisation*

scientifique du travail et celui à la chaîne ont apparus (celle du travail) [появились научная организация труда и труд на конвейере].

***Celui* лишнее**

Возникает вследствие калькирования русской конструкции: *la troisième difficulté est celle que certains sites sont inaccessibles (la troisième difficulté est que certains sites...)* [третья сложность та, что некоторые сайты недоступны].

Пропуск *celui*

С сохранением предлога *de*: *un des thèmes les plus discutés était des puits de carbons (était celui des puits de carbone)* [одна из наиболее обсуждаемых тем была тема углеродных колодцев], *pour tous qui finissent l'école (tous ceux qui finissent)* [для всех тех, кто заканчивают], *l'avantage du monde de la surveillance est de la transparence (est celui de la transparence)* [преимущество мира контроля – прозрачность]. Без *de*: *la profession inscrite dans le diplôme sera le professeur (la profession... sera celle de professeur)* [профессия, записанная в дипломе, будет профессия преподавателя], *une question qui reste au centre de l'attention c'est l'apprentissage de la lecture aux enfants (la question... c'est celle de l'apprentissage)* [вопрос, остающийся в центре внимания, – вопрос обучения чтению детей].

Б. Смешение celui # celui-ci / celui-là

Отсутствие эквивалентов в Я₁ приводит смешению этих форм:

Celui-là* # личное местоимение или *ce dernier

Bien que la situation autour l'islam soit très compliqué maintenant celui-là est sous control d'Etat (maintenant qu'il est / que ce dernier est) [несмотря на то, что ситуация вокруг ислама очень сложна, он теперь контролируется государством], *il me semble nécessaire que l'Etat assure tout d'abord la base juridique légale pour tous les confessions puisque sans celle-là il est impossible de parler d'une vraie égalité (puisque sans elle il est impossible de parler d'une vraie égalité)* [мне кажется необходимым, чтобы государство сначала гарантировало юридическую базу всем конфессиям, поскольку без нее нельзя говорить о настоящем равенстве].

Celui-ci* # *celui

La conférence de Rio était moins directe que celle-ci à la Haye le 25-26 2000 (celle de la Haye) [конференция в Рио была менее прямой, нежели конференция в Гааге].

Celui # celui-ci

Cependant, celui ne prépare pas les jeunes à la spécialisation (celui-ci ne prépare pas) [однако этот диплом не готовит молодежь к специальности].

4.3.1.3. Девиантное употребление относительных местоимений

В целом, система относительных местоимений хорошо осваивается межъязычным, так как близка русской, и только эпизодически случаются следующие девиации: смешение относительного и вопросительного местоимений: *la rubrique dans quelle l'article a été publiée s'intitule (dans laquelle)* [рубрика, в которой статья была опубликована, называется]; смешение *qu'il # qui: tout ce qu'il se passe dans la vie est vers le mieux (tout ce qui se passe... pour le mieux)* [все, что происходит в жизни, – к лучшему]¹. Но остальные девиации встречаются чаще.

Девиантный выбор формы одушевленного / неодушевленного местоимения

В межъязычии возникает дилемма: с одной стороны, признак одушевленный / неодушевленный релевантен для Я₁ (см.: *я знаю, кого он ждет / я знаю, что он ждет*), с другой, категориальные свойства русской и французской одушевленности / неодушевленности различаются. В Я₂ не рекомендуется использовать местоимение *lequel* в комбинации с предлогами, особенно для указания на лицо, а рекомендуется предпочитать *qui* (девиации возникают только при использовании *qui* при отсылке к одушевленному antecedенту вместо неодушевленного: *dans le domaine à qui s'intéresse le gouvernement (auquel)* [в той области, которая интересуется государством]). Смешение *qui* и *que* представляет большинство межъязыковых девиаций в употреблении относительных местоимений. В выборе их форм для Я₂ релевантен признак «член предложения» (подлежащее или прямое дополнение) в придаточном предложении, который в Я₁ выражается падежным окончанием местоимения. Возможны смешения: *que # qui* (при использовании конструкции *ce qui, qu'est-ce qui*²: *qu'est-ce que nous attend (qu'est-ce qui nous attend)* [что же нас ждет], *ce que le fait vraiment souffrir (ce qui...)* [то что его заставляет страдать], *le mot chat*

¹ А. Фрей считает, что это распространенная ошибка в письменной речи франкофонов [Frei 1971 : 188–190].

² *Qu'est-ce qui / qu'est-ce que* – вопросительные сложносоставные местоимения, в которые входит относительное местоимение [кто это тот **который** / что это то, **что**].

est d'anglais to chat que signifie bavarder (vient de l'anglais... qui signifie) [слово чат происходит от английского to chat, что означает разговаривать]); *qui # que* во всех других случаях, где аналогично в Я₁ употребляется относительное местоимение *который* (независимо от члена предложения и от признака одушевленный / неодушевленный, который не играет роли): *passer une semaine chez votre copine chatteuse qui vous n'avez jamais vue (que vous n'avez jamais vue)* [провести неделю у подруги по чату, которую вы никогда не видели], *les problèmes qui soulèvent l'auteur (que soulève l'auteur)* [проблемы, которые автор поднимает]).

Девиантное употребление *dont*

Второе место по частотности девиантных употреблений среди относительных местоимений занимает форма *dont* 'которого', замещающая в относительном предложении Я₂ слово, введенное предлогом *de*. *Dont* – источник ошибок и для носителей французского языка. Форма требует особого порядка слов, конкурирует с относительными местоимениями *duquel, de laquelle, desquels, desquelles* (также означающие 'которого', но употребляющиеся после составных предлогов с *de*, например *le long de* 'вдоль'). Встречаются следующие девиации: 1) замена *dont* на *duquel, desquels* (*La beauté est le don duquel on peut profiter (dont on peut profiter)* [красота – это дар, которым можно воспользоваться], *les logements, le nombre desquels était insuffisant (dont le nombre)* [жилье, количество которого было недостаточно], *les moyens d'atteindre le succès un desquels est le look (dont l'un est le look)* [способы достичь успеха, один из которых – внешность]) и 2) использование *dont* вместо другого местоимения (*La place dont le livre occupe (que le livre occupe)* [место, которое занимает книга]). Девиация может быть вызвана и незнанием управления глагола (в данном случае требовалось прямое дополнение), а также притяжением «сильной формы» *s'occuper de quelque chose* → *dont je m'occupe* [заняться чем-то → то, чем я занимаюсь].

Девиантное употребление относительного местоимения *où*

В отличие от Я₁ в Я₂ существует только одно местоимение для обозначения обстоятельства времени и места: *il y a des cas quand on attend la construction d'un lieu de culte (des cas où)* [есть случаи, когда ждут строительство места культа], *14–15 ans, c'est l'âge, quand les adolescents commencent à travailler à la mine (l'âge où les*

adolescents) [14–15 лет – это возраст, когда подростки начинают спускаться в шахту]. Межъязычие дифференцирует ситуацию и использует в этой функции союз *quand* [когда].

Как и любую другую языковую единицу, относительное местоимение можно пропустить: *ceux travaillent à la mine ne voulaient pas fumer (ceux qui travaillent)* [те, кто работают на шахте, не хотели курить], *tous ceux n'ont pas assez d'argent pour vivre (tous ceux qui)* [все те, у которых слишком мало денег, чтобы жить], но поскольку таких примеров мало и они не могут быть объяснены интерференцией с каким-либо другим правилом Я₁ или любого Я_n, мы считаем эти девиаты чистыми ляпсусами, случайными описками, которые пишущий исправил бы, если бы имел на это время.

Выводы

Анафорические отношения, как в Я₁, так и в Я₂, выражаются с помощью местоимений и становятся причинами девиаций в двух случаях: когда данная форма отсутствует в Я₁ и у респондентов возникают проблемы с областью применения нового для себя правила, а также когда Я₁ и Я₂ вступают в противоречие (возможна интерференция со стороны русского языка). В отличие от других типов функциональных девиаций, в данном фрагменте межъязычия не было замечено влияние английского языка.

4.3.2. Девиантные отрицательные конструкции

Среди коммуникативных категорий предложения выделим категорию истинности, по реализации которой предложения могут быть утвердительными или отрицательными. Отрицание может касаться целого предложения и / или отдельных его элементов. К тому же наличие отрицания в предложении влечет за собой другие изменения в выражении различных семантико-функциональных категорий. На наш взгляд, многие из приводимых ниже девиаций в отрицательных конструкциях связаны с тем, что подход к отрицанию в русском и французском языках принципиально разнится: французский язык отрицает саму предикацию, а русский позволяет отрицать отдельные элементы этой предикации. «Межъязыковая омонимичность» частиц *ne* и *ne* увеличивает вероятность девиаций. Вторая – внутриязыковая – при-

чина появления всех нарушений – в том, что в одной французской отрицательной конструкции могут участвовать максимум две отрицательные частицы.

4.3.2.1. Лишние частицы

Девииантное употребление частицы *pas* в ограничительных конструкциях

Частица *pas* оказывается лишней, когда респондент желает выразить ограничение с помощью конструкции *ne ... que*, но появление *ne* «тянет» за собой и *pas*: *les navigateurs handicapés ne peuvent pas se servir que des sites seulement principaux (ne peuvent se servir que des sites principaux)* [инвалиды, использующие интернет, могут пользоваться только главными сайтами]; *il n'y avait pas d'un seul examen (il n'y avait qu'un examen)* [было всего лишь один экзамен] ¹.

Девииантное употребление частицы *pas* с отрицательными словами *personne, rien, aucun*

Отрицание в Я₂ состоит из двух элементов, но межъязычие рассматривает комплекс *ne ... pas* как целостный, способный сочетаться с другими отрицательными словами: *il n'a pas ni coupole, ni minaret (il n'y a ni coupole, ni minaret)* [нет ни купола, ни минарета], *ils n'ont pas rien de faire (ils n'ont rien à faire)* [им нечего делать], *personne n'est pas persécuté officiellement (personne n'est persécuté)* [официально никого не преследуют], *nous n'avons pas aucun droit de les faire souffrir (nous n'avons aucun droit)* [мы не имеем какого-либо права заставлять их страдать], *pour ne pas être plus en chômage (pour ne plus être au chômage)* [чтобы больше не быть безработным].

Девииантное употребление *pas* в устойчивых выражениях

В ряде устойчивых выражениях *pas* должна отсутствовать: *si je ne me trompe pas (si je ne me trompe)* [если я не ошибаюсь], *le secteur tertiaire ne cesse pas de croître (ne cesse de croître)* [третий сектор не прекращает расти], но межъязычие остается под влиянием сильной формы *ne... pas*.

¹ В этом примере только контекст может помочь восстановить интенцию респондента: в исходном тексте речь шла о реформе образования в России, о том, что раньше в СССР существовал один – одинаковый для всех – экзамен по окончании школы, а теперь, из-за специализации, эти экзамены разные. Становится ясно, что респондент хотел выразить следующее: 'существовал всего один экзамен'. Начиная свое высказывание с частицей *ne*, «по инерции» он продолжает с *pas*, что далее влечет за собой появление частицы *de* (уже с новой ошибкой – лишним артиклем), в результате получается едва понятное высказывание, которое означает обратное тому, что хотел выразить автор: 'не было ни одного экзамена'.

Девиантное употребление *ne* перед прилагательными

В Я₂, в отличие от Я₁, отрицание *ne... pas* всегда обрамляет глагол (единственное исключение – когда глагол выполняет функцию дополнения в инфинитиве, тогда обе частицы ставятся перед ним: *j'ai peur de ne pas pouvoir répondre à cette question* [я боюсь, что не смогу / не смогу ответить на этот вопрос]) и не может оказаться перед или вокруг единицы какой-либо другой части речи. В русском же частица *не* оказывается перед тем элементом в предложении, на который распространяется отрицание. Поэтому в тех случаях, когда респондент желает подчеркнуть, что данный признак *не* имеет места, или когда он просто не знает антоним-конверсива того или иного прилагательного, он использует для отрицания частицы – межъязыковой эквивалент русскому *не*: *les femmes ont peur de paraître ne pas comme les autres femmes (paraître pas comme les autres)* [женщины боятся казаться не похожими на других]. Помимо *ne*, он может использовать также другие отрицательные слова: *les sites des collectivités locales sont mal accessibles (inaccessibles)* [сайты местных властей малодоступны], *des quartiers pas riches (pauvres)* [в бедных кварталах].

Девиантное употребление отрицательных частиц с герундием

Описанию употребления отрицательных частиц с герундием лингвисты уделяют мало внимания – лишь в грамматике И. Н. Поповой и Ж. А. Казаковой [Попова, Казакова 2003: 336] можно найти указание на то, что отрицание с герундием сопровождается сочетанием инфинитива не только с предлогом *sans*, но и с частицами *ne... pas* (но без *en*) в тех случаях, когда герундий выражает причинное значение. Встречаются различные варианты девиатов: *en ne pas conflictant (sans provoquer de conflits)* [не конфликтуя], где неправильный порядок слов, наличие частицы *en* неоправданно (правильно - отрицание с предлогом *sans* + инфинитив, а **conflicter* – окказионализм). В основе девиации – калькирование русского эквивалентного выражения. В случае *alors «ne pas voyant» les problèmes évidents (sans voir / ne voyant pas)* [не видя очевидных проблем] респондент выбрал вариант с отрицанием с помощью частиц *ne... pas*, сохраняя для них тот же порядок слов, что применяется для зависимого инфинитива, но наличие кавычек показывает, что он не был уверен в своем выборе.

Девииантное употребление отрицания с различными детерминативами

Правила оформления русского и французского отрицания различаются особенно заметно, когда «объектом отрицания» является значение того или иного детерминатива. Чаще всего возникают девиации в отрицании элемента значения детерминатива *tous* [все]. Значение ‘не все’ выражается в Я₂ отрицанием всей предикации: ‘неправда, что все’. Это вызывает сильный внутренний протест у респондентов. Чтобы выразить мысль: ‘не все иностранные студенты могут привыкнуть к жизни во Франции’, ими используется калька: *pas tous les étudiants étrangers peuvent s'adapter en France*, и они отказываются поверить, что данную мысль по-французски нужно выразить как *tous les étudiants étrangers ne peuvent pas*, поскольку интерпретируют ее по-своему: не ‘неправда, что все студенты могут’, а что-то вроде ‘все студенты не могут’ или ‘ни один студент не может’. Данный вид девиатов очень устойчив и, более того, вызывает такой внутренний протест у респондентов, что правильная конструкция употребляется ими редко, а в тех ситуациях, когда респондент начинает сомневаться, правильно он выразился (или запланировал высказывание) или нет, он чаще всего отбрасывает как «невозможный» верный французский вариант.

Аналогичные девиации, только более редкие, распространяются и на детерминатив *chaque*, и на местоимение *chacun*: *mais pas chacun d'eux les utilise (chacun ne les utilise pas)* [не каждый их использует], *pas chaque personne invalide a l'ordinateur (chaque handicapé n'a pas)* [не у каждого инвалида есть компьютер].

4.3.2.2. Пропуск частиц

Пропуск частицы *pas*

Как и другие языковые элементы, частицы *ne* или *pas* могут оказаться пропущенными: *nous ne nous rendons compte (nous ne nous rendons pas compte)* [мы не отдаем себе отчет]. *Ne serait-ce plus efficace de voir de plus près (ne serait-ce pas)* [не будет ли более эффективным посмотреть ближе]. Пропуск допустим только в определенных выражениях Я₂, например *je ne saurai vous remercier* [не знаю, как Вас благодарить]. Пропуск частицы *pas* – признак очень высокого стиля речи, но по отношению к норме, освоенной межъязычием – это девиация.

Пропуск частицы *ne*

Пропуск частицы *ne* – признак разговорного стиля, однако в исследуемых текстах, написанных в целом литературным языком, такие пропуски, скорее всего, случайны: *personne veut réduire (personne ne veut réduire)* [никто не хочет ограничить], *on peut pas passer devant M. (on ne peut pas)* [нельзя пройти перед М.], *comprenant qu'elle existe plus dans ce monde (elle n'existe plus)* [понимая, что ее больше не существует].

4.3.2.3. Замена частиц

Наречия *aussi* # *non plus* после отрицания

Появление отрицания в высказывании влечет за собой определенные изменения в построении синтаксических конструкций. Для выражения присоединения ‘тоже’, ‘также’ необходимо вместо наречия *aussi* использовать *non plus* [также не]: *il ne faut pas aussi oublier la migration (il ne faut pas oublier non plus)* [нельзя также забыть о миграции]. Данное правило неестественно для межъязычия, поскольку в Я₁ отрицание подобных изменений не вызывает.

Наречия *non seulement* # *pas seulement*

Калькирование с Я₁ приводит к использованию частицы *non* как эквивалента *ne* в *non seulement* (которое возможно в устойчивом модальном сочетании *non seulement... mais encore*) вместо *pas seulement*: *invitation des étudiants étrangers, non seulement africains francophone (pas seulement africains)* [прием иностранных студентов не только из франкоязычной Африки], *des séminaires... non seulement sous Moscou (pas seulement dans les environs de Moscou)* [семинары... не только под Москвой]. *Seulement* – частый источник девиаций (см. стр. 224).

4.3.3. Девиантное выражение вопроса

Единственной девиацией в вопросительных предложениях является инверсия подлежащего в третьем лице, когда оно выражено существительным: *Pourquoi le nombre des internautes grandit? (grandit-il)* [почему растет количество пользователей интернета?]. Отсутствие инверсии (в виде дополнительного личного местоимения после глагола), считающееся признаком разговорного стиля, довольно распространено в устной речи респондентов. Вопрос, начинающийся с *est-ce que* [букв. ‘так ли это, что’], имеет прямой порядок слов, дополнительного подлежащего

го, выраженного личным местоимением, не должно быть: *Est-ce que vraiment les violences conjugales appartiennent-elles au passé? (appartiennent au passé)* [действительно ли жестокость в семье – признак прошлого?]. Кроме того, подлежащее, выраженное существительным, не должно быть в постпозиции: *existe-t-il le problème de faire lire les enfants (le problème... existe-t-il?)* [существует ли проблема заставлять детей читать?]. Межъязычие полностью калькирует русский порядок слов и способ выражения вопроса, поэтому создается впечатление, что анафорическое местоимение после сказуемого используется как некий аналог русского союза *ли*.

4.3.4. Девиации в области порядка слов и пунктуации

4.3.4.1. Девиантный порядок слов

Нарушение порядка слов в предложении можно относить как к формальным, так и к функциональным девиатам. Поскольку порядок слов является характеристикой элементарной модели предложения [О модельном направлении в синтаксисе см., например, работы: Черемисина 1989; 1992; Черемисина, Колосова 1994. Черемисина, Скрибник 1996: 46–87], то даже если все словоформы, в том числе и нецельноформленные, – правильные, высказывание с нарушенным порядком слов нельзя считать корректным с формальной точки зрения. С другой стороны, порядок слов служит для выражения коммуникативной структуры предложения. Правда, это в меньшей степени, чем к Я₁, относится к Я₂, где порядок слов более строго фиксирован. К тому же, в межъязычии часто игнорируются коммуникативные аспекты предложения, хотя русские модели тема-рематических отношений влияют на порядок слов в межъязыковых высказываниях. Девиантный порядок слов под влиянием существующего в Я₁ можно рассмотреть как пример репласации, по А.Е. Карлинскому [Карлинский 1990: 106]. В межъязычии допускаются следующие типы девиаций.

Перестановка отдельных членов предложения

A. OSV # SVO

О – прямое или косвенное дополнение

В тех случаях, когда подлежащее – местоимение, возможен следующий девиантный порядок членов предложения: *toute expérience j'apprécie énormément (j'apprécie énormément toute expérience)* [я очень люблю всякий опыт]. Данный тип

встречается и в относительных предложениях с *dont*: *faire mes études au pays dont la langue et la culture j'apprends ici (dont j'apprends ici la langue)* [учиться в стране, язык и культуру которой я здесь изучаю]. Правила порядка слов с относительным местоимением *dont* строги и отличаются от правил порядка слов в русских предложениях с относительным местоимением *которого*. В Я₁ требуется в зависимой части 'Ob + *которого* + S + Vb', а в Я₂ - '*dont* + S + Vb + Ob', то есть обычный для французского предложения порядок компонентов. Однако при таком порядке существительное и его дополнение дистантны. Русский порядок слов в таких предложениях сохраняет их относительную контактность: 'страна, язык которой', чем и объясняются попытки респондентов переставить объект как можно ближе к antecedенту местоимения *dont*.

Реже встречаются примеры, в которых в начало предложения вынесено (неправильно) косвенное дополнение: *A J. C. P. l'Internet était utile pour réunir les personnes handicapées (internet était utile à J. C. P. pour)* [интернет был полезен Ж. С. П. для того, чтобы объединить инвалидов].

В каузативных конструкциях

Девиация состоит в том, что объект (субъект второго предиката) вставлен между глаголом *faire* и зависимым глаголом, хотя его место в конце, после второго глагола и его прямого дополнения, если таковое имеется в высказывании: *les professeurs font aux leurs élèves lire systématiquement des livres (font lire systématiquement des livres aux élèves)* [преподаватели систематически заставляют детей читать книги]. В этом респонденты копируют порядок слов аналогичного русского или английского предложения. То же самое наблюдается и в высказываниях, где второй субъект – местоимение: *cette politique fait leur sentir pas à leur place (leur fait se sentir pas à leur place)* [эта политика заставляет их чувствовать себя не на своем месте]. Респонденты не воспринимали конструкцию *faire* + *инфинитив* как нечто целое, актанты которого не должны разрываться.

Б. OVS # SVO

Этот вид перестановки наиболее часто встречается среди девиаций в области порядка слов: *la majorité de sa population constituaient les paysans (les paysans constituaient la majorité)* [большинство населения составляли крестьяне], *comme*

exemple peut servir la conception de la maison numérique (la conception de la maison numérique peut servir d'exemple) [примером может служить создание цифрового дома]. Чаще она возникает с прямым дополнением (первый пример), но не исключена и перестановка косвенного дополнения с подлежащим. Как видно из переводов, респондент опирался на русский порядок слов, возможно, для отражения коммуникативной структуры предложения.

B. Circ VS # Circ SV

По правилам Я₂ вынесенное в препозицию обстоятельство не влияет на порядок слов в предикативном ядре: *au congrès a été présenté un projet de loi (un projet de loi a été présenté)* [в конгрессе был представлен проект закона], *dans la toile universale Internet a apparu une tendance (une tendance est apparue dans la toile universelle)* [во всемирной паутине появилась тенденция], но в примерах явно прослеживается тенденция выносить в конец предложения 'новое' (введенное неопределенным артиклем) – так, как это делается в Я₁. Пример *avec le changement de la vie change également les goûts (avec le changement de vie les goûts changent également)* [вместе с изменениями в жизни действительно меняются и вкусы] примечателен тем, что глагол не скоординирован в числе. В примере *malheureusement, est-ce difficilement réalisable (malheureusement, c'est difficilement)* [к сожалению, это трудно осуществимо] сработала аналогия (ложная генерализация): действительно, после некоторых модальных слов (например, *ainsi*) требуется инверсия подлежащего, но не после *malheureusement* [к сожалению].

Перестановка отдельных компонентов, выраженных различными частями речи

A. Перестановка адвербиальных компонентов

Выбор неправильной позиции обстоятельства, выраженного наречием, – наиболее распространенная девиация, составляющая половину всех случаев нарушения порядка слов. Французское обстоятельство должно находиться после глагольного предиката, в том числе после вспомогательного глагола, если его время – сложносоставное (*passé composé*, *plus-que-parfait* и т. п.): *ils certainement feront partie de l'élite (ils feront certainement partie)* [они, конечно, будут частью элиты], *dans ce pays depuis longtemps on s'est déjà habitué (on s'est habitué depuis longtemps)*

[в этой стране давно привыкли], *ne sont pas respectés suffisamment* (*sont pas suffisamment respectés*) [их недостаточно уважают], *le contrôle déjà existe* (*le contrôle existe déjà*) [контроль уже существует], *les gens presque toujours pensent* (*les gens pensent presque toujours*) [люди думают всегда]. Данное расположение обстоятельства отличается от того, что принято в Я₁, и встречает сильное сопротивление со стороны межъязычия.

В зависимости от позиции наречие-обстоятельство меняет и свое значение. Высказывание *les données sur les personnes simples doivent enfin rester inaccessibles* в том виде, в котором оно написано, означает ‘данные о простых людях должны наконец-то оказаться недоступными’, что было бы возможно в контексте, описывающем долгие дебаты вокруг проекта закона о конфиденциальности личных данных. Однако намерение респондента было иным: для него наречие *enfin* выступало в роли «связующего наречия» [Гак 2004: 414], выражающего логическую связь между предложениями. В таком значении оно должно быть обособлено в начале предложения: *enfin, les données sur les personnes simples...* [и последнее: данные о простых людях должны оставаться недоступными].

В отличие от Я₁, совершенно не свойственна Я₂ постановка наречия *peut-être* в начало предложения, и это очень распространенная девиация – практически все устные ответы респондентов (ошибочно) начинаются именно с этого наречия: *peut-être cette loi est seulement le produit des luttes des companies* (*cette loi est peut-être*) [возможно, этот закон – всего лишь результат борьбы компаний], *Peut-être je ne dirais pas «positive» mais c'est quand même une évolution* (*je ne dirais peut-être pas «positive»*) [Может быть, я не скажу «положительная», но это все же эволюция], *Peut-être, cette question ne se pose pas parce qu'il y a beaucoup d'autres difficultés* (*cette question ne se pose peut-être pas*) [Возможно, этот вопрос не стоит потому, что есть много других сложностей].

Б. Перестановка адъективных компонентов

Adj + N # N + Adj

В Я₂ лишь небольшое количество прилагательных «имеет право» находиться перед существительным, и хотя это правило изучается в самом начале формирования межъязычия (поскольку прилагательные принадлежат к классу наиболее употреб-

ляемых слов), возможны девиации: *il étudie les récents chiffres (les chiffres récents)* [он изучает недавние цифры]. В некоторых случаях значение прилагательного меняется в зависимости от его места по отношению к существительному, поэтому с точки зрения правил порядка слов данное предложение корректно: *plus de pauvres enfants seront a priori la culture des riches (plus d'enfants pauvres auront appris la culture des riches)* [больше бедных детей познакомятся с культурой богатых], однако оно неправильно с точки зрения семантики – в препозиции это прилагательное означает ‘несчастный’.

N + Adj # Adj + N

Обратная ошибка встречается существенно реже, что естественно, поскольку порядок прилагательное + существительное в Я₂ встречается реже, чем существительное + прилагательное *je suis un professeur futur (un futur professeur)* [я будущий преподаватель], *cette habitude mauvaise (cette mauvaise habitude)* [эта плохая привычка].

V. Перестановка детерминативных компонентов

Неправильный порядок слов – самый частотный девиат в конструкциях с детерминативом *tel*: *l'humanité atteindra un tel progrès que les gens travailleront au minimum (un progrès tel que)* [человечество достигнет такого прогресса, что люди будут работать по минимуму], *il a fait un tel effort qu'il est tombé malade (il a fait un effort tel qu'il est tombé malade)* [он сделал такое усилие, что заболел], *tels pays que la Suisse et les Pays-Bas ont autorisé l'euthanasie (Des pays tels la Suisse et les Pays Bas)* [такие страны, как Швейцария и Нидерланды, разрешили эвтаназию]. Опыт показывает, что респонденты очень неохотно отказываются от привычного порядка слов в пользу принятого в Я₂.

Г. Перестановка местоименных компонентов

Место личного местоимения в функции прямого или косвенного дополнения строго регламентировано – оно должно находиться перед глаголом, и это правило довольно легко осваивается межъязычием. Затруднения могут возникнуть тогда, когда фигурируют несколько местоимений: *on n'y s'arrête pas (on ne s'y arrête pas)* [там не останавливаются], или в случае составного сказуемого: *sans les chercher à résoudre (sans chercher à les résoudre)* [не пытаюсь их решить], *elles auraient plus de*

soutient psychologique que leur pouvaient donner leur familles (que leurs familles pouvaient leur donner) [они бы имели больше психологической поддержки, чем та, что их семьи могли им дать].

Девиантный порядок предикативных единиц в структуре сложного предложения

Девиаций в этой области мало, в том числе и потому, что правила Я₁ и Я₂ мало чем отличаются друг от друга, однако в Я₂ придаточная часть, выражающая причину и вводимая союзом *comme*, должна обязательно находиться перед главной, а это правило иногда нарушается: *la situation n'est pas critique comme le Fonds spécial aide les handicapés d'avoir l'équipement nécessaire (comme le fonds spécial aide <...> la situation n'est pas critique)* [поскольку специальный фонд помогает инвалидам получить необходимое оборудование, ситуация не критична].

Выводы

Кроме перестановки подлежащего и прямого дополнения и неправильно расположенных обстоятельств, выраженных наречиями, межъязыковые нарушения в порядке слов встречаются относительно редко. Это, видимо, связано с тем, что строго фиксированный порядок слов в Я₂ в целом все-таки не слишком отличается от порядка слов в Я₁. Однако сопротивление, с которым респонденты встречают некоторые попытки исправить их девиаты в этой области, наводит на мысль, что порядок слов относится к тончайшим аспектам «чувства языка» и влияет довольно сильно на языковую личность. Это и отражается в ходе освоения Я₂.

4.3.4.2 Девиантная пунктуация

Французская пунктуация считается «легкой», поскольку не носит предписывающего характера. Выбор пунктуационных знаков во многом предоставляется автору и отражает его видение коммуникативных аспектов предложения, порой его собственное дыхание (в прямом смысле слова – известно, что писатель-астматик ставит больше запятых, чем здоровый человек). И не редки случаи споров между авторами и их издателями о расстановке знаков препинания [Drillon 1991: 59]. Тем не менее, правила французской пунктуации есть, и доказательство тому – внушительный объем (473 страницы) трактата Ж. Дрийона. Для носителя французского языка русское предложение с обилием запятых, обязательно разделяющих обособ-

ленные элементы, части сложного предложения и т. п., производит неприятное впечатление, и ему кажется, что русская пунктуация прерывает мыслительный процесс или, по крайней мере, заставляет его протекать иначе, чем по-французски.

Понятия «пунктуационной ошибки» во французской грамматике нет, пунктуация считается авторской, в диктантах указывается преподавателем, а не угадывается учеником. Естественно ожидать, что в работах русскоязычных респондентов пунктуационных девиатов будет немного. Но их склонность применять правила русской пунктуации в межъязыковых фразах приводит чаще всего к расстановке лишних знаков препинания.

А. Лишняя запятая перед придаточной частью сложноподчиненного предложения

В отличие от межъязычия носителей русского языка, в Я₂ запятая не ставится между сказуемым главного предложения и придаточными предложениями в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, а также между антецедентом и придаточным определительным предложением: *on peut conclure, que le monde a changé (conclure que)* [можно сделать вывод, что мир изменился], *la femme rit en se souvenant, comment elle avait ressemblé à une gaillette (en se souvenant comme)* [женщина смеется, вспоминая, как она была похожая на уголек], *les documents, que nous avons lu sont consacrés à la réforme de la langue (les documents que nous avons lus)* [документы, которые мы прочитали, посвящены реформе языка], *ceux, qui se servent (ceux qui se servent)* [те, кто пользуется]. На девиации данного типа приходится большинство случаев нарушений в области пунктуации.

Б. Девиантное использование знака тире

Во французской пунктуации нет ситуаций, в которых тире было бы обязательным. Этот знак вообще очень редко употребляется и не может свидетельствовать об эллипсисе (тем более сказуемом) или использоваться для обособления: *la seule chose indispensable – la présence d'une certaine logique (la seule chose indispensable c'est la présence)* [единственная необходимая вещь – это присутствие некоторой логики], *Plus – le concours concerne ... (De plus, le concours concerne)* [более того, конкурс касается...].

В. Недостающие знаки препинания

Возможны случайные пропуски дефиса: *comme ça rend les relations locataire propriétaire plus faciles (les relations locataire-propriétaire)* [так это облегчает отношения квартиросъемщик-хозяин], а также запятых в обособлении наречий: *d'abord cela produit le conflit (d'abord, ça produit un conflit)* [во-первых, это создает конфликт]. Хотя в последнем случае, если следовать рекомендациям Ж. Дрийона [Ibid. 241–242], запятая «скорее всего желательна».

4.4 Выводы

Количественное распределение девиатов, допущенных в исследованном материале, можно представить в виде следующей диаграммы (рис. 4.8):

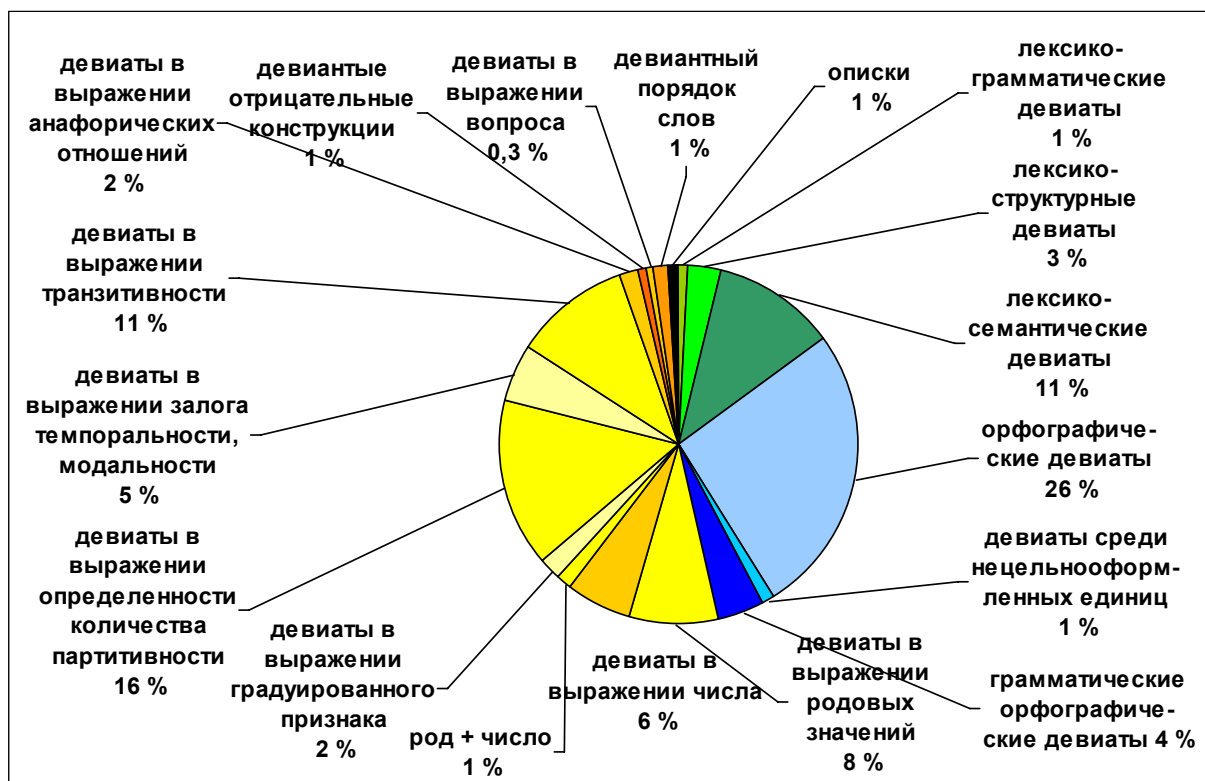

Рис. 4.8 Процентное распределение девиатов межъязычия

Напомним, что выделенные типы не исключают друг друга, и в одной лексеме могут одновременно реализоваться результаты девиаций нескольких типов – и орфографические, и грамматические, и лексические. Из «простых» возникает «сложная» девиация.

Большое количество девиатов того или иного типа не обязательно означает, что данный аспект Я₂ дается русскоговорящим респондентам с бóльшим трудом, чем

другой. Например, 16 % девиатов в выражении детерминации объясняются тем, что категория определенности / неопределенности обязательна для любого существительного. С любым предикатом нужно оформить зависимые от него дополнения (девиаты в области «объектных отношений» – 11 %), поэтому в каждом высказывании респондент имел возможность ошибиться несколько раз, тогда как такие явления, как «степень интенсивности признака» или «вопросительная интенция», встречаются далеко не в каждом высказывании. Объективная оценка частотности девиатов была бы возможна только при ее сравнении с частотностью этих явлений в Я₂ (мы не располагаем подобными данными) и / или с частотностью правильных употреблений тех или иных элементов Я₂ нашими респондентами, что и отражено по возможности в отдельных разделах этой диссертации.

Наконец, та или иная девиация не всегда может быть интерпретирована однозначно: девиантная словоформа может возникнуть в результате смешения графем (орфографическая ошибка), различных категорий лексем (например притяжательное # указательное местоимение) или даже лексем (в случае омофонии). К тому же такой вопрос, как оформление валентных отношений, может быть расценен как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения лексики. На этапе обработки материала все эти возможности были учтены, здесь же даны итоговые цифры.

Можно тем не менее сделать следующие выводы: как видно из приведенных количественных данных, парадигматические девиаты представляют 15 % от общего количества, синтагматические формальные – 31 %, а синтагматические функциональные – 53 %, что составляет более половины всего девиантного материала. С другой стороны, если объединить окказионализмы, результаты девиаций в лексической орфографии и собственно лексико-семантические девиаты, оказывается, что 40 % всех нарушений так или иначе имеют отношение к лексике.

Проведенное исследование позволяет ответить на вопрос о том, как влияет родной – русский – язык на процесс освоения французского языка.

То, что Я₁ не может не влиять, кажется очевидным. За исключением тех редких ситуаций, когда французский и русский языки осваиваются одновременно, обучение Я₂ происходит на фоне уже освоенного Я₁, и респондентам трудно избежать его воздействия на межъязычие. «Автоперевод» длится многие месяцы, а то и го-

ды, готовые формулы используются редко. Даже если грамматика преподается на Я₂, респондент использует метаязык грамматики Я₁. Наконец, если он и будет формулировать правила своего межъязычия, то опять же на родном языке. Следует добавить, многие русскоязычные респонденты сопротивляются так называемым коммуникативным методам, в которых грамматические объяснения и перевод на родной язык сведены к минимуму, а то и запрещены (и в этом они не одиноки: исследователи подчеркивают, что среди «наивных» представлений об эффективности преподавания иностранных языков многие респонденты называют методики, основанные на основательном изучении грамматики [Веассо 2001: 90]).

Влияние одного языка на другой в процессе формирования межъязычия может быть положительным и отрицательным. Таким образом, в зависимости от изученных аспектов, мы встретились со следующими случаями:

- Я₁ не влияет на межъязычие;
- Я₁ положительно влияет на межъязычие;
- Я₁ отрицательно влияет на межъязычие.

Поскольку исследование посвящено девиантному межъязыковому материалу, в диссертации в основном говорилось о том, что тот или иной тип девиатов спровоцирован отрицательным влиянием русского языка, и меньше о том, как Я₁ положительно влияет на межъязычие. Носителю русского языка – в отличие от, например, носителя английского языка – помогают не допускать нарушений следующие морфолого-синтаксические особенности Я₁.

1. Наличие в Я₁ недефектных парадигм глагольного спряжения.
2. Наличие зависимых (словоизменительных) категорий рода и числа в разряде прилагательных.
3. Наличие в Я₁ огромного количества лексических, фразеологических и синтаксических галлицизмов. В большинстве случаев знание лексических галлицизмов помогает и в выборе правильного орфографического облика их аналогов в межъязычии.

Отрицательное влияние Я₁ проявляется именно в девиантном материале. Мы придерживаемся той точки зрения [Кэтфорд 1989: 384], что можно выявить влияние родного языка даже тогда, когда природные носители различных языков до-

пускают однотипные девиации в Я_п. Такие девиантные совпадения не обязательно свидетельствуют о том, что их причина возникновения – только внутриязыковая. Типологически и структурно различные Я₁ могут одинаково влиять на освоение Я_п, если категория, в которой допускается девиация, отсутствует во всех этих Я₁. Если, например, в межъязычии представителей различных языковых сообществ регулярно происходит сбой в выборе французского предлога, то конкретное влияние каждого из языков выражается в том, какой предлог они выберут вместо правильного. Часто таким предлогом оказывается «наивный» эквивалент предлога в Я₁. Сказать, что русский язык влияет на появление межъязыковых девиатов, означает, на наш взгляд, следующее: в тех ситуациях, когда респондент знает, «как надо», он применяет нужное правило и не допускает нарушений, девиация возникает в тех случаях, когда он сомневается, когда в его межъязычии то или иное умение еще не закрепились. Девиация проявляется в стрессовых условиях (на экзамене, в беседе с иностранцем и т. д.), и именно тогда влияние родного языка чувствуется в большей степени. Согласно наблюдениям одного из участников нашего психолингвистического эксперимента (почти свободно говорящего по-французски), *Quand je parle spontanément, j'utilise les règles du russe* [когда я говорю без подготовки, я использую правила русского языка].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная исследовательская цель данного диссертационного исследования заключалась в выявлении системного характера девиаций межъязычия, формируемого под влиянием первичной русской и вторичной французской языковых систем, а также в описании репертуара девиантных фактов внутри этой системы.

В диссертации был представлен категориально-терминологический аппарат межъязыковой девиатологии, позволивший в дальнейшем систематизировать речевые девиантные факты русскоговорящих респондентов, осваивавших французский язык, и на основе этих фактов построить типологию девиаций межъязычия. Также поаспектно были систематизированы результаты предшествующих исследований российских и зарубежных авторов по различным вопросам теории языковых контактов и билингвизма, анализа ошибок, теории третьей системы, наивного мета-языка, позволившим выделить межъязыковую девиатологию в отдельное междисциплинарное направление, имеющее свой предмет. В центре категориальной системы межъязыковой девиатологии – понятия межъязычия, или «третьей системы», межъязыковой девиации, межъязыкового девиата и девиантных вариантов. Последние используются для описания «неvezучих» компонентов межъязычия, например орфографических: *carbon, carbonne, carbons (carbone)* [углерод]; *acceuil, acceil, aceuil, accueille, accuil, ils acceuilent (accueil, accueillir)* [прием, принимать] и т. д.

Систематизация категорий, имеющая также прикладной характер, сделала возможным детально описать эмпирический материал. В ходе его обработки была построена типология межъязыковых девиаций, актуальность которых в межъязычии была определена на основе частотности соответствующих девиатов. На первом этапе девиаты были поделены на парадигматические и синтагматические, среди парадигматических определены лексико-грамматические, лексико-семантические и лексико-стилистические, а среди синтагматических – формальные и функциональные. В первом случае в речи респондентов появлялись формы, не принадлежащие к репертуару возможных форм французского языка, во втором – формально правильные единицы, неправильно скомбинированные и не приводящие респондента к успешному выражению того или иного функционального значения. Общая

типология речевых межъязыковых девиаций, возникших вследствие выявленного набора тактик, состоит из более 500 категорий (представлены в Приложении) и отражает сложное устройство девиантного участка межъязычия. Подсчеты позволили уточнить, что в исследуемом межъязычии наиболее актуальны синтагматические нарушения (синтагматические формальные ошибки – 31 %, а синтагматические функциональные ошибки – 53 %), в значительно меньшей степени - парадигматические (15 %), хотя около 40 % всех девиатов так или иначе связано с овладением лексического фонда вторичной языковой системы.

В межъязычии существует ряд компонентов, которые оказываются сильными, влияющими на остальные и способствующие унификации остальных элементов своей подсистемы. Так, если в первичной языковой системе нет соответствий на каком-либо участке вторичной системе, то большую роль играет частотность элемента в изучаемом языке. Например, неверный выбор диакритического знака в пользу акута объясняется тем, что он самый распространенный и что респонденты плохо различают оттенки произношения звуков, отображаемых графемами *é* и *è*; из двух местоимений *ils* и *eux* выбирается наиболее частотное прилагательное и т.д. Там, где предлагается выбор, «двойственность» и «тройственность» нейтрализуется в пользу более частотного компонента.

Установлено, что межъязычие имеет как девиантные, так и недевиантные участки, причем наличие и первых, и вторых может быть обусловлено не только влиянием вторичной языковой системы, но и первичной. В определенных условиях попеременно актуализируются законы первичной языковой системы с последующим ее интерферированием и приобретенные законы вторичной системы. Девиантный и недевиантный участки межъязычия тесно связаны, так как для межъязычия характерно неоправданно широкое применение правил вторичной языковой системы с параллельным учетом ее системных и функциональных характеристик.

Девиации могут быть «простыми», вызванными одной причиной, и «сложными», связанными с существованием целого комплекса причин, часто имеющих последовательный характер: например, смешение *b / p*, *d / t*, *r / s*, *gu / qu*, *c / g* вызвано графической причиной (относительной близостью написания этих букв), фонети-

ческой (респондент плохо различает соответствующие звуки, но хорошо знает орфографию), интерферентной.

Девиации на одном уровне межъязычия вызывают нарушения на других уровнях, что, методом от противного, также позволяет судить о внутренней системности девиантного межъязычия. Так, на примере лексем на *-ier* мы показали, как взаимосвязаны проблемы произношения, чтения, орфографии и грамматики.

Первичная языковая система может оказывать на межъязычие как положительное, так и отрицательное влияние.

Так, на лексическом уровне межъязычия отрицательное влияние русского языка выражается не столько в наличии пенидентом, сколько в регулярном приписывании французским лексемам систем значений, которых они не имеют. Русских семантических калек существенно больше, чем простых заимствований или «новообразований» – неологизмов, созданных респондентами для преодоления своих коммуникативных затруднений. Калькироваться могут как цельнооформленные, так и нецельнооформленные единицы. Из-за омоформии кратких форм русских прилагательных и предикативов в межъязычии нередки случаи неоправданной замены одного другим. В области орфографии неправильное произношение («русский акцент») может спровоцировать, например, появление на письме лишних диакритических знаков, неразличение гласных звуков [i] или [и] в слабой позиции. Из-за русского орфографического облика «межъязыковых паронимов» респонденты допускают девиантные варианты в выборе графем для отображения носовых звуков, а также удвоенных согласных. В области морфосинтаксиса русский язык «асимметрично» влияет на ошибочный выбор парных категорий, например, категории женского рода существительных вместо категории мужского рода, на выбор категории числа тех существительных, для которых эта категория классификационная, а не словоизменительная, или в тех ситуациях, когда русский эквивалент употребляется в форме другого числа. В области согласования девиаты возникают из-за того, что респондент согласует французскую форму в грамматическом роде и числе с референтом, который он «держит в уме» (с грамматическими характеристиками русской лексемы). Для причастий в «сложных» временах и причастий настоящего времени также часто применяются правила русского, а не французского

языка. Отсутствие такого явления, как «согласование времен» (*concordance des temps*) в русском языке, также приводит к тому, что респонденты производят выбор временной формы глагола согласно принципам видовременных соответствий родного языка. Девиации в выборе предлога допускаются всеми иностранцами, и это не удивительно, потому что выбор французского предлога практически не мотивирован и трудно выучить все случаи его употребления. В ситуациях типа «X управляет Y» носитель русского языка склоняется к применению во французском словосочетании того предлога, который он считает эквивалентом русского (в 5 случаях из 6). В целом, русский язык сильно влияет на межъязычие в области порядка слов и в выражении коммуникативных аспектов предложений, особенно в отрицательных предложениях.

Девиантный участок исследуемого межъязычия имеет пределы, за которые редко переступают, и приведенный в этом исследовании список типов девиаций можно считать практически исчерпывающим.

Характерная для межъязычия асимметричность реализации частных категориальных значений в пределах парной категории, в частности, выражается в том, что субстантивные девиаты типа «мужской род вместо женского» случаются чаще, чем «женский род вместо мужского», что естественно, если считать, что некоторые из них могут быть вызваны нарушениями в согласовании прилагательных, однако в случае «мужской род вместо женского» род соответствующего существительного в русском не играет никакой роли в появлении межъязыковых девиаций.

Особо следует отметить не всегда положительную роль разноуровневых единиц-галлицизмов, пришедших в русский язык вследствие француско-русского макроконтрактирования и играющих существенную роль в формировании межъязычия.

Но русский язык оказывает и положительное влияние на межъязычие, фацилитация распространяется в основном в области словоизменения и формообразования (глагольного спряжения и именного согласования).

В когнитивном сознании респондентов все эти факты регулярно получают конкретные наивные метаязыковые обоснования вследствие применения метода «наивной интроспекции», самонаблюдения, которые эксплицируются в виде коммен-

тариев респондентов, причем содержательный спектр таких комментариев очень широк: от негации (*Не знаю...*), эмоциональных и даже оценочных высказываний до четко сформулированных правил межъязычия, не соответствующих реально существующим правилам вторичной языковой системы. Отметим, что сам морфологический строй русского языка помогает респондентам держать в уме больше «грамматической» информации, нежели французская морфология, и русскоговорящие могут объяснить, почему они выбирают ту или иную форму. Французская же морфология не дает франкофонам подобной информации, и у них сохраняются лишь неясные представления о «глагольности», «прилагательности» и т.д.

Таким образом, в данной диссертации был представлен системный анализ девиаций и определена их роль в формировании исследуемого межъязычия. Для последующих исследований представляется целесообразным изучить в предложенном здесь направлении межъязычие русских, овладевающих другой вторичной языковой системой, например английской, с целью выявления когнитивных межъязыковых уникалий и универсалий. Данное диссертационное исследование ограничилось рассмотрением письменных девиатов и почти не коснулось такого важного аспекта межъязычия, как акцент и другие фонологические явления. Их изучение можно рассматривать как перспективу для дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдеев А. А.* Проблемы широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом : На материале имен существительных английского, русского и французского языков. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2002.
- Аврорин В. А.* Двужычие и школа // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1972
- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Акуленко В. В.* О «Ложных друзьях переводчика» // <http://linguistic.ru/index.php?id=79&op=content>. 2004
- Алексеева Е. А.* Семантические особенности лексики, связанной с обозначением объектов культурной символики : На примере символа Бог в русской и французской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Алешина О. Н.* Речевая ошибка – свидетельство хаоса или порядка в языке? // Теория и история культуры в вузовском образовании: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Хохлова, А. М. Фурсенко, Е. Б. Шерешевской. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 50–55.
- Алимов В. В.* Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: На прим. рус., англ. и фр. яз в воен., техн. и юрид. пер.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Алхазивили А. А.* Основы овладения устной иностранной речью М., 1968.
- Анализ фонемно-графемных соответствий русского и осетинского языков как первооснова прогнозирования межязыковой интерференции на письме // Вопросы изучения русского языка. Владикавказ, 1994. С. 129–134.*
- Ахманова О. С.* Дихотомия «язык-диалект» в свете проблем современного билингвизма // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 98–103.
- Ахунзянов Э. М.* Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978.
- Багана Ж.* Морфолого-синтаксическая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма // Вопросы Языкознания. 2004. №4. С. 102-122.
- Банкевич Л. В.* Тестирование лексики иностранного языка. М., 1981.
- Баранникова Л. И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 88–98.
- Барсук Р. Ю.* Основы обучения иностранному языку в условиях двужычия. М., 1970.
- Барсук Р. Ю.* Типологический сопоставительный анализ на всех уровнях языка и речи, как один из методических приемов билингвистического исследования // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 101–104.
- Баскаков А. Н.* О комплексных методах и приемах лингвистического исследования // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 46–56.
- Баскаков Н. А.* Двужычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков) // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1972. С. 76–77
- Бахирев Ю. Г.* Коротко о новых правилах французской орфографии. М.: Московский Лицей, 2000.
- Бацевич Ф.* Теоретические аспекты коммуникативной девиатологии (на материале русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность / Междунар. конгресс исследователей рус. яз. М., 2001. С. 7.
- Безродных М. Н.* Классификация речевых ошибок учителя русского языка. // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика. Иркутск. 2001. № 5: Русский язык: теория и методика. С. 96–104.

Белянин Б. П. Лингвистический шок // *Rusistica Espanola*. Мадрид, 1995. № 5. Интернет-версию см.: http://www.textology.ru/belyanin/bel_shok.html.

Берницкая Н. В. Средства выражения зависимого таксиса : На материале французского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1999.

Биржакова Е. Э и др. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Л., 1972.

Блумфилд Л. Язык. М., 1960.

Болдина Л. А. Типы ситуаций, реализующих семантические признаки определенности / неопределенности в современном французском языке // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. Тверь, 1993. С. 13–19.

Бондарко А В. Функциональная грамматика Л., 1984.

Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 5–36.

Бубнова Г. И. Просодический контраст и интерференция (на материале русского и французского языков) // Французский язык: теоретические и прикладные аспекты. М., 1994. С. 95–107.

Будагов Р. А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М., 1974. С. 141–146.

Бунчич Д. Псевдо-аналогонимия – «Ложные друзья переводчика» как единица сопоставительной лексикологии // XXIX межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов / Под ред. Л. И. Ивашко, И. С. Лутовиновой. СПб., 2000. Вып. 11: Секция лексикологии и лексикографии (русско-славянский цикл). С. 14–18. Интернет-версию см.: <http://www.uni-bonn.de/~dbuncic/pseudo/>.

Бунчич Д. Энантисемия внутриязыковая и межъязыковая как проблема коммуникации // «Słowa, słowa, słowa»... w komunikacji językowej II / Ed. M. Grabska. Gdańsk, 2004. P. 207–212.

Бурденюк Г. М., Григорьевский В. М. Языковая интерференция и методы ее выявления. Кишинев: Штиинца, 1978.

Бурова Э. А. Лексические галлицизмы в современном русском языке: прагмалингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6: Языковые контакты. С. 25–60. (Переиздано в сб.: *Зарубежная лингвистика*. М., 1999. Вып. 3. С. 7–42.)

Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.

Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 370–387.

Вайсман Н. Н. Семантическая природа сенсорных прилагательных французского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Верещагин Е. М. Две психолингвистические методики объективного установления основных типов билингвизма // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 68–73.

Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Русское слово в сознании иностранца // Социально-лингвистические исследования М., 1976. С. 86–96.

Вишневецкая Г. М. Билингвизм и его аспекты // Просодические аспекты билингвизма. Иваново, 1992. С. 3–14.

Владимирова Е. В. С предлогом или без? Справочник-минимум по глагольному управлению. Французский язык. М.: Московский Лицей, 1995.

Влчек Й. Чешско-русские омонимы – высшая стадия лексической интерференции. София: Болгарская русистика, 1975.

Вопросы исследования и преподавания иностранных языков. Омск, 2000.

Воронин Б. Ф. К проблеме типичности и устойчивости ошибок в речи // Психология и методика обучения второму языку. М.: Из-во Моск. гос. ун-та, 1976. С. 14–16.

Воронин Б. Ф. Ошибки в русской речи иностранца // Психология грамматики. М., 1969.

Габдреева Н. В. Функциональное освоение лексики французского происхождения (на материале переводов французской литературы конца XVIII – XIX в.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исслед. рус. яз. (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.): Тр. и материалы / Под общей ред. М. Л. Ремнёвой, А. А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 300–301.

Гак В. Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1966.

Гак В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа // *Вопр. языкознания*. 1996. № 2.

Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М.: Русский язык, 1975.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977а.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977б.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка М.: Добросвет, 2004.

Гак В. Г. Французская орфография. М.: Учпедгиз 1956 (Переиздано: М., 1959, 1985, 2005.)

Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высш. шк., 1965.

Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Интердиалект+. 2003.

Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы языка и мышления // *Вопр. филос.* 1977. № 4. С. 95–101.

Гамперц Дж. Переключение кодов хинди–пенджаби в Дели // *Новое в лингвистике*. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6: Языковые контакты.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2001.

Голубева-Монаткина Н. И. Французская диалогическая речь в сопоставлении с русской (Вопросит. предложение). / Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1985.

Голубева-Монаткина Н. И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции // *Филол. науки*. 1994. № 4.

Голубева-Монаткина Н. И. Заметки о двуязычии русских эмигрантов первой волны во Франции 1920–90 гг. // *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 120–133.

Голубева-Монаткина Н. И. Заметки о русских речевых традициях во Франции // *Русская словесность*. 1993. № 4.

Голубева-Монаткина Н. И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // Русистика сегодня. 1995. № 1.

Голубева-Монаткина Н. И. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1–2.

Голушко О. С. Модели предложений с глаголами речи во французском языке (в сопоставлении с русским): Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2003.

Горбаневский М. В. и др. Не говори шершавым языком / М. В. Горбаневский, Ю. Н. Караулов, В. М. Шаклеин // <http://gramota.ru/negovori.html>.

Горелов И. Н. О значении и методике исследования интерференции // Интерференция в устной и письменной речи студентов и школьников. Оренбург, 1969. С. 5–33.

Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка: Учеб. пособие по спец. «Русский язык и литература». М.: Высш. шк., 1984.

Грановская Л. М. Русская эмиграция о русском языке: Аннот. библиогр. указ. (1918–1992) / Российская Академия наук. М.: АЗЪ, 1993.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995.

Графическая интерференция и причины ее возникновения в процессе обучения русскому языку в иноязычной аудитории // Язык и письмо. Волгоград, 1988. С. 124–131.

Дебрени М. Изъяснительные конструкции и их семантические роли в сложном предложении // Системный анализ единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984. С. 131–138.

Дебрени М. Методические рекомендации по согласованию причастия прошедшего времени в сложных временах французского языка // Теоретические и методические аспекты прагматики. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 16–22.

Дебрени М. О некоторых лакунах во французском языке // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 4. С. 4–9.

Дебрени М. Природа и функции сложного показателя связи «ТО, ЧТО» в информационных предложениях // Синтаксические структуры русского языка. Иркутск, 1986.

Дебрени М. Теоретические аспекты изучения одного класса изъяснительных предложений // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.

Дебрени М. Что русскому вкусно, то французам... или межкультурная коммуникация с улыбкой // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах. Новосибирск: НГУ, 2003. Вып. 3. С. 139–141.

Дебрени М. К вопросу об авторстве типологии билингвизма: Л. В. Щерба или У. Вайнрайх? // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2005а. Т. 4, вып. 4. С. 87–88.

Дебрени М. Французский язык дневников Ольги Давыдовой как пример эффективности «метода гувернантки» // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XVIII веков. Тобольск, 2005б. С. 459–475.

Дебрени М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. Новосибирск: НГУ. 2006.

Дешериев Ю. Д. К методологии, теории билингвизма и методике билингвистических исследований // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 6–20

Дешириев Ю. Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании билингвизма // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 20–33.

Димитрова Т. Д. О причинах межъязыковой омонимии (о некоторых французских заимствованиях в русском и болгарском языках) // Съпоставително езикознание. 1983. № 10.3. С. 10–15.

Долгова Н. А. Функционально-семантическая характеристика финальных реплик диалога: На материале русского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000.

Долотова Г. В. Фразеологические кальки с французского в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Дорошина Л. А. Детерминация имени в обобщающей номинальной синтагме во французском языке // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. Тверь, 1993. С. 44–47.

Ейгер Г. В. Механизм контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.

Жанэ Д. К. Взаимодействие русского и французского языков в речи персонажей Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева (социоллингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Жиловская В. С. Наличие / отсутствие артикля в синтаксических конструкциях N de N французского языка: Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2002.

Жлуктенко Ю. А. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. Українська мова в США і Канаді. Київ: Видавництво Київ. ун-ту, 1966.

Задача М. В. Анализ ошибок носителей русского языка в синтагмах типа «глагол + предлог + существительное» во французском языке: Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2005.

Залевская А. А. Введение в психоллингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1999.

Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психоллингвистическом аспекте. Тверь, 1996.

Земская Е. М. Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Зинова Н. В. Галлицизмы в русском языке (на материале разновременных переводов французской литературы конца XVIII – начала XIX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1987.

Золотова Г. А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М., 2004.

Зоткина Ю. А. Феминизация названий профессий во французском языке в сопоставлении с английским и русским языками. Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2005.

Иванова Е. А. Русская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса XV–XX вв. (Системно-функциональный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

Идзинская И. Н. Глаголы мыслительной деятельности во французском и русском языках : Сопоставление планов содержания и планов выражения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2001.

Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: сопоставительное исследование. М.: Изд-во МГУ, 2001. 429 с.

Истомин С. А. Семантико-синтаксическая организация именных предложных словосочетаний в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984.

Иутина О. В. Обозначение традиционно мужских профессий, должностей и званий, занимаемых женщинами, как пример конфликта нормы и узуса в современном французском языке. Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2001.

Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблемы интерференции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980.

Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990.

Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероса / Пер. с фр. О. Павловской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Катагошина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языке. Учеб. пос. Московский областной пед. институт. им. Крупской. М., МОПИ. 1985.

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 3–34. Интернет-версию см.: <http://www/kachkine.narod.ru/Articles2003/Factor2002.htm>.

Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж, 2001.

Китунина Н. Н., Любимова Н. А. Фонетико-графическая и графическая интерференция в речи на неродном языке // Вестн. Ленинград. ун-та. Сер. 2. Вып. 4. № 23. 1990.

Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка: Учеб. для студентов пед. ун-тов и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1992.

Колесов В. В. Язык города. М.: Высш. шк., 1991.

Королева М. А. Психолингвистический анализ речевых автоматизмов (на материале речевых ошибок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Костылева Э. Н. Корреляция детерминативов, базового имени и распространений в именной синтагме современного французского языка (структурно-вероятностный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1976.

Красиков Ю. В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М., 1980.

Крысин Л. П. К вопросу о внутриязыковой диглоссии // Методы билингвистических исследований М., 1976.

Крысин Л. П. Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 3–12.

Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции (на материале французского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.

Кузнецова Т. Д. Механизм речевого действия и установка // Психолингвистические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1978. С. 102–110.

Кузнецова Т. Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трингвизма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002.

- Кэтфорд Дж. К.* Обучение английскому языку как иностранному // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. С. 366–409.
- Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. С. 32–62.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969а.
- Леонтьев А. А.* Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности. М., 1974а.
- Леонтьев А. А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.
- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Леонтьев А. А.* Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. М., 1974б.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Летаева Л. А.* Изучение галлицизмов в русском литературном языке предпушкинского периода // Сопоставительное изучение лексики и грамматики германских, романских и славянских языков: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Д. Калиушенко. Киев: УМК ВО, 1989. С. 100–106.
- Летаева Л. А.* Галлицизмы в русской комедии и частной переписке второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 1997.
- Летаева Л. А.* Типология галлицизмов в русском языке второй половины XVIII века // Аспекты вузовской русистики. Тюмень, 1998. С. 128–133.
- Лобачев Б. З.* Сопоставление французского и русского языков на основе явления иносказательности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Лопухина Р. В.* Классификация ошибок испаноговорящих учащихся // Национальная ориентация в преподавании русского языка как иностранного. Тула, 1990. С. 18–29.
- Макарова С. Г.* Функционально-стилистический компонент коннотации фразеологических единиц русского и французского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
- Малонга-Евума Л.-Р.* Кратные акциональные значения в русском и во французском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Манакин В. Н.* Основы контрастивной лексикологии (близкородственные и родственные языки). Киев; Кировоград, 1994.
- Марьянович А. Т.* Эрратология, или как избежать наиболее неприятных ошибок при подготовке диссертации. М.: Вуз. кн., 2004.
- Марьянович А. Т., Князькин И. Т.* Новая эрратология, или как получить ученую степень, СПб., 2005.
- Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.: Шк. «Языки русской Культуры»; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1995. Sonderband. № 39.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.: Прогресс; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. Т. 1.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.: Прогресс; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. Т. 2.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.

Мельчук И. А. Статистика и зависимость рода французских существительных от их окончаний // *Вопр. статистики речи.* Л.: ЛГУ, 1958.

Метлюк А. А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва. Минск, 1936.

Методы билингвистических исследований. М., 1976.

Методы сравнительного и сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. специальностей. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001.

Михайлов М. М. Двужычие и взаимовлияние языков // *Проблемы двуязычия и многоязычия.* М.: Наука, 1972.

Могилевская А. Д. Скрытая грамматическая категория лица французского имени. СПб., 2000.

Мосягин А. Межъязыковая омонимия как проблема трансформации авторской картины мира при переводе: Дипл. соч. Урал. гос. ун-т, Екатеринбург, 1999. Интернет-версию см.: <http://mosyagin.narod.ru/dip/d0.htm>.

Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975.

Муратова З. Г. Понятие билингвизма и некоторые вопросы обучения иностранному языку // *Лингводидактические исследования.* М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987.

Нариньяни А. С. Неопределенные множества – новый тип данных для представления знаний / *Препринт ВЦ СО АН СССР; 203,* Новосибирск, 1980.

Национальная ориентация в преподавании русского языка как иностранного. Тула, 1990.

Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики // *Новое в зарубежной лингвистике.* М. 1989. Вып. 25: *Контрастивная лингвистика.* С. 144–178.

Никитин М. В. Членение семиотического акта и задачи семиотической дефектологии // *Проблемы обучения иностранным языкам.* Владимир, 1962.

Никольский Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // *Язык и общество.* М., 1968. С. 111–124.

Новое в зарубежной лингвистике. М. 1989. Вып. 25: *Контрастивная лингвистика.*

Носик Б. Мир и Дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком. Изучение, обучение, оценка. М.: МГЛУ. 2005.

Овчинникова Г. В. Адъективные суффиксы во французском, итальянском и русском языках: Сопоставительное словообразование: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

Ошанина Ж. Г. Употребление артикля во французском языке. М.: Наука, 1973.

Панюшкин К., Патрышев С. Сладкий мир Вонг Яна // *Экспресс.* 2004. № 11. С. 68–70.

Перевртаева С. А. К вопросу о восприятии французских согласных носителями французского и русского языка // *Структурно-системная и функционально-семантическая характеристика единиц различных уровней.* М., 1992. С. 78–83.

Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гум. ин-т, 2004. № 1.

Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гум. ин-т, 2005. № 2.

Переслегина Е. Р. Сопоставительный анализ русских и французских глаголов движения при обучении иностранных студентов русскому языку: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2002.

Петрова Е. М., Борисова И. З. Возможности преодоления грамматической интерференции при обучении французскому языку в средней школе в условиях якутско-русского билингвизма // Иностранные языки: перспективы научных исследований. Якутск, 2000. С. 101–105.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Поймёнова А. А. Лексическая ошибка в свете стратегии преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.

Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. М., 1972.

Привалова И. В. Психологическая установка в процессе понимания иностранного текста (на материалах русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995.

Притчина Л. М. Трудности французского языка. М.: Высш. шк., 1983.

Просодическая интерференция. Иваново, 1989.

Пылакина О. А. К вопросу о французско-русских языковых контактах // Вопросы грамматики и семантики русского языка. М., 1977. С. 111–120.

Пылакина О. А. Слова французского происхождения в памятниках русской письменности (конец XVII – начало XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

Рабинович А. И. Принцип исследования фонетической интерференции при контактировании разносистемных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.

Разваляева Е. В. Парижский текст А. Ремизова: Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2005.

Рейцак А. К. О некоторых возможностях изучения интерференции на лексико-семантическом уровне // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 74–81.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1999.

Рогова М. Е. Языковая интерференция в текстах И. Э. Бабея: Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2002.

Рожков Р. Р. Измерение межъязыковых лексических контрастов: На материале русского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000.

Ростова А. Н. Народная философия языка // Этногерменевтика и языковая картина мира. Кемерово: КемГУ, 1998. С. 79–80.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Изд-во Министерства просвещ. РСФСР, 1946.

Русановский В. М. Происхождение и развитие восточно-славянских языков. Киев, 1980.

Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Русско-испанские и русско-французские ложные лексические параллели: Метод. рекомендации для преподавателей рус. языка как иностр. / Сост. В. В. Дубичинский. Харьков: ХПИ, 1992.

Сагдеева Ф. К. К вопросу об изучении интерференции // Двухязычие: типология и функционирование. Казань, 1990.

Садовникова М. Н. Сложноподчиненные предложения в функции газетных заголовков современных русских и французских СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2002.

Саина С. Т. Двужычие и многоязычие в семейной жизни // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 60–75.

Самойлова И. В. К проблеме проникновения французского языка в русскую культуру XVIII века // Сборник научных трудов ученых мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Саранск, 1998. Ч. 1. С. 52–53.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Скворцова А. В. Учет позиционного озвончения чувашских шумных согласных при изучении французского языка // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та. Сер. Языкознание, лингводидактика. Чебоксары, 1999. № 1 (6), ч. 2. С. 76–78.

Сложеникина Ю. В. Терминология коррекционной педагогики: лексико-семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000.

Сорокин Ю. А. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.

Степанов Ю. Французская стилистика (по сравнению с русской). изд. 4. М.: Дрофа 2006.

Сухопар В. Ф. Морфонологическая структура слова во французском и русском языках : (словоизменительный анализ глагола): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Тейлор Дж. Введение в теорию ошибок. М.: Мир, 1985.

Теория функциональной грамматики / Ред. А В Бондарко. Л., 1987.

Тер-Авакян Г. А. Предлоги французского языка. М.: Высш. шк., 1997.

Тер-Авакян Г. А., Тер-Авакян С. Г. Трудности употребления французских предлогов. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингвист. ун-т, 2003.

Уварова В. И. Из опыта работы над снятием фонетической межъязыковой интерференции (на материале французского языка для русскоязычных студентов) // Вопр. исследования и преподавания иностранных языков. Омск, 2000. Вып. 2. С. 102–103.

Уман Л. М. Расхождения между грамматическими системами французского и русского языков и вопросы интерференции. Орел: Орлов. гос. пед. ин-т, 1987.

Уман Л. М. Что такое грамматическая интерференция? // Учен. зап. Орлов. гос. пед. ин-та. Орел, 1963. Т. 17., вып. 2.

Федоров А. В. Индивидуальный стиль автора и случаи писательского двуязычия // Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971. С. 167–193.

Федорова Е. М. Омокомплекс *так* и его функции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004.

Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. Интернет-версию см.: <http://disser.h10.ru/dis/fedorchukev.html>.

Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972.

Филиппова В. М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (устойчивые глагольно-именные сочетания) // Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М.: Наука, 1968. С. 3–160.

- Филлмор С. Дело о падеже // Новое в Зарубежной Лингвистике М.: Прогресс, 1981. Вып. 10: Лексическая семантика. С. 369–495.
- Фоменко Ю. В. Типы речевых ошибок. Новосибирск, 1994.
- Фонемно-графемная интерференция: процесс и результат // Язык и письмо. Волгоград, 1994. С. 37–41.
- Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней / Под ред. Г. С. Чинчлея. Кишинев, 1986.
- Хабидуллина Э. Х. Абстрактные существительные множественного числа во французском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1988.
- Хадону М. Действие аналитических и синтетических тенденций в структуре имени русского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Ханазаров К. Х. Критерии двуязычия и его причины // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1971. Вып. 6: Языковые контакты. С. 61–80.
- Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. С. 307–326.
- Ходова К. И. Языковое родство славянских языков. М.: Учпедгиз, 1960.
- Хютль-Фольтер Г. Связи синтаксиса русского литературного языка с французским синтаксисом XVIII в. Порядок слов в «Письмах из Франции» Фонвизина и новый слог Карамзина // Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien, 1997. Bd. 43. S. 103–114.
- Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Строение предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1992.
- Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. Новосибирск: НГУ, 1994.
- Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарного простого предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4. С. 46–87.
- Черниговская Т. В. Мозговые механизмы поли- и билингвизма // <http://www.csa.ru/minerva>.
- Чинчлей Г. С. Внутряязыковая и межъязыковая паронимия // Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней. Кишинев, 1986.
- Чонгарова И. Русско-болгарские аппроксиматы: межъязыковые лексические соответствия омонимического характера // Русский язык: история и современность. М., 1989.
- Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации: опыт анализа // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. С. А. Шубик. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. С. 329–336.
- Шадрина М. С. Аспектуальность и семантика глагольного вида во французском языке в свете проблем теории перевода: Диплом. соч. Новосиб. гос. ун-т, 2004.
- Швейцер А. Д. О некоторых общих методах лингвистического анализа речевой деятельности билингвов и процесса перевода // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 33–42.
- Шевнин А. Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация // Вестн. ВГУ. 2004. № 2.

Шеловских Т. И. Речевой акт совета: Функционально-прагматический анализ : (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук.. Воронеж, 1995.

Шидловский А. В. Лингвистические проблемы перевода на белорусский язык. Минск, 1978.

Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1945. № 4 (5). С. 173–186.

Щерба Л. В. Понятие о двуязычии. Критика некоторых возражений против иностранных языков в роли общеобразовательного предмета // Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974. С. 59–65.

Эрвин-Трипп С. Социоллингвистика в США // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 181–199.

Эрратология: теория переводческих несоответствий // Перевод и сопоставительная лингвистика. Ярославль: ЯГПУ, 2005.

Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Wien: Языки славянской культуры; Wiener Slavisticher Almanach, 2001.

Acceptability in language / Ed. S. Greenbaum. The Hague: Mouton, 1977.

Actes du Sixième Congrès international des linguistes (Paris, 1948) / Red. M. Lejeune. P.: Klincksieck, 1949.

Adamczewski H. Le français déchiffré, clé du langage et des langues. P.: Armand Colin, 1991.

Adjemian C. On the nature of interlanguage systems // *Language learning*. 1976. Vol. 26. № 2. P. 297–320.

Adjemian C. L. Spécificité de l'interlangue et l'idéalisation des langues secondes // *Grammaire transformationnelle, théorie et méthodologie* / Red. J. Guréon, T. Sowley. P.: Paris VIII, 1982. P. 421–431.

Alber J.-L., Py B. Vers un modèle exolingue de la communication interculturelle: interparole, coopération, et conversation // *ÉLA*. 1986. № 61. P. 78–90.

Alber J.-L., Py B. Interlangue et communication exolingue // *Cahiers du département des sciences du langage*. Université de Lausanne. 1985. № 1. P. 3. Интернет-версию см.: <http://lesla.univ-lyon2.fr/IMG/pdf/doc-263.pdf>.

Arditti J., Grandcolas B. Questions et hypothèses actuelles sur l'acquisition des langues secondes et étrangères // *Die neueren Sprachen*. 1982. № 81(6). S. 549–562.

Aslanoff S. Manuel typographique du russiste. P.: Institut d'études Slaves, 1986.

Astolfi J.-P. L'erreur, un outil pour enseigner, P.: ESF, 1997.

Audry-Iljic F. L'erreur et la règle // *LM*. 1987. № 5. P. 107–122.

Authier-Revuz J. Ces boucles qui ne vont pas de soi. P.: Larousse, 1996.

Baciocha A. «Falsche Freunde des Übersetzters» als Quelle der Fehler: Fehleranalyse anhand des Deutsch-polnischen Handwörterbuches von Jan Chodera und Stefan Kubica: Buchstaben von L bis Z: Substantive. Unpublished MA thesis: Szczecin, 1995.

Baggioni D., Py B. Conversation exolingue et normes // *S'approprier une langue étrangère* / Red. H. Blanc, M. Le Douairon, D. Veronique. Aix-en-Provence, 1987. P. 72–81.

Bailly B. La traduction comme révélateur de l'épi-linguistique chez l'apprenant de langue seconde // *LM*. 1987. № 5. P. 38–47.

- Bailly D.* Domaines linguistiques de vulnérabilité dans l'apprentissage des langues secondes par les francophones // L'analyse d'erreurs, accès aux stratégies d'apprentissage: une étude inter-langues allemand, anglais, arabe, chinois, portugais / Red. A. Cain. Institut national de recherches pédagogiques, 1989. P. 99–128.
- Balandier G.* Essai d'identification du quotidien // Cahiers internationaux de sociologie. 1983. № 74. P. 5–13.
- Balibar R.* L'institution du français, essais sur le colinguisme des Carolingiens à la République. P.: PUF, 1985.
- Balibar R.* Le colinguisme. P.: PUF, 1993.
- Bard E. G. et al.* Magnitude estimation of linguistic acceptability / E. G. Bard, D. Robertson, A. Sorace // Language. 1996. № 72. P. 32–68.
- Baryatinsky M., Le Bihan D.* Des enseignants de 6e face à l'erreur // LM. 1987. № 5. P. 96–106.
- Beacco J.-C.* Les savoirs linguistiques «ordinaires» en didactique des langues: des idiotismes // Langue française. 2001. № 131, sept. P. 89–106.
- Beauvais R.* Le français kiskose. P. Fayard. 1975.
- Beigbeder F.* Mon premier article réac. // Lire. 2005, fev. P. 10.
- Bentolila A.* Des enfants oubliés // Le Monde. 07.08.1997a.
- Bentolila A.* Lecture, les ratés de l'école // Le Point. 27.09.1997b.
- Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. P.: Gallimard, 1974. T. 2.
- Berthier P. V., Colignon, J.-P.* Ce français qu'on malmène. P.: Belin, 1991.
- Berthoud A.-C.* Activité métalinguistique et acquisition d'une langue seconde. Etude des verbes déictiques allemands. Berne: Lang, 1984.
- Berthoud A.-C.* La relative fiabilité du discours métalinguistique des apprenants // Encrages. 1982. № 8/9. P. 139–142.
- Berthoud A.-C.* Le rôle de la métalangue dans l'acquisition de la deixis spatiale // Encrages. 1980, Automne. P. 109–117.
- Berthoud A.-C.* Les erreurs des apprenants: au panier ou sous le microscope? // LM. 1987. № 5. P. 11–17.
- Bertrand Y.* Faute ou erreur? Erreur et faute // LM. 1987 № 5. P. 70–80.
- Besse H.* Le discours métalinguistique de la classe // Encrages. 1980, automne. P. 102–107.
- Bialystok E.* Le développement de la capacité en langue 2 : approche différenciée // Encrages. 1982 actes du colloque «Acquisition d'une langue étrangère II» tenu en mai 1981 à Paris VIII-Vincennes à St Denis. P. 91–97.
- Bialystok E., Frohlich M.* Aspects of second language learning in classroom settings // Working papers on Bilingualism. 1977. № 13. P. 1–26.
- Bierwisch M.* Fehler-Linguistik // Linguistic inquiry. 1970. Vol. 1. № 4, oct. P. 397–415.
- Blanche-Benveniste C., Valli A.* L'Intercompréhension: le cas des langues romanes // LFDLM. 1997. Numéro Spécial.
- Blanche-Benveniste C., Chervel A.* L'orthographe. P.: Maspero. 1969; 1974.
- Boillot F.* Le vrai ami du traducteur anglais-français et français-anglais P., 1931.
- Bouyon-Penin C., Coianiz A.* Contribution à une étude des fautes, niveau avancé // Travaux de didactique du français langue étrangère. CFP Université de Montpellier III. 1979. № 3 P. 97–111.
- Branca-Rosoff S., Balibar R.* De l'institution des langues à leur universalisation // L'institution des langues, autour de Renée Balibar / Red. S. Branca-Rosoff. P.: Maison des sciences de l'homme, 2001. P. 1–27.

- Breitkreuz H.* Pseudo-Anglizismen im Englischunterricht: Ein Beitrag zur Fehlerforschung // Error Analysis: Proceedings of the Fourth International Congress of Applied Linguistics / Ed. G Nickel. Stuttgart, 1978. P. 9–35.
- Brouat J. P.* Les normes de la langue... et celles du discours // Travaux de didactique du français langue étrangère. CFP Université de Montpellier III. 1979. № 3. P. 49–61.
- Bunčić D.* An on-line hypertext bibliography on false friends // http://www.uni-bonn.de/~dbuncic/fauxamis/start_un.htm.
- Bunčić D.* Das sprachwissenschaftliche Problem der innerslavischen «falschen Freunde» im Russischen Köln, 2000, S. 28. Интернет-версию см.: <http://www.uni-bonn.de/~dbuncic/staatsarb/fauxamis.htm>.
- Cadre Européen commun de référence pour les langues.* P.: Didier, 2001. Интернет-версию см.: <http://www.coe.int>.
- Cain A.* Introduction // LM. 1987. № 5: Les erreurs des élèves, qu'en faire? P.1–10.
- Calvet L.-J.* «Sabstenir» ou «S'abstiner» // LFDLM. 2001. № 313. P. 23.
- Capélovici J.* Guide du français correct: pièges et difficultés de la langue française de A à Z. P.: Archipel, 1999.
- Capélovici J.* Le français sans fautes. P.: Acropole, 1990.
- Carrère d'Encausse H.* L'impératrice et l'abbé. P.: Fayard, 2003.
- Carrère d'Encausse H.* Emprunts russes // Le Figaro magazine. 31.05.1997.
- Catach N.* L'Orthographe. P.: PUF. 1978. (9ème édition 2003.)
- Celso A. C.* Session on Code-switching, class, and ideology. II University of Vigo. International Symposium on Bilingualism, Vigo, 22–26 October 2002. Интернет-версию см.: <http://www.udc.es/dep/lx/cac>.
- Chaudenson R.* Francophonie, français zéro et français régional // Le français dans l'espace francophone / Red. D. Robillard, M. Beniamo, Cl. Blavoux. P.; Genève: Champion; Slatkine, 1993. T. 1.
- Cherubim D.* Fehlerlinguistik // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 1980. № 8. S. 1–22.
- Chiflet J. L.* Schtroumpfez-vous le français? Mots et Cie, 2002.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge: MIT Press, 1965.
- Chomsky N.* Degrees of grammaticalness // The structure of language: readings in the philosophy of language / Eds. J. A. Fodor, J. Katz. Eaglewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1964. P. 384–389.
- Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague: Mouton, 1957.
- Coïaniz A.* Erreur et attitudes de communication // Travaux de didactique du français langue étrangère. 1982. № 8. P. 69–79.
- Coïaniz A.* Faute et itinéraires d'apprentissage en classe de français langue étrangère // Travaux de didactique. Montpellier, 1996.
- Coïaniz A.* La «faute» dans l'enseignement du FLE // Travaux de didactique du français langue étrangère. CFP Université de Montpellier III. 1979. № 3. P. 63–96.
- Corder P.* Introducing applied linguistics. Penguin modern linguistic texts, 1973.
- Corder P.* The elicitation of interlanguage // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 3–47.
- Corder P.* The significance of learners' errors // IRAL. 1967. № 5. P. 161–170.
- Coudurier B.* De la faute à l'erreur. Quelle potentialité? // LM. 1987. № 5. P. 81–89.
- Coudurier B.* Problématique de l'enseignement de l'allemand à l'université: les «non-spécialistes»: Thèse de troisième cycle, Université de Grenoble III, 1985.

- Čserba L. Sur la notion de mélange des langues // Яфетический сборник. Л., 1926. Вып. 4. С. 1–19.
- Culioli A. La formalisation en linguistique // Cahiers pour l'analyse. 1968. № 9. P. 106–117.
- Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation. P.: Ophrys, 1990. T. 1.
- Cultural models in language and thought* / Ed. D. Holland, N. Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Cuq J.-P. Le métalanguage grammatical aux niveaux débutant et intermédiaire de quelques méthodes de FLE // Métalangage et terminologie linguistique. Actes du colloque international de Grenoble. Université Stendhal, Grenoble III, 14–16 mai 1998 / Red. B. Colombat, M. Savelli. Leuven; P.: Sterling, Va. Peeters, 2001. P. 705–724.
- Cyr P. Les stratégies d'apprentissage. P.: CLE International, 1998.
- Czmyr B. Eine Fehleranalyse im Bereich der Tautonyme anhand des «Deutsch-polnischen Handwörterbuchs» von Jan Chodera und Stefan Kubica (ohne Berücksichtigung der Substantive): Buchstaben A–K.: Unpublished MA thesis, Szczecin, 1997.
- De Pietro J.-F. Conversation exolingue. Une approche linguistique des interactions interculturelles // Echanges sur la conversation / Red. J. Cosnier, N. Gelas, C. Kerbrat-Orecchioni. P.: Editions du CNRS, 1988a. P. 251–267.
- De Pietro J.-F. Vers une typologie des situations de contacts linguistiques // Langage et société. 1988b. № 43. S. P.65–89.
- Debievre M. La conscience de l'acceptabilité // La notion de recevabilité en linguistique / Red. R. Martin. P.: Klincksieck, 1978. P. 125–147.
- Debyser F. et al. Grille typologique d'analyse des fautes / F. Debyser, M. Houis, C. Rojas. P.: BELC, 1967.
- Debyser F. La linguistique contrastive et les interférences // Langue Française. 1970. № 8. P. 31–61.
- Decaux A. Les Français sont conservateurs // Le Figaro. 18.07.2000. P. 6.
- Demaizières F. Erreurs et enseignement assisté par ordinateur // LM. 1987. № 5. P. 48–53.
- Depecker L. L'invention de la langue: Le choix des mots nouveaux. P.: Armand Colin; Larousse, 2001.
- Deren B. Kompetencja jezykowa studentow w swietle analiz lapsologicznych // Zeszyty nauk. Uniw. opolskiego. Filologia ros. Opole, 1994. № 33. S. 145–153.
- Devenir bilingue / parler bilingue / Red. G. Lüdi. Tübingen: M. Niemayer Verlag, 1987.
- Dewey J. How we think. Boston D.C.: Heath, 1933.
- Doca G. Analyse psycholinguistique des erreurs faites lors de l'apprentissage d'une langue étrangère. P.; Bucarest, 1981.
- Dommergues J. Y., Frauenfelder U. Variables intervenant dans l'étude de l'interlangue // Encrages. 1980, automne. P. 13–16.
- Drillon J. Traité de ponctuation française. P.: Gallimard, 1991.
- Dubray G. Fautes de français: Tableau des fautes les plus fréquentes que font les Allemands en parlant et en écrivant le français. Wien: Gerold, 1894; 1935.
- Duneton C. La dictature de l'écrit // Le Figaro. 18.07.2000. P. 6.
- Duneton C. La puce à l'oreille. P.: Stock, 1978.
- Duneton C. Les joies du calembour // Sciences et vie junior. 1996, oct. P. 33.
- Duškova L. On sources of errors in foreign language learning // IRAL. 1969. Vol. 7. P. 11–36.
- Ellis R. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Encrages № spécial sur l'acquisition d'une langue étrangère. Université Paris VIII, 1980, automne.

- Enkvist N. E.* Should We Count Errors or Measure Success ? // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 16–24.
- Epstein I.* La pensée et la polyglossie. Essai psycholinguistique et didactique. Lausanne, 1915.
- Errata.* Papers in error analysis / Ed. J. Svartvik. Lund: Gleerup, 1973.
- Error Analysis* / Ed. G. Nickel. Stuttgart, 1978.
- Error analysis, contrastive linguistics and second language acquisition* / Eds. G. Nickel, D. Nehls. Julius Groos Verlag, 1982. P. 85–96.
- Ervin S.* Learning and recall in bilinguals // American journal of psychology. 1961. Vol. 74. № 3. P. 446–451.
- Ervin S., Osgood C. E.* Second language learning and bilingualism // Journal of abnormal social psychology. 1954. Suppl. 49. P. 139–146. (Переиздано: *Ervin-Tripp S.* Language acquisition and communicative choice. Standford, 1973. P. 15–23.)
- Faerch C., Kasper G.* Processes and strategies in foreign language learning and communication // Interlanguage studies bulletin. Utrecht, 1980. № 5(1).
- Faerch C., Kasper G.* Stratégies de communication et marqueurs de stratégies // Encrages. 1980, automne. P. 17–24.
- Featherston S.* Universals and grammaticality: evidence from wh-constraints in german // [Интернет-ресурсы:] www.sfb441.uni-tuebingen.de/~sam/papers/wh.paper.pdf
- Fehlerkunde:* Beiträge zur Fehleranalyse, Fehlerbewertung und Fehlertherapie/ Hrsg. G. Nickel. Berlin, 1972.
- Fehlerlinguistik:* Beiträge zum Problem der sprachlichen Abweichung / Hrsg. D. Cherubim. Tübingen: Niemeyer, 1980.
- Femme, j'écris ton nom...* Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. P.: La documentation française, 1999.
- Fenoglio I.* L'autonymie dans les rectifications de lapsus // Parler des mots. Le fait autonymique en discours / Red. J. Authier-Revuz, M. Doury, S. Reboul-Touré. P.: Presse Sorbonne nouvelle, 2003. P. 307–316.
- Fenoglio I.* La rectification de lapsus : entre hésitation et reprise // Répétition, altération, reformulation, Annales littéraires de l'université de Besançon: Presses Universitaires Franc-Comtoises, 2000. P. 131–148.
- Ferguson C.* Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. № 4. P. 325–340.
- Fernandez-Vest M. M. J.* Etre bilingue en Fenno-Scandie: un modèle pour l'Europe? // Questions d'identité. Sociolinguistique. 1989. P. 77–112.
- Fervers H.* Fehlerlinguistik und Zweitsprachenerwerb. Wie Französer Deutsch lernen. Genève; Droz, 1983.
- Fève G.* Essai d'analyse d'erreurs à propos de l'utilisation des prépositions françaises par des apprenants arabophones et berberophones // Encrages. 1980, automne. P. 37–40.
- Fillmore C.* The case for case // Universals in linguistic theory / Ed. E. Bach, R. Harms. N. Y.: Holt, Rinehart et Winston, 1968 P. 1–90.
- Fishman J.* The Sociology of language. Rowley: Newbury House, 1972.
- Flashner T.* Le «traitement» de l'erreur et les nouvelles technologies: une aide à la pédagogie différenciée // LM. 1987 № 5. P. 54–58.
- Frei H.* La grammaire des fautes. Genève: Slatkine Reprints, 1971.
- Fries C. C.* Teaching and learning english as a foreign language. Ann Arbor: University Of Michigan Press, 1945.

- Fromkin V. A.* Speech errors as linguistic evidence, P.; La Haye: Mouton, 1973.
- Gak V. G.* L'orthographe française. P.: SELAF, 1976.
- Gaonac'h D.* La notion d'interlangue et la psychologie cognitive du langage // Acquisition d'une langue étrangère III. P.: Presses universitaires de Vincennes; Neuchâtel; Centre de linguistique appliquée, 1984. P. 63–79.
- Gass S. M., Selinker L.* Second language acquisition : an introductory course. Hillsdale, N.J: Lawrence Erlbaum, 1994.
- Gauthier A.* De l'intérêt qu'il y a pour l'élève à se colleter avec des difficultés de la langue qu'il s'efforce de s'approprier // LM. 1987. № 5. P. 18–22.
- Giard L., Mayol P.* L'invention du quotidien 2: habiter, cuisiner. P.: UGE, 1980.
- Goffman E.* La mise en scène de la vie quotidienne : les relations en public. P.: Minuit, 1973.
- Goffman E.* Les rites d'interaction. P.: Minuit, 1974.
- Gombert J. E.* Activités métalinguistiques et acquisition d'une langue // AILE 1996. № 8: Activités et représentations métalinguistiques dans les acquisitions des langues. P. 41–55.
- Grammaire des fautes et français non conventionnel*, P.: Presses de l'École normale supérieure, 1992.
- Gratton A. M.* Erreur et difficulté dans l'enseignement / apprentissage des langues vivantes étrangères // Travaux de didactique du français langue étrangère. 1982. № 8. P. 41–68.
- Grimshaw J.* Projection, heads, and optimality // Linguistic inquiry. 1995. № 28.3. P. 373–422.
- Grosjean F.* Life with two languages: an introduction to bilingualism. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1984.
- Gspann L.* Handbuch zur Auffrischung und Bereicherung der Kenntnisse in der französischen Sprache: Die größten Fehler in der französischen Sprache (Wie vermeide ich sie? Falsch... Richtig...). Mögliche Wortverwechslungen (französische und deutsche Wörter). Wörter der Umgangssprache, der Soldaten- u. Volkssprache. Biarritz, 1941.
- Gumperz J. J.* The communicative competence of bilinguals: some hypothesis and suggestions for research // Language and society. 1972. Vol. 1. № 1. P. 43–154.
- Hagège C.* Halte à la mort des langues. P.: Odile Jacob, 2000.
- Hagège C.* L'enfant aux deux langues. P.: Odile Jacob, 1996.
- Hagège C.* Le français et les siècles. P.: Odile Jacob, 1987.
- Halff W.* L'oral et l'erreur grammaticale // LM. 1987 № 5. P. 31–37.
- Hamers J., Blanc M.* Bilinguality and bilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Hammarberg B.* The insufficiency of error analysis // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 29–36.
- Hansegard N. E.* Tvåspråkighet eller halvspråkighet ? Stockholm: Aldus; Bonniers, 1968.
- Haugen B.* [рец. на кн.] Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems // Language. 1954. Vol. 30. № 3. P. 380–388.
- Haugen B.* Bilingualism in the Americas: A bibliography and a research guide // Publications of the American Dialect Society. 1956. № 26.
- Havranek B.* Zur Problematik des Sprachmischung // Travaux linguistiques de Prague. Prague, 1966. № 2. S. 147–183.
- Hellinger M.* Über die Theorieabhängigkeit der Fehleranalyse // Linguistische Berichte. 1976. № 41. S. 88–97.

Hengst K. Lehnwort – Internationalismus – Analogonym: Zur Semantik fachsprachlicher interlingualer Analogonyme im Russischen und Deutschen: H. H. Bielfeldt zum 70. Geburtstag // *Zeitschrift für Slawistik*. 1977. S. 250–259.

Hérault G. Etude phonétique et syntaxique du français d'élèves de CP de la région d'Abidjan. Abidjan. Institut de Linguistique appliquée, 1968.

Hoenigswald H. M. A Proposal for the study of folk-linguistics // *Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA sociolinguistic conference 1964* / Ed. W. Bright. The Hague: Mouton, 1966. P. 16–26.

Hořejši V. Analyse structurale de l'orthographe française // *Philologica pragensia*. Praha, 1962. Vol. 5. № 4.

Hornby P. A. Bilingualism: An introduction and overview // *Bilingualism: Psychological, social and educational implications*. N. Y., 1977.

Horwitz E. K. Surveying student belief about language learning // *Learner strategies in language learning* / Eds. A. L. Wenden, J. Rubin. Englewood Cliffs, 1987. P. 119–129.

Huart R. Construire sur l'erreur en anglais oral // *LM*. 1987. № 5. P. 23–30.

Hufeisen B. Nicht ganz richtig, aber auch nicht richtig falsch. Welche «Fehler» muß eine Fehleranalyse berücksichtigen? // *Abstracts zur 27. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik an der Pädagogischen Hochschule Erfurt: Norm und Variation* / Ed. Boas. Erfurt, 1996.

Huot D. Schmidt R. Conscience et activité métalinguistique // *AILE*. 1996. № 8: Activités et représentations métalinguistiques dans les acquisitions des langues. P. 89–127.

Jakobson R. *Essais de linguistique générale*. P.: Ed. de Minuit, 1963

Jamet C. Contrastivité et enseignement du français langue étrangère en France: Approche anthropo-didactique // http://theses.univ-lyon2.fr/Theses_2000/cjamet/.

Johansson S. *Papers in contrastive linguistics and language testing*. Lund: Gleerup, 1975.

Johansson S. The identification and evaluation of errors in foreign languages : a functional approach // *Errata. Papers in error analysis*. Lund: Gleerup, 1973. P. 102–113.

Jordens P. Rules, grammatical intuitions and strategies // *Interlanguages studies bulletin*. 1977. № 2/2. P. 5–76.

Juhász J. Interferenzlinguistik // *Lexikon der germanischen Linguistik*. Tübingen, 1973. S. 457–462.

Karpaczewa M. Aproksymaty polsko-bułgarskie wspólnego pochodzenia // *Dzieje Słowian w świetle leksyki: pamięci Profesora Franciszka Sławskiego* / Eds. J. Rusek, W. Boryś, L. Bednarczuk. Kraków, 2002. S. 405–406.

Keller F. Degrees of grammaticality as evidence for suboptimal linguistic structures // [Интернет-ресурсы:] elib.uni-stuttgart.de/opus/volltexte/1999/81/pdf/81.pdf.

Kiyitsioglou-Vlachou C. Les bienfaits de l'erreur // *LFDLM*. 2001. № 315. P. 30–31.

Koch H., Posor M. Zum Problem der Scheinidentität in der Relation Deutsch-Polnisch als Fehlerquelle im Fortgeschrittenenunterricht // *Germanistisches Jahrbuch DDR-VRP*. 1980/81. Warszawa, 1981. S. 72–80.

Kæssler M., Derocquigny J. *Les faux amis ou les pièges du vocabulaire anglais*. P., 1928.

Kouznetsova I. N. *Grammaire contrastive du français et du russe*. M.: Strateguia, 2002.

Krashen S. *Principles and practice in second language acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Krzyżanowski H. Fehlerkorrektur im Unterrichtsgespräch (Germanistenstufe) // *Konfrontative Linguistik und Fehleranalyse: XIV. Wissenschaftliche Landeskonferenz für Germanisten und Deutschlehrer der VRB*. 2–3. April 1985. Sofia, 1985. [= *Germanistisches Jahrbuch, Beiheft 1985*]. S. 82–95.

La notion de recevabilité en linguistique / Red. R. Martin. P.: Klincksieck, 1978.

- Lado R.* Linguistics across cultures. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1957.
- Lambert W. E. et al.* The influence of language acquisition contexts on bilingualism / W. E. Lambert, J. Hav-
elka, C. Crosby // *Journal of abnormal social psychology*. 1958. № 56. P. 239–244.
- Lamy A.* Mes rendez-vous avec la faute // *LFDLM*. 1984. № 165.
- Lamy A.* Pédagogie de la faute et acceptabilité // *ÉLA*. 1976. № 22. P. 118–127.
- Lamy A.* Pédagogie de la faute et enseignement de la grammaire. Sèvres: BELC, 1981.
- Langacker R. W.* Language and its Structure. Some fundamental linguistic concepts. N. Y.: Harcourt Brace Jo-
vanovich, 1973.
- Lanza E.* Language mixing in infant bilingualism. A sociolinguistic perspective. Ann Arbor: The University of
Michigan Press, 1997.
- Legenhausen L.* Fehleranalyse und Fehlerbewertung. Berlin: Cornelsen-Velhagen & Klasing, 1975.
- Leguay T.* Les poules du couvent couvent. Mots et Cie, 1999.
- Lehuen J. et al.* Acquisition et étude d'un corpus FLE. Vers une analyse automatique des erreurs / J. Lehuen, T.
Lemeunier, D. Luzzati. Интернет-версию см.: [Lehuen-et-al-UNTELE-2002.pdf](http://www.ic2.univ-lemans.fr/lium) по адресу [www-ic2.univ-lemans.fr/lium](http://www.ic2.univ-lemans.fr/lium).
- Leleux J.* Le plurisystème graphique du français. // <http://users.skynet.be/Landroit/pluris.html>.
- Les Langues Modernes* № spécial: «Les erreurs des élèves, qu'en faire?» 1987.
- Les Normes du français* // *LFDLM*. 1982. № 169.
- Les Rectifications de l'orthographe* // *Journal officiel de la République française*, 6 décembre 1990, №100.
- Lietz G.* Zwischensprachliche Interferenz als Fehlerquelle in schriftlichen Arbeiten polnischer Germanistikstu-
denten // *Glottodidactica*. 1996. № 34, S. 73–120.
- Lipczuk R.* Semantische Relationen im Bereich der lexikalischen Tautonyme im Deutschen und Polnischen //
Studien zum polnisch-deutschen Sprachvergleich 2. Kraków, 1985. (= *Prace Językoznawcze*, 80). S. 61–72.
- L'ordinaire de la communication* / Red. M. Certeau de, L. Giard. P.: Dalloz, 1983.
- Lüdi G.* Parler bilingue et traitements cognitifs // *Intellectica*. 1995. № 20. P. 139–156. Интернет-версию см.:
www.utc.fr/arco/publications/intellectica/n20/20_10_Ludi.pdf.
- Lüdi G., Py B.* Etre bilingue. Berne: Peter Lang, 1986 (3e édition 2004).
- Lüllwitz R.* Versuch zu einer Systematik lingaler Kontaktphänomene // *Germanische Linguistik*. Marburg, 1970.
Bd. 6. S. 641–695.
- Marquillo Larruy M.* L'interprétation de l'erreur. P.: CLE International, 2003.
- Martinet A.* Elements de linguistique générale. P.: Armand Colin, 1960.
- Massarenti L.* Psychopédagogie des moins doués. Labor-Nathan, 1971.
- Matthey M.* Apprentissage d'une langue et interaction verbale. Berne: Peter Lang, 1996.
- Matthey M.* Processus d'acquisition et construction de connaissances: un point de vue interactioniste // *La notion
de contact de langues en didactique* / Coord. P. Martinez, S. Pekarek-Doehler. Fontenay; St-Cloud: ENS Editions.
2000. № 4. P. 127–135.
- Matthey M., De Pietro J.-F.* La société plurilingue: utopie souhaitable ou domination acceptée? // *Plurilinguisme: «contact» ou «conflit» de langues?* / Red. H. Boyer. P.: L'Harmattan, 1997. P. 133–190. Интернет-версию см.: <http://lesla.univ-lyon2.fr/IMG/pdf/doc-262.pdf>.

McNamara J. Bilingualism and thought // Georgetown university monograph series on language and linguistics. 1970. № 23. P. 25–40.

Meisel J. Linguistic simplification: a study of immigrant worker's speech and foreigner talk // The notion of simplification, interlanguages and pidjins and their relation to second language pedagogy / Ed. S. Corder, P. Roulet. Genève: Droz, 1977.

Mel'çuk I. Cours de morphologie générale. Presses de l'Université de Montréal, 1993. Vol. 1: Introduction et première partie: le mot.

Mel'çuk I. Cours de morphologie générale. Presses de l'Université de Montréal, 1994. Vol. 2: Deuxième partie: significations morphologiques.

Mel'çuk I. Cours de morphologie générale. Presses de l'Université de Montréal, 1996. Vol. 3: Troisième partie: moyens morphologiques, et quatrième partie: syntactiques morphologiques.

Mel'çuk I. Cours de morphologie générale. Presses de l'Université de Montréal, 1997. Vol. 4: Cinquième partie: signes morphologiques.

Mel'çuk I. Cours de morphologie générale. Presses de l'Université de Montréal, 2001. Vol. 5: Sixième partie: modèles morphologiques, et septième partie: principes de la description morphologique.

Mertens, J., Die sogenannten *faux amis* in schriftlichen Textproduktionen von Lernern des Französischen der Sekundärstufe I, // Freiburger Beiträge zur Erziehungswissenschaft und Fachdidaktik / Pelz M., Rauch M., (Hrsg.). Frankfurt a/M. : Peter Lang Verlag. 2001, Bd. 10.S. 17-65 :

Meschonnic H. Poétique du traduire. P.: Verdier, 1999.

Michiels B. Die Rolle der Niederländischkenntnisse bei französischsprachigen Lernern von Deutsch als L3. Eine empirische Untersuchung // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 1999. 3(3). Интернет-версия см.: http://www.spz.tudarmstadt.de/projekt_ejournal/jg_03_3/beitrag/mich1.htm; .../mich2.htm; .../mich3.htm; .../mich4.htm; .../mich5.htm.

Mikó M. Remarques sur quelques vrais "faux amis" voire faux "vrais-amis". // Contrastes. Hors Série A 2: Actes du Colloque de linguistique contrastive Français-Hongrois. 1976, P. 43–51.

Milner J. C. L'amour de la langue. P.: Seuil, 1978.

Mohan B. A. Acceptability testing and fuzzy grammar // Acceptability in language / Ed. S. Greenbaum. The Hague: Mouton, 1977. P. 133–148.

Morel C. Les décisions absurdes. P.: Gallimard, 2002.

Mori Y. Epistemological beliefs and language learning beliefs : what do language learners believe about their learning ? // Language learning. 1999. Vol. 49. № 3. P. 377–415.

Mori Y. Language learning questionnaire // <http://www.georgetown.edu/faculty/moriy/questionnaire.htm>.

Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. P.: Gallimard, 1963.

Nemser W., Slama-Cazacu T. A contribution to contrastive linguistics // Revue Roumaine de Linguistique. 1970. № 15.2. P. 101–128.

Nickel G. Aspects of error evaluation and grading // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 24–28.

Nickel G. Contrastive linguistics – error analysis – interlanguage: implications for foreign language teachers // The contrastive grammar of english and german / Eds L. Walters, F. M. Edwin, A. Hopkins. Ann Arbor, 1982. P. 122–130.

- Nickel G.* Einleitung zur Fehleranalyse zum Problem der Fehlerbewertung // Projekt für angewandte kontrastive Sprachwissenschaft. Arbeitsbericht. Universität Stuttgart, 1971. № 5, Juli. S. 1–33.
- Nickel G.* Grundsätzliches zur Fehleranalyse und Fehlerbewertung // Fehlerkunde / Hrsg. G. Nickel. Cornelsen-Velhagen & Klasing, 1973.
- Niedzielski N. A., Preston D. R.* Folk linguistics. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
- Nordback Linder H.* Vrais et faux amis dans la langue des "Français du Nord" // Traduire. № 113, P. 2–5.
- Nougavrède N.* Les hommes russes sont décimés par l'alcool et le «zapoï» // Le Monde 22.07.2005.
- Noyau C.* Deux types de connaissance de la langue étrangère dans l'acquisition en milieu naturel // Champs éducatifs. 1980. № 1. P. 6–16.
- Paquier E., Balsez J.* Stratégies d'apprentissage // LFDLM. 2001. № 317. P. 45–46.
- Paradis M.* Language and thought in bilinguals // The sixth LACUS forum 1979 / Ed. W. C. McCormack, J. Izzo. 1980. Columbia: Hornbeam Press. P. 420–431.
- Parler des mots. Le fait autonymique en discours /* Red. J. Authier-Revuz, M. Doury, S. Reboul-Touré. P.: Presse Sorbonne nouvelle, 2003.
- Pêcheur J.* Protéger et diffuser les langues régionales ou minoritaires // LFDLM. 1999. № 306. P. 10–11.
- Petit J.* Acquisition naturelle et apprentissage institutionnel des langues vivantes // Nouveaux cahiers d'allemand. 1986. Vol. 4.
- Petit J.* Au secours! je suis monolingue et francophone. Presses Universitaires de Reims, 1992.
- Petit J.* L'approximation optimisante // LM. 1987. № 5. P. 90–95.
- Poirier Cl.* Les variantes topolectales du lexique français. Propositions de classement à partir d'exemples québécois // Le régionalisme lexical / M. Francard; D. Latin. Louvain la Neuve: Duculot, 1995.
- Poitou J.* Les grammaires et les fautes de grammaire // LM. 1989. № 1. P. 59–68.
- Polle S.* Wie denkt das Volk über die Sprache? Leipzig, 1889.
- Porquier R.* Bibliographie sur l'analyse d'erreurs, l'analyse des productions et les systèmes intermédiaires. Université de Besançon, 1977.
- Porquier R.* Analogie, généralisation et systèmes intermédiaires dans l'apprentissage d'une langue non maternelle // Bulletin de Linguistique appliquée et générale. Université de Besançon, 1976. № 3. P. 37–64.
- Porquier R.* Communication exolingue et apprentissage des langues // Acquisition d'une langue étrangère III. P.: Presses universitaires de Vincennes; Neuchâtel: Centre de linguistique appliquée, 1984. P. 17–47.
- Porquier R.* Remarques sur les interlangues et leurs descriptions // ÉLA. 1986. № 63. P. 101–107.
- Porquier R., Frauenfelder U.* Enseignants et apprenants face à l'erreur // LFDLM. 1980. № 154. P. 29–36.
- Prince A., Smolensky P.* Optimality theory: constraint interaction in generative grammar. Technical report 2. Center for cognitive science. Rutgers University, 1993.
- Py B.* Interlangue et dégénérescence d'une compétence linguistique // Encrages. Actes du colloque «Acquisition d'une langue étrangère II» tenu en mai 1981 à l'Université Paris VIII–Vincennes (St. Denis). 1982. P. 76–86.
- Py B.* L'apprenant et son territoire : système, norme et tâche // AILE. 1993. № 2. P. 9–24.
- Py B.* La construction interactive de la norme comme pratique et comme représentation // AILE. 2000. № 12. P. 77–97.
- Quirk R., Svartvik J.* Investigating linguistic acceptability. The Hague: Mouton, 1966.

Raabe H. Beyond output – before output : opérations initiales lors de l'apprentissage d'une langue étrangère // Acquisition d'une langue étrangère III. P.: Presses universitaires de Vincennes; Neuchâtel: Centre de linguistique appliquée, 1984. P. 283–313.

Raabe H. Der Fehler beim Fremdsprachenerwerb und Fremdsprachengebrauch // Fehlerlinguistik / Hrsg. D. Cherubim. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 61–93.

Rapport général sur les modalités d'une simplification éventuelle de l'orthographe française (projet de réforme dit «projet Beslais»). P.: Didier, 1965.

Rattunde E. Stabilité vs instabilité des connaissances intermédiaires // Encrages. 1980, automne. P. 46–53.

Reason J. Human error. Cambridge University Press, 1990.

Reason J. L'Erreur humaine. P.: PUF, 1993.

Reiner E. Études de linguistique dualiste: Essai sur la stylistique envisagée comme complément de la grammaire: Essai sur les "pénidentèmes" (les "faux amis" et les "vrais amis") de deux vocabulaires. Wien, 1983.

Reiner E. Les correspondances régulières du vocabulaire français-allemand: Kleines Lexikon deutsch-französischer "Faux Amis" und "Vrais Amis" nach orthographischen Gesichtspunkten. Wien, 1989.

Représentations métalinguistiques ordinaires et discours / Red. J.-C. Beacco. // Langages P.: Larousse, 2004. № 154.

Rey-Debove J. Le métalangage. Etude linguistique du discours sur la langue. P.: Armand Colin, 1978.

Roberts M. H. The problem of the hybrid language // Journal of english and germanic philology. 1939. № 38. P. 23–41.

Rolland J.-C. Etude lexicale d'un corpus en langues romanes, le roman télématique «Trofeo» // <http://www.edufle.net/Etude-lexicale-d-un-corpus-en.2005/>

Rolland J.-C. La correction automatique des fautes de grammaire // <http://www.edufle.net/A-quand-la-correction-automatique.2004.>

Ronjat J. Le développement du langage observé chez l'enfant bilingue. P.: Champion, 1913.

Rossi M., Peter-Defare E. Les lapsus ou comment notre langue a fourché. P.: PUF, 1998.

Rossipal H. Zur Struktur der sprachlichen Fehlleistung // Errata. Papers in error analysis. Lund: Gleerup, 1973. P. 60–89.

Roulet E. L'apport des sciences du langage à la diversification des méthodes d'enseignement des langues secondes en fonction des caractéristiques des publics visés // ÉLA. 1976. 21 jan-mars. P. 43–88.

Rubin J. What the good language learner can teach us // TESOL Quarterly. 1975. № 9.1. P. 41–51.

Rubin J., Thomson I. How to be a more successful language learner. Boston: Heinle & Heinle Publishers, 1982 (1994).

Ryckman de Retz M. Analyse de fautes de français dans les copies des élèves du Congo central. 2 vol. Université Lovanium, 1967.

Sandfeld K. Syntaxe du français contemporain. L'infinif. P.: Droz, 1965.

Schachter J. An error in error analysis // Language learning. 1974. № 24.2. P. 205–314.

Schumann J. H. Second language acquisition: The pidginization hypothesis // Language learning. 1976. Vol. 26. № 2. P. 391–408.

Schütze M. A., Carson T. The empirical base of linguistics: grammaticality judgments and linguistic methodology. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 77–81.

Seguin H. L'écriture des mots communs à deux langues de même alphabet: étude comparée du français et de l'anglais // Pour une théorie de la langue écrite / Dir. N. Catach. P.: Éditions du CNRS, 1988.

Seliger H. On the nature and fonction of languages rules in language teaching // TESOL quartely. 1979. Vol. 16. P. 307–314.

Seliger H. The language learner as linguist: of metaphors and realities // Applied Linguistics. 1983. № 4. P. 179–191.

Seliger H. The learner as linguist // 5th International Conférence on contrastive projects 'Cross-language analysis and second language acquisition' Jyväskylä (Finlande) 1–5 juin 1982.

Selinker L. The elicitation of interlanguage // IRAL. 1972. № 10. P. 209–231.

Sipka D. Rječnik srpsko-poljskih medjujezičkih homonima i paronima: Słownik serbsko-polskich homonimow i paronimow. Poznan, 1999.

Sitarek A. Scheinidentität oder täuschende Ähnlichkeit der deutschen und englischen Lexeme als Fehlerquelle in der schriftlichen Sprachproduktion der polnischen Deutschlerner – semantische Kategorie «falsche Freunde» // Kommunikation für Europa: Sprachkontakte – Sprachkultur – Sprachenlernen. Materialien von der sprachwissenschaftlichen Konferenz Szczecin – Pobierowo 7–11.09.2003 / Ed. R. Lipczuk, K. Nerlicki, W. Westphal. Szczecin, 2004. S. 209–223.

Skalička V. Sur la typologie de la langue chinoise parlée // Actii Orientalni. Praha, 1946. № 3–4. P. 386–411.

Skinebb-Kangas T. Bilingualism or not. The education of minorities. Clevedon, 1983.

Skinner B. F. La révolution scientifique de l'enseignement // Science de l'apprentissage et art de l'enseignement. Bruxelles: Dessart, Mardaga, 1969. P. 15–37.

Skutnabb-Kangas T. Tvåspråksighet. Lund: Liber Läromedel, 1981.

Slama-Cazacu T. Corpusuri de achiziție, corpusuri aberante și sisteme ierarhice de erori în diverse situații contrastive // Studii și Cercetări Lingvistice. 1973. № 25.2. P. 155–169.

Slama-Cazacu T. La régularisation, un des universaux de l'apprentissage de la langue // Cahiers de linguistique théorique et appliquée. 1973. № 10, fasc. 1. P. 63–92.

Slobin D. I. Cognitive prerequisites for the development of grammar // Studies of child language development / C. A. Ferguson, D. I. Slobin. N. Y.: Holt, Reinhart & Winston, 1973.

Spillner B. Error analysis, a comprehensive bibliography // Amsterdam Studies in the theory and history of linguistic science. Series 5. Library & information sources in linguistics. Vol. 12. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991.

Stern H. H. What can we learn from the good language learner? // Revue canadienne des langues vivantes. 1975. № 31. P. 304–318.

Stern W. Die Erlernung und Beherrschung fremder Sprachen // Zeitschrift für pädagogische Psychologie. 1919. № 20. P. 104–108.

Stevick E. Teaching languages. A ways and ways. Rowley: Newbury House, 1980.

Swadesh M. Observations on pattern impact on the phonetics of bilinguals // Language. Culture and personality essays in memory of Eduard Sapir. Wisconsin, 1941. P. 59–65.

Tagliante C. L'évaluation. P.: CLE International, 1991.

Tarone E. A closer look at some interlanguage terminology // Working papers on bilingualism / E. Tarone, A.D. Cohen, G. Dumas. 1976. № 9. P. 76–90.

Tavakolian S. L. The conjoined clause. Analysis of relative clauses // Language acquisition and linguistic theory / Ed. S. L. Tavakolian Cambridge; L.: MIT Press, 1981. P. 167–187.

The cultural experience : ethnography in complex society / Ed. J. Spradley, W. McCurdy. Chicago. Science research associates, 1972.

The good language learner / N. Naiman, M. Frölich, H. H. Stern, A. Todesco // Research series on education. Toronto: Ontario Institute for Studies in Education. 1978. № 7.

Thérond M. Du tac au tac. P.: Didier. 1955. (Перейздано: Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978.)

Thiéry C. Le bilinguisme vrai // ÉLA. 1976. № 24. P. 52–63.

Thomières D. L'art de la colle // LM. 1987. № 5. P. 59–69.

Thorin A. Vrais et faux amis du vocabulaire anglais: Lycées et formation continue. P. 1984.

Tome M. Fautes typiques des hispanophones lors de l'apprentissage du FLE. Интернет-версию см.: www.edufle.net/article127.html. 2004

Torras Cherta M. et al. Croyances populaires sur l'étude précoce d'une LE / M. Torras Cherta, E. Tragant Mes-tres, M. Garcia Bermejo // AILE. 1997. № 10: Appropriation des langues en situation de contact. P. 128–157.

Treps M. Calembourdes. P.: Seuil, 1999.

Trévisé A. Réflexion, réflexivité et acquisition des langues // AILE. 1996. № 8: «Activités et représentations métalinguistiques dans les acquisitions des langues». P. 5–39.

Varadi T. Strategies of target language learning communication // Strategies in Interlanguage communication / Ed. D. Faerch, G. Kasper. L.: Longman, 1983.

Vasseur M. T., Arditty J. Les activités réflexives en situation de communication exolingue : réflexions sur quinze ans de recherches // AILE 1996. № 8: Activités et représentations métalinguistiques dans les acquisitions des langues. P. 57–83.

Vicher A. Résumé de la communication de L. Selinker: Les domaines de référence dans une théorie de l'interlangue // Encrages. 1980, automne P. 85–86.

Vilkou-Poustovaïa I. De l'autre côté du miroir. Le colinguisme de Renée Balibar: modèle d'analyse historico-philosophique ou projet démocratique? // L'institution des langues, autour de Renée Balibar / Red. S. Branca-Rosoff. P.: Maison des Sciences de l'Homme, 2001. P. 61–78.

Vonrosbach J. P. Etude de fautes dans les copies du CEP. Classement typologique. Abidjan.: Institut de linguistique appliquée, 1968.

Walter H. L'aventure des langues en occident. P.: Laffont, 1994.

Walter H. Le français dans tous les sens. P.: Laffont, 1973.

Walter H. Le français d'ici, de là, de là-bas. P.: Lattès, 1998.

Wandruszka M. Die Mehrsprachigkeit des Menschen. München: Piper, 1979.

Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. Mouton Press, 1953 (9-ое факсимильное издание 1979).

Wierzbicka A. Duša (soul), toska (yearning) and sudba (fate): three key concepts in russian language and russian culture // Metody formalne we języków słowiańskich / Ed. Z. Saloni. Białystok. Białystok University Press, 1990. P. 13–36.

Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. N. Y.: Oxford University Press, 1992.

Wierzbicka A. A Conceptual basis for cultural psychology // Ethos. 1993 № 21. P. 205–231.

Wolf L. Les "vrais amis" du vocabulaire français en Alsace. // Bulletin de la Faculté des Lettres de Mulhouse №14, P. 85–92.

Zabroski L. Die Methodik des Fremdsprachenunterrichts vom Standpunkt der Sprachwissenschaft // Glottodidaktika. 1970. № 5. P. 1–35.

Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and control. 1965. № 8. P. 338–353.

Zadeh L. A. The concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning. N. Y.: Elsevier, 1973.

Словари

Акуленко В. В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова. М.: Сов. энцикл., 1964.

Баранов А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романов. М.: Азбуковник, 2001.

Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2005.

Гак В. Г., Ганицина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1997.

Епишкин Н. И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка. Чита, 1999.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.

Краснов К. В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». М.: Э.РА, 2004.

Лободанов А. П. Грамматические трудности французского языка. Краткий словарь употребления предлогов. М.: Астрель, 2003.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1984.

Муравьев В. Л. Ложные друзья. 2-е изд. М.: Просвещение, 1985, (1-е изд. 1969.)

Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. М.: Наука, 1965.

Назарян А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М., 2002.

Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1967.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.

Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. М.: Русский язык, 1991. (4-е изд. 2001.)

Французско-русский фразеологический словарь / Ред. Я. И. Рецкера. М., 1963.

Щерба Л. В., Матусевич М. И. Русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1997.

Causse J.-P. Dictionnaire des vrais amis: Dictionnaire français-anglais de locutions similaires placées dans un contexte. Saint-Pons, 1978.

Chiflet J.-L. Clab Sky! my teacher: cours d'anglais (très) particulier. P.: Carrère, 1987.

Chiflet J.-L., Kristy N. Le dictionnaire des mots qui n'existent pas. P.: Presses de la Cité, 1992.

Chiflet J.-L., Kristy N. Le Mokimanké. P.: Mots et Cie, 2003.

Chiflet J.-L., Clab Heaume sweet home: Dictionnaire illustré des homonymes franco-anglais. Bromley: Harrap, 1989.

- Chiflet J.-L., Clab Sky my husband! II, The return: Guide of the running english* P.: Hermé, 1998.
- Chiflet J.-L., Clab Sky my husband!: Guide of the running english.* P.: Seuil, 1999.
- Chiflet J.-L., Clab Sky my kids! ciel mes enfants! : dictionary of branched english: dictionnaire de l'anglais branché.* P.: Seuil, 1993.
- Chiflet J.-L., Clab Sky my wife!: dictionary of the current English.* P.: Carrère, 1989.
- Colignon J.-P., Berthier P.-V. Lexique des «faux-amis»* P.: Hatier, 1985.
- Dictionnaire de la langue française / Red. F. Guérard.* P.:Hachette, 1980.
- Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I-IV / Sous la direction de I. Mel'çuk: A. Clas, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A..* Presses de l'Université de Montréal, 1984–1999
- Dubois J. et al. Dictionnaire de Linguistique / J. Dubois, M. Giacomo, L. Despin, C. Marcellesi, J.-B. Marcellesi, J.-P. Mével.* P.: Larousse, 1973.
- Encyclopédie Encarta, Microsoft* 1998.
- Finkielkraut A. Petit fictionnaire illustré.* P.: Seuil, 1981.
- Hanse J., Blampain D. Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne.* Louvain-la-Neuve: De Boeck; Duculot, 1994.
- Huchon M. Encyclopédie de l'orthographe et de la conjugaison.* P.: Le Livre de Poche, 1998.
- Julia D. Dictionnaire de Philosophie.* P.: Larousse, 1964.
- Mais que fait l'Académie? / Red. J. L. Chiflet.* P.: Mots et Cie, 2002.
- Petit dictionnaire des mots retrouvés / Red. J. L. Chiflet.* P.: Mots et Cie, 2004.
- Rey A., Chantreau S. Le Robert: Dictionnaire des expressions et des locutions; nouvelle édition* P.: Le Robert, 1997.
- Robert P. Le petit Robert: Dictionnaire de la langue française.* Le Robert, 1990; CD Liris interactive.
- Sociolinguistique (concepts de base) / Red. M.-L. Moreau. Mardaga,* 1997.
- Thomas A. V. Dictionnaire des difficultés de la langue française,* P.: Larousse, 1971.
- Trésor informatisé de la Langue française (TLFi). INALF,* 2004.
- Yanne J. Dictionnaire des mots qu'il y a que moi qui les connais.* P.: Plon, 2000.
- Younes G. Dictionnaire grammatical.* Marabout, 1985.

Учебники французского языка

- Дебрени М. и др. Panorama 1: Livret d'accompagnement: Учеб. пособие / М. Дебрени, М. Н. Полянская, И. Фавро.* Новосибирск: НГУ, 2002.
- Дебрени М. и др. Panorama 2: Livret d'accompagnement: Учеб. пособие / М. Дебрени, Г. В. Курак, М. Н. Полянская.* Новосибирск: НГУ, 2003.
- Дебрени М., Курак Г. В. Французский язык: Практикум.* Новосибирск: НГУ, 2005.
- Катагощина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках: учеб. пособие.* М.: МОПИ, 1985.
- Марцелова М. Артикль в именной конструкции: Учеб. пособие по теоретической грамматике французского языка.* Владимир: ВГПИ, 1982.

Маслобоева Л. Е., Марусенко М. А. Введение в интенсивный курс французского языка Л.. Изд-во Ленинград. ун-та, 1980.

Попова И. Н., Казакова Ж. А. Грамматика французского языка. М.: Нестор, 2003. (12 стереотипное издание.)

Abry D., Chalaron M. L. Phonétique. 350 exercices. P.: Hachette, 1994.

Bled E. et al. Exercices d'orthographe. Cahier pour le CE1 / E. Bled, O. Bled, D. Berlion. P.: Hachette, 1985.

Chiflet J.-L., Clab Sky! my teacher : cours d'anglais (très) particulier. P.: Carrère, 1987.

Girardet J. et al. Campus I–IV. P.: CLE International.

Girardet J. et al. Le Nouveau Sans Frontières I–IV P.: CLE International.

Girardet J. et al. Panorama I–IV. P.: CLE International.

Grevisse M. Le bon usage. Gembloux: Duculot, 1969. (9e ed.)

Loiseau Y., Mérieux R. Connexions 1–3. P.: Didier.

Monnerie A. et al. Champion I–IV. P.: CLE International.

Platkow A., Jaworowski M. Parlez-vous français ? Обучение французскому языку по записям на пластинках. Начальный курс. Варшава: Wiezda Powszechna-Muza, 1967.

Список использованных художественных источников

Амнуэль П. Странник // <http://lib.ru/AMNUEL/wanderer.txt> 1998.

Ремизов А. Мышкина дудочка // Ремизов А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2002б. Т. 10

Ремизов А. Учитель музыки // Ремизов А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2002а. Т. 9.

Almassy E. Tous les jours. Gallimard, 1999.

Boileau N. Art poétique. P.: Collinet, Gallimard, 1985. Интернет-версию см.: [//www.site-magister.com/classicis.htm](http://www.site-magister.com/classicis.htm).

Canetti E. Histoire d'une jeunesse. La langue sauvée. P.: Albin Michel, 1980.

Dai Sije, Balzac et la petite tailleuse chinoise. P.: Gallimard, 2000.

Green J. Le langage et son double P.: Ed. de la Différence, 1985.

Kundera M. L'ignorance. P.: Gallimard, 2003.

Makine A. Le Testament français. P.: Mercure de France, 1995.

Pennac D. Au bonheur des ogres P.: Gallimard, 1985.

Troyat H. Aliocha. P.: Flammarion, 1991.

Список сокращенных названий периодических изданий и серий

LFDLM – Le français dans le monde

LM – Les langues modernes

ÉLA – Etudes de Linguistique appliquée

IRAL – International Review of Applied Linguistics

AILE – Acquisition et Interaction en Langue Etrangère

TESOL – Teachers of English to Speakers of Other Languages

ПРИЛОЖЕНИЕ: ТИПОЛОГИЯ ДЕВИАЦИЙ МЕЖЪЯЗЫЧИЯ РУССКИХ РЕСПОНДЕНТОВ

Типы ошибок	Примеры девиатов	Страницы
А. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ		
1. Лексико-грамматические девиации (Смешение частей речи)		
1.1. Смешение наречий и прилагательных	<i>le progrès est assez grand et vite</i>	102
1.2. Смешение существительных и прилагательных	<i>être solitude</i>	103
1.3. Смешение глаголов и существительных	<i>à condition de travail sans cesse</i>	104
2. Структурно-семантические девиации (Окказиональное словообразование)		
2.1. Типы девиантных окказионализмов по частям речи	<i>un retraitaire, mal-suffisante, séduiser, désirablement</i>	106
2.2. Типы девиантных окказионализмов по способам словообразования		
2.2.1. Суффиксальные окказионализмы		
Суффиксы <i>-tion, -ation, -isation</i>	<i>automisation, recrutement</i>	107
Суффикс <i>-ité</i>	<i>longévitité</i>	107
Суффикс <i>-ment</i>	<i>'echangement</i>	108
Суффикс <i>-eur</i>	<i>batteurs</i>	108
Адъективные суффиксы <i>-el; -eux; -al; -able</i>	<i>civilisationnel, matériaux, matériels</i>	108
Наречный суффикс <i>-ment</i>	<i>indispensablement</i>	108
2.2.2. Приставочные окказионализмы	<i>infavorable malaccueillant</i>	108
2.2.3. Корневые окказионализмы	<i>judiquaire, reconnir</i>	108
2.3. Девиации в лексическом калькировании		
2.3.1. Кальки с русских слов и выражений	<i>cosmopolitique, travaillants, adéquatement, envisagement, est au niveau</i>	109
2.3.2. Кальки с английских слов и выражений	<i>useurs, se retraitent, il faut payer l'attention</i>	111
2.3.3. Русско-английские кальки	<i>en business classe</i>	111
2.3.4. Девиации в лексическом заимствовании	<i>"plus" et des "minus", les terractes</i>	112
3. Лексическо-семантические девиации		
3.1. Соответствие двух французских лексем одной русской		
3.1.1. Среди существительных	<i>La découverte</i>	127
3.1.2. Среди глаголов	<i>une nouvelle loi a été accepté</i>	127
3.1.3. Среди прилагательных	<i>le travail lourd des policiers</i>	128
3.1.4. Среди наречий	<i>pour que les malentendants puissent communiquer légèrement</i>	128
3.2. Искомая и использованная лексема – омонимы или паронимы во французском		
3.2.1. Среди существительных:	<i>l'adaptation de la loi</i>	129
3.2.2. Среди глаголов	<i>adopter / adapter</i>	129
3.2.3. Среди наречий	<i>Aussi cette politique attire</i>	129
3.3. Искомая и использованная лексема – однокоренные лексемы	<i>ce fait enlève le prestige du pays</i>	130
3.4. Семантические кальки	<i>car le chemin est très cher</i>	130
4. Лексико-стилистические девиации		
4.1. «Завышенный» стиль	<i>les places vacantes proposées par l'Etat ne sont point au nombre suffisants</i>	135
4.2. «Сниженный» стиль	<i>les exams qui ne m'intéresse point</i>	135
4.3. Тавтология	<i>on va aboutir à la fin</i>	136
Б) СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ		
I. Синтагматические формальные девиации		
1. Орфографические девиации		
1.1. Пропуск знака/знаков		
1.1.1. Пропуск немых гласных букв		
Пропуск немой <i>e</i>		
а) в конце слова	<i>domain</i>	149
б) внутри слова	<i>l'équipement</i>	150
Пропуск других гласных		
	<i>beaucoup, secondaire</i>	150
1.1.2. Пропуск диакритического знака		
Пропуск диакритического знака на других буквах, кроме <i>e</i>		
	<i>chomage</i>	151
Пропуск диакритического знака на букве <i>e</i>		
а) пропуск акута	<i>academiques</i>	152
б) пропуск грависа	<i>atmosphere</i>	153

в) пропуск циркумфлекса	<i>empêcher</i>	153
1.1.3. Пропуск немых согласных в конце слова		
Пропуск буквы <i>s</i> или <i>x</i>	<i>pay, dangereux</i>	153
Пропуск буквы <i>t</i>	<i>importants</i>	154
Пропуск буквы <i>h</i>	<i>s'abillent, théâtre</i>	154
Усечение удвоенных согласных	<i>nourrir</i>	154
Диэрезы в сочетаниях других согласных	<i>moden</i>	155
Гаплогия, пропуск целого слога	<i>troisièmement</i>	156
1.2 Добавление знака / знаков		
1.2.1. Добавление гласных		
Добавление немой <i>e</i>		
а) внутри слова	<i>vraiment</i>	156
б) в конце слова	<i>peure, future</i>	156
Добавление других гласных	<i>ajouter</i>	158
1.2.2. Добавление диакритического знака		
Не приводящее к изменению произношения	<i>espace, cõtisation</i>	158
Приводящее к изменению произношения	<i>grâce, religion</i>	159
1.2.3. Добавление согласных		
Добавление немых согласных		
а) лишняя буква <i>s</i> в конце слова	<i>pourtants</i>	160
б) лишняя буква <i>t</i> в конце слова	<i>l'exament</i>	160
в) лишняя буква <i>h</i>	<i>cathégorique</i>	160
г) удвоение согласных	<i>internationnales</i>	161
Добавление других согласных	<i>manuscript</i>	161
1.3 Замена знака / знаков		
1.3.1. Замена непроизносимых согласных	<i>mauvait</i>	162
1.3.2. Замена одной гласной буквы на другую	<i>diffision</i>	162
1.3.3. Замена одной согласной буквы на другую	<i>combatible</i>	163
1.3.4. Замена диакритических знаков	<i>problèmes</i>	164
1.3.5. Метатеза	<i>besion, donérvant</i>	164
1.4. Замена графем		
1.4.1. Девиации в написании отдельных гласных звуков		
Звук [ɔ]		
а) девиация в выборе графем	<i>malheureusement</i>	164
б) замена на графему другого звука:	<i>majore</i>	165
Звук [ɛ]		
а) девиация в выборе графем	<i>ministaire</i>	165
б) замена на графему другого звука:	<i>entrès</i>	166
Звук [e]		
а) девиация в выборе графем	<i>dangé</i>	166
б) замена на графему другого звука	<i>progrés</i>	166
Звук [o]		
а) девиация в выборе графем	<i>socieux</i>	167
б) замена на графему другого звука	<i>mouvaise</i>	167
Звук [i] девиация в выборе графем	<i>phisiquement</i>	167
Звук [u] замена на графему другого звука	<i>noveau</i>	167
Звук [y] замена на графему другого звука	<i>Roussie</i>	168
Носовой звук [ã] девиация в выборе графем	<i>dimansion</i>	168
Носовой звук [ɛ̃]		
а) девиация в выборе графем	<i>inpolis</i>	169
б) замена на графему другого звука:	<i>sacre-saite</i>	169
1.4.2. Написание отдельных согласных звуков		
Звук [s]		
а) девиация в выборе графем	<i>sertificat, apprèssiation</i>	169
б) замена на графему другого звука	<i>medesin, surveillance</i>	170
Звук [k]		
а) девиация в выборе графем	<i>méchanismes, diskuter</i>	172
б) замена на графему другого звука	<i>éducé</i>	172
Прочие согласные звуки	<i>naviger, civilization, démografiques</i>	172
1.5. Прочие орфографические девиации	<i>chez les russes</i>	175
1.5.1. Слитно или отдельно	<i>enplus, biensûr</i>	173
1.5.2. Апостроф		
Апостроф пропущен	<i>la harmonie</i>	174
Апостроф лишний	<i>ce qu'est</i>	174
2. Грамматические орфографические девиации		
2.1 Девиации в употреблении показателей мужского и женского рода.		
2.1.1. Девиантное окончание мужского рода в существительных женского рода	<i>un certain matier</i>	180
2.1.2. Девиантное окончание женского рода в существительных мужского рода	<i>la longue travaille</i>	180

2.1.3. Девиантное изменение по роду неизменяемого неопределенного детерминатива <i>plusieurs</i>	<i>plusieurs bases de donnés</i>	180
2.2 Девиации в употреблении показателей множественного числа		
2.2.1. Окончание множественного числа <i>s</i> вместо <i>x</i> , и наоборот	<i>Réseaus, banlieux</i>	180
2.2.2. Несуществующая форма множественного числа мужского рода прилагательных на <i>-al</i>	<i>spécials</i>	181
2.2.3. Несуществующие формы множественного числа неизменяемых слов	<i>les pours et les contres</i>	182
2.2.4. Несуществующие формы множественного числа составных слов	<i>les savoir-faires</i>	182
2.2.5. Несуществующие формы множественного числа некоторых детерминативов	<i>cettes, tous</i>	183
2.2.6. Неоправданное согласование по роду и числу причастия настоящего времени	<i>des jens désirants travailler</i>	183
2.2. Девиации в образовании глагольных форм		
2.2.1. Девиантное употребление существующих форм	<i>les garçons s'y misent</i>	184
2.2.2. Девиантные (несуществующие) формы	<i>il ne garantie pas</i>	186
2.3. Девиации в образовании форм артиклей	<i>de les</i>	187
3. Девиации в образовании нецельнооформленных единиц	<i>ils-mêmes</i>	188
3.1. Девиации в образовании сложных глагольных времен		
3.1.1. Употребление инфинитива вместо причастия прошедшего времени в формах прошедшего времени и в пассиве глаголов на <i>-er</i>	<i>ils ont commencer, il va consacré</i>	188
3.1.2. Смешение вспомогательных глаголов в сложных прошедших временах	<i>Santos a arrivé de Manille</i>	190
3.1.3. Неправильный выбор вспомогательного глагола при страдательном залоге)	<i>les magazines ont orientés</i>	190
3.2. Девиации в образовании других аналитических форм	<i>le moyen plus efficace</i>	191
3.2.1. Девиации в образовании адвербиальных выражений	<i>devenir internautes à plein droit</i>	191
3.2.2. Девиации в построении предложных выражений	<i>à l'opinion de Claude Hagège</i>	192
3.3. Девиации в воспроизведении устойчивых выражениях		
3.3.1. Девиантное присутствие / отсутствие детерминатива	<i>faire ma connaissance avec la culture</i>	193
3.3.2. Девиантный выбор значимой единицы	<i>ils sont peur</i>	194
3.3.3. Контаминация двух идиом	<i>l'effort tombe en échec</i>	195
II. Синтагматические функциональные девиации		
1. Девиации в выражении грамматических значений		
1.1. Девиации в выражении родовых значений		
1.1.1. Единственное указание на родовой девиат – неправильный артикль.	<i>un question</i>	200
1.1.2. Единственное указание на родовой девиат – прилагательное или причастие	<i>japon pays traditionnelle orientale</i>	201
1.1.3. Родовые девиаты во множественном числе	<i>certain stars politiques</i>	202
1.1.4. Девиантное согласование по роду	<i>le gouvernement française</i>	203
1.1.5. Родовой девиат выражен орфографически	<i>la suivie</i>	205
1.2. Девиации в выражении категории числа		
1.2.1. Девиации в показателях числа у существительного в синтагмах типа <i>det + N + adj</i> и <i>det + N + cop + attr</i>		
Девиации в употреблении <i>plurality</i> и <i>singularia tantum</i>		
а) <i>Sing # Plur</i>	<i>la mathématique</i>	210
б) <i>Plur # Sing</i>	<i>mes cerveaux</i>	211
Девиации в выборе показателя числа существительного		
а) <i>Sing # Plur</i> в конструкциях типа <i>detpl + Ns</i>	<i>tous les changement</i>	211
б) <i>Plur # Sing</i> в конструкциях типа <i>dets + Npl</i>	<i>la preferences</i>	212
в) <i>Sing # Plur</i> в конструкциях типа <i>detpl + Ns + adjpl</i>	<i>les procédure mentales</i>	212
д) <i>Sing # Plur</i> в конструкциях типа <i>detpl + Ns + adjs</i>	<i>des document scientifique</i>	212
Девиантные показатели числа у детерминатива	<i>toute les gens</i>	213
1.2.2. Девиации в согласовании прилагательных по числу		

a) Sing # Plur в пассивных конструкциях det + N + cop + part	<i>74000 emplois nouveaux sont créés</i>	214
б) Sing # Plur в конструкциях типа detpl + Npl + adjs	<i>les oeuvres littéraires</i>	215
в) Plur # Sing в конструкциях типа dets + Ns + adjpl	<i>dans le monde entier</i>	215
г) Sing # Plur в конструкциях типа detpl + Npl + coppl + attrs	<i>les employés sont satisfaits</i>	215
д) Plur # Sing в конструкциях типа dets + Ns + cop + adjpl	<i>le niveau est beaucoup plus élevé</i>	215
1.2.3. Девиации в согласовании по роду и числу	<i>elles sont persuadées</i>	216
Согласование причастий прошедшего времени	<i>ils ont déjà lus</i>	217
1.2.4 Девиации в координировании форм существительного и глагола		
a) Sing # Plur	<i>les statistiques indiquent</i>	217
б) Plur # Sing	<i>le nombre de femmes a augmenté</i>	217
в) Plur # Sing в безличных выражениях	<i>on devait réduire les gaz</i>	219
1.3. Девиации в выражении градуированного качественного признака		
1.3.1. Девиации в выражении компаратива. суперлатива и элитива	<i>la chose la plus principale</i>	221
Девиации в выборе наречия в сравнительных конструкциях	<i>de manière si catégorique qu'en Europe</i>	222
Девиации в выборе союза в сравнительных конструкциях	<i>aussi martiale comme lui-même</i>	223
Девиации в выборе наречия и союза	<i>les moyens... ne sont pas si agressifs et violents comme ceux des amis des bêtes</i>	223
Девиации в выражении ограничения	<i>la terre a seulement un compagnon</i>	223
1.4. Девиации в выражении определенности, количества и партитивности		
1.4.1. Определенный артикль вместо неопределенного артикля и партитива		
Неопределенный артикль указывает на принадлежность референта множеству таких же референтов : Конструкция <i>c'est</i> и ее аналоги	<i>C'est le logiciel capable de</i>	227
Неопределенный артикль вводит «новое» в дискурс		227
a) конструкция <i>il y a</i> и ее аналоги	<i>il y a le jeu de mots dans le titre</i>	227
б) конструкции с глаголами типа «создавать» или с отглагольными существительными:	<i>les femmes afghanes ont créé le journal</i>	228
в) конструкции с глаголом <i>avoir</i> и аналоги	<i>on aime les gens qui ont le beau visage</i>	228
г) конструкции с другими прямо-переходными глаголами	<i>la possibilité de trouver les copains dans le monde</i>	229
Комбинация двух признаков		
a) в конструкциях N de N.	<i>la soutenance de la thèse peut être considérée</i>	230
б) с различными предлогами	<i>d'après le sondage</i>	230
В устойчивых выражениях		
a) с союзом <i>comme</i>	<i>utilisés comme les objets culturels nomades</i>	230
б) <i>jouer un rôle</i>	<i>la lecture joue le rôle important dans la formation de l'intelligence</i>	230
Выражение количества		
a) «некоторое количество»	<i>la grande partie des salariés</i>	231
б) «множественность», <i>les</i> вместо <i>des</i>	<i>je connais les familles où le père jette des coups de couteau à sa femme</i>	231
в) «часть». Определенный артикль вместо партитива	<i>les mafias font l'argent sur eux boivent l'alcool</i>	231
1.4.2. Неопределенный артикль вместо определенного		
Определенный артикль вводит референт со значением «единственный в своем роде»		
a) девиантные конструкции со значением «единственный», «самый»	<i>c'est un seul pays de l'UE</i>	232
б) при существительном, обозначающем уникальное явление	<i>il faut trouver un milieu d'or</i>	233
Определенный артикль при существительном в обобщенном значении	<i>cette invention excellente, c'est un livre</i>	233
Определенный артикль для обозначения «старого» в дискурсе	<i>Sur cette image il y a un homme qui... Un homme est un héros principal</i>	234
«Множественность»: <i>des</i> вместо <i>les</i>	<i>l'attitude envers des étudiants étrangers</i>	234
1.4.3. Неоправданный пропуск артикля		
Пропуск артикля с существительным в различных синтаксических ролях		

а) подлежащее	<i>Livre peut être adaptable</i>	235
б) именная часть сказуемого	<i>la plupart des chatteurs sont jeuns de 25 à 35 ans</i>	236
в) прямое дополнение	<i>Taylor employait méthodes scientifiques</i>	236
г) после различных предлогов (косвенное дополнение)	<i>sauf Américains</i>	237
д) смешение с устойчивыми выражениями	<i>les jeunes ont besoin vital d'être différents</i>	237
С неопределенными детерминативами	<i>le résultat est suivant</i>	238
С числительными	<i>au cours de deux dernières années</i>	239
С некоторыми местоимениями	<i>les jumeaux... sentent l'absence d'autre</i>	239
Пропуск частичного артикля	<i>l'apparence physique a donc importance</i>	239
1.4.4. Неоправданное наличие артикля		
Неуместный артикль в синтаксической конструкции N cop N2	<i>qui étaient les féministes</i>	240
Неуместный артикль в функции обособленного определения	<i>J.M.G, le médecin du sport, pense que</i>	241
Артикль с именами собственными	<i>le Dieu a créé</i>	241
Неуместный артикль после некоторых глаголов	<i>je m'occupe de la littérature ancienne russe</i>	242
Неоправданное наличие артикля или детерминатива после некоторых союзных средств	<i>sans des examens</i>	242
Девииации в употреблении артикля с детерминативами	<i>il accepte donc des certains points</i>	244
1.4.5. Партиитив вместо неопределенного артикля		
	<i>il est assez difficile de trouver du logement en France</i>	246
1.4.6. Девииации в выборе артикля в некоторых синтаксических конструкциях		
Артикль в конструкциях, обозначающих дату	<i>les actes terroristes de onze septembre</i>	248
Нарушение правила « <i>de</i> вместо <i>des</i> перед прилагательным»	<i>ils sont des très bons spécialistes</i>	249
Девииации в отрицательных конструкциях		
а) формы <i>du, de la, de l', des</i> вместо <i>de</i>	<i>il n'y a pas du respect entre la femme et le mari</i>	250
б) предлог <i>de</i> вместо артикля	<i>ils ne voyaient pas de poésie de corps dans la dance</i>	250
в) пропуск <i>de</i> в отрицательных конструкциях	<i>qui n'a pas la résolution directe</i>	251
Девииации в употреблении артикля в конструкциях art₁ N1 de art₂ N2		
а) определенный art ₂ вместо нулевого N1 выражает количество (<i>nombre, quantité</i>)	<i>la quantité croissante de l'information différente</i>	253
N1 выражает время	<i>le XX était un siècle des révolutions</i>	253
N1 слова-классификаторы	<i>ce genre du service</i>	253
N1 означает «нехватка, отсутствие»	<i>le manque de l'amour</i>	253
N1 означает «способ»	<i>le nouveau moyen de la communication</i>	253
б) пропуск определенного артикля art ₂	<i>une autre image d'enseignant</i>	254
в) пропуск неопределенного артикля art ₂	<i>la création de site Internet</i>	254
г) неопределенный art ₂ вместо нулевого	<i>sa réputation d'une terre d'asile</i>	255
д) определенный art ₂ вместо неопределенного	<i>L'utilisation du pseudonyme permet créer</i>	255
1.4.7. Девииации в употреблении прочих детерминативов		
Артикль вместо притяжательного прилагательного	<i>avec nos parents, plus exact, avec la mère</i>	256
Определенный артикль вместо указательного прилагательного	<i>le temps dernier</i>	257
Детерминатив <i>quelque</i> вместо неопределенного артикля		
а) вместо артикля в единственном числе	<i>les Schtroumpfs habitent dans quelque village dans la forêt</i>	257
б) вместо артикля во множественном числе	<i>Aujourd'hui il y a quelques médecins qui pratiquent le rire</i>	258
Девииации в употреблении детерминатива <i>tel</i>		
а) <i>tel # ces</i>	<i>les gens s'accoutument aux tels produits</i>	259
б) <i>tel</i> как антецедент относительного местоимения	<i>il y a mêmes telles qui permettent être infidèles</i>	259
в) <i>tel N # un N semblable, un N de ce genre</i>	<i>Les enfants dans telle garderie pensent qu'ils sont malades</i>	260
1.5. Девииации в выражении залоговых, темпоральных и модальных отношений		
1.5.1. Девииации в выборе залога		

Девииантный выбор действительной, страдательной и местоименной форм глаголов		
а) действительный залог вместо страдательно-го, и наоборот	<i>beaucoup d'attention a donné à l'information</i>	263
б) местоименная форма глагола вместо действительного залога	<i>le monde du travail se change radicalement</i>	264
в) формы действительного залога вместо местоименной формы глагола	<i>ils ressemblent l'un l'autre</i>	264
Девииации в образованиях каузативных конструкций		
а) неправильный выбор глагола	<i>pour faire leur travail supportable</i>	266
б) неоправданное использование каузативной конструкции	<i>dont le but est de faire promouvoir la formation française</i>	267
Девииации в образовании безличных выражений		268
а) неопределенно-личное местоимение <i>on</i> вместо безличного <i>il</i>	<i>on me semble que pas chaque personne invalide a l'ordinateur</i>	268
б) неоправданное использование безличной конструкции с <i>on</i>	<i>chez les plus petits il est question de les apprendre à lire d'une façon qu'on n'ait pas haine pour la lecture</i>	269
в) неоправданное использование безличной конструкции	<i>il y a une idée qu'au XXI siècle</i>	269
г) смешение форм <i>lui-même</i> и <i>soi-même</i>	<i>les ouvriers ont reçu du temps pour soi-même</i>	269
1.5.2 Девииации в выборе времени		
Passé Composé или Imparfait вместо настоящего времени	<i>actuellement les foyers pouvaient utiliser(actuellement... s'est déroulé</i>	271
Imparfait вместо passé composé и наоборот	<i>ce problème existait toujours</i>	271
Девииации в согласовании времен (concordance des temps)	<i>il était mort, envoyé par un cancer</i>	272
1.5.3 Девииации в употреблении времен и в залогов причастий и герундия		
Проблемы образования герундия	<i>la surveillance renforcée aide à tenir en échec toutes sortes de criminels bien gardant le droit de la vie privée (tout en gardant)</i>	274
Причастие прошедшего времени # Причастие настоящего времени	<i>le nombre des étudiants désirés étudier en France augmente</i>	274
Причастие прошедшего времени # Форма прошедшего времени причастия настоящего времени	<i>le nombres des entreprises acceptés cette accord</i>	275
Причастие настоящего времени # Причастие прошедшего времени	<i>pour avoir le travail bien payant</i>	275
Причастие настоящего времени # Герундий	<i>la surveillance renforcée aide à tenir en échec toutes sortes de criminels bien gardant le droit de la vie privée</i>	275
Причастие прошедшего времени # Герундий	<i>Eric a signé le document ayant rayé son passé</i>	276
1.5.4 Смешение наклонений		
Изъявительное вместо сослагательного	<i>bien que les sociétés sont différentes</i>	277
Сослагательное вместо изъявительного	<i>ils espère que cela leur rende plus heureux</i>	278
Смешение сослагательного и условного наклонений	<i>ouvrir le nouveau bureau où les étudiants étrangers puissent obtenir le titre de séjour</i>	279
Будущее время изъявительного или условное наклонение после <i>SI</i>	<i>si ces mesures ne seront pas efficaces</i>	279
1.6. Девииации в выражении транзитивности и интранзитивности		
1.6.2. Девииации в выборе третьего компонента синтагмы (дополнения)		
NprepN # N prepVb.inf	<i>les responsables ne peuvent pas obtenir la permission à l'édification de nouvelles mosquées</i>	288
N prepVb.inf # NprepN	<i>ils trouvent de nouveaux sujets à réfléchir</i>	288
1.6.3. Девииации выборе предлога		
Вершина синтагмы – имя существительное		
а) N prep N.	<i>qui s'occupe du paiement au loyer</i>	288
б) N prep Vb infinitum	<i>la capacité lire et analyser</i>	290
Вершина синтагмы – имя прилагательное	<i>les élèves ne sont pas prêts travailler</i>	290
Вершина синтагмы – глагол		
а) Вершина синтагмы – безличная конструкция с инфинитивом: impers prep vb	<i>il est possible parler virtuellement</i>	291
б) Vb prep Vb inf	<i>ils ne veulent pas aider construire</i>	292

в) Vb + prep + N	<i>apprendre les élèves à apprendre</i>	294
Девииации в синтагмах типа: Предикат + предлог + обстоятельство		
а) обстоятельство места и времени	<i>il se produit aux cabarets et aux attractions</i>	306
б) другие обстоятельства	<i>mais sauf les faits positifs il y a bien sûr des problèmes</i>	308
Вершина синтагмы – слова, выражающие количество: наречия, местоимение	<i>mais assez avantages existent</i>	308
1.6.4. Девииации в выражении именной части сказуемого		
Отсутствует связка	<i>la seule chose indispensable - la présence d'une certaine logique</i>	310
Местоимение <i>se</i> лишнее	<i>la chose la plus importante est ce que les gens n'auront pas besoin de travailler</i>	310
Девииации при именной части, выраженной инфинитивом		
а) Отсутствует предлог <i>de</i>	<i>son but est donner à tous les élèves les possibilités</i>	310
б) Предлог <i>de</i> заменен предлогом <i>à</i>	<i>la tradition c'est à boire beaucoup</i>	310
в) Предлог <i>de</i> лишний	<i>apprendre à lire d'après la «méthode Pennac» c'est de consacrer un certain temps à la lecture qui sort du programme</i>	310
Пропуск союза <i>comme</i> в конструкциях с глаголом <i>considérer</i>	<i>considérer les forêts les absorbeurs de gaz</i>	311
1.6.5. Девииации в выборе союза в изъяснительных предложениях и косвенной речи	<i>je ne suis pas sûre s'il existe quelques moyens assez efficaces</i>	311
2. Девииации в выражении коммуникативных значений		
2.1. Девииации в выражении анафорических отношений		
2.1.1 Девииации в употреблении личных местоимений		
а) <i>les # leur</i>	<i>pour les répondre</i>	313
б) <i>leur # les</i>	<i>les parents ne leur connaissent presque pas</i>	314
2.1.2. Девииации в употреблении указательных местоимений		
Смешение близких по звучанию форм		
а) <i>ce # ceux</i> и наоборот	<i>Ceux derniers argumentent leurs protestes</i>	314
б) <i>ce # ça</i>	<i>ce peut changer la situation économique</i>	315
Пропуск указательного местоимения в составе относительной конструкции	<i>C'est tout que la mairie peut faire pour les étudiants étrangers</i>	315
Девииации в употреблении указательного местоимения <i>celui</i>		315
Девииации в конструкциях после <i>celui</i>		
а) пропуск артикля после <i>celui</i>	<i>il existe une nouvelle menace, celle de terrorisme</i>	316
б) <i>celui</i> с прилагательным	<i>on reçoit à l'école plutôt les compétences théorique que celles pratiques</i>	316
в) <i>celui</i> с причастием	<i>les jeunes choisissent un métier plus sûr au lieu de celui aimé</i>	316
г) с другими предлогами, кроме <i>de</i>	<i>les tendances opposés à ceux en France</i>	316
д. <i>celui</i> лишний	<i>la troisième difficulté est celle que certains sites sont inaccessibles</i>	317
е) пропуск <i>celui</i>	<i>un des thèmes les plus discutés était des puits de carbons</i>	317
Смешение <i>celui # celui-ci / celui-là</i>		
а) <i>celui-là #</i> личное местоимение или <i>ce dernier</i>	<i>bien que la situation autour l'islam soit très compliqué maintenant celui-là est sous control d'Etat</i>	317
б) <i>celui-ci # celui</i>	<i>la conférence de Rio était moins directe que celle-ci à la Haye le 25-26 2000</i>	317
в) <i>celui # celui-ci</i>	<i>cependant, celui ne prépare pas les jeunes à la spécialisation</i>	318
2.1.3 Девииации в употреблении относительных местоимений		
Девииации в выборе формы одушевленное / неодушевленное	<i>la rubrique dans quelle l'article a été publiée s'intitule</i>	318

Девииации в употреблении формы <i>dont</i>	<i>la beauté est le don duquel on peut profiter</i>	319
а) <i>dont</i> заменен на <i>duquel, desquels</i>	<i>les moyens d'atteindre le succès un desquels est le look</i>	319
б) <i>dont</i> использован вместо другого местоимения	<i>la place dont le livre occupe</i>	319
в) Ошибки с относительным местоимением <i>où</i>	<i>14-15 ans, c'est l'âge, quand les adolescents commencent à travailler à la mine</i>	319
2.2. Девииации в отрицательных конструкциях		
2.2.1. Лишние частицы	<i>il n'y avait pas d'un seul examen</i>	321
2.2.2. Пропуск частиц	<i>nous ne nous rendons compte</i>	323
2.2.3. Замена частиц	<i>il ne faut pas aussi oublier la migration</i>	324
2.3. Девииации в выражении вопроса	<i>Pourquoi le nombre des internautes grandit?</i>	324
2.4. Девииации в области порядка слов и пунктуации		
2.4.1 Девииации в порядке слов		
Перестановка отдельных членов предложения		
а) OSV # SVO		
- когда O – прямое дополнение	<i>toute expérience j'apprécie énormément</i>	325
- когда O – косвенное дополнение	<i>à JCP l'Internet était utile pour réunir les personnes handicapées</i>	326
б) OVS # SVO	<i>la majorité de sa population constituaient les paysans</i>	326
в) Circ VS # Circ SV	<i>au congrès a été présenté un projet de loi</i>	327
Перестановка отдельных частей речи		
а) наречие	<i>ils certainement ferons partie de l'élite</i>	327
б) прилагательное		
Adj + N # N + Adj	<i>il étudie les récents chiffres</i>	328
N + Adj # Adj + N	<i>je suis un professeur futur</i>	329
в) детерминатив	<i>tels pays que la Suisse et les Pays-Bas ont autorisé l'euthanasie</i>	329
г) местоимение	<i>on n'y s'arrête pas</i>	329
Порядок частей в сложном предложении	<i>la situation n'est pas critique comme le Fonds spécial aide les handicapés d'avoir l'équipement nécessaire</i>	330
2.4.2 Девииации в пунктуации		
а) лишняя запятая перед зависимой частью сложноподчиненного предложения	<i>on peut conclure, que le monde a changé</i>	331
б) ошибки в использовании тире	<i>la seule chose indispensable - la présence d'une certaine logique</i>	331
в) недостающие знаки препинания	<i>d'abord cela produit le conflit</i>	332